

Издание осуществлено при поддержке
Санкт-Петербургского научного центра РАН
и Социологического института РАН
в рамках серии «Памяти ученого»

3–5 апреля 2008 года
Санкт-Петербург

Сборник подготовлен к печати О. Б. Божковым, Б. О. Божковым.

Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Бильбо, 2008. — 320 с.

ISBN

Сборник включает тексты докладов, представленных на первые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства, которые состоялись 3–5 апреля 2008 года в Санкт-Петербурге.

Тематика чтений представляет круг научных проблем и интересов В. Голофаства (1941–2004) и руководимого им сектора СИ РАН. Книга адресована обществоведам, в первую очередь социологам, культурологам, историкам. Рекомендуется студентам и аспирантам.

Российская академия наук
Социологический институт
Леонтьевский центр
Европейский университет в СПб
Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС)

Вторые социологические чтения
Памяти **Валерия Борисовича Голофа**ста

Социология вчера, сегодня, завтра

3—5 апреля 2008 года
Санкт-Петербург

ВАЛЕРИИ ГОЛОФАСТ

СУДЬБА СОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Олег Борисович БОЖКОВ (рук. группы, с.н.с. СИ РАН)

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: НУЖНА ЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА?

Название моего выступления — это реакция на ряд статей, появившихся в последние годы на страницах разных журналов. В том числе, на статьи Лорана Тевено и Джеффри Ходжсона, опубликованные в журнале «Неприкосновенный запас» (№ 3, 2004). Оба эти автора предлагают задуматься над тем, что современной социологии настало время пересмотреть свой «проект». Тевено, в частности, пишет: *«Возвращение к теории действия является, однако, недостаточным, чтобы в полной мере охарактеризовать процесс обновления современных социологических теорий. Я укажу три пункта, которые, как мне кажется, маркируют это обновление, а напоминание об основополагающем жесте, учредившем науку об обществе, позволит нам увидеть в каждом из этих пунктов один из ключевых аспектов основания этих наук. Благодаря исследовательским разработкам, ведущимся в этих пунктах, проект науки о жизни в обществе снова ставится под вопрос или, по крайней мере, пересматривается и углубляется».*

Эти три пункта: блага, реальность и масштаб или горизонт отношения с миром. Комментируя их, Тевено в каждом находит определенные противоречия и приходит к следующему выводу: *«Неоднократное признание утраты социологической теорией своей целостности, как кажется, противится любой надежде на обретение ею единой идентичности. Можно, однако, стремиться объединить подходы, на первый взгляд столь мало совместимые друг с другом, не ограничиваясь при этом бездумным принятием эклектизма, признающего за каждым течением право на существование».*

Характерен один из подзаголовков статьи Тевено — Социология и общество: как выйти из порочного круга?

Не только европейцы ощущают кризисное состояние современной социологии. Ж. Тощенко в программной статье «Социология жизни как концепция исследования социальной реальности» (Социологические исследования, 2000), также реагирует на ощущение кризиса и предлагает своеобразный выход или новый «проект» социологии.

Симптомы кризисного состояния фиксирует также В. П. Култыгин в обзоре материалов одного из последних конгрессов Международной социологической ассоци-

ации¹. По свидетельству В. П. Култыгина, в мировой социологии весьма остро стоят вопросы о взаимодействии теоретической социологии с «социальной теорией». Даже вопрос об объекте и предмете социологии оказывается дискуссионным. В частности, он обращает внимание на доклад А. Турена «Социология без общества». По мнению А. Турена «общество, рассматриваемое как совокупность норм, институтов, процессов, изменений, было «преодолено». Произошло это главным образом под влиянием мировой политики с одной стороны, и экономической деятельности — с другой»². Далее Турен заключает: «Возникает вопрос, можем ли мы переосмыслить, переформулировать область социологии, или должны признать, что дни её сочтены и её следует заменить новыми подходами, а существующие социологические концепции включить в другие социальные науки?»

Можно выделить целый ряд симптомов кризиса: «растворяется» объект социологии — общество; проявляется скепсис относительно теоретических построений; теряется и предмет социологии; наблюдается определенное пренебрежение методикой и методологией получения социологического знания³; социологический анализ все чаще уступает место эссенстике и публицистике.

С одной стороны, речь идет о «Социологии без общества», с другой — у многих вызывает недоумение тот факт, что человек «не входит в предмет» социологии и социология оказывается безлюдной. Попытки поставить человека (индивида, личность) в центр внимания социологии, на мой взгляд, — есть явная ревизия предмета социологической науки⁴.

Факты, не укладывающиеся в теоретические рамки

Основания для ощущения кризиса, безусловно, имеются. Хотя, прежде всего, стоит заметить, что кризисные состояния нормальны для любой науки. Так что не

¹ В. П. Култыгин Облик социального мира в современной социологической мысли. // Социологические исследования, 2003.

² Там же, с. 11

³ Чрезмерное, на мой взгляд, увлечение так называемыми качественными методами, процедуры которых «уникальны» и плохо воспроизводимы — одно из ярких проявлений пренебрежения методикой. Здесь необходимо сделать существенную оговорку. Я вовсе не противник качественных методов. Более того, в последние годы активно использую их в своих проектах. Но, обращаясь в качественным данным (глубокие интервью, биографии людей, дневники и т. п.) пытаюсь разрабатывать и использовать такие процедуры, которые и другие исследователи могли бы воспроизвести и, таким образом, подтвердить или опровергнуть полученные нами выводы. Впрочем, в этом противостоянии «количественников» и «качественников», опять-таки, на мой взгляд, многое замешано на нечеткости и неопределенности терминологии.

⁴ Впрочем, не буду более задерживаться на этих трудных, но принципиальных вопросах. Весьма убедительно этот вопрос рассмотрен в статье — А. Б. Гофман Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности. // Социологические исследования, 2005, № , с. 18–25.

стоит сильно огорчаться и впадать по этому поводу в алармизм или панику. Прежде всего, ощущение кризиса вызывают факты, которые невозможно объяснить с помощью существующих теоретических построений. Что же это за факты?

Конечно же, это процессы глобализации. Об этом сегодня не пишет разве что очень ленивый. Однако в бурном потоке публикаций на эту тему опять-таки больше публицистики, нежели детального и серьезного описания и анализа фактов.

Перестройка в СССР и вызванная ею перестройка в мире, с одной стороны, немало способствовала усилению процессов глобализации, а с другой — обнаружила «несовершенство» существовавших к тому времени теоретических построений. Не только политологи, но и социологи на западе оказались совершенно не готовы к такому повороту событий. И перестройку, и развал СССР «прозевали» и те, и другие.

Влияние ускоряющихся темпов развития техники — прежде всего электронной — на самые разные стороны жизни и на поведение людей. Здесь в первую очередь следует отметить не только собственно развитие техники, но все большую её доступность для людей разного уровня достатка, образования и культуры.

Это, если угодно, первый круг оснований кризисного состояния социологии. И круги расходятся дальше. Под влиянием названных факторов изменяются и перераспределяются функции государства и общества. Длительные процессы создания европейского рынка, а затем и Европейского Союза — наглядное тому свидетельство.

В то же время изменяется и система ценностей. Все громче декларируются так называемые гуманистические ценности, а фактически жизнь человека никогда не ценилась так низко, как в конце XX и в начале XXI века. Моральные нормы и правила отступают перед цинизмом не только в политике, но и в повседневном обиходе. Когда говорят: «нынче век прагматизма» — это скорее отговорка, ибо она ничего не объясняет.

Какой прагматизм руководит действиями, скажем, футбольных фанатов или международных террористов? Характерно, что среди террористов люди из самых разных слоев общества: и бедные, и богатые; и почти неграмотные, и хорошо образованные; и верующие, и неверующие.

Все эти факты требуют аккуратного описания, систематизации и только потом — объяснения. Естественно, для объяснения новых фактов могут потребоваться новые теории.

Нужна ли новая программа (проект) социологии?

Очень популярным было и остается сравнение социологии (шире — гуманитарных наук) с естественными науками. Сравнение явно не в пользу социологии. Но и физика, и химия, и даже геометрия переживали весьма острые кризисы. Выходом из этих кризисов во всех случаях было появление новых теорий, вовсе не опровергающих и не отменяющих старые. Теория относительности не отменила и не заменила ньютонову механику; геометрия Лобачевского не отменила и не заменила евклидову

геометрию. При этом ни в физике, ни в геометрии и речи не было о пересмотре программ (или проектов). И, конечно же, не было серьезных сомнений ни в объектах, ни в предметах этих наук.

Чем же не устраивает программа социологии, сложившаяся к 60-м — 70-м годам XX века? Исчезает ли общество? Почему надо пересматривать предмет социологии, который четко отличается от предметов других наук об обществе? Не странно ли звучит идея А. Турена о том, чтобы «существующие социологические концепции включить в другие социальные науки»? Ведь у каждой из этих других наук есть свой собственный предмет. Сегодня общепризнано, что в мире существует много обществ, обладающих своими особенностями. Но у них есть и немало общего, того, что позволяет нам считать их именно обществами. Они состоят из многочисленных общностей, между которыми складываются определенные общественные отношения, формируются (естественным путем) социальные институты. Все эти элементы не находятся в застывшем состоянии, но подвержены изменениям, т. е. социальным процессам. Именно эти четыре компонента и составляют в совокупности предмет социологии, как науки об обществе.

Любое общество изменяется под влиянием разных факторов, вместе с обществом изменяются и входящие в него люди. Вспомним фразу, вложенную М. Булгаковым в уста мессира Воланда: «Что москвичи? Люди, как люди. Вот только квартирный вопрос их испортил». И сегодня о москвичах, петербуржцах да и вообще о россиянах можно сказать то же самое. Только вот «испортил» их не только квартирный вопрос — факторов, «портящих» людей стало больше. Появились новые общности, которых не было раньше, но «материал» для них уже был. Отношение к этим новым общностям и отношения между ними еще не сформировались окончательно. Вот это и есть предмет социологии.

Владимир Александрович Ядов очень толерантный человек, но в последнее время он как-то нервно и резко реагирует на любые упоминания о кризисе в социологии. Он категорически не согласен с этим. Более того, он не только настаивает на том, что нет никакого кризиса, но и активно использует тезис о полипарадигмальном этапе современной социологии. Вообще идея полипарадигмальности сегодня чрезвычайно популярна. Я думаю потому, что сторонники этой идеи полагают, будто она снимает и методологические, и теоретические проблемы. Однако с этим трудно согласиться.

Во-первых, здесь нет ничего нового. С самого начала, когда О. Конт придумал название для этой науки, в социологии мирно сосуществовали разные парадигмы. В данном случае этим словом я обозначаю самые общие черты таких разных концепций, как представление о предмете социологии самого О. Конта, теоретические воззрения К. Маркса, его концепции «человека экономического» и «смены общественно-экономических формаций». Веберовская концепция социологии, как «понимающей науки», также может рассматриваться в качестве самостоятельной парадигмы. И названные здесь, и неназванные «парадигмы» несводимы друг к другу. Я не стал бы утверждать, что они взаимно дополняют друг друга. Но они в той или иной степени способствуют более глубокому пониманию природы общества как специ-

фического объекта науки и, вместе с тем, артикулируют особенности социологического взгляда на этот объект в отличие от исторического, экономического, психологического, политического и т. п. взглядов.

Что касается «общей социологической» теории, то мне лично более импонирует позиция последовательной теоретической преемственности Майкла Буравого, с которой он рассматривает теоретические изыскания своих коллег в блестящей рецензии¹ на две книги «Капитализм без капитализма»² и «Постсоциалистические траектории: трансформации политики и хозяйства в Восточной и Центральной Европе»³

А если вернуться к тому, с чего я начал, то хотя Лоран Тевено и проявляет сильную озабоченность состоянием социологической теории, хотя и ставит вопрос о корректировке «проекта социологии», но его позиция отнюдь не радикальна. Он, также как и Майкл Буравой, настаивает все-таки на соблюдении теоретической преемственности и, прежде всего, видит свою задачу в том, чтобы «выявить специфические особенности проекта социологии», а не «изобретать велосипед».

¹ Майкл Буравой. Неоклассическая социология: от конца коммунизма к концу классов.

² Making Capitalism without Capitalists: the new ruling elites in Eastern Europe by Gill Eyal, Ivan Szelenyi and Elesnor Townsley, London & New York: Verso Books, 1998.

³ Postsocialist pathways; Transforming politics and property in East Central Europe by David Stark and Laszlo Bruszt. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

ЗА ОТКРЫТУЮ СОЦИОЛОГИЮ

1. Понятие открытой социологии не имеет терминологического статуса, и пока это выражение может рассматриваться скорее как метафора. Ближе всего оно к ныне утвердившемуся понятию публичная социология, введенному М. Буравым.

Согласно Буравому, могут быть выделены четыре типа (социологического) знания: профессиональное (professional), прикладное (policy), публичное (public) и критическое (critical).. Эта классификация вытекает из предложенного М. Буравым модельного представления, в основе которого — различение социологического знания:

а) по его характеру, или типу задач: инструментальное знание versus рефлексивное знание;

б) по адресу: академическая аудитория versus вне-академическая аудитория. (М. Буравой. За публичную социологию — http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_8634.html)

Профессиональная социология, по М. Буравому, есть инструментальное знание для академической аудитории; прикладная социология есть инструментальное знание для вне-академической аудитории; публичная социология есть рефлексивное знание для вне-академической аудитории; критическая социология есть рефлексивное знание для академической аудитории.

Разумеется, это типы идеальные, в «чистом виде», пожалуй, невозможные; их границы нестабильны, понятия перетекают друг в друга и т. д.

2. Наша попытка дальнейшей концептуализации позволяет обозначить следующие аспекты публичной социологии:

а) ее общественный характер, в смысле направленности на служение обществу в целом, а не какой-либо его части (скажем, элите, будь то научная, политическая, деловая...);

б) актуальность, в смысле преимущественного сосредоточения на решении таких научных проблем, которые вырастают из... или стимулируются необходимостью разрешения актуальных общественных диспропорций, конфликтов, противоречий;

в) демократичность, в смысле непосредственной предназначенности результатов научного изыскания публике, в пределе — общедоступности;

г) диалогичность, в смысле интерактивности как между исследователем и социальной общностью, выступающей объектом изучения, так и между исследователем и обществом как потребителем социологической информации;

д) гражданственность, в смысле активной жизненной и научной позиции исследователя, обращенности лицом к гражданскому обществу, защиты трудовых и социальных прав и т. д. (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_public.html; http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_7987.html).

3. Обобщая, можно сказать, что публичная социология есть социология открытая раг excellence. Открытая для людей — как информантов исследователя, так и его партнеров в изыскании и потребителях социологической информации.

Открытая социология — это социология для общества и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата (как формулирует М. Буравой). Это — в наибольшей степени независимая социология (хоть абсолютная независимость и невозможна...). Свободная (разумеется, относительно...), а точнее — преодолевающая давление со стороны как внешних для социального института науки сил (государство, рынок), так и изнутри профессионального сообщества (имея в виду всевозможные писанные регламенты и неписанные обыкновения).

С учетом всего сказанного, открытая социология, в сущности, может рассматриваться как интегральное определение социологии публичной, или общественной. Причем важно, что это не ценностная, а объективная характеристика, выводимая из самого предмета рассмотрения, а не приписывающая предмету некие позитивные (с точки зрения аналитика) качества.

Публичная, открытая социология, будучи идеальным типом, есть некоторая точка отсчета и некий аттрактор, своего рода потенция адекватных взаимоотношений социологии и общества.

4. Думается, что можно установить определенную преемственность, обнаружить предосхищение идей публичной социологии (без этого термина, разумеется) и в «социологическом воображении» Ч. Р. Миллса, и в «рефлексивной социологии» А. У. Гулднера, и в «социологии действия» А. Турена. Здесь не будем углубляться в генезис этих идей.

5. В какой мере «открытой» является современная российская социология? Не следует предъявлять это требование как универсальное ко всякому социологическому изысканию. Открытость прикладной или профессиональной социологии, не говоря уж о критической (в смысле Буравого), может быть весьма ограниченной. Однако важно, чтобы труд социологов не сводился к производству только инструментального знания и чтобы это знание адресовалось не только профессионалам (будь то коллегам или заказчикам). Понятно, что и в публичности (открытости) возможно определенное разделение труда.

6. Полноценная открытость возникает либо в ситуации независимости социологической институции от государства или рынка (что редко вполне достижимо), либо при соответствующей ценностной и этической позиции исследователя или исследовательского коллектива. Вообще говоря, общественность всегда имеет право знать о результатах социологического исследования, в которое она была так или иначе вовлечена (например, в качестве опрашиваемых...), равно как и способы получения этих результатов (методики, процедуры) не должны быть предметом «профессиональной тайны».

Этот императив открытости действует далеко не всегда.

7. Так, например, можно ли говорить об открытости (прозрачности...) исследовательского электорального поведения, если способы построения электоральных прогнозов останутся скрытыми не только для публики, но и для коллег-профессионалов? Что

важнее для науки и общества: заранее знать, какими будут результаты выборов по данным избирательных комиссий, или реалистично оценить меру достоверности этих результатов, будь то в плане явки на выборы или распределения голосов?

Начнем с положительного примера.

«Директор... Независимого института социально-экономических и политических исследований (Беларуси. — А. А.) Олег Манаев, ссылаясь на соцопрос, проведенный в конце марта — начале апреля (2006 г. — А. А.), заявил, что президента в стране поддерживают 63,6% избирателей, а не 83%, как сообщил Центризбирком по итогам выборов... Лидера оппозиции на состоявшихся президентских выборах поддержали 20,6% избирателей (по данным Центризбиркома — 6,1%). В свою очередь председателя Белорусской социал-демократической партии (Грамада)... поддержали 4,8% (по данным ЦИКа — 2,2%), а руководителя Либерально-демократической партии... 2,1% (по данным Центризбиркома — 3,5%) избирателей

Можно говорить о том, что в пользу действующего президента «перераспределено» почти 20% голосов, что составляет около 1 млн. 200 тыс. человек. В то же время количество голосов, поданных за альтернативных кандидатов, наоборот, уменьшено в разы: за Козулина — более чем вдвое, за Милинкевича — более чем втрое...» (<http://mypinsk.com/2006/04/21/fals.html>).

Вывод исследователя (О. Манаева. — А. А.): «Социальная база для перемен, несомненно, есть, однако готовность белорусского общества к переменам не следует ни недооценивать (что делает власть), ни переоценивать (что делает оппозиция)». (Сообщая также адрес сайта НИСЭПИ — <http://www.iiseps.org/>).

На наш взгляд, это пример именно открытой социологии в изложенном выше смысле.

8. С другой стороны, в состоявшемся у нас, в феврале 2008 г., под эгидрой Фонда общественной экспертизы (ФОБЭК), интересном и содержательном обсуждении причин того обстоятельства, что прогнозы ряда крупнейших опросных фирм касательно итогов парламентских выборов 2007 г. так разительно совпали — и друг с другом, и с результатами ЦИК (то же повторилось и на президентских выборах 2008 г.!) практически остались в тени используемые этими российскими фабриками общественного мнения «ноу-хау» построения своих прогнозов («Что происходит с российской социологией?» — http://fobex.ru/ArticleItem.aspx?groupId_1=19&itemId_1=99).

Здесь говорить об открытой социологии, как видно, пока не приходится.

9. Социология — это такая наука, которая, по крайней мере, в некоторых своих ипостасях может вмешиваться в само течение социальной жизни. Ныне получающие все большее распространение акционистские методы исследования (где действие служит познанию и наоборот) релевантны идее открытой социологии. К числу примеров названной социологии могут быть отнесены такие вовсе не сугубо научные институты, формы аналитической и общественной деятельности, как Фонд «Индем» (<http://www.indem.ru/>), «Фонд защиты гласности» (<http://www.gdf.ru/>), Институт «Коллективное действие» (<http://ikd.ru/>), группа «Что делать» в СПб (<http://www.chtdelat.org/>)... Здесь находим своего рода симбиоз структур науки и гражданского общества.

В принципе, иные журналистские расследования вполне могут трактоваться как «исследования случая», а иные отображаемые прессой эпизоды — как «тестовые» или моделирующие ситуации.

Социологические центры, являющиеся некоммерческими и негосударственными организациями, выступают своего рода кристаллизаторами независимой, открытой социологии, Яркими примерами здесь являются Аналитический центр Юрия Левады (<http://www.levada.ru/>), Московская высшая школа социальных и экономических наук, с «Интерцентром» в качестве научного подразделения (<http://www.msse.ru/>), Европейский университет в СПб (<http://www.eu.spb.ru/>).

Можно указать также на Центр независимых социологических исследований в СПб (<http://www.cisg.ru/>), исследовательскую группу «Циркон» в Москве (<http://www.zircon.ru/>), Центр социальной политики и гендерных исследований в Саратове (<http://www.socpolicy.ru/>), Центр независимых социальных исследований и образования в Иркутске (<http://www.cnsio.irkutsk.ru/>), Научно-исследовательский центр «Регион» в Ульяновске (<http://www.regioncentre.ru/>) и др.

10. Открытая социология — это, как правило, самоорганизующиеся институции, возникающие иногда в лоне университетских или академических структур, но потом отделяющиеся от них, а чаще — и сразу автономные. Они соединяют в своей деятельности заказные и инициативные исследования, завоевывают все больший научный авторитет (также и за рубежом), притягательны для отечественных и зарубежных инвестиций (в виде грантов). В естественной конкуренции с «традиционными» научными и образовательными учреждениями они все чаще выходят вперед, а в некоторых направлениях устойчиво лидируют.

Можно сказать, что такая социология преодолевает специфические формы ограниченности (а порой и ущербности...) как «профессиональной», так и «прикладной» социологической науки.

11. Открытая социология вовсе не обязательно реализуется в рамках организации, она может зародиться и воспроизводиться также (и даже в первую очередь) как пассионарные усилия отдельных людей, как незримые колледжи и, наконец, как своего рода общественные движения.

Всмотримся в такие общественные инициативы и формы самоорганизации, как: (а) необходимая оборона группы студентов соцфака МГУ от профанации социологического образования в ведущем вузе страны или (б) самооборона слушателей, выпускников и преподавателей ЕУСПб от прессинга не столько пожарных, сколько властей. Не являются ли то и другое не чем иным, как публично разворачивающимися case studies современных социокультурных, политических, экономических и т. д. процессов?

12. Как справедливо замечает М. Буравой, «успех публичной социологии будет зависеть от способности социологии создавать собственный объект — общество. А ее проектом могло бы стать ограничение государства и рынков общественной самоорганизацией и защитой прав человека или восстановление трудовых и социальных прав» (М. Буравой. Публичная социология прав человека — http://www.soc.pu.ru/inf/burawoy_pub.doc).

13. Не могу не солидаризоваться с В. Ядовым, который, отвечая недавно на вопросы журналиста, без колебаний отнес к событиям социологии минувшего года — события общественные, вроде публичного обсуждения состояния социологического образования, вызванного бунтом группы студентов МГУ, или судебного фиаско федеральных профсоюзных чиновников в их недавнем иске против социолога Карин Клеман» (<http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov.popup.html>)

Как известно, дело «ФНПР против социолога» было возбуждено в связи со статьей К. Клеман «Подъем рабочего и профсоюзного движения», опубликованной в августе 2007 г. на сайте возглавляемого ею Института «Коллективное действие» (<http://www.ikd.ru/node/3510>). В этой ситуации научно-исследовательский комитет «Социология труда» Российского общества социологов обратился в суд с энергичным заявлением в защиту коллеги, и это публичное действие оказалось эффективным: (<http://forum.msk.ru/material/news/409990.html?pf=1&mid=410036>).

14. Другой случай. В ноябре 2007 г. социологи — специалисты в проблематике трудовых отношений выступили с Обращением к общественности и правительственным структурам с твердой, гражданственной постановкой вопроса: «Наемные работники фактически лишены права на защиту своих интересов». Это Открытое письмо (в защиту забастовщиков, чьи действия формально признаются незаконными), многократно воспроизводившееся в Интернете (<http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov.popup.html>), получило большой общественный резонанс, и дало повод для рассмотрения вопроса о внесении поправок в Трудовой кодекс в высших эшелонах власти. (см. также заметку В. Ядова «Хозяева и работники» — <http://www.liberal.ru/libcom.asp?Num=433>).

15. Здесь процитирую Карин Клеман, из ее ответов на вопросы к заседанию Круглого стола по публичной социологии, в рамках конференции «Социология в современном российском обществе: диагноз тенденций и перспектив» (Москва, декабрь 2007):

«Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния? - Вправе или нет, это неправильная постановка вопроса, поскольку в любом случае, как любой вид деятельности, социология влияет на общество. Чаще всего утверждают, что не имеют право влиять только те социологи, которые как раз больше всех влияют, правда, исключительно в сторону стабилизации и сохранения «статус-кво». Однако блокировать социальные изменения — не меньшее влияние, чем им способствовать. Если вопрос о том, вправе ли социолог использовать свой статус и знание для сознательного воздействия на общество, ответу — да, вправе, как любой другой гражданин. Лучше, однако, если он этого не скрывает и делает это публично, указывая на то, что это его гражданская позиция, основанная на его знании» (http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_719.html).

16. В заключение, еще одно общее соображение..

Зависимость социологии в советские времена — от государственных, в постсоветские — от рыночных, а ныне — все больше от тех и других влияний не фатальна, и она может частично преодолеваться гражданственно ориентированными и нравс-

твенно мотивированными социальными исследователями. Вольнодумный и поисковый настрой зачинателей новейшей российской социологии (шестидесятники) имеет шанс возродиться в поколении не столько их «сыновей» (в массе своей, как нам кажется, тяготеющих к полюсам «инструментальной» и «прикладной» науки), сколько «внуков» (каковыми являются, например, многие слушатели Европейского университета в СПб...).

17. Подчеркнем, что ни в содержательном, ни в институциональном плане открытая (публичная) социология не есть некая антитеза другим «жанрам» социального исследования. Это своего рода стилевая характеристика, интенция, реализуемая в разнообразных социологических практиках.

18. Итак: понятия открытой (в нашем смысле) и публичной социологии (в смысле М. Буравого) во многом совпадают. Открытая социология есть общественная, актуальная, демократическая, диалогичная, гражданственная социология. Она открыта «миру» как предмету отображения, ансамблю акторов и адресу обращения. Она есть также независимая социология.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОЦИОЛОГИИ

Сфера образования является существенной частью социального мира. Обучение социологии все более широко встраивается в отечественное образование. Эмпирические исследования социального становятся все более настойчивыми и проникающими во все сферы жизни общества. Проблема, однако, состоит в том, насколько преподавание/учение, а также социологические исследования связаны с актуальной жизнью окружающего мира и человека в современном обществе.

К сожалению, я оцениваю эти взаимоотношения как достаточно слабые.

Недостаточность указанной связи легко обнаружить, анализируя, например, отечественные учебники по социологии — главный акцент в них на неких «академических» идеях и стандартах, а именно на знакомстве с терминологией, историей и теориями социологии, формальными методами — и фактически ничего об актуальной социальной реальности — ситуациях, фактах, коллизиях, обществе, духе современной эпохи и др. В том числе там трудно обнаружить коллизии, которыми наполнена жизнь современного человека, студента в том числе. Другие социальные дисциплины, как представляется, также далеки от коллизий современного мира и жизненных коллизий реального человека.

Как результат такой ситуации, несмотря на то, что каждый человек проводит в системах образования до двух десятков лет, он должен осмысливать особенности окружающего его реального мира, коллизии жизни окружающих людей и собственной жизни случайным образом, методом проб и ошибок, за рамками образовательных систем — школы, колледжа, вуза. Более того, даже если человек изучает вроде бы релевантные дисциплины, например, социологию, антропологию, психологию и др., эта деятельность для понимания реальной жизни дает ему совсем немного. Более того, мне представляется, что то тотальное отчуждение от человека, которое пронизывает форматы образования, и выливается затем в многочисленные «выпадания» людей из систем образования, накапливающую общую неудовлетворенность собой и обществом и, более того, агрессивность человека против общества в целом.

Эффект отчужденности и неэффективности наблюдается и другой социологической ситуации — если человек в роли респондента примет участие хоть в десятках социологических или иных исследований, как правило, это почти ничего ему не даст в плане понимания собственной и окружающей жизни. В этих исследованиях респондент каждый раз выступает только как исследуемый объект для академических целей исследователя.

Каждый раз и другие субъекты, участвующие в социологической деятельности (преподаватель или исследователь) — оказываются только институциональными фигурами, руководствуются, прежде всего, некими академическими требованиями и правилами, нисколько не доверяя ни окружающему миру, ни самим себе.

Оказывается, что ни одна учебная и научная дисциплина не интересуется проблемами реального общества, в котором живет конкретный человек. Даже социология не испытывает прямого интереса к реальному обществу, о чем свидетельствуют тексты всех учебников и проводимые в рамках дисциплины занятия. Мы не знаем, «не проходим» современное российское общество начала XXI века, у нас нет такого предмета или таких тем (есть только редкие локальные сюжеты). И жизнь человека обучающегося также неинтересна ни для одной дисциплины, и социология с психологией тут не исключение.

Ни в одной дисциплине мы не найдем осмысления специфики проживания жизни нынешним человеком в настоящее время, тем более жизни в таком серьезном городе, как Санкт-Петербург, тем более ни одну дисциплину не интересует осмысление проблем Васей Васильевым или Машей Машковой, ни социологию, ни литературу, ни историю, ни психологию и пр., разве лишь эти два человека представляют предмет персонального воздействия педагогики или медицины. Обществом широко разработаны только подсистемы патронажа, занимающиеся уже состоявшимися девиациями — больницы, милиции, тюрьмы, институты социальной помощи, психологические тренинги, и др., которые уже как бы интересуются проблемами реального конкретного человека, но уже в его специфическом статусе.

Все свои жизненные представления о себе самих и о современном обществе, в котором мы живем, мы получаем кустарным образом — чисто эмпирически, в ситуации повседневности, методом проб и ошибок. Глубина и широта этого постижения мира вокруг и мира внутри — это для самого индивида вещь принципиально латентная, поскольку здесь не имеется явных форм систематического «тренинга» и «мониторинга». Из-за того, что реальная жизнь малозначима и несущественна для учебы (а учеба длится годы), в конечном итоге глубоко проникают в каждого человека представления о малозначимости и несущественности своей собственной жизни, как следствие не возникает чувства ответственности за свою жизнь, тем более развернутых и глубоких представлений об этой жизни и ответственности.

Наука социология, занимается разными полезными вещами — разрабатывает понятия, теории, методы, проводит эмпирические исследования. Однако социологию не интересует открывание мира и осмысление жизни человеком для себя (даже тем же самым респондентом или изучающим социологию студентом), социологию интересуется человек лишь как объект социологической информации для нужд социолога, к тому же в рамках, придуманных и очерченных самим социологом. И даже так называемая качественная или гуманистическая социология, которая вроде бы обратилась к миру личности, к миру вокруг личности, все-таки рассматривает человека в качестве объекта исследования, изучает человека для своих нужд и скорее умиляется своей гуманистической позицией, чем как-то способствует благу отдельного человека, которого она изучает.

Человек в системе образования и в процессе жизни в целом не имеет систематической возможности и инструментария, чтобы разобраться с принципиальными сторонами окружающего его общества и принципиальными составляющими и аспектами своей собственной жизни. Например, проживая длинную череду лет в

системах отечественного образования, каждый человек несмотря на это не может актуализировать свои представления о личной значимости образования, о ценностях образования и образованности, о конкурирующих с образованием жизненных стратегиях, о ролях и функциях высшего образования в современном российском обществе и др. А ведь система образования не только «сеет разное, доброе, вечное» и обеспечивает человеку систематическую занятость на пару десятков лет, но определяет судьбу человека на всю жизнь, делит людей на «рыжих» и «зеленых», готовит не только отличников и победителей олимпиад, но и успешно доводит плохо читающего ребенка в первом-втором классе до ранга девианта (трудного ребенка) в пятом-седьмом, готовит не только замечательных, но и никудышных специалистов, и пр. и пр.

И хотя в социологии есть такая дисциплина, как «социология образования», и она вовсе не предполагает эту гуманистическую миссию — помочь человеку понять столь важную для него социальную сферу, как «образование», в которую погружена почти треть его активной жизни, не предлагает человеку обучающемуся инструментов для актуализации и систематизации столь важных социальных размышлений.

В качестве другого примера можно взять семью, из которой каждый из нас вышел и в которой каждый из нас живет — но есть ли у нас возможность осознать ее внутренние коллизии и делать это к тому же систематическим образом. Что нам дает знание раздела «институт семьи в обществе» — традиционного для всех учебников по социологии, что даст нам для жизни пятерка на экзамене и даже курсовая работа или диплом по этой теме.

Или еще пример. Можем ли мы из курса социологии понять наркоманию, которая уже расположилась рядом с нами и пробует «взять на слабо» почти каждого подростка или молодого человека. Но почитайте раздел «Девиация и социальный контроль» — это чисто учебная тема, материал для школярской заботы или салонной эрудиции, где описываются проблемы каких-то абстрактных, чуждых для нас людей, стоящих от нас «по другую сторону баррикад». Изучение теорий преступной личности, конечно, даст возможность блеснуть на экзамене, но не добавит компетентности для реальной жизни.

Конечно, не раз делались попытки преодоления такого рода упущений системы образования — повсеместно вводятся обязательные прикладные учебные предметы или занятия, типа «Этика и психология семейной жизни», «Безопасность жизни человека», тотальная профилактика наркомании в школах. Однако удовлетворения от таких предметов и мероприятий школьники или студенты не испытывают. И социальная некомпетентность все также процветает во всех возрастах и социальных группах общества.

Тем не менее мы знаем, что возможна социология другого типа, которая открывает социальный мир через человека и помогает человеку открыть мир вокруг себя и для себя. Такая социология ориентируется на то, чтобы предлагать человеку инструменты самопознания и инструменты развернутой рефлексии по поводу окружающего социального мира. И социолог уже как профессионал тоже познает социальную реальность и специфику массового сознания через актуализацию (когда вынимают что-

то из небытия, из туманного состояния) представлений людей по значимым проблемам современного общества и реального, существующего ныне человека. Я называю такую социологию рефлексивной, я называю такую социологию гуманистической.

Как-то я обнаружила «дефолт» в моем обучении на примере одной группы, поняла его истоки и сформулировала позицию. Прежде чем начинать изучать ДРУГИХ, студенту следует помочь в первую очередь исследовать/понять СЕБЯ, свою собственную жизнь в социологическом контексте. Я достигаю здесь определенных результатов через ряд принципов и методов.

Я вдруг обнаружила, что учу студентов изучать ДРУГИХ (!), а они не знают ничего о СЕБЕ (!!). У них фактически ни одна сторона их собственной жизни не отражена, не рассмотрена в некоем социологическом контексте. И это не их вина, а следствие специфики нашего образования в целом и социологии в том числе. Я поняла, что нужно нам, самим социологам, нашим студентам, заниматься социологическим осмыслением своей собственной жизни, которая также является собой элемент социального мира. И не менее важно, чтобы своим изучаемым аудиториям и респондентам мы могли предлагать инструменты самоактуализации, самопознания, а не использовать этих людей лишь как чистый объект. А когда мы обращаемся к нашим аудиториям как объекту исследования — то нужно и важно опираться именно на самоактуализацию людей, более интенсивно ее использовать.

Свою новую социологию я назвала «рефлексивной», потому что в ней представлено несколько видов рефлексии, по крайней мере, три. Первое, это самоактуализация и рефлексия самого социолога по поводу значимых сфер его жизни. Второе, понимая социологию как институцию, имеющую большой потенциал для развертывания общения с людьми и развития познавательного инструментария, предлагать инструменты самопознания и осмысления значимых сфер и коллизий их собственной жизни самим людям, аудиториям людей, взрослым и маленьким. Третье, осмысливать социальную реальность, социальные коллизии и параметры состояния общества, массового сознания, опираясь на саморефлексию людей.

Я назвала свою социологию «гуманистической», потому что в ней существуют гуманистические и партнерские отношения с социальной реальностью, с людьми. Моя гуманистическая позиция в том, что ценность человека для меня безусловна, ценность студента для меня безусловна, ценность коллег по сообществу безусловна. Мои респонденты, мои студенты, мои коллеги по общественной работе — не объект, а ресурс социологии, что я постоянно подчеркиваю и доказываю результатами своей работы. Моя социология полезна тем, через кого я эту социологию развиваю — студентам, респондентам, коллегам по профессиональной работе и общественной работе. Моя социология полезна мне собой — когда жизнь хватала меня за горло (а раза три это было достаточно серьезно), именно социология и социологический метод помогли мне выстроить ту платформу, на которой я преодолевала жизненную пучину и более того — помогала другим.

Я думаю, что рефлексивная гуманистическая социология имеет возможность начать развиваться, она позволит поменять некоторые важные фокусы социологического и человеческого внимания, сделает контакты людей с социологией, образо-

ванием, жизнью более человечными и привлекательными, вообще поможет поднять значимость человека в современном российском обществе.

Представляется, что можно развивать гуманистическую социологию, которая имеет отличные от академических перспективы и цели. Такая социология базируется на других отношениях между преподавателем и учащимся, между исследователем и исследуемым, меняет модальность этих отношений. Такая социология фокусируется, прежде всего, на реальной жизни людей, на жизни окружающего мира и окружающего общества. Главный принцип такой социологии — стартовать от персональных рефлексий людей относительно различных социальных сфер, и шаг за шагом включать все больше и больше измерений социальной жизни в их рассуждения.

Проблему социологического знания/познания обсуждают многие именные социологи. Иногда это выливается в обсуждение предмета социологии — как бы в обсуждение того, что есть основная «буква» социологии. Иногда рассматривается, что есть «дух» социологии — и здесь многие отталкиваются от идей социологического воображения Чарльза Райта Миллса.

Мало кто обсуждает, что делает человека социологом, какие способности человек может развить или иметь, какими средствами это достигается. Есть определенные попытки написать нечто вроде должностных инструкций — как сумму знаний и навыков, которыми должен обладать специалист. Кстати сейчас, в связи с вступлением России в процесс интеграции европейского образования (Болонский процесс), появилось новое понятие, относящееся к рассматриваемой коллизии — компетентность, компетенции.

Одним из примеров раскрытия требуемых «компетентностей» демонстрирует нам «электронное тестирование» по социологии. В эпоху открытого образования, образования по всей жизни, дистанционного обучения, Интернета и др., расширения наших обучающих возможностей и вызовов современной эпохи, нам предлагается некий «измерительный ранжир», разработанный в стенах некоего компьютерно-технического ведомства и в умах неких универсальных «системщиков». Окружающий мир и проблемы его познания сводятся к освоению некоей суммы/реагированию на некоторую сумму произвольных фактологических элементов.

В подсистемах педагогической науки неизмеримо больше, чем в социологии, обсуждаются системы обучения. В частности, Александр Лобок (По материалам сайта 1 сентября) мы находим массу принципиальных и полезных положений/формулировок/принципов адекватного современной эпохе образования.

А. Лобок обрисовывает «контуры принципиально новой педагогической стратегии — не «знаниевой», а субъектно-деятельностной, или попросту говоря — человеческой, с тем, чтобы создать общие условия для образовательного диалога личности с разными областями культуры».

Автор делает акцент на развитии неких базовых способностей и дает их ориентировочный перечень — тех, которые более или менее значимы в современном мире. Среди таковых им названы способности:

- наблюдать и продуцировать собственное знание о наблюдаемом;
- работать в открытых проблемных полях;

- вести диалог с другим человеком, предметом или культурным текстом;
- сочувствовать и сопереживать, слышать и понимать другого человека;
- описывать свой внутренний мир, формулировать и предъявлять свои мысли, чувства и переживания;
- различного рода мыслительные способности, в том числе способность к абстрактному моделированию;
- вести информационный поиск в разных областях;
- систематизировать и концептуализировать полученную информацию;
- к проектированию собственной деятельности и способность нести ответственность за свою деятельность;
- к продуктивному переключению с одного вида деятельности на другой;
- решать стандартные и нестандартные задачи в разных предметных областях;
- быть качественным исполнителем — несомненно, важная в человеческой жизни способность;
- трудоспособность, то есть способность выполнять те или иные объемы рутинной работы в условиях внешне поставленной задачи;
- усваивать и запоминать информацию.

Как нам представляется, мы не одиноки в поиске идей и артикуляций некоторых гуманистических перспектив образования, образовательных стратегий для реального развития человека.

СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ. НОВЫЕ РЕАЛИИ.

Поскольку эти чтения посвящены памяти Валерия Голофаства, я позволю сделать некоторое личное вступление, обосновав причину выбора мною темы доклада.

Валерий Борисович, будучи чрезвычайно разносторонним исследователем, о чем уже немало написано, интересовался самыми разными сторонами жизни общества, порой интерес носил эпизодический и ситуативный характер, а порой — системный. Интерес к властным структурам, к способу их функционирования, особенно в период реформирования нашего общества, присутствовал в его размышлениях всегда. Однако, это было достаточно отстраненное изучение. Несмотря на то, что он не раз выполнял сложные договорные работы, которые заказывал вице-мэр Петербурга А. Л. Кудрин, близко с властью он старался не соприкасаться, ограничивая свою роль во взаимодействиях с нею выступлениями в качестве эксперта, партнера по изучению той или иной проблемы, «толкователя» полученных данных на разного рода научно-практических конференциях. Более тесно при заключении договоров с властью приходилось общаться мне. Валерий Борисович регулярно и очень дотошно интересовался — с кем я общалась, его интересовали тематика обсуждений, стиль и форма дискуссий и даже особенности поведения тех или иных лиц. Его комментарии бывали очень интересны, прежде всего, в силу парадоксальности его ума, способности из самой простой темы, жизненного эпизода сделать «социологическую конфетку».

Однако, позволю себе зафиксировать внимание коллег на том, что Валерий Борисович Голофаст фактически был первым социологом, который выступал с докладом на заседании городского правительства по результатам заказного социологического исследования, в плане сопровождения программы «Жилище-2000». В 1988 году Ленгорисполкомом Институту социально-экономических проблем АН СССР, где мы в то время работали, было предложено изучить мнение жителей Ленинграда по поводу решения жилищной проблемы. Валерий Голофаст возглавил группу, которая проводила на эту тему опросы, в том числе провела прессовый опрос ленинградцев, опубликовав 28 мая 1988 года достаточно подробные анкеты на эту тему в газетах «Ленинградская правда» и «Вечерний Петербург». Было получено 11852 заполненные анкеты, которые мы проанализировали двумя путями — обработали весь массив, получили распределения и сделали комментарии, а также на базе этих анкет мы сформировали репрезентативную выборку, отражающую параметры взрослого (от 18 лет и старше) населения Ленинграда. И хотя мы отдавали себе отчет в том, что «прессовый метод» опроса не вполне может отражать мнение население города, тем не менее, мы получили любопытные данные. О чем Валерий Голофаст доложил на заседании Ленгорисполкома в присутствии его председателя В.Ходырева, честно предупредив о возможных ошибках выборки, но тем не менее вызвав большой интерес присутствующих. Разговор получился содержательный и небесполезный для обеих сторон. Впоследствии мы опубликовали в газете «Ленинградская правда» и

«Вечерний Ленинград» полный отчет об исследовании, с соблюдением всех правил публикации социологических опросов — когда были проведены опросы, кем, какими методами, состав ответивших, распределение ответов на вопросы, комментарии¹.

Отмечу несколько тем, которые интересовали Валерия Голофаства в этой проблематике.

- Элита современного общества, отличие Петербургской элиты от московской, каналы ее формирования, способы функционирования и взаимодействия ее членов, влияния на население, формы предъявления обществу².
- Связь советской номенклатуры и современного среднего класса, повседневная жизнь представителей властных структур советского общества как базовый элемент современной жизни российского среднего класса.
- Формы и способы взаимодействия социологов с властью.

Включенное наблюдение или наблюдающее участие

Тема взаимодействия социологии и власти, социологов и власти достаточно актуальна, Потому что и для властных структур, и для социологов главный объект, с которым им приходится взаимодействовать — население. И поэтому знание об обществе, о поведении, настроениях, планах людей, населяющих ту или иную территориальную общность, которой управляют те или иные властные организации — всегда были этим организациям интересны. И в советские времена, и во времена перестройки, и в настоящее время. О способах и особенностях взаимодействия социологов с властью уже написано немало и в биографических интервью, и в научных трактатах. Поэтому исторического экскурса я делать не буду, а поделюсь наблюдениями настоящего времени.

Мой доклад будет в какой-то мере продолжением, развитием того, о чем говорил А. Н. Алексеев³. О роли социологии в современном обществе, про то, как социологические данные используются разными общественными структурами, включая власть, про открытую и публичную социологию. Я уже более 15 лет очень тесно сотрудничаю с властью, с разными политическими структурами, с бизнесом, со СМИ и поэтому очень хорошо представляю, как практическим образом используются знания, которые мы получаем в нашей науке, применяя различные методы⁴.

Сразу подчеркну, что с моей точки зрения для социолога в быстро меняющемся мире — а наше общество таковым является — чрезвычайно важен метод включен-

¹ Ленинград. Жилище — 2000. Итоги опроса общественного мнения // Ленинградская правда, № 159 (22301) 9 июля 1988.

² Голофаств В.Б., Протасенко Т.З., Божков О.Б. Элита Петербурга глазами населения // Мир России, том 4, №2, 1995, с. 90-105, а также см. Valery Golofast, Tatiana Protassenko and Oleg Bozhkov The Elite of St Petersburg as Seen by the City Inhabitants // International Journal of Urban and Regional Research, volume 21, number 3, 1997, p.407-424

³ А.Н. Алексеев За открытую социологию // Настоящий сборник

⁴ М. Буравой. За публичную социологию - http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_8634.html

ного наблюдения. Причем я бы настаивала на включенном, но достаточно пассивном отстраненном наблюдении, без вмешательства в социальную среду, которую социолог изучает. И в этом смысле включенное наблюдение серьезно отличается от метода наблюдающего участия, апологетом которого является Андрей Николаевич Алексеев.

По моему глубокому убеждению, при активном использовании метода наблюдающего участия, который, так или иначе предполагает влияние социолога, как участника социальных процессов на окружающую среду, заставляет его фактически менять профессию, принимая другие роли и правила игры — журналиста, управленца, политика, политехнолога, правозащитника и т.д. Более того, наблюдающее участие в какой-то мере может вести к деструктивному поведению, поскольку подталкивает исследователя к тому, чтобы производить действия, ведущие к обострению социальной ситуации, в которой он задействован. Ситуация стагнации, когда ничего не происходит, социологу неинтересна. И он либо вынужден искать проблемные ситуации, возникшие помимо него, либо создавать их сам. Это, кстати, хорошо демонстрируют выборные процессы, когда некоторые социологи и психологи с увлечением конструируют реальность, переходя на позиции манипулирования избирателями, и становясь политехнологами. Вообще говоря, социолог, обладающий большим объемом информации, которую можно использовать в практических целях для моделирования социальной ситуации, социолог, который переходит на позиции социального действия, порой становится чрезвычайно опасен для властных структур. И власти это хорошо понимают и действуют так, как действовали всегда по отношению к интеллигенции — либо их покупают, либо договариваются на взаимовыгодных условиях, либо подвергают остракизму. И нужно отдавать себе отчет в том, что такие последствия активных действий социолога-экспериментатора возможны.

Я совершенно согласна с Карен Клеман и Андреем Алексеевым, что социолог вправе «использовать свой статус и знание для сознательного воздействия на общество», но при этом, повторяю, он должен отдавать себе отчет в том, какие могут быть для него последствия, поскольку в этом случае он переходит в другую сферу и начинает играть по правилам, принятым там. В этом случае возможны манипуляции, социолога населением, и новых соратников, коллег по коллективному действию самим социологом.

Кстати, столь распространенный ныне вид телепередачи — реалити-шоу, тоже можно отнести к наблюдающему участию, где наблюдателями-участниками действия становятся и зрители, и ведущие шоу, и сами игроки. Сравнить ситуацию реалити-шоу с особенностями применения метода наблюдающего участия было бы интересно. Как верно заметил Зигмунт Бауман, посвятивший немало времени изучению этого явления, реалити-шоу — «это та лаборатория, где над определенными тенденциями действительности, обычно незаметными, слабо выраженными или подавленными, проводятся эксперименты, ставящие своей целью выявление их истинного потенциала»¹.

¹ Зигмунт Бауман, Индивидуализированное общество, Москва, Логос, 2002, с. L

Кому нужна социология?

Итак, нужна ли социология в современном мире, нужны ли те знания, которые мы вырабатываем посредством многих методов, нашему обществу. Кому эти знания необходимы прежде всего.

Ответ банален и предсказуем — да, социология нужна, нужны подобные знания. Прежде всего, просто потому, что если посмотреть статистику, то во всем мире наблюдается рост катастроф, связанных в первую очередь с человеческим фактором. И, чтобы купировать негативные последствия человеческих ошибок, чтобы предсказать последствия действий человека в тех или иных ситуациях, неважно действует ли он в одиночестве или в составе группы, все науки, которые связаны с изучением человека, в последние годы должны были бы переживать расцвет, и социология, и психология, и демография и много других наук. Они должны быть востребованы.

Второй вопрос, если спуститься ниже, кому в обществе нужны эти знания. Говорить обществу в целом, народу вообще, значит ничего не сказать, потому что, и это мое глубокое убеждение, никакого «народа» не существует. Существуют общества, состоящие из групп со своими специфическими, часто альтернативными, интересами.

Естественно, что в общественном организме существуют разного рода структуры, которые отражают и представляют эти интересы. И именно им социологические знания нужны. Что это за группы интересов, что это за структуры. На кого и для кого должны и могут работать социологи. Короче — кому нужны социологические данные, кому они могут быть адресованы.

— Ученым? Наверное. Им наша информация нужна для познания мира.

— Отдельным группам населения? Да, нужны. Правда, у отдельных социальных или профессиональных групп потребность в социологии возникает, прежде всего тогда, когда эти группы, переживают какие-то кризисные явления. Вот, например, в прошлом и позапрошлом году очень активно интересовались социологическими знаниями, некоторыми конкретными вещами, группы малых предпринимателей, потому что была проблема в городе с малым предпринимательством. И эта группа активно выходила на социологов, особенно на тех социологов, которые занимаются практическими исследованиями, и интересовалась определенными знаниями. Активно интересуются нашими данными, к примеру, жители микрорайонов, когда возникают проблемы в процессе реконструкции городской среды.

— Представительной власти, политикам и различным политические структурам? Да. Нужны. И значительно больше, чем другим структурам. Правда, партийные структуры и политики интересуются знаниями об обществе, знаниями об электорате чаще всего во время избирательных кампаний, потом этот интерес затухает.

— Исполнительной власти? Да, нужны.

— Средствам массовой информации? Тоже нужны.

Я остановлюсь на способах использования социологических знаний исполнительной властью и средствами массовой информации, поскольку СМИ — тоже в какой-то степени власть, четвертая власть, как ее называют, а способы воздействия на население у всех властных структур похожи. Кроме того, СМИ — важнейший ка-

нал, через который исполнительная власть как раз и осуществляет свое влияние на население.

Социология — игра? Политический аргумент? Или «народная» дубина?

СМИ с каждым годом пользуются данными опросов общественного мнения все больше и больше. Цель, к сожалению, часто бывает одна — внести элемент сенсационности или подкрепить точку зрения автора. А посему — публикации зачастую носят поверхностный характер, нормы публикации социологических данных не выдерживаются¹. И наши цифры выступают как последний аргумент в споре, и даже как «народная дубина.» Ссылка на мнение большинства в этом плане, на результаты опросов — как последний гвоздь в гроб противника. Такой способ подачи социологических данных больше характерен для печатных СМИ; для электронных, для ТВ — больше характерен элемент «социологической игры», для чего используются интерактивные опросы. В большинстве своем такая подача социологии — скорее вредна. И в этом плане встает законный вопрос — когда социологи не могут контролировать ситуацию с публикациями в СМИ — есть ли смысл в открытой, публичной социологии?

Опишу несколько эпизодов из собственной практики.

Как известно, уже более полутора лет в Петербурге идут споры по поводу строительства делового квартала, заказчиком которого является Газпромнефть, и в настоящее время этот квартал, главной доминантой которого должен стать трехсотметровый небоскреб, получил название Охта-центра. Естественно, к делу были подключены социологи, которым были заказаны опросы по поводу реакции петербуржцев на это строительство. В роли заказчиков выступали либо властные структуры, которые регулярно мониторят ситуации с наиболее известными, сложными или амбициозными проектами, связанными прежде всего с изменением городской среды, либо сами бизнес-структуры, которые вкладывают деньги в строительство. СМИ, несмотря на интерес — как же, пахнет сенсацией! — сами опросов не заказывали. В практике наших средств массовой информации вообще нет привычки выступать в качестве заказчиков опросов, поскольку репрезентативные опросы дорогостоящи, а «публичные социологи» сами не прочь все рассказать.

В итоге сложилась такая ситуация. Роман Семенович Могилевский, научный руководитель Агентства социальной информации, который при опросах использует примерно такие же методики, как и большинство социологов при репрезентативных телефонных опросах, в марте 2008 года обнародовал данные репрезентативного исследования на базе опроса пятисот человек о том, как петербуржцы относятся к

¹ Социологические публикации в прессе. // «Социология журналистики». Очерки методологии и практики. «Гендальф», М., 1998, с.181-194. Об особенностях взаимодействия социологов и журналистов см. Т.З. Протасенко, В.Г. Ревтова, Российские журналисты: кто они? // Телескоп, 2002, № 3

«Охта-центру», а точнее — одобряют его строительство или нет. Данные великолепные — примерно 47% поддерживают, против выступают — 29,5%. Есть, правда, одно «но». Исследования, проводившиеся другими фирмами, показывают, что проблема со строительством этого центра заключается лишь в одном — будет или нет строиться небоскреб. И если задаешь вопрос просто про этот бизнес-центр, данные одни, скорее положительные, если начинаешь уточнять про небоскреб — ситуация резко меняется, начинают преобладать негативные мнения.

Выступая на нескольких профессиональных конференциях, где обсуждалась проблема валидности данных, включая и «Чтения», я достаточно подробно обсуждала проблему формулировок вопроса, того, как одно слово может повлиять на оценки. В качестве примера приводила и ситуацию с опросами по Охта-центру. По данным исследования, которое проводил также в марте 2008 г. СЦ Мегаполис, на выборке 1600 человек положительно отнеслись к строительству с доминантой-небоскребом — лишь 18,5%, против — 40%. (На самом деле, это самая важная проблема — формулировки вопросов. И ее надо обсуждать.) Эти данные мгновенно попали в СМИ, появились сенсационные заголовки, героями стали социологи. Причем официально я этих данных в СМИ не передавала, поскольку была связана условиями — заказчик специально оговорил, что разрешения на публикацию данных не дает. Честно говоря, я не подумала, что кто-то из присутствующих на профессиональном социологическом мероприятии может передать данные в СМИ. В дальнейшем у наших журналистов появилась любимая игра — «столкни лбами Могилевского и Протасенко». Как только они получали данные новых опросов, причем на любые темы, от Могилевского, тут же звонили для проверки Протасенко, и наоборот. Впоследствии результаты вышеприведенных социологических опросов на тему Охта-центра регулярно воспроизводились разными изданиями со все новыми кричащими заголовками. Например, «Секретный опрос Смольного». К информации прилагались заявления — мол, в наши руки попали эксклюзивные данные. Данные могли быть годичной давности — а любой социолог скажет, что подобная информация может быть полезна лишь для проведения сравнительного анализа, для изучения динамики процесса. Кстати, в настоящее время отношение к вышеобозначенному проекту изменилось, прежде всего, с точки зрения поляризации мнений.

Вышеописанная ситуация высветила несколько проблем, которые связаны с «публичностью» социологии и социологов.

Проблема первая — необходимость тщательного комментария и контроля со стороны социологов публикаций в СМИ, особенно если это горячие темы. Хотя на самом деле сделать это очень трудно, поэтому если ты пошел на «публичность», должен быть готов к любому скандалу, к тому, что тебя могут записать в «черные» социологи и регулярно обливать грязью, обвиняя в продажности. И отмыться от подобных обвинений, доказать свою правоту в публичной сфере социологам чрезвычайно сложно, поскольку, чтобы там ни говорили, социология — наука с большим элементом субъективного. Субъективный «шум» присутствует на всех этапах проведения социологического исследования — на него влияет позиция исследователя, исповедуемая им парадигма, методика и особенности формулировок вопросов, работа

интервьюеров, «вранье» или замалчивание информации респондентами, и, наконец, субъективизм исследователя в интерпретации полученных данных.

И даже, если социолог записан в «белые», результаты деятельности которых всячески превозносятся заказчиками и СМИ, ему тоже придется нелегко, потому что, если только хоть раз данные разочаровали, от них могут отвернуться. От любви до ненависти — один шаг. Кстати, среди структур, пользующихся данными социологических опросов, существует практика заказывать опросы двум конкурирующим фирмам. Если данные одного из опросов полезны заказчику, он может их опубликовать, если нет — замолчать. А данные опросов, тщательно и нелицеприятно отражающие ситуацию, которые могут навредить заказчику в достижении цели, никогда не публикуются. Это дорогая и важная информация. Любопытно, что социологическая информация о тех или иных явлениях жизни в итоге может перейти в разряд секретных. В Японии, если я не ошибаюсь, есть нечто вроде закона, запрещающего передавать и распространять информацию о некоторых опросах общественного мнения. А в США при таможенном контроле в аэропортах с некоторых пор могут изымать любую информацию, которая, по мнению должностных лиц, может нанести ущерб национальным интересам государства», при чем под эту статью, естественно, могут попасть и данные опросов общественного мнения. Так что социологи во всем мире должны быть готовы к тому, что их деятельность, особенно в публичной сфере, может столкнуться со все большим количеством ограничений.

Поэтому естественно возникает следующий вопрос — права заказчика на социологическую информацию, и если существует запрет — имеет ли исполнитель возможность использовать результаты проведенного опроса в научных целях, кроме того существует ли срок давности для обнаружения «закрытых» данных.

Есть еще одна проблема — имеет ли право социолог-исследователь высказывать свою точку зрения на исследуемый вопрос, особенно если дело касается «горячих» тем.

В зависимости от политической конъюнктуры, к какому бы мнению не присоединялся социолог, он может оказаться в роли обвиняемого в продажности или оказаться в роли защитника того, что ему защищать вовсе не хочется.

Телевидение и социология

Особо нужно отметить телевидение, которое все больше превращает социологию в игру. В телевизионной сфере данные опросов общественного мнения являются своего рода красивой обязательной оберткой различных тем, выносимых на обсуждение. А интерактивные опросы — непременный антураж все большего количества передач. О чем только не спрашивают ведущие своих зрителей — в одной передаче могут интересоваться и отношением аудитории к фасону дамских трусов, и отношением к политическим партиям. И, похоже, все уже давно забыли, что интерактивные опросы нерепрезентативны и отражают мнение только тех зрителей, которые смотрят данную передачу в данный момент. К тому же формулировки вопросов тенденциозны, ибо большинство ведущих хитрят и научились манипулировать аудиторией,

дешевый популизм — весьма в цене. А посему — результаты таких опросов, на мой взгляд, очень вредны, ибо вводят в заблуждение население.

На факультете журналистики читают обширные курсы по социологии, где подробно рассказывают про репрезентативность данных. Однако, начав работать, журналисты забывают все полученные знания в погоне за сенсационностью. Ранее были достаточно популярны так называемые прессовые опросы, когда в газете публиковалась анкета, а затем в редакцию приходило множество откликов. Однако, тогда журналисты вполне отдавали себе отчет, что они имеют дело с мнением «писателей», а не читателей. Теперь же годится любая куча-мала. Пример недавнего опроса на ТВ. Вопрос — удовлетворены ли Вы общественным питанием в ПЕТЕРБУРГЕ? 10% — удовлетворены, 90% — нет. Ответили около 2000 человек. А кто были эти люди, посещали ли они сами предприятия общественного питания, и что это были за предприятия, какова поло-возрастная структура опрошенных — неизвестно. Кстати, известно, что в подобных случаях женщины выказывают меньшую удовлетворенность, пожилые — тоже. А как показывает анализ структуры участников интерактивных опросов на подобные темы, выборки там сдвинуты в сторону недовольных граждан и зачастую не имеющих ни малейшего представления о реальном положении дел. Однако, ведущие, не моргнув глазом, в итоге клеймят питерский общепит, и делают вывод, что 10% удовлетворенных — это, наверное владельцы предприятий общепита. По данным же репрезентативных опросов удовлетворенность гораздо выше. И еще в 2005 году она приближалась к 50%. С тех пор, даже несмотря на возросшие потребности, ситуация улучшилась.

Следующий интерактивный вопрос — Посоветовали бы Вы жителям других городов приехать в Петербург в качестве туриста? 47% — да, 53% — нет. Состав выборки неизвестен, однако, судя по громкой связи — основной состав ответивших это недовольные петербуржцы, причем их недовольство в основном связано с работой ЖКХ, уборкой мусора, и даже... низкими пенсиями.

Недавно на одном из телевизионных питерских каналов был проведен телемарфон, где обсуждались проблемы реконструкции исторического центра Петербурга. Вопрос, на который предлагалось ответить телезрителям, был сформулирован следующим образом — « Ваше отношение к историческому центру — реставрация и сохранение или разрушение и строительство нового?» (Вообще говоря, данный вопрос подобен вопросу: «Хотите ли Вы быть счастливым или нет?», «Как Вы думаете, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным?»).

Вполне естественно, что на такой популистский, некорректный и жестко запрограммированный вопрос — может быть только один ответ. Если это исторический центр, то его надо сохранять и реставрировать. 99,7% — так и ответили. И лишь 0,3% из 31000 позвонивших на ТВ ответили по-иному. И как они еще решились на это, если вопрос был задан на фоне агрессивного обсуждения, где любые возражения, любые призывы к разумному компромиссу отменялись, а сторонников иных взглядов называли обезьянами или кем-то в этом роде. В одном из опросов мы попытались найти людей, которые высказались за «разрушение и строительство нового». Оказалось, что одной из причин так голосовать было неприятие фона обсуждения,

того, «с какой высокомерной нетерпимостью высказывались по поводу оппозиционных суждений присутствующие в студии представители питерской интеллектуальной элиты». Однако, данные этого опроса теперь приводятся в качестве аргумента того, что надо вообще запретить всякое новое строительство в Петербурге и т.п. Замечу, что данные репрезентативных опросов общественного мнения дают иную картину, нежели та, которая получается в результате интерактивов, и представляют более широкую палитру мнений, причем порой мнений неожиданных и интересных.

Иногда, как ни странно, формулировки вопросов, которые предлагает нам телевидение, и комментарии результатов ведущих, напоминают выступления большевиков, доказывающих во что бы то ни стало преимущества общественно-политического строя, который они строили... К сожалению, исторический опыт мало чему научил наших интеллектуалов, интеллигенцию, жаждущих облагодетельствовать мир в соотвествии со своими представлениями... Повторяю, (и это хорошо показывает многочисленные опросы общественного мнения), мир в настоящее время повсе не черно-белый, он имеет массу нюансов, переходов, склонен к компромиссу... И в этом смысле наша интеллигенция, похоже, живет еще в прошлом.

Любой интерактивный опрос, на любом канале, собирает, как правило, наиболее агрессивно настроенных зрителей, тех, у кого что-то болит. Недаром на ток-шоу, когда происходит схватка между Жириновским и любым другим спарринг-партнером, всегда выигрывает Жириновский, если, правда, в качестве соперника не оказывается еще более агрессивный персонаж. По результатам репрезентативных опросов, в которых социологи добиваются до респондентов, которые сами никогда не позвонят, дабы ответить на вопрос — ситуация иная.

В настоящее время канал «Россия» активно раскручивает проект — «Имя России». Очень долго лидировал Сталин. Голосуют кто сколько хочет, один человек может проголосовать в один день хоть 300 раз, а можно и 500. В итоге — сенсация, обратная сторона вопроса — Россия, ты одурела? Через некоторое время на первые позиции вышел Николай Второй, а затем Сергей Радонежский. Другой канал запускает подобный опрос с другими правилами, более похожие на репрезентацию. Результат — другой. Впереди — Пушкин.

На Украине подобный «социологический эксперимент» сначала в качестве лидера определил Степана Бандеру, потом — лицом Украины стал Ярослав Мудрый, а через некоторое время — кардиохирург Николай Амосов. Причем есть данные репрезентативных опросов, которые свидетельствуют, что уровень известности Николая Амосова на Украине достаточно высок.

Я это к тому, что стремление во что бы то ни стало все данные наших исследований, или данные, полученные якобы социологическими методами, сделать предметом обсуждения и игры в публичной сфере — превращает социологию в некий фон и антураж, в декоративно-прикладное искусство.

Подобные телеэксперименты высветили еще одну, по сути новую функцию социологии и социологов — тестирование предпочтений и ценностных ориентаций различных групп населения, в основном, молодежи. Вброс разных идей и разной фактуры, изучение реакции позволяет в известной мере формулировать некие идеологические

константы. Причем руководители государственных каналов даже не скрывают своих целей. Как заявил в своем интервью один из руководителей канала «Россия» в ответ на сетования по поводу массовой поддержки Сталина, — «еще не вечер, в итоге все будет хорошо, и впереди окажутся другие лидеры».

Видимо следствием такой установки стало «обнуление» результатов голосования по проекту «Имя России» в середине августа 2008 г. Причины — якобы атаки хакеров. Далее началось новое голосование, правила которого, по заявлениям организаторов, исключают подтасовки. Однако, по свидетельству активных участников голосования, и эти правила не исключают сдвигов и подтасовок, поскольку, используя некоторые приемы, одним нажатием кнопки, можно добавить несколько десятков голосов в пользу одной и той же персоналии. Опять же голосовать можно хоть целый день и ночь, к тому же некоторые фигуры списка оказались кем-то заблокированными, и за них время от времени голосовать было нельзя. Так, 16-17 августа 2008 г. «жертвой» стал Николай Второй.

Отношение средств массовой информации к социологии исключительно потребительское. Недавно на ТВ была запущена даже социологическая игра — «Магия десяти», где игроки пытаются определить, насколько они хорошо знают свой народ, отвечая на разные вопросы повседневной жизни. Потом их ответы сравнивают с данными неких опросов, проведенными накануне. Итог — немалый денежный выигрыш. А недавно один весьма интеллектуальный петербургский ведущий, делая передачу про социологию и социологов, договорился до того, что единственное предназначение социологии — выяснять рейтинги партий, политических деятелей, товаров и услуг. Это какая социология — публичная, открытая или социологический водевиль?

Приведу еще один пример, когда небрежное или непрофессиональное поведение социологов стало источником очередной сенсации. Недавно одна из московских фирм провела опрос элиты, основную часть которой составляли топ-менеджеры крупных компаний. Формулировка вопроса поражает — «Думали ли Вы о том, чтобы хотя бы на короткое время покинуть Россию?». Более 50% ответили, что такие мысли их посещали. СМИ растиражировали эти цифры с комментарием, что, оказывается, наша элита спит и видит, как бы покинуть Россию. А что именно имели в виду и исследователи, и респонденты — осталось загадкой. При более тщательном анализе выяснилось, что под кратковременным отъездом из России многие имели в виду отпуск.

В общем — социологам в общении со средствами массовой информации надо держать ухо востро и быть готовым ко многому. Даже, если журналисты — твои друзья, и ты сам хорошо разбираешься в хитросплетениях их службы.

Вместе с тем, интерактивные опросы выполняют одну полезную роль — привлекают внимание к наиболее проблемным, заостряют внимание на некоторых аспектах, о которых многие не задумываются. Аудитория, принимающая участие в этих опросах, может считаться в какой-то мере огромной фокус-группой, которая расставляет акценты, позволяет выдвинуть некоторые гипотезы, но не позволяет определить представленность, распространенность явления в обществе в целом.

Исходя из вышеизложенного, мне кажется, вывод напрашивается сам собой — публичная социология, выполняя свои, порой очень важные функции, фактически с

фундаментальной социологией, социологией как наукой, профессиональной социологией живет в разных пространствах, по своим законам. Переход из одной сферы в другую для социологов и социологии сопряжен с определенными сложностями. И социолог, функционирующий в разных сферах, должен отдавать себе отчет, что ему придется в каждой из сфер играть по разным законам, используя разные правила игры, при этом никто ответственности с него за данные, которые он представляет в качестве профессионала-исследователя, не снимает.

Исполнительная власть и социология

Больше всего, на мой взгляд, сейчас интересуется социологическими знаниями власть. Представители властей различного уровня. Интерес систематический и системный. Причем год от года интерес растет. Судить об этом можно потому, как растет количество грантов на социологические исследования, на которые власть выделяет бюджетные деньги, на исследование самых разнообразных вещей. От изучения конфликтов, от отношения к власти в целом и конкретным представителям ее, до отношений конкретно к каким-то отраслям городского хозяйства, к ситуации с дорогами, к ситуации в образовании, к ситуации в ЖКХ и т.д. Ну и, естественно, какие-то политические и общественные реакции и настроения..

Мало того, социологов все чаще и чаще привлекают в качестве экспертов, предлагают им выступить на каких-то совещаниях и, в том числе даже на заседаниях правительства. За последние два года я выступала раза четыре или пять на заседаниях правительства Санкт-Петербурга по абсолютно конкретным темам, проблемам, которые их интересовали. Они хотели это знать. И по сравнению с другими группами интерес представителей власти, чиновников наиболее сильный. Причем, нужно отдавать себе отчет, что тут возникает довольно серьезная проблема ответственности, социальной ответственности, моральной ответственности социолога за те знания, которые он дает власти, которые он вообще выплескивает в общество.

Власть, я не буду вдаваться в серьезные обобщения, это одна из групп в обществе, и у нее свои интересы. И для власти главная задача состоит в том, чтобы так устроить функционирование объекта, которым она руководит, в частности, городского общества, районного или еще какого-нибудь, чтобы не возникало социальных конфликтов. Надо отдавать себе отчет в том, что когда какие-нибудь чиновники, представители власти говорят о том, что «наша задача в том, чтобы народ жил лучше..» и прочее, это, извините, популизм. Это всегда говорится во время избирательных кампаний, во время выступлений, может быть, они и хотят чтобы «народ...» или их подчиненные жили лучше, но, прежде всего, с той точки зрения, чтобы не возникало социальных конфликтов, чтобы в итоге эта власть сама не рассыпалась, чтоб не сменилась, и поэтому им надо достаточно эффективно руководить, устраивать функционирование этого общества, этой группы, которая им подвластна.

И именно с этой точки зрения, и ни с какой другой властные структуры интересуются данными социологическими исследований. Грубо говоря, увы, если мы даем им определенные знания по заказу ли, по собственной инициативе ли, то очень часто эти

знания используются для манипулирования населением. И в этом надо отдавать себе отчет. Говорить о том, что вот — мы дадим эти данные, и все будет хорошо — смешно. Мы не знаем, как они это используют. У меня была статья, которую я недавно опубликовала, где я рассказывала о том, как сейчас наши властные структуры используют данные, которые мы получаем¹. С одной стороны, возможно, с благородной целью для сопровождения разных социальных проектов, которые власти запускают в городе: строительство того же «Охта-центра», весьма скандального; морского фасада; даже перепрофилирования какого-то там магазина, сейчас много градостроительных объектов... Но надо понимать, что информация, которую мы даем, использована может быть по-разному. Во власти довольно много хороших специалистов, умеющих блестяще работать с любой информацией, включая социологическую, обобщать, анализировать, и придумать так, чтобы повлиять потом через СМИ, прежде всего, через группы влияния, они это называют «референтные группы», для того, чтобы общее отношение и мнение населения к тому или иному объекту, проекту изменилось. Поэтому надо очень аккуратно получать эти данные, действительно, понимать, что они могут быть использованы частично во вред обществу. И, мало того, понимать, что данные, которые мы получаем, могут быть не всегда адекватны, не всегда валидны, и мы не всегда можем быть уверены, что они адекватно отражают действительность.

Связано это прежде всего с тем, какие мы выборки используем, объемы выборки и т.п. Например, ВЦИОМ использует общие репрезентативные выборки по всей стране, объем выборок 1600 — 2000 человек. Результаты опросов на этих выборках адекватно могут представлять общее, то, что происходит в стране. Но очень часто, когда данные попадают в СМИ, идет деление по регионам. И вот на базе этих 1600 человек делается вывод о ситуации в регионах. Так, недавно было проведено исследование про счастье в нашей стране, очень много публикаций; говорили, что вообще-то у нас россияне очень счастливы, но где-то они менее счастливы, где-то более. И менее всего они счастливы в Петербурге и Москве, но, в принципе, они все-таки достаточно счастливы. Но можно посчитать, сколько петербуржцев и москвичей попали в эти 1600 человек. Даже математически сложные процедуры по увеличению выборок все равно могут исказить реальность. И мой опыт, когда мы проводим исследования, особенно во время избирательных кампаний, сочетая общие выборки по городу, с отдельными выборками по районам, показывает, что ситуация очень часто, когда увеличиваешь региональные выборки, абсолютно другая.

Еще один пример. Я регулярно читаю исследование Вологодского Научно-координационного Центра ЦЭМИ РАН. Они проводят сравнительные исследования по изучению социального самочувствия, общественно-политических настроений и уровня жизни на Северо-Западе. Первоначально в выборку, были включены 8 областей Северо-Запада: Архангельская, Вологодская, Мурманская, Калининградская, Ленинградская, Санкт-Петербург, Республика Карелия, Республика Коми. В начале

¹ Т.З.Протасенко. Общественное мнение и власть. Особенности взаимодействия в России. // Экономика Северо-Запада: Проблемы и перспективы. № 1(31), 2007. с. 71

мониторинга в 2005 году общая выборка составляла около 5000 человек, в среднем от 400 до 600 человек на регион с расширением до 1500 человек по Вологодской области. К сожалению, впоследствии выборка значительно уменьшилась, в частности, в прошлом году она составила не более 2000 человек на весь Северо-Запад. Однако, сравнения регионов, которые входят в Северо-Западный округ, продолжали делаться. Записки по результатам исследования идут на очень высокий уровень, а выводы делаются на основании опроса 150-200 человек по региону. Мало того, когда начинаешь выяснять состав региональной выборки, то волосы встают дыбом. Потому что, в структуре выборки 2007 г. по Петербургу 20 процентов — студенты. Вполне естественно, что при сравнении с данными более серьезных репрезентативных региональных выборок результаты не совпадают, даже учитывая тот факт, что мы задаем очень похожие по формулировке вопросы. Поэтому за такие вещи социолог должен нести очень серьезную ответственность, моральную ответственность, понимать, что данные, которые ты даешь, могут быть использованы заказчиком или потребителем в собственных специфических целях. Это создает, если можно так выразиться «невynosимую тяжесть бытия» для социологов.

Причем, по моим наблюдениям, страстное желание поделиться свежеполученными данными опросов общественного мнения испытывают исследователи, проводящие опросы достаточно редко, эпизодически. Но подобные данные неустойчивы. А для управленца, анализирующего информацию о функционировании общества, очень важна динамика, тренд, чтобы принять какое-либо решение.

Любопытный штрих о том, как функционирует информация во властных структурах.

Исходная посылка чиновников, в соответствии с которой они действуют, служба любой ветви власти — ИНФОРМАЦИЯ ПРАВИТ МИРОМ. Поэтому главное правило чиновников — делиться информацией только с полезными людьми, чаще всего с вышестоящими начальниками, от кого зависит твоя карьера, твое статусное положение. Отсюда следствие — информация во властных структурах ходит параллельно, в каждой подструктуре есть своя вертикаль; в итоге информация собирается, объединяется и пересекается только на самой вершине власти. Так, комитеты и подразделения правительства и администрации Санкт-Петербурга, как правило, заказывают социологические исследования каждый для себя. И хотя заказы проходят через конкурсные условия, которые опубликованы в СМИ и в Интернете, на деньги бюджета, и все в принципе знают кто, что и когда исследовал — результаты имеет только комитет-заказчик. Процветает параллелизм, отсутствуют обсуждения — а каждый чиновник, имеющий отношение к заказам социологических исследований, к опросам общественного мнения — полученные результаты использует в качестве своего политического капитала.

Чиновники разного ранга, особенно руководители разного рода подразделений, научились использовать данные социологов в качестве «социологического дубины». Так, руководители административных районов Петербурга больше всего интересуются, (и вместе с тем боятся) результатами широкомасштабных репрезентативных социологических опросов, в которых данные представлены в районном разрезе.

Поскольку эти таблицы дают наглядную сравнительную картину успехов и провалов работы администрации разных районов. С одной стороны, руководство районов признает, что эти данные чрезвычайно полезны для изучения ситуации в районах, для «работы над ошибками», для определения планов дальнейшей работы, а, с другой стороны — они знают, что если эти данные попадают в руки высокого начальства, то могут последовать оргвыводы для аутсайдеров, вплоть до увольнения. Вместе с тем, мне было чрезвычайно приятно услышать признание руководителя одного из административных районов Петербурга, что он с большим интересом изучает данные социологических опросов, чем сводки экономических показателей, которые дает статуправление. По его мнению, именно результаты социологических опросов, характеризующие то, как жители района оценивают работу администрации, какие проблемы выделяют, — могут определить лидеров и аутсайдеров в конкуренции районов.

Кстати, в регулярных отчетах, которые региональные власти должны посылать в федеральные структуры, в администрацию президента существует обязательный набор показателей, основывающийся на данных регулярных социологических исследований, которые местные органы власти обязаны проводить.

Еще одна очень важная вещь. Она касается того, как используются данные социологических опросов, особенно в процессе избирательных кампаний. У меня сложилось впечатление, что в последнее время результаты социологических опросов, которые во множестве проводятся разными фирмами, используются вовсе не для того, чтобы поменять что-то, а просто в качестве социологических ориентиров избирательных кампаний. Я не раз наблюдала, когда точно совпадают данные социологов, полученные за три-две недели до выборов, с тем, что в итоге получается; я на это смотрю с уверенностью: такого быть не может. Социология так точно прогнозировать поведение избирателей не может, там столько «шумов» в процессе опроса, в процессе интерпретации и много чего, — поэтому таких точных данных не может быть даже при применении суперматематических инструментов. К сожалению, теперь у властных структур есть такой термин — социологические ориентиры.

Поэтому надо понимать, что те данные, которые мы даем по результатам опросов общественного мнения за две-три недели до дня голосования, и которые в той или иной степени отражают картину на тот момент, (если это будет удовлетворять власть), это будет та планка, к которой они будут любыми способами стремиться.

Так, за два дня до выборов президента РФ в 2008 году опросы СЦ «Мегаполис» на репрезентативных выборках избирателей петербуржцев в объеме 1600–3000 человек давали примерно такую картину: явка где-то около 62%, (но телефонные опросы никогда не дают точную явку, они цифры явки всегда завышают, и социологи, как правило, применяют поправочный коэффициент — умножают полученные цифры на 0.8.)¹ В течение всей избирательной кампании по опросам общественного мнения заявляемая явка колебалась в пределах 57–62%. (Итоговая явка по Петербургу была выше).

¹ Так врут или не врут социологи? Дискуссия. В «Известия», от 26 ноября 2007, с.1,4

Накануне выборов за Дмитрия Медведева, по результатам тех же опросов СЦ «МЕГАПОЛИС», собирались голосовать 69% (exit-poll дал 68% с небольшим). В течение января-февраля поддержка Дмитрия Медведева составляла 64–69%. (Итоговые цифры были несколько выше).

Вот, по-видимому, это и было определенным ориентиром для властей, которые, увы, использовали социологическую информацию в своих сугубо прагматических целях. И это — проблема, которую так просто, чисто морально, не решить. Нужно понимать, кому ты даешь информацию; если ты соглашаешься ее передавать, то необходимо определять степень открытости и т. п. И отдавать отчет о последствиях. Наш коллега в дискуссии привел очень характерный пример, о том, как использовались данные опроса общественного мнения на выборах мэра в городе Тольятти. Когда стало известно, что может победить оппозиционный кандидат, его по суду сняли с выборов. Как себя должны были в этом случае вести социологи? Не давать данные опросов? Заявить о своей позиции в СМИ? Но опросы-то они проводили по заказу властей... Очень сложная дилемма.

Хотя то, что власть использует социологическую информацию, и это предостерегает ее от некоторых ошибок, это, конечно, полезно.

Несколько замечаний из практического опыта.

Нужны ли чиновникам прогнозы, которые могут появиться в результате социологических опросов? С одной стороны, по моему мнению, социологи долгосрочных прогнозов делать не могут. В силу многофакторности влияния на общественный процесс. Для долгосрочных прогнозов нужны гении. Среди социологов таких очень мало. (Такие прогнозы-озарения время от времени давали на основе художественного воображения только писатели. И тогда со временем фантазии становились былью. Вспомним Джорджа Оруэлла или Тома Клэнси, который в своем романе подробно описал ситуацию бомбежки торгового центра в Нью-Йорке задолго до реальных событий.) С другой стороны, и власть долгосрочными прогнозами интересуется не слишком активно. Поскольку до сих пор у нас влияние личности с ее основными мировоззренческими принципами, чертами характера на исторический процесс значительно больше, чем учет разного рода общественных обстоятельств, прогнозов и последствий содеянного. Для эффективного функционирования властям нужны краткосрочные и ситуативные прогнозы. Например, если мы разрушим хрущевки, как будут действовать жители — будет ли доминировать настроение протеста или нет? Что они будут требовать?

Кстати, изучение протестных настроений в Петербурге показало, что прежде всего люди готовы защищать свою частную собственность, протестовать против того, что ущемляет их права в этой сфере. В частности, сильны мотивы протеста против уплотнительной застройки. Но активистами в этом плане являются только те, кто живет не далее 500-600 метров от строительства объекта. В более отдаленных районах накал протестных настроений спадает. Люди стали большими прагматиками. В остальном — протест,если и есть, то латентный, скорее внутренний., просто несогласие с чем-то.

Любопытно, что среди тех, кто по опросам общественного мнения, готов против чего-либо протестовать, значительную часть составляют те, кто в виде формы протеста выбирают участие в социологическом опросе с целью высказать свое мнение. И они составляют гораздо большую группу, чем те, кто готов протестовать активными средствами — участвовать в маршах несогласных или в митингах протеста.

(Интересно, что в настоящий момент в результате уплотнительной застройки появились новые группы противостояния — жители домов, которых «уплотнили», с неприязнью относятся к новым соседям, а те — их побаиваются...)

В этом плане роль социологии населению понятна.

- В ходе обсуждения Борис Иванович Максимов высказал мысль, что авторский надзор за результатами социологических исследований мог бы быть полезен и ограждал бы социологов от вредных последствий. В этом плане я чрезвычайный скептик. И связано это с тем, повторюсь, что в системе властных структур имеются мощные аналитические центры, в которых работают чрезвычайно квалифицированные специалисты, умеющие искать, аккумулировать и анализировать любую информацию. И, поверьте, доступ они имеют к любой информации, информационная разведка налажена блестяще. Поэтому и разрешение наше, и надзор не потребуются. Власть социолог, по моему мнению, нужен для сбора первичной информации и для комментариев. Принятие решений осуществляется без него. Информация, так сказать, принимается к сведению.

- От работы с представителями властных структур у меня сложилось двойственное впечатление. С одной стороны — работать интересно. Потому что они достаточно четко ставят задачу. В процессе обсуждения задают очень четкие и конкретные вопросы. Интересуются последствиями. Ты можешь увидеть, так сказать, результаты своего труда. Но именно тут возникают проблемы и даже моральные терзания для социолога.

Когда я выступаю перед представителями власти, то не устаю повторять, поскольку очень хочу, чтобы они услышали, что социология — это не руководство к действию. Это только повод для размышления. Наблюдения для умных людей. Но, к сожалению, ее действительно используют как руководство к действию. И не всегда на пользу населению, поскольку задача властей — эффективно функционировать.

Задача социолога — с кем бы он ни работал, попытаться максимально четко отразить тот объект, который ему нужно изучить. Использовать выверенные выборки, четкие вопросы, не пытаться подгонять ответы под заданные цели, честно описывать процедуру опроса и полученные данные, предупреждать о возможных сдвигах в выборочных совокупностях. Пытаться сравнить свои результаты с результатами своих коллег. И если результаты серьезно отличаются — искать причины различий. Выявлять динамику процессов, для чего опросы желательно проводить регулярно.

И если тебя привлекают в какие-то организационные структуры, ты должен хорошенько проверить, что это за структура. Напомню, в прошлом году пытались создать новую структуру, причем в нее активно приглашали социологов, работающих с властью. От таких структур мы должны держаться в стороне, все проблемы валидности социологического знания можно обсуждать в профессиональной среде.

Вместо заключения

Почему социологи идут на сотрудничество с властями? В моем случае это произошло в силу особенностей характера и мышления — я по складу ума практик и прагматик. Считаю, что любая наука, тем более имеющая дело с населением, должна заниматься практическими исследованиями. Внедрять результаты научных изысканий в практику, реалии жизни.

Социолог должен хорошо знать разные стороны жизни, представлять, как живут разные группы населения. Властные структуры, представители власти — одна из групп. Это группа — очень интересная для изучения, группа с двойным дном — одна сторона предъявлена обществу, другая скрыта от глаз населения. Кроме того, работа на властные структуры дает возможность зарабатывать дополнительные деньги и быть относительно независимым в этом плане, тем более в тот период, когда начался мой «роман» с властью, заработная плата в системе Академии Наук была мизерной. Отсутствие материальной базы фактически лишало научных сотрудников возможности проводить социологические исследования, важной частью которых являлись опросы общественного мнения, требующие значительных денежных средств. А заказы властей на опросы позволяли проводить их на больших выборках, пробуя различные методики и исследуя самые разнообразные сферы жизни.

Позволю себе некоторые сравнения.

Мое глубокое убеждение, что в своем развитии мы в значительной степени повторяем те тенденции, которыми характеризовалась общественная жизнь европейских стран и США в 60-е-70-е годы. Особенно это касается городской среды. Накладывается, конечно, влияние и новых тенденций в развитии мирового сообщества, особенно в информационной сфере., но первичными являются все же не они.

... В 70-е годы в Советском Союзе очень популярными были романы Митчелла Уилсона. Один из его романов, переведенный у нас под названием «Жизнь во мгле» (более точный перевод — «Живи среди молний»), был посвящен терзаниями физиков, которые работали над созданием атомной бомбы и т.п. Перечитав недавно роман, я осознала, что на самом деле он посвящен вечной теме в области научной деятельности — проблеме связи и противостояния ученых-фундаменталистов, теоретиков и ученых-практиков. Ибо переход ученого из области сугубо теоретических размышлений в практическую плоскость, будь то физика или социология, бросает его неизбежно в область моральных терзаний — не вредишь ли ты своими действиями человечеству или отдельному человеку.

И в этом плане взаимодействие социолога с властью — сильнейшее искушение. В те же 70-е годы среди нашей интеллектуальной элиты очень популярен был французский фильм (который, кстати, недавно повторили по российскому телевидению) под названием «Скромное обаяние буржуазии». Этот фильм хорошо представляет то, как может человека засосать повседневная рутина суетливых телодвижений, непонятных простому человеку, но демонстрирующая принадлежность к определенной группе, определенному классу лиц. И когда социолог видит цепь повседневных движений представителей властных структур, на первый взгляд бессмысленных, но

в итоге дающих власть над другими, когда социолог начинает ощущать себя своим в этой среде, ощущать что он находится в этой цепочке, и если он, как звено цепи, выпадет, цепочка может распасться — он невольно может подпасть под это «скромное обаяние власти». Но тогда он уже не будет вполне считаться ученым-социологом. Социолог-консультант, штатный социолог-эксперт живет уже по законам другой сферы.

Эта грань очень тонкая, и удержаться в рамках ученого в этом случае очень трудно.

Любопытно, что в этом случае научное сообщество начинает отторгать от себя своего коллегу, и прежде всего, уверена, потому что он перестает играть по старым правилам, а ему приходится играть по правилам, принятым в другой социально-профессиональной сфере.

Вывод из всего вышесказанного, и прежде всего личного опыта, заключается в том, что профессиональное социологическое знание, прикладное социологическое знание, публичное социологическое знание функционируют в различных сферах жизни, и посему «живут по разным законам».

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Елена Юрьевна ВИНОГРАДОВА¹ (к. с., Самарский гос. Университет)

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Преодоление времени и расстояния, к которому так давно стремилось человечество, столкнуло его представителей лицом к лицу. Во многом благодаря развитию науки и технологии в XX веке, появилась возможность выйти за рамки ограниченного сообществом себе подобных жизненного мира, а достижения в области медиа и коммуникации заставили нас «носить на себе как собственную кожу все человечество». Мы — такие разные и такие похожие друг на друга — живем в мире, погруженном в глубины знаков, смыслов и кодов, мы бродим в дебрях языка, которые одновременно нам знакомы и являются для нас открытием, сталкиваемся с явлениями повседневными и уникальными, предсказуемыми и вызывающими недоумение. Мы живем, дышим, действуем и самое главное — говорим. Говорим не только с современниками, но и с теми, кто оставил свои суждения и мысли на страницах многотомных изданий, пожелтевших листах из записной книжки, аудиозаписях и прочее, прочее. Нередко, вспоминая то, о чем нам рассказывали в детстве, мы забываем сообщения из утреннего блока новостей. Мы точно знаем, что завтра скажем на совещании и часто сомневаемся, как выразить самые простые вещи близким людям.

Безусловно, то, что мы говорим, кому, когда и где находит свое отражение в том, как мы говорим. Система ограничений, существующих независимо от нашего знания или незнания о них, постоянно находится в действии, позволяя говорить или заставляя умалчивать о чем-либо, делая те или иные темы доступными или недоступными. Понимание того, что люди могут говорить об одних и тех же вещах по-разному, оказавшись в иных обстоятельствах, постоянно подтверждается коммуникативным опытом человечества. Послание Джорджа Буша Конгрессу и проповедь Джироламо Савонаролы во дворе монастыря Сан-Марко трудно сравнивать, хотя они могут вызвать одинаковые последствия.

Все то, что мы говорим, как и в каких обстоятельствах можно включить в понятие «дискурс», восходящее к французским структуралистам и постструктуралистам,

¹ Виноградова Елена Юрьевна — ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований самарского государственного университета; lenavein@mail.ru

в частности — к М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и многим другим. Однако не стоит ограничивать этот круг только французскими авторами. Проблематика изучения дискурса и использования дискурсивного анализа уже давно вышла за рамки «французской школы» и на сегодняшний день ее решением занимаются исследователи по всему миру. Тому подтверждением служат работы Т. Ван Дейка, целой плеяды его учеников, ряда ученых Южной Америки и Восточной Европы.

Понимание дискурса во всей его сложности и многозначности было представлено П. Серно, однако М. Йоргенсен и Л. Филлипс предприняли попытку обобщить его до уровня поиска «общего знаменателя» во всем многообразии определений. Согласно их мнению, общим является то, что дискурсы — это фиксация значений, которые находятся в изменчивых отношениях. Дискурс — это определенный способ представления мира или какого-то аспекта мира¹. Стоит добавить, что подобная фиксация значений происходит в языке с последующей аккредитацией способов его использования для их репрезентации в дальнейшем.

Понятие «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», использовавшийся М. Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение — «какой» или «чей» дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами, спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т. д. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты (так называемое социально-конструкционистское определение дискурса). Подобного рода понимание ближе всего к использованию этого термина в социологии. По сути дела определение «какой» или «чей» дискурс может рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия.

Французский исследователь М. Пешё в своих работах конкретизировал сам термин и определил грани его применения в гуманитарных науках. Прежде всего, его определение дискурса не сводится только к понятию речи субъекта или текста, им произведенного. Здесь появляется понятие «подчинения», определяющее степень воздействия идеологии на смысловые референции субъекта речи². Полемика представителей французской школы анализа дискурса разворачивается в контексте «сопротивления» и «подавляемых идеологий». На таком фоне становится очевидным, почему П. Серно выделяет особый предмет дискурсивного анализа, в качестве которого, по его мнению, могут выступать только тексты «в полном смысле», а именно:

- произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания;

¹ Филлипс, Л., Йоргенсен М. Дискурс—анализ. Теория и метод./Пер с англ. — Харьков: Изд—во «гуманитарный центр», 2004. С. 219

² Серно П. Как читают тексты во Франции.// Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 34

- наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью¹.

Ограничением при производстве дискурса становится все то, что помимо языка делает дискурс определенным, конкретизирует его, а именно — формирующая дискурс культурно-историческая ткань². Такой подход позволяет выйти за рамки субъективной осмысленности речи и подняться на тот уровень, который отражает институциональный аспект производства дискурса, а также — контекстуальный аспект. Первый, на мой взгляд, лучше всего вписывается в теории П. Бурдьё, а второй — представлен во всей своей полноте в работах Т. Ван Дейка. Взаимодополняющее сочетание субъективного, институционального и контекстуального аспектов формирования дискурса показывает, что смысловое поле значений, присвоенных субъектом, неоднородно, а следовательно, можно говорить о том, насколько каждый из аспектов доминирует в процессе производства дискурса в том или ином случае. Ответ на этот вопрос предполагает решение целого ряда задач в рамках социологического исследования.

Учитывая, что все вышеперечисленные аспекты представлены в текстах, дискурсивный анализ, в основу которого положен анализ зафиксированного в тексте значения, начинается, прежде всего, с обращения к понятию «архив», используемого в постмодернистской традиции. Содержательный аспект этого понятия состоит в том, чтобы показать, что каждая историческая эпоха во всей своей оригинальности и неповторимости представлена в разного рода текстах, которых существует огромное множество, но, несмотря на это — с новой эпохой на смену ему придет другой «архив», обеспечивая «забвение» предыдущего³. Проще говоря, в коммуникативном смысле при создании дискурсивных практик человечество всякий раз заново «изобретает велосипед».

Описывая архивный анализ документов, М. Пешё отмечает, что процесс чтения документов представляет собой огромное поле для дискуссии, поскольку существует множество различных, даже противоположных способов чтения архива, понимаемого в широком смысле как совокупность документов, релевантных и способных быть отнесенными к некоторой проблеме⁴. Благодаря такому массовому документированному видению проблемы исследователь приобретает способность восстанавливать контекст, отсутствие которого является камнем преткновения в изучении социальной реальности. Таким образом, благодаря чтению архива может быть реализована объективирующая функция дискурс-анализа.

Субъективирующая функция состоит в том, что чтение есть реконструкция и «чтение буквальное», являясь чтением аналитическим, представляет собой «чтение интерпретирующее», которое априори уже представляет собой письмо⁵. Иными сло-

¹ Серию П. Как читают тексты во Франции.// Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 27

² Там же. С. 36

³ Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. — М., 2001. С.16

⁴ Пешё М. Что значит читать архивный документ сегодня.// Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 293

⁵ Там же. С. 293.

вами, архив субъективируется, проходя сквозь ментальные конструкты читающего. Следовательно, достижение баланса в соотношении субъективирующей и объективирующей функций дискурса-анализа ставится под вопрос.

Однако решением этой проблемы, отчасти позволяющим говорить о нивелировании субъективирующей функции объективирующей, служит понятие интердискурсивности или интертекстуальности.

Поль Анри, специалист в области истории и философии науки, пишет, что всякая дискурсивная последовательность — будь то фраза, предложение или тематически завершенная часть текста — высказывание (топик) основана на возможности соотнести эту последовательность с более глобальным массивом: дискурсивной формацией. Это не означает, говорит Поль Анри, что при чтении одного текста надо непременно обращаться к другому, но, тем не менее, иллюзия того, что сам говорящий или пишущий является первоисточником своих слов и своего дискурса обеспечивается таким механизмом как «забвение»¹. Интертекстуальность можно описывать и изучать с двух позиций — читательской и авторской. С точки зрения читателя способность выявления в том или ином тексте интертекстуальных ссылок связана с установкой на более углубленное понимание текста или предотвращение его непонимания за счет выявления его многомерных связей с другими текстами.

С точки зрения автора интертекстуальность — это (в дополнение к установлению отношений с читателем) также способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки.

Общим для всех подобных текстов является их значимость для определенного коллектива, то есть они содержат высказывания, разделяемые его членами, усиливаемые ими, значимые для них. Цель анализа состоит в том, что происходит выстраивание определенных позиций, отраженных в подобных текстах, и попытка увидеть за многообразием субъективированных смыслов единство объективированных и репрезентированных в социальных отношениях позиций различных социальных групп. Важно отметить и то, что анализируется массив текстов, например, тексты, опубликованные в СМИ: в этом контексте дискурсивный анализ выглядит как стремление исследователя преодолеть рамки контент-анализа, позволяющего показать количественную наполненность текста теми или иными смысловыми единицами.

Однако надо сказать, что дискурсивные практики не являются однажды раз и навсегда заданными, они пластичны, востребованы или не востребованы в данном контексте, поэтому никакая практика не может быть точным повторением предыдущей. Каждое воспроизводство включает момент изменения, пусть даже минимальный. Со временем более ранние структуры разрушаются под воздействием более поздних. Здесь возникает взаимосвязь с выделением двух типов дискурса — устного

¹ Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С.180

и письменного. Безусловно, письменный тип более устойчив и выполняет нормативную функцию в жизни общества, устный же — более пластичен и способен стать уточняющим и дополняющим фактором для формирования более позднего письменного дискурса. В поисках примера мы обратились к весьма содержательному историческому факту, зафиксированному Л. Шиффманом. Идея письменной и устной Торы была одним из краеугольных камней иудейской традиции. Толкователи Торы, используя уже существовавший канонический текст, интерпретировали его в соответствии с изменявшимися социальными практиками, избегая, таким образом, конфликтов и падения роли Закона в жизни иудейского общества. В данном случае суть вопроса не в том, какой из типов дискурса более важен, а в том, что они дополняют друг друга¹.

Историки, пожалуй, первыми столкнулись с кризисом методов анализа текстов. По меткому выражению Р.Робен, с их помощью «можно было доказать только то, что и так уже знали». Именно поэтому они расширили пространство дискурсивного анализа, методологически определив его структуру в качестве трех путей исследовательской деятельности, создав тем самым базовую структуру для дискурс-анализа в гуманитарных науках. Такой подход позволил открыть и описать дискурсивные формации в их историчности, отвечая на вопрос, какие темы были доступны или недоступны людям различного статуса, этнической принадлежности, культуры задолго до того как современники обратились к этим же проблемам. Составляющими этого метода были: тематический путь, ко-текстуальный анализ и составление корпуса².

Тематический путь прослеживает тему в рамках всех текстов, где она встречается. Он выявляет общие свойства для высказываний, встречающихся в разных архивах.

Ко-текстуальным анализом называется работа по реконструкции текста, иными словами — интерпретация различных высказываний и их соотнесение по смыслу друг с другом.

Составление корпуса — момент систематизации, позволяющий выделить столкновения, сопротивления, повторы, перемещения в языке, соотношение сил³. Именно на этом этапе могут быть применены методы, заимствованные из лингвистики: замена, гиперболизация и др.

Ряд современных исследователей сходится во мнении, что дискурсивный анализ (именно такую формулировку названия метода использует П. Серно) складывается в рамках этнометодологической традиции и во многом соотносится с техниками, используемыми при проведении разговорного анализа.

Однако существует целый ряд теорий в разных областях знания, которые позволяют соотнести процедуры дискурсивного анализа и функционирования дискурса с позиций интеракционизма и социального конструктивизма. Ниже мы приведем некоторые из них.

¹ Шиффман Л. От текста к традиции: история иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда. / Пер. с англ. — М: «Мосты культуры», 2000.

² Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недопонимание. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 194

³ Там же.

Три понятия — языковая структура, использование языка и социальная группа — лежат в основе сформулированного лингвистом Дж. Гамперцем классического определения речевого сообщества как любой совокупности людей, для которой характерно регулярное или постоянное взаимодействие на основе общих, известных всем языковых знаков и отличающейся от других подобных групп значительной разницей в использовании языка¹.

П. Бурдые подвергает сомнению понятие среднего стандартного языка как абстрактного объекта, искусственного инструмента, которым никто не пользуется ни для общения, ни для выражения собственных мыслей, ни для того чтобы завладеть ситуацией, то речь идет о некоем вымышленном языке. Если язык — это только то, что социально распределено, то получить средний язык — это иллюзорная затея. Тогда существуют только диалекты и социально распределенные манеры говорить. Одной из задач социологии, изучающей область языка, и является обнаружение этой дистрибуции, этих отношений иерархии и доминирования².

В статье «Дискурс, познание и социальная практика: обширная поверхность языка и социальное взаимодействие» Д. Эдвардс особое внимание уделяет соотношению разговорного анализа и дискурса. Он фактически постулирует то же, что и Т. Ван-Дейк, но с точки зрения дискурсивной психологии, а именно: язык как дискурс определяется не только наличием ментальных конструктов, которые изучают психологи. Важен язык, погруженный в ситуацию, язык во взаимодействии его носителей между собой (*talk in interaction*). Дискурс — не продукт индивидуального сознания, дискурс надиндивидуален³. Рассматривая такое явление как интенциональность, Эдвардс поясняет, что возможность предсказать поступки другого человека основана на способности категоризировать его действия как участника событий с учетом знаний о его способности действовать и о его полномочиях в определенной ситуации, в которую он вовлечен⁴.

Таким образом, обеспечивается понимание построения контекста для любого текста — как общекультурного, так и межгруппового и межличностного. Благодаря первому уровню контекста — общекультурному — мы имеем возможность поместить текст в определенную область значений, характерных для той или иной эпохи, цивилизации, страны, этнической общности и т. д. Благодаря более низким уровням,

¹ Комина Н. А. Анализ дискурса в интеракциональной социолнгвистике. // Электронный ресурс: <http://psy.samara.ru/content.asp?&rid=54&id=135>

² Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоумение. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 190.

³ Edwards D. Discourse, cognition and social practices: the rich surface of language and social interaction. // Discourse Studies — 2006. — №8.

⁴ Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. // Discourse Studies — 2006. — №8.

⁴ Edwards D. Discourse, cognition and social practices: the rich surface of language and social interaction. // Discourse Studies — 2006. — №8.

контекст приобретает ситуативные характеристики взаимодействия нескольких акторов, которые осуществляют интеракцию.

Попадая в общий контекст, все участники, равно как и весь процесс их взаимодействия, образуют единое поле смысловых значений, приобретают контекстуальную зависимость (context dependent) и находятся в ней до тех пор, пока ситуация не завершится. Именно такое помещение позволяет осуществлять манипуляцию в понимании Т. Ван-Дейка. Он рассматривает манипуляцию как социальный, когнитивный и дискурсивно-семиотический феномен¹.

Как социальный феномен манипуляция рассматривается потому, что она подразумевает взаимодействие, интеракцию нескольких участников — социальных акторов. Как когнитивный феномен манипуляция подразумевает трансформацию мышления участников в определенном направлении. И как дискурсивно-семиотический феномен манипуляция совершается посредством текста, выступления или визуальных сообщений.

Ван Дейк склоняется к тому, что при анализе манипулятивных стратегий нет необходимости учитывать психологические особенности участников, их характер, способность к обучению и др. Согласно его аналитической схеме, главным является процесс социального доминирования одних групп над другими, постоянно воспроизводящийся в повседневных практиках, включая дискурс.

Ключевыми персонами процесса манипуляции, который анализирует Т. Ван Дейк, становятся группы и их члены. То есть — носители определенных социальных характеристик. Он также проводит границу между участием в жизни кого-либо и манипуляцией, подразумевая под манипулированием не просто реализацию власти, а злоупотребление властью, приобретающее, в том числе, характер нарушения прав членов той группы, которая подвергается воздействию со стороны доминирующих.

Постоянное воспроизводство такой нелегитимной власти может быть обеспечено включением тех или иных тем в публичное обсуждение. Как только дискурс социальной группы становится публичным, он приобретает способ воспроизводства власти. Это относится к журналистам и ученым, к их влиятельным институтам — медиа-изданиям, университетам и т. д.²

Иначе говоря, иметь способность быть опубликованным или транслированным посредством медиа означает иметь способ воспроизводить власть. Манипуляция — одна из дискурсивных практик. Но большинство групп имеет вполне законное основание предоставлять информацию, например, преподаватели или журналисты. Поэтому необходимо оговорить, что манипуляцией может считаться только такое воздействие, которое совершается в интересах одной стороны и противоречит интересам доминируемых. А сами манипуляторы — авторы текстов или спикеры могут рассматриваться только как носители ролей, как члены группы доминирующих, и ни в коем случае не как индивиды, вступающие в межличностную коммуникацию. Отсюда — использование таких терминов, обеспечивающих понимание макроструктур,

¹ Dijk van T. A. Discourse and manipulation. // Discourse & Society — 2006. — № 17.

² Там же.

как «власть группы, организаций, институтов». Однако для дискурсивного анализа важно использование и микроструктурных компонентов, определяющих ситуацию взаимодействия.

Манипулирование людьми подразумевает манипуляцию их умами, то есть человеческими ценностями, такими как знания, мнения и идеологии, которые делают их действия подконтрольными¹.

Именно идеология делает индивида субъектом (Альтюссер), но при этом субъект может попадать в поле воздействия идеологии, которая направлена против него самого. Тогда это уже манипуляция, подразумевающая наличие или отсутствие сопротивления. Дискурсивный анализ позволяет определить ту тонкую грань, которая разделяет идеологию и манипуляцию, легитимное и нелегитимное убеждение в чем-либо и позволяет концептуализировать социально значимые и социально деструктивные техники производства смыслов, реализуемые различными социальными группами путем формирования дискурсов.

¹ Там же.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА «ОТКРЫТЫХ ВОПРОСОВ» ПРИ ИЗМЕРЕНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Проведенное нами исследование «Ценностные ориентации современной молодежи» в целом носит методический характер. При этом ставилось несколько исследовательских задач. Первая задача заключалась в разработке методики измерения ценностных ориентаций, основанной на применении метода открытых вопросов. Вторая задача — определение координат смыслового пространства ценностей современной молодежи. Третья задача состояла в изучении особенностей классификации и анализа текстовых данных, полученных методом открытых вопросов.

Концептуальное обоснование выбранного метода

При изучении социальной реальности исследователю важно понимать, как данная социальная реальность осознается конкретными людьми. В условиях трансформирующегося общества и глобализации получать актуальные данные по сути ценностных представлений людей просто необходимо. При этом, когда дело касается изучения внутреннего мира человека, недопустимо использование жестких методов с их неизбежной формализацией понятий. В такой ситуации целесообразнее прибегнуть к категориям, которыми пользуются сами деятели для упорядочивания своих повседневных жизненных практик. В ином случае данные принудительно загоняются в заранее заготовленную концепцию. Респондент не имеет возможности сформировать собственное мнение, а выбирает что-то более или менее приемлемое из предложенного списка. Иногда близкого ответа может в принципе не существовать в предложенном списке. Такая ситуация достаточно характерна для исследований, направленных на изучение таких размытых, неопределенных или символических объектов, как социальные установки, стереотипы и ценности.

Настоящее исследование соотносится с проблемами субъективного понимания и личностного смысла. Если мы ставим себе цель понять человека, понять его внутренний мир, необходимо приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые вкладывает этот человек в различные суждения и действия. В нашем случае задача заключалась в том, чтобы попытаться определить тот смысл, который вкладывают люди в общепринятые и общеизвестные значения ценностей.

СМИ растиражировали словосочетание «жизненные ценности», а в обыденной речи люди часто пользуются расхожими формулировками типа «карьерист» или «семьянин». Как представляются те или иные ценности в сознании людей? Существуют ли различия в восприятии ценностей? Если различия существуют, то каковы они? Какое смысловое и семантическое пространство определенной ценности?

Как замечает А. Н. Леонтьев, одна из функций сознания индивида состоит в оценке жизненного значения объективных обстоятельств и придания им личностного смысла, который прямо не совпадает с их понимаемым объективным значением.

Коллизия несовпадения значения и личностного смысла упоминается также В. А. Ядовым: «одни деятели, например, под таким ключевым понятием демократического общества, как рынок, могут подразумевать восточный базар, другие — систему взаимовыгодных долгосрочных контрактов, третьи вообще ассоциируют рынок с капитализмом и придают этому термину идеологический характер».

Поставленная задача требует выбора наиболее адекватного метода для ее реализации. Необходим метод, который обеспечил бы прямой доступ к личностным конструктам респондентов. В этой связи особенно пристального внимания заслуживают качественные методы и метод открытых вопросов в частности. Его применение представляется наиболее эффективным в исследованиях, направленных на выявление субъективных представлений человека о себе и окружающем мире, стереотипов, ценностей, личностных смыслов. В последнее время стало появляться все больше исследований, основанных на методах открытых вопросов или технике неоконченных предложений. К их числу можно отнести работы Г. И. Саганенко, посвященные изучению ситуации в российском обществе, проблемам наркомании и образования; а также исследования Г. Г. Татаровой, С. Г. Климовой, Ж. В. Пузановой, в которых описывается применение техники неоконченных предложений в изучении стереотипов и образов (образ культурного человека), социальных ожиданий, жизненных проблем и социальной идентификации личности. Также в ряду качественных методов, направленных на изучение личностных конструктов индивидов, следует упомянуть аксиобиографическую методику выявления ценностных ориентаций социальной группы А. П. Вардомацкого.

Фактором выбора метода открытых вопросов стало его успешное применение петербургским методологом Г. И. Саганенко вот уже на протяжении последних 17 лет для исследования самого широкого спектра социальных проблем. За это время был накоплен огромный опыт в использовании данной методики, определены форматы открытых вопросов, очерчен круг исследовательских ситуаций, в которых релевантен этот метод, а также создан специальный программный продукт для анализа информации, получаемой при таком специфическом виде исследования.

Г. И. Саганенко предлагает понимать открытый вопрос как совокупность форм вопроса и его предмета. Наиболее релевантно применение открытого вопроса в случае, когда изучаемым предметом являются расплывчатые и несистематизированные представления людей в отношении различных реалий социальной и собственной жизни. Предмет таких вопросов, как «Ваш пол?», «Сколько Вам полных лет?» или «Как часто за последние три месяца Вам приходилось покупать лекарства?», вполне однозначный и объективный. При ответе на такие вопросы человек лишь констатирует наличествующие факты. Выбор формы вопроса (открытый или закрытый) в этом случае не имеет принципиального значения для исследователя. Другое дело, если мы хотим понять, почему сейчас в России люди получают образование, почему распространяется наркомания, выяснить причины отказа от участия в выборах, узнать, какие ценности значимы для современных школьников. Использование здесь той или иной формы вопроса является уже принципиальным, так как ставит респондента в различные методические ситуации и преследует различные познавательные цели.

Основной специфической особенностью выбранного метода является сложность получения с его помощью репрезентативных данных. Как отмечает С. Г. Климова, при использовании мягких методов, когда вероятно появление практически неограниченного количества вариантов ответов, многие показатели либо очень малы, либо вообще существуют в единственном числе. Поэтому отношения и проценты, посчитанные при столь малых количественных показателях нестабильны и нерепрезентативны. Еще одна проблема заключается в том, что понятия обыденного языка чрезвычайно многозначны, поэтому бывает очень трудно эксплицировать подлинный личностный смысл высказывания, чтобы отнести его к той или иной смысловой группе. Г. И. Саганенко в числе прочих особенностей открытых вопросов отмечает особый интеллектуальный вызов, который этот метод предлагает человеку. Ведь заполнение открытой анкеты требует от респондента определенных интеллектуальных усилий и опыта самостоятельных рефлексий по тем или иным проблемам, и не все респонденты обладают таким опытом в равной мере.

Нельзя забывать и об опасности искажения информации при субъективном отношении исследователя к фактам. Так И. Ф. Девятко указывает на то, что у приверженцев мягких методов больше шансов оступиться на пути построения теории, приукрасить или попросту соврать, так как велик соблазн на основании одного необычного факта сделать далеко идущие выводы, дабы произвести на свет очередную научную сенсацию. Воображение таких исследователей часто превозмогает здравый смысл и влечет искателя истины «по ту сторону шкал» — в область экстраординарного знания (Девятко 11). Однако и у приверженцев жестких методов не всегда есть готовые эпистемологические рецепты на все случаи жизни, и порой им приходится идти так же дорогой проб и ошибок. В. А. Ядов отмечает, что и ученые, действующие в соответствии с классическим научным подходом, часто натываются в ходе своих исследований на необъяснимые явления, начинают все заново, пользуются случайными догадками, и только потом осмысливают итоги исследования в логически стройной теории. Излагая же результаты в публикации, они реконструируют весь процесс в строгой логической последовательности, умалчивая о множестве ложных ходов, ошибок и разочарований. (Ядов 19).

Названные выше особенности метода открытых вопросов ограничивают сферу его применения. Наиболее оправданным является его использование при изучении либо однородных, либо социально противоположных групп (Татарова 9, Ядов, 22). Поэтому в качестве объекта нашего исследования была выбрана однородная группа — это школьники старших классов и студенты.

Для решения поставленных задач исследования по разработке методики сбора информации о ценностных ориентациях и определения координат их смыслового пространства в инструментарий было внесено два открытых вопроса. Приводим эти вопросы в том виде, в каком они предлагались для ответа в анкете.

Напишите, пожалуйста, 10 жизненных ценностей, наиболее важных для Вас.

Попытайтесь охарактеризовать несколькими словами, фразами каждую названную Вами позицию (например, что для вас означают деньги, семья и т.д.):

	1–10. ЖИЗНЕННАЯ ЦЕННОСТЬ	11–21. ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕННОСТИ, ПОЯСНЕНИЕ ЦЕННОСТИ
1		
2		
3		
4		
5		
6		
7		
8		
9		
10		

Во-первых, респондентов просили перечислить 10 наиболее значимых ценностей, заполнив тем самым первый столбец приведенной выше таблицы. Указание количества необходимых для заполнения позиций неслучайно: этот прием как бы подстегивает респондента и настраивает на серьезную работу, заставляет думать и формулировать все новые и новые идеи, не останавливаясь на одной или двух самых поверхностных.

Вместе с тем этот прием создал определенные трудности в работе с полученным эмпирическим материалом, так как почти каждое высказывание приходилось обрабатывать вручную. Даже небольшие различия в написании (но не в смысловой нагрузке) того или иного суждения не позволяли использовать функцию автоматической классификации программы «Вега», в которой производился анализ данных.

Второй вопрос анкеты состоял в том, что респондентам предлагалось прояснить смысл каждой названной ценности. Эти данные в свободной форме вносились во второй столбец таблицы. В этом случае уже строгое количество ожидаемых позиций не уточнялось, а объем полученного текста определялся пространством, выделенным под ответ. В основном в это пространство помещалось не более двух — трех рукописных строчек, таким образом, большинство опрошенных в своих ответах ограничивались высказыванием 1–3 идей, хотя отдельным респондентам выделенного пространства не хватало и они «переходили» на поля анкеты.

Методика сбора и анализа эмпирических данных

Сбор данных осуществлялся посредством группового анкетного опроса. Опрос проходил аудиторно, аудитория включала в себя от 10 до 30 человек. Всего было опрошено 218 человек: это учащиеся старших классов двух средних школ и студенты трех ВУЗов Санкт-Петербурга. Анкета не ограничивалась представленными в тексте статьи вопросами, а включала в себя также вопросы, направленные на выявление «Я — концепций» респондентов и предпочтительных стратегий для достижения жизненного успеха. Однако в данной статье мы ограничимся лишь презентацией результатов, полученных при анализе ответов на первые два вопроса анкеты. Респонденты

заполняли анкеты в привычной и знакомой обстановке своих учебных аудиторий, на заполнение отводилось примерно 30–40 минут. В начале опроса испытуемые получали краткие устные рекомендации по заполнению анкеты, общение между респондентами в ходе опроса не допускалось.

На первом этапе полученная информация вносилась в базу данных в компьютерной программе «Вега». Система «Вега» — это новая улучшенная и дополненная версия программы ДИСКАНТ, с более дружественным интерфейсом и расширенными возможностями. Как и ДИСКАНТ, «Вега» предназначена для обработки произвольных текстовых ответов на вопросы структурированной анкеты в сочетании с количественной информацией закрытых вопросов, а также для обработки неструктурированной текстовой информации разного рода. Помимо хранения текстов в виде электронных баз данных, «Вега» выполняет некоторые элементы анализа текста: составление словарей, подсчет частоты встречаемости слов в тексте и в словаре. Ответы на первые два вопроса анкеты были представлены в структуре базы данных в виде 20 независимых полей: ответы на первый вопрос с перечислением 10 значимых ценностей и ответы на второй вопрос, включающие пояснения названных ценностей в первом вопросе. Уже в процессе внесения исходной информации в базу происходил первичный анализ: ответы — пояснения проходили процедуру разделения на элементарные обоснования. Так, например, пояснения «футбол — физическая подготовка, выражение себя, очень люблю играть» или «образование — я хочу совершенствоваться, с глупыми не о чем говорить, в наше время это необходимо» явно распадаются на различные по смыслу элементы. Технически эта процедура не требовала большого труда, так как «Вега» учитывает возможность разделения текстовой информации на несколько частей, не нарушая при этом целостности структуры базы.

Второй, наиболее трудоемкий и значимый этап анализа состоял в кодировке или классификации полученных элементарных суждений. Л. Ньюман подчеркивает принципиальное значение этапа кодировки в качественном исследовании. Если в количественном исследовании кодировка — это чисто рутинная вспомогательная процедура, то в качественном исследовании она играет совершенно иную роль. На этом этапе исследователь организует необработанные данные в концептуальные категории и создает темы или концепции, которые затем используют при анализе. Кодировка «направляется исследовательскими вопросами и ведет к новым вопросам, она освобождает исследователя от путаницы в деталях сырых данных и подвигает к более высокому уровню размышления о них». Тем самым кодирование продвигает исследователя к теории и обобщениям.

Л. Ньюман, вслед за А. Строссом, выделяет три последовательных этапа кодировки качественных данных: открытое кодирование, осевое кодирование и выборочное кодирование.

Открытую кодировку исследователь проводит во время первого прохода через собранные данные. Он намечает темы и приписывает первичные коды, осуществляя первую попытку сконденсировать массу полученных данных в категории.

Осевое кодирование — это второй проход сквозь данные, при котором исследователь начинает свою работу с организации набора первичных кодов или предвари-

тельных концепций. В этом втором проходе сквозь данные исследователь в большей мере фокусирует свой взгляд на первичном кодировании, нежели на самих «сырых» данных. Во время прохода могут возникнуть новые идеи и коды, но основная задача состоит все-таки в проверке первичных кодов.

Выборочное кодирование исследователь производит уже после того, как определился с основными темами своего исследования. На этом этапе выборочно отыскиваются случаи, которые иллюстрируют темы и помогают построить дальнейший анализ вокруг нескольких центральных идей и концепций.

В нашем исследовании открытая кодировка данных происходила в программе «Вега» при помощи функции автоматической классификации текста, то есть все одинаковые по словарному составу суждения объединялись в автоматическом режиме в одну группу, и этой группе присваивался единый код. Суммарное количество ответов на первый вопрос составило 1745. Количество возможных ответов 2180: эта сумма складывается из количества опрошенных и возможных 10 — вариантов ответа ($218 \cdot 10 = 2180$). Разница между реальным количеством высказываний и возможным — 435, то есть реальных высказываний оказалось на 20% меньше, чем ожидаемых. Весь этот объемный массив данных предстояло обработать и проанализировать, собрав отдельные суждения в группы, а группы — в классы. При этом использование функции автоматической классификации в «Вега» целиком не решало задачи по кодировке текста, так как, например, таким высказываниям, как «семья» и «любящая семья» присваивались различные коды.

На следующем этапе кодирования происходило объединение схожих по смыслу суждений в группы уже почти вручную. Процедура эта проводилась следующим образом. На основании массива, полученного в результате автоматической классификации, был создан черновой вариант классификатора, включающий в себя словарь «нормативных фраз» (иначе — «паттерн-фраз»). Оставшиеся суждения классифицировались путем сопоставления с «нормативными фразами» и фиксации среди них наиболее близких по смыслу. «Вега» предлагала для этого сделать выбор из множества близких по словарному составу «нормативных фраз», а нам оставалось соглашаться или не соглашаться с программой, относя суждения к той или иной группе.

Приведем примеры образования таких групп. Например, суждения типа: «Взаимопонимание с близкими», «Семейные отношения», «Любовь и гармония внутри семьи» явно имеют общую смысловую направленность.

Они отличаются от суждений типа: «Мои будущие дети», «Продолжение рода», «Создание моей будущей семьи». Также отличаются они и от суждений типа «Родители», «Мои сестры», «Близкие и дальние родственники».

Эти три типа суждений, имеющих разные смысловые основания, относились к разным группам (компонентам), отражающим разные характеристики ценности «семья». Первый компонент описывает различные стороны общения в семье, поэтому он получил условное название «Отношения в семье, благополучие в семье». Второй компонент обозначает значимую для молодых людей коллизию создания в будущем своей собственной семьи, вступления в брак и рождения детей. Он был условно назван «Собственная семья». Третий компонент описывает родственников в различ-

ных родственных статусах, поэтому он получил соответствующее рабочее обозначение «Родственники».

Часть полученных ответов имела иррелевантный характер по отношению к задаваемому вопросу о значимых жизненных ценностях. Например, такие суждения, как: «SIM карта моего телефона», «возможность вырваться из узкого круга ограниченности», «распорядок дня», «нормальная ориентация». Эти и подобные суждения были сгруппированы и отнесены в отдельную категорию, получившую название «Другое». Их общая доля среди всех ответов составила 2%.

При повторном проходе сквозь данные встал вопрос о размерности классификатора. Классификатор не может быть бесконечно большим, так как им нужно пользоваться в дальнейшем анализе и проверять гипотезы. Необходимо было перейти на более высокий уровень обобщения, чтобы не утонуть в деталях. Поэтому задача состояла в объединении близких по смыслу групп для создания категорий большей концептуальной размерности и большего «физического» наполнения элементарными суждениями. Эти категории получили название «классов» и представляют собой наиболее обобщенные и абстрактные значения ценностных ориентаций изучаемой группы. Именно эти позиции в итоге ранжировались, именно по этим позициям мы получали итоговое распределение, как среди всех опрошенных, так и среди отдельных групп респондентов.

Процесс слияния групп в классы не представлял большой технической сложности, однако давал определенный концептуальный и теоретический вызов. Так принятие решения об объединении представленных выше групп «Отношения в семье, благополучие в семье», «Собственная семья» и «Родственники» в единый класс «Семья» оказалось несложным и в целом согласовывалось с логикой индуктивного анализа. Однако не всегда все было очевидно и приходилось последовательно искать ответы на вопросы о соотношении тех или иных категорий.

Нужно ли, например, объединять группу суждений о здоровье с группой суждений о спорте? Вписывается ли спорт в концепцию здорового образа жизни? Нужно ли объединять группы «честность» и «добродота» в единый класс «Духовные ценности», или оставить их по отдельности, как это делается, например в методике М. Рокича (Ядов, Саморегуляция, 2009)?

Итак, всего было выделено 18 классов, в которые вошли 1710 единичных суждений, то есть 98% из всего объема полученных высказываний, 2% нерелевантных предмету исследования суждений были отправлены в класс «Другое».

Следующий этап исследования состоял в получении итогового распределения классов (ценностей) и определении смыслового пространства ценностей на основании анализа компонентов, входящих в их состав, и ответов-пояснений из второго вопроса анкеты.

Ценности и их смысловое пространство

Полученные 18 категорий анализа были ранжированы исходя из частоты их встречаемости. Наиболее часто встречаемыми категориями оказались: «Семья»,

«Друзья, общение», «Деньги», «Любовь, личная жизнь», «Здоровье, спорт». Суммарный вес этих пяти категорий составляет 55% от всех высказываний.

Суждения, полученные в результате ответа на первый вопрос анкеты, имеют разную степень обобщения. Так большинство высказываний, вошедших в категорию «Семья», занимающую первое ранговое место по частоте встречаемости (252 высказывания и 116% от числа опрошенных), имеют обобщенный характер — это высказывания типа «семья», «моя семья», «любящая семья». Таких суждений насчитывается 188 (11% от числа всех суждений и 86% от числа опрошенных). Частных ответов, полученных при первой попытке актуализации респондентами своих ценностей, оказалось в разы меньше. В категорию «Семья» были включены такие группы частных ответов как, «Отношения в семье, благополучие в семье» (7% от числа опрошенных), «Родственники» (10%), «Дом» (6%) и «Собственная семья» (6%). При повторной актуализации своих ценностных представлений, когда респондентов просили расшифровать смысл названных ценностей, для большинства опрошенных было характерно двигаться в своих ответах от общего к частному. Так вновь, например, появляется идея отношений в семье, но уже с более детальным осмыслением: главное в семейных отношениях — это поддержка и понимание близких людей, это защита и любовь. Таких высказываний, объединенных в группу с условным названием «Опора и поддержка», было получено больше всего (62 суждения или 28% от числа опрошенных).

Всего в ходе анализа было получено пять типов восприятия семьи. На втором месте после группы «Опора и поддержка» находится блок высказываний с условным названием «Главная ценность в жизни» (12% опрошенных). В этот смысловой блок вошли суждения, описывающие просто высокую значимость семьи в жизни и не содержащие дополнительных рефлексий по сути этой значимости. В данную категорию вошли такие ответы, как «Семья — главная ценность в жизни», «Это все!», «Семья — это главное, что есть у человека в жизни» и т. д. Подобные ответы дают возможность сделать предположение о недостаточном опыте осмысления респондентами значимых сторон своей жизни. Возможно, в рамках опроса многие из них получили такой опыт впервые. На третьем месте оказалась группа «Родные» (11%), включающая суждения типа «семья — мама, папа и все родные», «наличие мамы, папы». Значительно меньшее число респондентов (5%) воспринимают семью объективно и несколько отстраненно, как социальный институт и главного агента социализации: «Ведь семья — это фундамент дальнейшей жизни, зона личности в человеке, воспитание», «Как воспитают, таким и буду в будущем». Группа суждений, описывающих восприятие семьи как своей будущей собственной семьи, своих детей находится на последнем месте (3%). Представление о будущих детях вполне вписывается в рамки традиционных клише: «дети — цветы жизни», «это наше будущее», что говорит о не высоком знании респондентами этих жизненных сюжетов.

На втором месте по частоте встречаемости находится категория «Дружба, общение» (217/100%). Эта категория включает в себя такие компоненты, как «Друзья» (123/56%), «Дружба» (39/18%), «Общение» (26/12%) и «Дружеские отношения» (29/13%). При этом наиболее наполненной по смыслу и эмоционально явля-

ется группа «Дружеские отношения», включающая такие суждения, как «доверие», «взаимопонимание», «преданность», «братство».

В ходе анализа ответов- пояснений было выделено три типа восприятия дружбы. Для большинства респондентов (28%) дружба — это поддержка и помощь в трудной ситуации, а друзья — это люди, которым можно довериться. Еще 11% опрошенных воспринимают друзей как людей, «с которыми весело и приятно проводить время», а дружбу, как сферу общения, отдыха и раскрепощения. На последнем месте по частоте встречаемости (5%) находится группа суждений, имеющая самый низкий смысловой и познавательный статус. В эту группу были включены суждения, просто констатирующие высокую значимость дружбы и друзей («без них никуда», «самое главное»), и суждения-клише («не имей сто рублей, а имей сто друзей»).

На третьем месте оказалась категория «Деньги» (208/95%). В эту категорию вошли такие компоненты, как: «Деньги» (70%), «Материальное благополучие» (15%) и «Материальные ценности» (11%).

При анализе ответов, раскрывающих восприятие респондентами понятия денег, были выделены две группы суждений. При этом на первом месте по частоте встречаемости (42/19%) оказалась группа суждений-клише, описывающих разную степень значимости денег. 11% опрошенных, указывая на высокую значимость денег, использовали в своих ответах общеизвестные формулировки типа «деньги делают все», «деньги могут все», «на них все можно купить». Еще 8% респондентов указывают на значимость для себя денег, но при этом как бы оправдывают это суровой необходимостью следовать общепринятым нормам: «Это грязные бумажки, без которых невозможна нормальная жизнь», «деньги не главное, но...» «Они в жизни не главное, но все же». Получение такого количества ответов-клише может быть обусловлено тем, что современные СМИ, особенно молодежные, довольно агрессивно пропагандируют образ успешного человека, при этом понятия успеха и богатства становятся, по сути, синонимами. Возможно по этой причине большинство респондентов при актуализации своего восприятия понятия «денег» ограничивались лишь спонтанным воспоминанием знакомых шаблонов. На втором месте оказался блок суждений, описывающих восприятие денег как средства для достижения различных личностных целей. Для этой группы респондентов деньги это и получение свободы («средство независимости от других окружающих»), это и гарантия семейного благополучия («Нужны для поддержания благосостояния семьи»), это и возможность самореализации («Личное самоутверждение и стойкость, вера в себя»).

Литература

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии»// Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.

Вардомацкий А. П. Аксиобиографическая методика// Социологические исследования. 1991. № 7. С. 80–84.

Ж.В.Пузанова Метод неоконченных предложений в изучении проблемы одиночества// Вестник РУДН. 2005. № 6–7. С. 92–111.

Каневский Е.А., Саганенко Г.И. и др. Диалоговая система классификации и анализа текстов//Социология: 4М, 1997. № 9. С. 198–215.

Климова С. Г. Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании//Социология: 4М, 1995. № 5–6. С. 49–64.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Меджидова С. М., Орланова А. И. Анализ «Я-концепции» с помощью теста «кто я такой»// Вестник РУДН. 2005. № 6–7. С. 168–180.

Ньюман, Л. Анализ качественных данных// Социологические исследования. 1998. №12. С. 101–114.

Саганенко Г. И. Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов //Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV.

Саганенко Г. И. Сопоставление несопоставимого: обоснование сравнительного исследования на базе открытых вопросов//Социологический журнал. 1998. № 3–4.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности/Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979.

Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений// Социологические исследования. 1999. № 8. С. 123–133.

Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек»// Социология: 4М, 1997, № 9. С. 5–64.

Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных//Социология: 4М, 1991, №1. С. 14–31.

Приложения

Т а б л и ц а 1. Названные ценности

	Частота встречаемости (кол-во высказываний)	Частота встречаемости (в %)
Семья	257	15
Друзья, общение	217	12
Деньги	204	12
Любовь	147	8
Здоровье(свое, близких), спорт	137	8
Образование	125	7
Развлечения, отдых, увлечения	110	6
Работа, карьера	87	5
Самопознание, саморазвитие, личные качества	80	5
Духовные ценности	63	4
Социальное положение, успех	55	3
Свобода	48	3
Жизнь, оптимизм, уверенность в будущем	45	3
Уважение, признание окружающих	43	2
Гармония, природа, Мир	35	2
Родина	31	2
Счастье	15	1
Вера, религия	11	1
Другое	35	2
Всего	1745	100

Т а б л и ц а 2. Пример схемы объединения суждений в группы и групп в классы

Классы (Ценности)	Группы (Компоненты)	Типичные суждения (Элементы)	число суждений	% от числа опрошенных, n=218	
				% от числа суждений, n=1745	% от числа опрошенных, n=218
Семья	Семья	Семья	188	11	86
	Отношения в семье, благополучие в семье	Взаимопонимание с близкими	15	1	7
		« Семейные отношения »			

Классы (Ценности)	Группы (Компоненты)	Типичные суждения (Элементы)	число суждений	% от числа суждений, n=1745	% от числа опрошенных, n=218
		«Понимание близких»			
		Благополучие			
		Семейное счастье			
		Уют домашнего очага			
		Благополучие близких			
		Любовь и гармония внутри семьи			
	Родственники в различных статусах	Родители	22	1	10
	Дом	Дом	13	1	6
		Крыша над головой			
	Собственная семья	Дети	14	1	6
		Мои будущие дети			
		Продолжение рода			
		Сознание своей семьи			
Дружба, общение	Друзья	Друзья	123	7	56
		Моя подруга			
	Дружба	Дружба	39	2	18
	Общение	Общение	26	1	12
		Человеческое общение			
		Общение с людьми			
	Дружеские отношения	Доверие	29	2	13
		Взаимопонимание			
		Преданность			
		Взаимовыручка			
Деньги	Деньги	Деньги	152	9	70
	Материальное благополучие	Материальное благополучие	33	2	15
		Обеспеченность			
		Достаток			
		Комфорт			
		Материальное независимость			

ПЕРСПЕКТИВЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ФОНДА

Сергей Самуилович РАПОПОРТ (Институт социальных исследований Литвы)

БИОГРАФИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА

Можно предположить, что сама выделенность собственной биографии из потока исторических событий является чаще всего особенностью интеллигентского менталитета. Для других сословий биографичность нерелеватна, точнее, требуются чрезвычайные жизненные обстоятельства, чтобы личность почувствовала необходимость вычленить себя и свою судьбу из потока будничных ситуаций. Для интеллигента саморефлексия вообще и биографическая осмысленность являются как бы родовым признаком — одним из компонентов своеобразной «мифологии нужности»: интеллигенция, на наш взгляд, это единственная социальная группа, для которой релевантна проблема нужности, оправданности существования, причем эта «нужность-для-себя» оправдывается мотивом «нужности-для-других». Отсюда проистекает и релевантность образа своей биографии, в частности, как потока дел и переживаний, отданных служению.

Другой аспект — саморефлексия, построенная на собственном выборе и индивидуальной ответственности.

В контексте нашего обсуждения биография понимается не как статистически фиксируемый свод обстоятельств человеческой жизни, помещенный в рамки одноразового пребывания человека на земле, а как символическая значимость этого пребывания для рефлексирующего сознания, т. е. как образ данной человеческой истории.

Ниже под понятием «официальности» разумеется вся система институтов, учреждений культуры, наделенных полномочиями отбора новых участников культурной жизни, распределения их в различных местах социокультурной лестницы, обладающих различающимися уровнями наград — за дарования и достижения, прежде всего — в творчестве. Места эти иерархичны и по престижу, и по благам. Образ названной социокультурной иерархии представляет собой официальную модель биографии; она располагает званиями, орденами, чинами, премиями и т. п. Отношения участников с этой моделью биографии достаточно сложны, они подробнее рассматриваются ниже.

Групповой моделью биографии интеллигента является предложение организации судьбы, которое часто альтернативно официальной. Здесь ценности и знаки пользуются неофициальным престижем в среде интеллигентской общественности. Такое противопоставление имело место всегда, однако особо напряженными такие отношения с официозом возникают в те общественные периоды, когда интеллигенция не желает идентифицироваться с властью.

Индивидуальный сознательный выбор биографии может представлять собой как отождествление с ценностями официальной культуры, т. е. провозглашаемыми ее учреждениями, так и в противовес последним — выбор ценностей и значимостей групповых. Подробнее последний вариант описывался

нами в работах, касавшихся группового стиля жизни и, в частности, снобизма (см. «Интеллигентские позы, сезоны 60-70 годов», ж-л «Вильнюс», 1997, № 1-2).

Наконец, в истории культуры известны случаи чисто индивидуального моделирования биографии, противопоставленного биографическим образцам официоза и группы.

Известно, что в современном культурном обиходе часто особо высоким престижем пользуются награды международных учреждений (такова, например, Нобелевская премия). Эти ценности также представляют собой биографический ориентир для интеллигента, сочетающий в себе черты официального и группового моделирования.

Сама постановка вопроса о биографическом самосознании интеллигента, на наш взгляд, неслучайна. Представители интеллигентского сословия часто не выделяют себя ни из официальной системы, ни из приватной ежедневности, т. е. воспринимают себя рутинной составной частью этих систем. Реже возникает образ биографии как итога, «панорамный» взгляд на судьбу как на нечто уже сложившееся, иными словами, интеллигент в этом случае предпринимает — как правило, уже в зрелом возрасте — попытку «задним числом» приписать случившемуся с ним итоговую осмысленность. Это приписывание, разумеется, берется из арсенала общекультурных моделей биографий. Диапазон такого моделирования в культуре весьма широк: от модели, известной под названием «жизнь замечательных людей», до модели, представляющей своеобразную апологию скромности.

В арсенале биографических возможностей, скопившихся в европейской культуре, модель «жизнь замечательных людей» чаще всего воспринимается неофитом, вступающим на культурное поприще, как образец, в котором предполагаются некие дарования и способности выше среднего уровня. При этом констатация и признание наличия этих способностей — в науках, искусстве и т. п. — является прерогативой соответствующих социальных институтов, играющих роль инструментов отбора (их компетенция осуществляется с помощью разнообразных конкурсов, приемных комиссий и т. д.) Раннее биографическое самосознание интеллигента проявляется в том, что он сам начинает подозревать в себе присутствие качеств, пользующихся общественным престижем и спросом. Следующий шаг — иногда робкий, иногда самоуверенный — это предложение себя отбирающим инстанциям.

Поскольку, как известно, престижных мест в культуре всегда меньше, чем претензий на них, возникает первая конфронтация с официальным моделированием

биографий: новый претендент в случае признания селективной инстанцией наличия у него нужных способностей признает ее правомочность на управление всей его дальнейшей судьбой. Разумеется, в дальнейшем нередки случаи очередных, текущих конфликтов, и тогда доверие к официальному моделированию может вновь поколебаться.

Второй, не менее частый вариант отношений нового интеллигента с официозом — это непризнание отборочными учреждениями его предложений. Тогда неофит нередко понуждается обратиться к иным — групповым и индивидуальным моделям биографий.

Во всех перечисленных случаях можно считать выбор интеллигентом судьбы вполне осмысленным. Его биография — в его восприятии — оказывается неслучайной.

Можно предложить априорную типологию биографических ориентаций интеллигенции, построенную на критерии степени интегрированности человека в культурную среду. Выделяются биографии, ориентированные на «приватность», иначе говоря, на мир ценностей так называемого ближнего круга. При этом уместно обозначить отличие биографической установки осознанного антикарьерного типа от установки интеллигента, для которого характерен «синдром скромности». В этом последнем случае человек вполне сливается с рутинной культурного заведения, в котором он служит. Он не числит за собой никаких выдающихся способностей и полностью соглашается со ступенчатостью элементарной иерархической лестницы.

В свою очередь, биографический выбор «карьерного типа» подразделяется на такой, который идентифицируется с официальными моделями, и такой, который предпочитает известность вне официоза. Если в первом случае качество выбора и достижений участника удостоверяется государственными регалиями и наградами, во втором интеллигент сам или от имени микрогруппы подвергает сомнению компетентность официоза, и, соответственно, уровень отмеченных им произведений и биографий.

Отдельная проблематика в рассматриваемой теме — это динамизм или застойность биографии. Среди частых мотивов биографической рефлексии интеллигента следует отметить проблему — «надо успеть». Под этим мотивом могут скрываться различные стимулы: с одной стороны, чисто карьерная спешка, которой сопутствуют конкурентные войны с коллегами по жанру, использование различных обходных маневров со вполне циничным отношением к каноническим критериям качества поступков и произведений.

Другая разновидность динамики судьбы основывается на мотиве служения: вне зависимости от официальных наград, интеллигент следует императиву — создать важные для человечества труды, цепочка которых и составляет в конечном счете биографический сюжет этого интеллигента.

К последней мотивации относится и более общая проблема — это сложившийся в культуре биографический образец, сводящий цель жизни к результатам деятельности интеллигента с ориентацией, в частности, на посмертное признание. При этом для такой модели оказывается нерелевантными остальные характеристики человеческой жизни, т. е. промежутки любой длительности между очередными достиже-

ниями, иными словами, произведениями, созданными данным интеллигентом. Тем самым рутинные моменты повседневной жизни участника культуры оказываются в этой модели немаркированными. Если при этом мы имеем дело с «героем культуры», т. е. интеллигентом, добившимся звездного успеха, механизм известности как бы сублимирует, лакирует, подтягивает до уровня образца все житейские подробности биографии. Если же такого успеха не случилось, следование названому биографическому образцу вполне может привести к душевному дискомфорту или даже к личностной деградации.

В таком рассмотрении определяющим, на наш взгляд, является исторически сложившееся различие — между так называемой «элитарной» культурой, понимаемой в данном случае как установка на создание произведений культуры (что мыслится как биографическая цель) — и культурой обыденной жизни (и творцов, и потребителей их творений). В первом случае модель биографии, реконструируемую по самим текстам культуры, так и по ценностям серии «жизнь замечательных людей», можно интерпретировать как приглашение каждого к равноправному участию в культуре, при котором любой миг существования равноценен и культурно отмечен (признан). Такой образец жизни оказывается кодификацией освоения жизненного пространства. Однако исторически этот образец не был реализован, поскольку в иерархии культурных ценностей центр тяжести перешел с содержания текстов на культ их создателей, следствием чего явилась социокультурная асимметрия творцов и потребителей (иногда воспринимаемая даже как социальная дистанция). К следствиям можно также отнести и тягу новых поколений претендентов к благам закулисной жизни творцов, и показную, часто — снобную культурность некоторых подгрупп интеллигенции, и новые биографические модели поп-звезд — для подражания, и девальвацию конкретного содержания обыденности в восприятии людей и т. д. и т. п. Общим смыслом этих ориентаций можно считать своеобразную культурную «неотмеченность» обыденной человеческой жизни.

Следующая особенность анализируемых карьерных моделей биографии — это различие событий и длительностей во временном потоке будней. Согласно этим моделям культурная отмеченность и качественность присуща не всей продленности человеческого существования, а лишь особым «звездным» его часам; остальное время не событийно, т. е. не маркировано культурным значением. Однообразные, монотонные усилия по выживанию как бы исключаются тем самым из интеллигентской биографии. Иначе говоря, в пантеон культуры, согласно этой модели, допускаются лишь редкие избранные персонажи и/или редкие событийные моменты жизни. Так или иначе, в этой игре подразумевается существенный оценочный момент: для того, чтобы оказаться в рядах отмеченных культурных событий — истории культуры и данного интеллигента-творца — участок жизни определенной длительности должен пройти процедуру социокультурной оценки, после чего он становится событием, или, иными словами, моментом как истории культуры, так и биографии данного интеллигента.

Таким образом, культурно маркированными в официальных моделях биографии оказываются — начало (поступление в престижный ВУЗ, попадание на творческий конкурс, переживание его результатов), события, которые должны быть отмеченны-

ми, т. е. соответствовать провозглашаемому канону формы и содержания, а также — стилю поступка, сопровождающего участие в названных процедурах. В любом случае для новых адептов пишется история — именно как история отмеченных биографий.

Совсем другое дело — моделирование биографий по рецепту «скромности». Такое участие в культуре по сути дела не отрефлексировано, протекает в традиционных ритуалах коллективности. Участник не находит в себе мотивации для выделения себя из группы таких же, т. е. не пытается соответствовать императиву оригинальности, обязательному для интеллигента противоположной биографической ориентации. Следование стандартам обычной официальной карьеры характеризует всех единомышленников этой категории, объединяющихся в коллектив — аудиторию, которая поддерживает серьезность и формальную престижность мест и наград в этом виде проживания биографии. Можно сказать, что участникам этой ориентации свойственно именно коллективное биографическое осмысление — своеобразный парадокс неполной индивидуализации личности. Редко кто из интеллигентов названной ориентации вообще мыслит в категориях биографии.

С другой стороны, ряд теоретических проблем высвечивается на конкретном примере осмысленного выбора биографии, осуществленного известным литератором Т. В. в середине 70-х годов XX столетия. К этому времени он имел уже вполне официальный статус — был преподавателем университета, поэтом, переводчиком труднейших произведений художественной литературы, ученым-филологом и семиотиком, обладавшим определенной известностью в интеллигентских кругах тогдашнего Союза. Перспективы официальной карьеры были для него вполне доступными, однако ее качественный уровень его никак не устраивал. Официальная перспектива виделась им как нечто низкопрестижное, провинциальное, унылое, да к тому же зараженное советской идеологической догматикой. Тогда он со всей ясностью сформулировал свой биографический выбор: в очерченных выше рамках его биография явно заходила в тупик; ей требовалось резкое ускорение и качественный скачок. В тогдашней общественной ситуации он выбрал риск — именно как способ сознательной организации биографии: пошел на конфликт с властью, предъявил свои качественные претензии к официальной культуре, сформулировал свой взгляд на творческое поведение. Он рисковал многим — благополучием, карьерой, наконец, свободой. И выиграл. Выхав на Запад, он обрел новое измерение своей судьбы — во всех отношениях. Его человеческие качества получили международное, недевальвированное признание.

В те годы ситуация конфликта интеллигента с режимом не была редкостью, и как правило вмешательство властей меняло биографический сюжет и придавало ему ускорение. Часто цитируется высказывание А. Ахматовой по поводу Бродского тех времен, когда в Ленинграде его преследовал КГБ, о том, что «они» создают ему биографию.

Это пример того, как официоз организует биографию интеллигента методом «от противного», понуждая его к последовательности и неконформности выбора.

Наступают поздние этапы биографии интеллигента, когда уже сам его возраст, казалось бы, открывает перед ним панорамный обзор случившейся жизни. Биография закончилась, остается уяснить или придать ей смысл — в терминах моделирования

судеб, которыми располагает культура. От удовлетворенности достигнутым до острого переживания неудачи, ошибок выбора поступков и поворотов — таков широкий диапазон биографической осмысленности на этом этапе жизни. Однако и для такого постфактумного поведения нужна немалая рефлексия и энергия, постепенное угасание которой зачастую ведет к нерелевантности культурных стимулов вообще для бывшего рефлексанта: пространство культурной активности, оказывается, лишь до тех пор составляло такому интеллигенту материал для осмысления судьбы, пока он получал извне престижные и карьерные подкрепления. Оказавшись вдруг вне игры, он начинает воспринимать мир культуры как бессвязный, равнодушный, инерционный и пустой. Зачастую ему уже и невдомек, как это он раньше мог улавливать и остро переживать связность культуры, включавшей и осмыслявшей и его биографию.

Во всех перечисленных ареалах формирования и осмысления биографий достаточно распространенным является «симулятивный» тип поведения. Речь идет о сложном механизме «притворства», или — показной демонстрации культурно поощряемых качеств и поступков. В рамках нашей проблематики аудитория культурной активности оказывается своеобразным театром, анонимной части которого назначено воспринимать фигуры социального успеха, скроенные по всем правилам канона. Доктор, профессор, писатель, артист, официальный живописец — все они предстают перед зрителем как имитаторы внешних атрибутов культурного качества; до тех пор, пока публичное событие проходит в рамках официальности, распознать имитацию в состоянии лишь посвященные — или просто предубежденные реципиенты. Истинное, скрываемое содержание фигуры — со всеми отклонениями от содержательного канона — открывается лишь в чрезвычайных, стрессовых ситуациях, хотя, казалось бы, симуляция качества вполне заметна прежде всего в произведениях этих персонажей. Тут однако вступает в силу негласный запрет на разоблачительные процедуры, действующий на территории официальной культуры. Обычно саморазоблачение мнимого героя культуры наступает тогда, когда он волею обстоятельств или конкурентной борьбы оказывается вытеснен из зоны официальной активности в частную жизнь; здесь он постепенно обнаруживает, что ему незачем «демонстрировать» высокие качества, тем более, что имитация нередко сопряжена была с немалым напряжением. Легко отнести описываемые явления к атавизмам нашего недавнего тоталитарного прошлого, оставившего действительно немалое число советских интеллигентов с такими чертами, как профессиональная некомпетентность, неэрудированность, агрессивность и банальность образа мыслей, эрозия моральных качеств и т. п. К этому законно примыкал навык скрывать мнимости за официальными регалиями и позами. Дело однако в том, что показная принадлежность к культуре имеет, на наш взгляд, куда более древние исторические корни, имитацию оберегают от разоблачающих откровений куда более фундаментальные правила поведения в «этикетной среде».

Правила культурной имитации качества действовали и в неофициальной среде, в частности, в разнообразных формах фрондерского противостояния официозу; здесь складывались соответствующие симулятивные карьеры и судьбы.

Для тоталитарного периода общественной жизни существенна была явная демаркация публичной и приватной сфер жизни интеллигента. Публичное отождест-

влялось с официальным, престиж же официального мира в глазах людей был крайне низок. Это значит, что стихийное социально-психологическое регулирование поведения было вполне определенным: естественным было ангажироваться в частную сферу, где не было необходимости в демонстрации культурных качеств и где отношения были более аутентичными.

Вместе с тем для культурного самосохранения интеллигенту, «вернувшемуся» из публичной жизни с определенным багажом культуры и определенным разочарованием в официальной, нужна была прежде всего групповая поддержка; референтная группа оказывала психологическое подкрепление прежде всего за счет поддержки стиля жизни, а иногда — стилизации, придававшей определенную качественную маркировку деталям потока обыденной жизни.

Важным элементом общей структуры биографического моделирования является то, что для интеллигентов «второго круга», не претендующих на авторство в культуре, модель «жизнь замечательных людей» оказывается манящим образцом, причем не столько для подражания (это по определению невозможно), сколько для поверхностной имитации, ориентированной на внешние эффектные стилистические характеристики (например, такие как богемность — для одних, разгул закулисной жизни — для других, роскошь — для третьих и т. п.)

На новых и новейших территориях европейской культуры, окрашенных постмодернистской и постпостмодернистской стилистикой, участники игры пока еще как бы и не догадываются, что помимо общих ритуалов участвуют и в становлении их частных биографий; пока им обеспечено бессмертие или по крайней мере — вечная молодость. На входе в культуру эти новые авторские поколения подвергают сомнению и пародированию ценности и компетенцию вступающих. Тем самым они активничают именно на этой грани между каноническим и новым — непохожим ни на что прежнее. Если бы можно было поверить в фундаментальность нового стиля, его адептам вообще не суждена была бы никакая-либо биография (как нечто трафаретное, банальное). Однако именно благодаря сопротивлению «старых» эти новые оказываются в свете рампы, т. е. заметны для самих себя. И как только «прежние» сдадутся и признают приемлемость для культуры новых, эти последние вступают в канон (хоть и обновленный) и тем самым — исчезают в традиции. И тут же их достоянием оказываются общие трафареты интеллигентских биографий, которые были обсуждены выше.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛЬШЕ

В течение нескольких десятилетий (с конца 20-х вплоть до начала 60-х годов XX века) применение биографического метода в социологических исследованиях было принято считать своеобразной специализацией польской социологии. В специальной социологической литературе можно встретить определение «польский метод», означающий анализ биографических и автобиографических материалов, их сбор и отбор на основе объявленного конкурса¹. Это утверждение нам представляется верным, несмотря на то, что социология как академическая наука, отмечает Я. Щепаньский, возникла в Польше значительно позже, чем в других европейских странах².

Начало применения этого метода в Польше связано с работами Ф. Знанецкого, а также его учеников и сотрудников. Сразу же после окончания Первой мировой войны Ф. Знанецкий вернулся на родину. В 1920 году в Познанском университете им была основана первая в стране кафедра социологии. Трудно было бы представить ситуацию, как отмечает Н. Крашко, в которой бы Ф. Знанецкий стал обосновывать социологию как науку, по своей природе занимающуюся только теоретическими выяснениями без эмпирических исследований³. Образованный в 1921 году Институт социологии, руководителем которого он стал, это только подтвердил. Уже в 1921 году Институт социологии объявил конкурс на автобиографию рабочего, а также на воспоминания женщин о своем участии в работе во время избирательных кампаний. Сбор личных документов и их использование в исследовательской работе не было чем-то совсем новым в исследовательской практике Знанецкого. Работа «Польский крестьянин в Европе и Америке», написанная им совместно с У. Томасом, основывалась на широком использовании личных документов. Новизной для самого Знанецкого и социологической практики того времени стало то, что сбор документов стал проводиться на основе крупномасштабного и тщательно подготовленного открытого конкурса. По первому конкурсу было отобрано 149 автобиографий. В межвоенный период были опубликованы полностью две конкурсные работы: портного Владислава Беркана «Автобиография» (с предисловием Ф. Знанецкого)⁴ и первого лауреата этого конкурса рабочего Якуба Войцеховского «Автобиография рабочего» (с предисловием С. Шумана и введением Ю. Халашиньского)⁵. «Автобиография рабочего»

¹ Markiewicz — Ladneu J. La formation d'une pensee sociologique: la societe polonaise de l'entree-deux-guerres. P. 1982. P. 139.

² Szczepanski J. Odmiany czasu terazniejszego. Warszawa. 1971. P. 34.

³ Krasko N. Historia instytucjonalizacji socjologii w Polsce (1918-1939) // Studia Socjologiczne. 1984. Nr. 1. P. 38

⁴ Berkan W. Zyciorys wlasny. Poznan. 1924.

⁵ Wojciechowski J. Zyciorys wlasny robotnika. Poznan. 1930.

Я. Войцеховского получила широкое признание среди польской общественности¹ и имела большое инспирирующее значение для проведения последующих многочисленных конкурсов мемуарной литературы в Польше, что в 60-х годах получило наименование польского «феномена в мемуаристике». Как отмечает В. Маркевич, «Автобиография рабочего» Я. Войцеховского «стала как бы классической мемуарным произведением, которое само по себе является достаточным аргументом в дискуссии о целесообразности использования в общественных науках, особенно в социологии и социальной психологии, методов личных документов»².

Научное значение первого конкурса состояло также в том, что в польской социологической литературе были впервые собраны и систематизированы документы о непосредственных условиях жизни, сознания и стремлениях польского рабочего. На основе материалов этого конкурса Ю. Халашиньский осуществил социологический анализ проблемы социального продвижения рабочих в своей книге «Пути социального продвижения рабочего»³.

В 1927 г. Институт социологии был реорганизован и переименован в Польский институт социологии. В нем заметно расширилась проблематика эмпирических исследований. В 1928 г. в институте началось изучение социальных проблем города. По инициативе Ф. Знанецкого был объявлен конкурс — «Чем был и есть для тебя город Познань». Было получено 27 работ, которые легли в основу книги Ф. Знанецкого «Город в сознании его жителей»⁴.

До конца 20-х годов эмпирические социологические исследования не получили широкого распространения. Эмпирические исследования проводились фактически только в познаньской социологической среде. Переломным временем для развития социологии в Польше стал 1930/1931 год. Именно в это время по инициативе Ф. Знанецкого состоялся первый съезд польских социологов, было образовано Польское социологическое товарищество, вышел первый номер журнала «Пшеглэнд социологичны» как орган Польского института социологии. Социология с 1931 г. стала специализацией в университетах, в которых не было социологических кафедр. Открылись две новые кафедры социологии.

С начала 30-х гг. стала постепенно проявляться специфика использования биографического метода в различных направлениях и школах в польской социологии, сформировавшихся к тому времени. Обсуждение проблем биографических исследований стало носить диалоговый, циркулярный характер.

В 1930-х годах в Польше было проведено большое количество конкурсов на дневники, биографии, воспоминания, описания жизни. Организаторами проведения конкурсов были: Институт общественного хозяйства в Варшаве (воспоминания без-

¹ Jakubczak F. Jakub Wojciechowski — klasyk pamiętnikarstwa robotniczego // *Kultura i Społeczeństwo*. 1974. Nr.1.

² Markiewicz W. Przedmowa. — Wojciechowski J. *Zyciorys własny robotnika*. Poznan. 1930. Chalasinski J. *Drogi awansa społecznego robotnika*. Poznan. 1931.

³ 8. Chalasinski J. *Drogi awansa społecznego robotnika*. Poznan. 1931.

⁴ Znaniecki F. *Miasto w świadomości jego obywatele*. Poznan. 1931.

работных, воспоминания крестьян), Государственный институт сельского хозяйства в Пулавах (описание ведения дел в домашних хозяйствах), Институт социологии села Главной школы сельского хозяйства в Варшаве (биография общественных деятелей села), Школа социальных наук Общества рабочих университетов в Кракове (анкета о самообразовании рабочих и о роли культуры в рабочей среде), Государственный институт села в Варшаве (описание жизни, раздумий и стремлений сельской молодежи; биографии воспитанников народных университетов), Отделение социального страхования в Варшаве (воспоминания врачей), Институт труда и территориального самоуправления в Варшаве (воспоминания специалистов сельского хозяйства и общественных деятелей местного самоуправления), Польский институт социологии в Познани (биографии и воспоминания безработных; воспоминания жителей Силезии), Педагогический институт в Варшаве (биографии учителей).

Польский институт социологии в 1933 г. провел два конкурса. Первый конкурс был посвящен биографиям безработных, второй — биографиям жителей Силезии. По первому конкурсу было собрано 605 биографий безработных, из которых 134 были отобраны для опубликования. По второму конкурсу было собрано 206 работ, которые легли в основу работы Я. Щепаньского «Переход из семьи в школу в биографиях молодежи».

Исследования Института общественного хозяйства, который возглавлял Л. Кшивицкий, проводил исследования по широкой социальной проблематике. В 1931 г. Институт объявил конкурс воспоминаний безработных и было собрано 744 воспоминания. В 1933 г. в этом институте был объявлен конкурс воспоминаний крестьян. Было собрано 498 работ, на основе которых были опубликованы два тома «Воспоминаний крестьян» (тт. 1–2, 1935–1936 гг.). Эти воспоминания стали широко известны не только в Польше, но и в других странах. В Советском Союзе они были переведены и изданы на русском языке, а в Чехословакии был проведен подобный конкурс. В 1935 г. в Институте общественного хозяйства был проведен третий конкурс, посвященный воспоминаниям эмигрантов. Отобранные воспоминания были опубликованы под названием «Воспоминания эмигрантов. Франция» (1939) и «Воспоминания эмигрантов. Южная Америка» (1939). Эти воспоминания охватили 212 работ. Научная деятельность этого института в предвоенные годы всесторонне рассмотрена в специальном исследовании, посвященном его работе с 1920 по 1944 год¹.

Исследования, проводившиеся Л. Кшивицким и его сотрудниками в Институте общественного хозяйства, отличались методологической новизной. Проблемы, отраженные в собранных биографических документах, стали предметом широких полевых исследований. Если Ф. Знанецкий и сотрудники его школы обращали внимание прежде всего на те моменты содержания биографических материалов, в которых находило свое выражение отношение их авторов к описываемым фактам, их установки, сформировавшиеся в определенной социальной группе, то опыт Л. Кшивицкого и его сотрудников в Институте общественного хозяйства базировался на том, что личные

¹ Szturm de Sztrem T. Instytut Gospodarstwa Społecznego 1920–1944. Przyczynek do historii instytucji naukowo-społecznych w Polsce. Warszawa. 1959.

документы могут представлять собой прекрасный источник и одновременно исходный материал для более обширных исследований общества, а именно материального положения и уровня жизни, а также отношений, наиболее распространенных в обществе¹.

Самый обширный фонд личных документов (биографии, автобиографии, дневники, письма, воспоминания и т. п.) в межвоенный период был собран в Институте культуры села, руководителем которого стал Ю. Халашиньский в 1936 г. Биографический метод в исследованиях этого института применялся при изучении перемен в жизни и культуре сельских жителей. Ю. Халашиньский и его сотрудники рассматривали автобиографический материал как основной в научном анализе. Работа Ю. Халашиньского «Молодое поколение крестьян» (1938) включала 1544 работы, отобранных из материалов, представленных на конкурс. Исследования, проводившиеся в институте, нашли отражение в значительном числе публикаций².

В целом в межвоенный период в Польше был проведен 21 конкурс воспоминаний и автобиографий. Польские социологи справедливо говорят, о полном успехе разработанного Флорианом Знанецким автобиографического метода в социологических исследованиях в межвоенный период. Метод этот «прижился» сначала в Польше, а позже стал характерной чертой мировой социологии³.

Сразу после окончания Второй мировой войны в Польше было опубликовано несколько интересных исследований по рассматриваемой нами проблематике⁴. Новый этап в развитии биографических исследований наступил в 1956 г., когда в Польше были сняты многие преграды, мешающие развитию социологии. В 1949–1955 годы в Польше проходила острая дискуссия об отношении эмпирических социологических исследований и исторического материализма. Биографический метод в указанные годы подвергался резкой критике со стороны марксистов. Наиболее отчетливо эту критику сформулировал А. Шафф в специальной статье, появившейся на страницах журнала «Mysl Filozoficzna» (1952, № 4), посвященной анализу использования личных документов и критике характерных, по его мнению, субъективистских тенденций, присущих этому методу исследований⁵.

Достоинства этого метода в общественных науках Ян Щепаньский в 1964 г. кратко определил так: «Важность личных документов в наше время состоит в том, что

¹ Kwilecki A., Laczowska M. Problemy rodziny robniczej w swietle najnowszych materialow autobiograficznych // Studia Socjologiczne. 1987. Nr.1. P. 140–141.

² Pamietniki bezrobotnych. Warszawa. 1933.; Pamietniki chlopow. Warszawa. 1934.; Pamietniki Lekarzy. Warszawa. 1939.; Pamietniki emigrantow. Warszawa. 1939.; Wiejscy dzialacze spoleczni. Warszawa. 1937.

³ Kwilecki A., Laczowska M. Problemy rodziny robniczej w swietle najnowszych materialow autobiograficznych // Studia Socjologiczne. 1987. Nr.1. P. 142.

⁴ Pamietniki robotnikow z czasow okupacji. Warszawa. 1948.; Grabski W. Pamietniki chlopow i srodowisko spoleczne wsi polskiej // Przegląd Socjologiczny. 1946. Nr. 3–4.; Pamietniki opolan. Krakow. 1954.

⁵ Schaff A. Metoda dokumentow osobistych a spoleczne badania terenowe // Mysl Filozoficzna. 1952. Nr. 3.

представляют они дополнительные материалы, что дают возможность в исследовании определить позиции и представления личности в процессе ее жизни, а также их связь с конкретными условиями социальной среды. Никто уже не делает попытку целостного описания социального класса на основании автобиографических материалов, но можно с их помощью описать общественное сознание этого класса и выдвинуть много интересных тезисов о его изменениях, тенденциях и зависимостях от материальных условий жизни»¹.

Биографический метод с конца 50-х по 80-е годы самыми разными способами развивается, принимает различные формы, использует различную специализированную технику, используется социологами с различными теоретическими ориентациями. Эта разнородность нашла отражение в сфере терминологической.

В современной польской социологии, например, существует метод биографический и автобиографический, метод личных документов, различные типы углубленных интервью (напр., *narrative interview*), исследование циклов жизни и т.д. Интерес к биографическому методу в эти годы значительно возрос под влиянием новых концептуально-теоретических оснований, характерных для различных направлений в социологической теории: различных видов феноменологической социологии, символического интеракционизма, этнометодологии, познавательного течения в антропологии, возрождения исторического подхода².

В отличие от довоенного периода в Польше образуются учреждения, деятельность которых целиком направлена на изучение биографических материалов, их систематизацию и хранение, а также на организацию и координацию конкурсов мемуарной литературы. Эта деятельность сконцентрирована в таких учреждениях, как: 1) Комиссия изучения мемуарной литературы ПАН; 2) Общество друзей мемуарной литературы; 3) Центр польской мемуарной литературы в Варшаве; 4) журнал «Памьеникарство Полске» (издававшимся в 1971–1976 годах). Во дворце под Рудние близ Варшавы открылся Дом мемуарной литературы Польши и Польнии.

С 1945 года в Польше проведение конкурсов мемуарной литературы стало проводиться по самой широкой тематике. Резко возрастает по годам число проведенных конкурсов. Если в первые два послевоенных года (1946–1947) было объявлено 19 конкурсов, а в последующие девять лет только 42 конкурса, то в 1957–1965 гг. их было проведено 269.

Источником инициативы у социологов в проведении конкурсов, отмечает А. Квилецкий и М. Ланьковская, могут быть инспирации двоякого рода: а) желание собрать материалы для «чисто» научных исследований позиций, стремлений, aspirations и поведения человека в их групповом социальном контексте, до воссоздания и объяснения истории и изменений, происходящих в конкретных группах или социальном ок-

¹ Szczepanski J. *Odmiany czasu terazniejszego*. Warszawa. 1971. P. 607.

² *Poza granicami socjologii ankietowej*. Warszawa. 1989. P. 239.

ружении, б) стремление приобрести материал, который позволяет осуществить многоступенчатые обобщения, выявить различные дискретно нарастающие пределы¹.

Деятельность Ю. Халашиньского и его сотрудников Б.Голембилковского, З. Гжелака, Ф. Якубчака в организации конкурса «Молодое поколение села народной Польши» не только дало ценные работы, но и вызвало широкий интерес в польской общественности. Ю.Халашиньский и его сотрудники последовательно продолжили то направление в социологии, которое автобиографию трактуют как основной материал для научного анализа. В многочисленных исследованиях молодого поколения деревни, которые содержат обширный материал для размышлений о переменах в жизни и культуре сельских жителей, метод биографического анализа оказался эффективным инструментом исследования.

Поскольку конкурсы воспоминаний стали в Польше постоянно расширяющимся явлением, обязанностью социологов, считает Ф. Якубчак, является разработка принципов сбора и использования мемуарной литературы. Другой важной задачей, по его мнению, является создание руководства по технологии организации конкурсов, по использованию мемуарной литературы в социологических исследованиях и по подготовке материалов к публикации².

Кризис 80-х годов выдвинул новые задачи перед социологами, ведущими исследования с использованием биографического метода.

Протест рабочего класса выявил потребность по-новому исследовать общественное сознание, позиции, поведение работников. Предыдущие десятилетия показали, что в исследованиях рабочего класса имеются некоторые односторонности. В социологических исследованиях с использованием автобиографического метода это заметно было в излишнем пафосе, декларативности авторов воспоминаний. Описание своей жизни в послевоенной Польше довольно часто концентрировалось на 1) «борьбе за существование», 2) воспоминаниях о лишениях во время войны и оккупации, 3) послевоенном восстановлении хозяйства и великих стройках социализма³.

Принимая во внимание, что в 1981 году исполняется 60-летие первого конкурса в Польше и мире на автобиографию рабочего, Институт социологии Познаньского университета в сотрудничестве с Комитетом социальных наук ПАН, не сразу четко определил тематику своего нового конкурса. Вопрос об актуальности и выборе тематики, как потом отметили сами организаторы, решил август 1980 года в Польше. В обращении конкурса отмечалось, что его целью является «сбор ценных описаний, научных материалов для изучения истории и преобразований в жизни и труде, а также сознании много рабочего класса в Польше». Организаторы конкурса, желая иметь более многообразную информацию, не ограничивали объем текстов. В об-

¹ Kwilecki A., Laczowska M. Problemy rodziny robotniczej w swietle najnowszych materialow autobiograficznych // Studia Socjologiczne. 1987. Nr.1. P. 143.

² Jakubczak F. Jakub Wojciechowski — klasyk pamietnikarstwa robotniczego // Kultura i Spoleczenstwo. 1974. Nr.1.

³ Kwilecki A., Laczowska M. Problemy rodziny robotniczej w swietle najnowszych materialow autobiograficznych // Studia Socjologiczne. 1987. Nr.1. P. 148.

ращении конкурса отмечалось, что «содержание автобиографии может охватывать историю целой жизни, описание семейного дома, социального окружения, школы, места профессиональной работы, всех происходящих изменений, описание всевозможных форм заработков и способов получения средств к жизни. Ценны будут описания, касающиеся успехов и неудач, изведанных трудностей и огорчений»¹. Из полученных биографий лауреатом конкурса была представлена рукопись в объеме 16 школьных тетрадей, (что составляет примерно 600 страниц машинописного текста). Текст второго лауреата составил 174 машинописных страницы.

Полученный конкурсный материал помог исследователям лучше выяснить и представить индивидуальные и общественные причины, вызвавшие протесты рабочих. Оокостенелость многих государственных и общественных учреждений и организаций (включая профсоюзные), социальная несправедливость и бюрократизация, господствующая на предприятиях была доминирующим мотивом протестного поведения. Материал конкурсов показал небывалый рост движения работников с одного предприятия на другое, причина которых объяснялась часто невозможностью смириться с несправедливостью. Известно, что в Польше принято было анализировать изменения в структуре рабочего класса в категориях социального продвижения. Действительно, процесс этот имел массовый характер и заключался в: а) месте, которое занимал рабочий класс в структуре польского общества, б) индивидуальных карьерах рабочих при посредстве политической деятельности и повышения образования, в) их политического представительства в органах власти, г) их участия в культуре, охране здоровья и социальной помощи. Эти прогрессивные характеристики рабочего класса стали традиционной темой репортажей и публицистических статей. При этом часто прогресс рабочего класса представлялся почти бесконфликтным процессом. На самом же деле, в 60–70-х годах снижался уровень жизни рабочих, их общественный престиж, ухудшались их отношения с властью. Именно анализ биографий позволил зафиксировать растущую социальную дифференциацию, альтернативные виды поведения, большие различия в общественном сознании представителей рабочего класса².

В том же году социологической комиссией Гданьского научного общества был объявлен конкурс воспоминаний об августе 1980 года. В обращении этого конкурса было высказано пожелание его участникам описать свою жизнь в течение полутора месяцев, обязательно включая и августовские события 1980 г. Уже в июле 1981 г. на основе обработки материалов конкурса была подготовлена к печати рукопись «Польский август 1980 г. в воспоминаниях». До 1988 г. эта рукопись так и не вышла в свет. Несмотря на это, она была высоко оценена в польском социологическом сообществе. В 1983 г. она получила премию в социологическом конкурсе имени С. Осовского, ежегодно организуемым Главным управлением Польского социологичес-

¹ Kwiłdecki A., Laczowska M. Problemy rodziny robotniczej w swietle najnowszych materialow autobiograficznych // Studia Socjologiczne. 1987. Nr. 1. P. 148–149.

² Ziolkowski M. Konferencja nt. metody biograficznej we wspolczesnej socjologii // Studia Socjologiczne. 1986. Nr. 4.

кого общества. В 1987 г. Гданьское научное общество совместно с Гданьским отделением Польского социологического общества провели специальную научную сессию «Исследование современности биографическим методом», целиком посвященную указанному выше исследованию. Поэтому к этой сессии Гданьское научное общество при поддержке Главного правления Польского социологического общества размножило эту рукопись в количестве 100 экземпляров под названием «Методологические проблемы применения биографического метода к исследованию современности» (под редакцией Марка Латошека). В первую часть этой публикации были включены пять рефератов, написанных к сессии, а во вторую — «Польский август 1980 г. в воспоминаниях».

Это издание стало событием в Польше¹. Оно включало массив воспоминаний и дневников, относящихся к августу 1980 года, а также как бы три слоя их интерпретаций, проведенных с разной временной перспективой и разными авторами. Первый слой — это социологический анализ воспоминаний, написанный организаторами конкурса в середине 1981 года. Второй слой — это предисловие Яна Щепаньского, которое он подготовил в марте 1983 года в связи с возобновлением попыток издать этот сборник. Третий слой составляют рефераты, подготовленные Гданьской научной сессией в ноябре 1987 г.².

Сборник воспоминаний составил около 200 работ, которые отвечали условиям конкурса. Воспоминания были присланы из различных регионов страны, но главным образом из Гданьска и других городов Побережья, Силезии и центра Польши — Вроцлав, Урсус. Среди авторов воспоминаний 44 являлись участниками забастовок, и 60 их наблюдателями, 97 воспоминаний принадлежали лицам, непосредственно не связанным с забастовками.

В «Введении» к этой работе М.Латошек представил теоретическую ориентацию и методологические установки исследования. В проведенном анализе забастовочного движения изучаемую проблематику польские исследователи проецировали на процессы как интеграции, так и дезинтеграции польского общества. В таком подходе августовские забастовки объяснялись апогеем длительного нарастания социальной дезинтеграции, особенно в плоскости конфликта «общество-власть».

Ян Щепаньский написал «Предисловие» к этой работе в начале 1983 г., т. е. после введения военного положения в Польше. Работа «Польский август 1980 г. в воспоминаниях», по его мнению, содержит не только значительную познавательную ценность, но имеет и большую прагматическую полезность, прежде всего для центров власти, а также для общества, осознающего себя субъектом. Полезность помещенных в этой работе воспоминаний, отобранных на основе конкурсов и тщательно прокомментированных, по мнению Яна Щепаньского, состоит в том, что эти воспоминания: 1) представляют субъективную сторону экономических, социальных

¹ Galus H. Sesja naukowa nt. badan wspolczesnosci metoda biograficzna // Studia Socjologiczne. 1988. Nr. 3.

² Ziolkowski M. Konferencja nt. metody biograficznej we wspolczesnej socjologii // Studia Socjologiczne. 1986. Nr. 4.

и политических процессов, которые накапливали недовольство; 2) показывают психологические и социальные механизмы преобразований периода напряженности; 3) наглядно показывают влияние утаивания информации и ее искажения в прессе, радио и ТВ на распространение забастовочного движения и решимость его участников; 4) описывают начало движения, которое оказалось не только движением забастовочным, но и широким движением социального протеста, движением обновления; 5) указывают на четкие линии преемственности между кризисами и различными их этапами в Польше; 6) содержат материалы для исследования внутренних механизмов забастовок, вносят много нового в существующую литературу на эту тему; 7) дают информацию о закулисной стороне забастовок в местных обществах; 8) дают свидетельства потрясающих человеческих переживаний.

Всего в период с 1921 по 1980 гг. в Польше было проведено около 1200 конкурсов. В них участвовало более 500 тыс. авторов. Совокупный объем их воспоминаний — около 5 млн страниц. Изданных на материалах конкурсов книг — более 300.

В заключение следует отметить, что изучение опыта организации конкурсов биографий и воспоминаний в Польше исключительно важно для социологов, изучающих социально-культурные изменения. Проведение подобных конкурсов в нашей стране было бы не только полезно, но и необходимо.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Настоящий текст представляет собой продолжение исследования динамики ценностных ориентаций молодежи, основанного на биографических текстах.

Первая статья была посвящена сопоставлению двух синхронных срезов ценностей старших школьников начала 90-х годов и 2002 г¹. Здесь представлено сопоставление этих данных с биографиями-продолжениями молодых людей первой возрастной группы, написанной ими так же в 2002 году. Также вкратце воспроизводятся необходимые теоретические положения методики выявления и ранжирования ценностей на биографических материалах, и приводится анализ эмпирических данных.

Эмпирический материал, послуживший основой настоящего исследования — автобиографии и сочинения «Я через N лет» школьников (собран в 1991–1993 и 2002 гг. в школах Санкт-Петербурга), и биографии-продолжения с аналогичными сочинениями молодых людей, бывших школьников. Эти тексты были любезно предоставлены О. Б. Божковым².

Жизнеописание и ценности

Если обратиться к определению, то под биографией можно понимать «совокупность представлений индивида о собственном жизненном пути и его значимых событиях»³. Исследователь, работающий с «жизненными документами», имеет дело не с объективной реальностью, а субъективным представлением о ней. Поэтому важным обстоятельством при анализе биографий являются те условия, в которых она создается. Назовем их контекстом. Под контекстом, в широком смысле, можно понимать конкретные социокультурные условия, в которых живет автор и которые в той или иной степени влияют на него и отражаются в его тексте. С другой стороны — под контекстом можно понимать и психологическое настроение автора в момент его работы над собственным жизнеописанием. Здесь в первую очередь важны мотивы биографического письма: свободное или вынужденное жизнеописание. Первым может быть попытка автора избавиться от чувства одиночества, рефлексия над собственной жизнью, завещание потомкам и даже реализация графоманского потенци-

¹ Дивисенко К. Динамика ценностей школьников: опыт аксиологического прочтения биографий // Социологические исследования (в печати).

² Тексты не опубликованы, в настоящее время хранятся в Биографическом фонде сектора социально-культурных изменений Социологического института РАН. Более подробно о собрании Биографического фонда можно узнать из статьи: Божков О., Дивисенко К. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, № 3. С. 60–62.

³ Мануильский М. А. Биография в структуре жизненного мира индивида / «Человек». 2005, № 5 (<http://courier.com.ru/homo/ho0505manuilsky.htm>).

ала. Во втором случае — «вынужденном жизнеописании» — какие-либо внешние обстоятельства принуждают автора описать собственную жизнь. Ими могут быть устройство на работу или участие в биографическом конкурсе, сюда также можно отнести биографическое интервьюирование. Контекст — своеобразная призма, через которую раскрывается жизнь. От него, особенно психологического контекста, зависит текст жизнеописания.

Можно рассмотреть некоторые жанры биографического письма в отношении влияния на них контекста. Дневниковые записи — в классическом понимании — это текст, обращенный к самому автору, к самому себе (хотя можно назвать исключения из этого правила). Дневник представляет собой множество синхронных срезов Я, каждое из которых находится в относительно самостоятельном контексте. В дневнике отражен микроуровень жизни — повседневность, автор не поднимается над собственной жизнью и не смотрит на нее со стороны.

В идеале автобиография представляет собой текст, обращенный к другому (другим), который пишется в определенный промежуток времени, когда Я автора не изменяется на протяжении письма и когда автор пытается подняться над повседневной рутинной и отрефлексировать, вербализировать и оформить жизненный поток. При этом «оформлении» он пользуется языком доступным всем и вкладывает не только субъективно значимый смысл в повествование, так как текст автобиографии адресуется другому.

В собственной биографии автором зафиксировано то, что значимо в его собственных глазах. Это могут быть, в равной мере, психологические переживания, события и повседневность. Поэтому, выделив и зафиксировав это значимое, мы получаем срез ценностей автора (где ценностью является значимое и важное для человека). Автор в биографическом повествовании пишет о самом важном для него в трех ракурсах: о значимых событиях прошлого, о том, что его беспокоит в настоящее время и о своих планах на будущее.

Если говорить о биографических текстах школьников и молодых людей, то они имеют некоторую специфику. Основная особенность автобиографических текстов школьников — их небольшой объем в формальном отношении, а в содержательном — описание короткого периода жизни (с рождения до 16-17 лет). Именно поэтому часть обычного корпуса ценностей взрослых отсутствует — работа, семейные отношения, любовь к собственным детям и проч. Этот объективный недостаток содержания автобиографических текстов школьников в нашем проекте компенсируется сочинением «Я через N лет». Сочинение или проекцию «Я через N лет» правомерно рассматривать как биографический текст как своеобразную квазибиографию, в которой автор вынужден выстраивать планы на собственную жизнь, явно или косвенно обозначая при этом свои ценностные ориентиры.

Ранжирование ценностей

Итак, в биографическом тексте обозначены ценностные приоритеты личности. Очевидно, что каждая ценность биографического текста имеет различный удельный вес — степень значимости для конкретного автора и на определенный момент вре-

мени. Таким образом, становится необходимым анализировать не только и не столько весь набор ценностей, сколько их иерархию или структуру. Источником ранжирования может быть прямое указание авторов, либо отнесение к определенному рангу становится ясным исследователю, исходящему из контекста биографических текстов.

Для решения задач настоящего исследования была предпринята попытка выработки определенных объективных критериев ранжирования ценностей. Возможно, что их эффективное использование допустимо только для небольших биографических текстов молодых людей и в какой-то мере результат анализа зависит от субъективности исследования, но, тем не менее, данная процедура кажется более прозрачной для объективной оценки ценностных ориентаций на материалах биографических текстов.

Целесообразно выделить три ранга значимости ценностей, так как применение более дифференцированной ранговой шкалы повлечет ряд дополнительных трудностей.

К первому рангу — наиболее значимые — относятся те ценности, которые являются:

- сквозным лейтмотивом всего текста, либо своего рода навязчивой идеей, либо когда автор возвращается к их упоминанию не менее трех раз,
- единственной ценностью в тексте,
- ценностью, которая выступает в качестве цели жизни, определяет ее.

Ко второму рангу значимости относятся ценности, которые уступают по значимости первым, оттенены ими, выступают в качестве ценностей второго плана, но, тем не менее, являются весьма значимыми:

- ценности, к которым автор возвращается не менее двух раз на протяжении всего повествования¹,
- их обозначение (воспоминание о них, их название) вызывают у автора большее эмоциональное напряжение, чем ценности третьего ранга.
- те ценности, через призму которых происходит рассмотрение других ценностей.

К третьему рангу относятся все остальные ценности:

- те ценности, которые автор называет мимоходом (здесь есть определенная опасность, что как раз названное мимоходом и может являться для автора наиболее важным, то есть относиться к ценностям первого ранга),
- ценности, которые автор называет только один раз,
- косвенное упоминание ценностей в связи с другими значимыми ценностями.

В процессе анализа текстов и ранжирования ценностей также выработались определенные правила. В случае, когда биографическое сочинение имеет ветвление, то есть автор предлагает два или более варианта собственной жизни, обычно диаметрально противоположных, то в этом случае ценности этих двух вариантов должны относиться к одному рангу.

Иногда авторы сами называют наиболее значимые ценности и ранжируют их:

«Надеюсь, что работа по-прежнему будет доставлять удовольствие. Этот критерий для меня главный. <...> Но как-то так получается, что ради больших заработков

¹ Этот критерий применим только при анализе небольших биографических текстов.

приходится чем-то жертвовать. Обычно, тем самым удовольствием. Пока я не готова на такие жертвы»¹.

«В любом случае, карьера планируется как фон семьи»².

Такое определение ценностей и ранжирование их самими авторами является приоритетным, относительно ранжирования по вышеобозначенным формальным критериям.

В результате анализа биографических текстов школьников был выделен достаточно пространственный корпус ценностей, первоначально состоящий из более чем семидесяти наименований, но в результате объединения некоторых ценностей в более крупные, их число удалось сократить. Ниже приводится список ценностей с некоторыми пояснениями, которые наиболее часто встречаются в биографических текстах школьников.

Активная жизнь. Яркая, разнообразная, полная острых ощущений жизнь и активный отдых.

Домашние животные. Простое их упоминание с различной степенью прорисованности, любовь к ним.

Достаток. Материальное благополучие, богатство, нечто значимое материального плана.

Другие. Диалогическая ценность — наличие и значение в биографических повествованиях значимого Другого: во-первых, влияние других, их важность появления на жизненном пути, во-вторых, востребованность другими, принесение пользы и оказание помощи им (мecenатство), забота об их счастье, также взаимопомощь.

Дружба. К этой ценности относятся упоминание и значение друзей, дружеские отношения как таковые.

Духовное. Обозначается данной ценностью то, что противостоит материальному (например, ценности Достаток), и авторами в большинстве случаев не раскрывается подробно, изредка к этому примыкает художественная практика, экзистенциальные ценности (ценности поиска смысла жизни).

Жизнь. Самоценность жизни, жизнь как самодовлеющая цель и смысл.

Здоровье. Беспокойство о физическом состоянии своих родных, упоминание болезней.

Карьера. Чаемый профессиональный успех в будущем.

Любовь. Чувство влюбленности, объекты любви и влюбленности автора, как правило, не родные люди противоположного пола, с кем связывается построение будущей собственной семейной жизни.

Независимость. Ценность наиболее близкая Свободе, «свобода от».

Образование. Рассматривается как определенный культурный и социальный капитал, результат какого-либо обучения, в отличие от учебы, которая в данном контексте рассматривается как процесс.

Общение. Обозначение авторами значимости общения в их жизни.

¹ С. Е., д., 2002. соч.

² Там же.

Общность. Достаточно сложная категория, к ней относится значение для автора определенной группы: в равной мере — либо причастие к ней, либо снобизм, противопоставляющий себя этой общности. То есть эта ценность включает две модальности — противостояния и слияния, но общим объектом здесь выступает общность.

Природа. Красота природы, отдых на природе.

Путешествия. Упоминание в тексте школьных экскурсий, поездок по стране и заграничных путешествий.

Работа. В подавляющем большинстве случаев присутствует только в сочинениях в диапазоне от простого обозначения сферы деятельности, до называния конкретной профессии или рода занятий.

Развитие. Как правило, фиксация определенной степени развития умственных, волевых, физических качеств на момент написания или в определенный этап жизни, а также расширение кругозора, способности, самосовершенствование.

Свобода. Является более широким и абстрактным понятием, нежели Независимость, «свобода для».

Семья. Ценность, которая является наиболее значимой в подавляющем большинстве текстов. Во-первых, почти всегда упоминаются родители, и другие родственники, отношения к ним, а в сочинениях семью, как правило, упоминают всегда в достаточно широком диапазоне: от полного игнорирования семейных отношений, и упоминания вскользь до четкой прорисованности всех персонажей воображаемой семьи (их имен, рода занятий, личностных качеств и т. п.).

Собственный стиль. Желание, стремление и само устройство жизни в соответствии с собственными предпочтениями, симпатиями, взглядами, вкусами.

Спорт. Занятие в спортивных школах, спорт как хобби и т. д.

Счастье. Чаще всего выступает как терминальная ценность.

Удовольствия. Стремление к удовольствиям, удовольствия как один из важных компонентов жизни.

Успех. Эта ценность сопровождает обычно художественную практику и спорт, являясь результатом, достижением, связанным с ними. Успех признан либо различными субъектами, либо значим в собственных глазах.

Учеба. Процесс обучения в учебных заведениях, его значимость, а не простое его упоминание.

Хобби. К этой категории относятся те сферы досуговой деятельности, которые не укладываются ни в художественную практику, ни в спорт.

Художественная практика. Связана с творчеством и приобщением к искусству. Упоминание авторами их обучения в музыкальных и художественных школах, занятий в кружках (хореографических, декоративно-прикладных и др.), занятий танцами; посещение музеев, театров, выставок, концертов.

Выше перечислены и кратко охарактеризованы наиболее распространенные ценности, которые встречаются в биографических текстах школьников.

Процесс обработки биографических текстов проводился по следующему алгоритму: чтение и выделение основных ценностей, ранжирование ценностей для каждого текста и внесение полученных результатов в базу данных. В системе управления

базой данных производился пересчет с ранговых показателей на баллы. Ценности первого ранга присваивалось 3 балла, ценности второго ранга — 2 балла и ценности третьего ранга — 1 балл.

Изменение ценностей старших школьников

В начале рассмотрим трансформацию ценностей школьников начала 90-х и самого начала XXI века.

В таблице 1 приведены краткие демографические сведения об авторах.

Т а б л и ц а 1. Сведения об авторах и количестве биографических текстов

	Количество авторов			
	1991–1993 гг.		2002 г.	
	Ж	М	Ж	М
Когорта I (1976–1977 г. р.)	27 (54)*	1 (2)	10 (19)	0 (0)
Когорта II (1984–1986 г. р.)	—	—	29 (58)	5 (10)

* В скобках указано количество текстов автобиографий и сочинений.

На диаграммах 1 и 2 приведены ценности, которые встречались не менее 3 раз в текстах автобиографий и проекций, хотя бы в одной из возрастных групп.

Из-за того, что в когортах I и II — неравное количество авторов и, соответственно, текстов, для построения диаграммы динамики ценностных ориентаций молодежи в период с 1993 по 2002 год (два синхронных среза) представляется целесообразным ввести коэффициент. Данный коэффициент, представляющий собой отношение количества авторов группы II к количеству авторов группы I, умножается на значение (число баллов) каждой ценности для группы I.

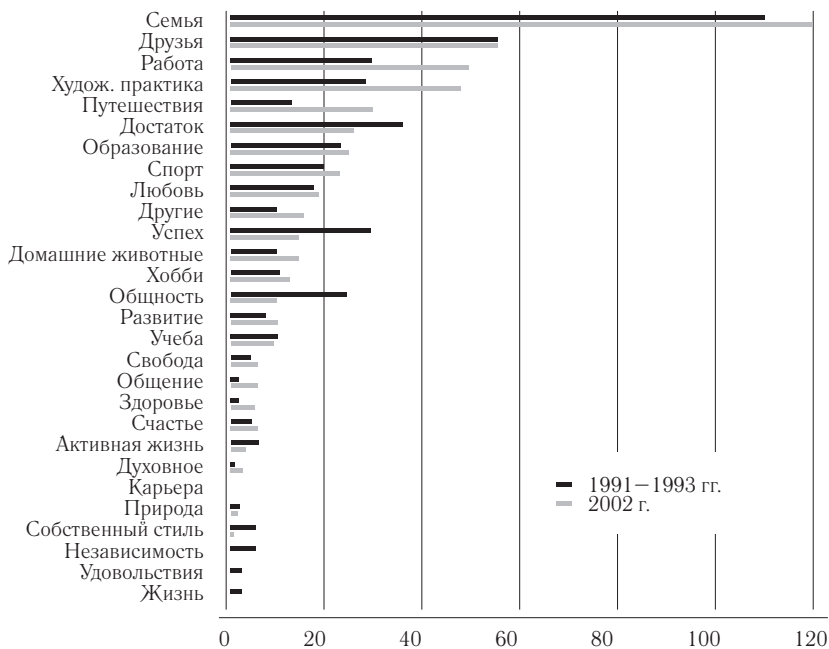
На первой диаграмме представлена динамика ценностных ориентаций школьников за последние 10 лет XX века.

Вторая диаграмма дает представление о распределении ценностей в двух разных жанрах биографического письма — автобиографиях и сочинениях.

Благодаря второй диаграмме, становится очевидным, что биографическое сочинение для исследования ценностей является необходимым компонентом, так как именно здесь проявляются некоторые ценностные отношения, которые в обычной автобиографии могут и не появиться (Работа, Достаток, Карьера). Некоторые другие ценности (Образование, Другие, Свобода) обретают большее значение только с точки зрения воображаемой будущей жизни. Это связано с тем, что автобиография задает шаблон изложения, а сочинение носит более свободный характер.

В настоящей статье опускается подробный комментарий динамики ценностных ориентаций двух поколений школьников, так как он был подробно представлен в упомянутой статье. Но если кратко охарактеризовать межпоколенческий сдвиг в ценностной иерархии старших школьников, то следует заметить, что место некоторых ценностей в иерархии заметным образом не изменилось: это — Семья, Друзья, Образование, Спорт, Работа, Художественная практика. Изменилось достаточно сильно только место

Диаграмма 1. Динамика ценностей школьников в период с 1993 по 2002 гг.

Успеха, Общности, которые стали более значимыми, и изменилось значение Путешествий. Эти данные по первым двум текстам первой и второй возрастных групп предложены для того, чтобы сопоставить их со вторыми тестами авторов первой группы.

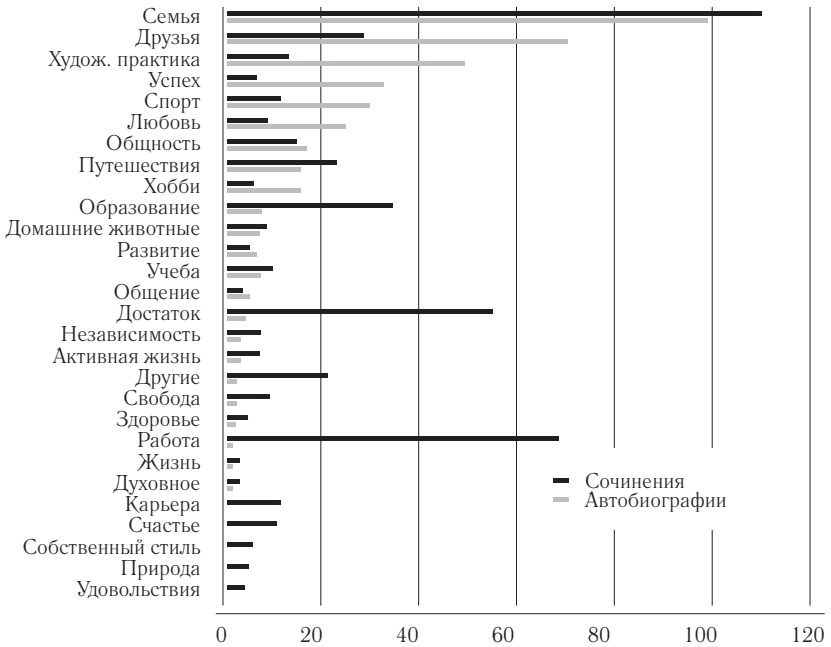
Динамика ценностей молодежи

Особенность автобиографий авторов первой когорты, написанных ими в 2002 г., заключается в том, что они — не обычные биографии, описывающие все события с рождения до момента написания, а являются биографиями-продолжениями, охватывающими десятилетний интервал с начала 90-х по 2002 г., тот период, в который авторам было от 15–16 до 25–26 лет.

Во втором замере когорты I — участвовало 10 авторов, все — девушки. Всего было собрано 10 автобиографий-продолжений и 9 проекций «Я через N лет» (см. табл. 1.).

Здесь правомерно сравнивать формальные характеристики биографий когорты I с их же текстами 90-х годов, а не с текстами всего массива. Что касается формальных характеристик теста, то средний объем автобиографии приблизительно остался тот же — около трех страниц, а сочинение «Я через N лет» несколько сократилось с 2,4 до 1,3 стр. Так же уменьшилось среднее число N с 16 — в 90-е гг. до 11,3 в 2002 г.

Диаграмма 2. Значение ценностей по жанрам биографического текста

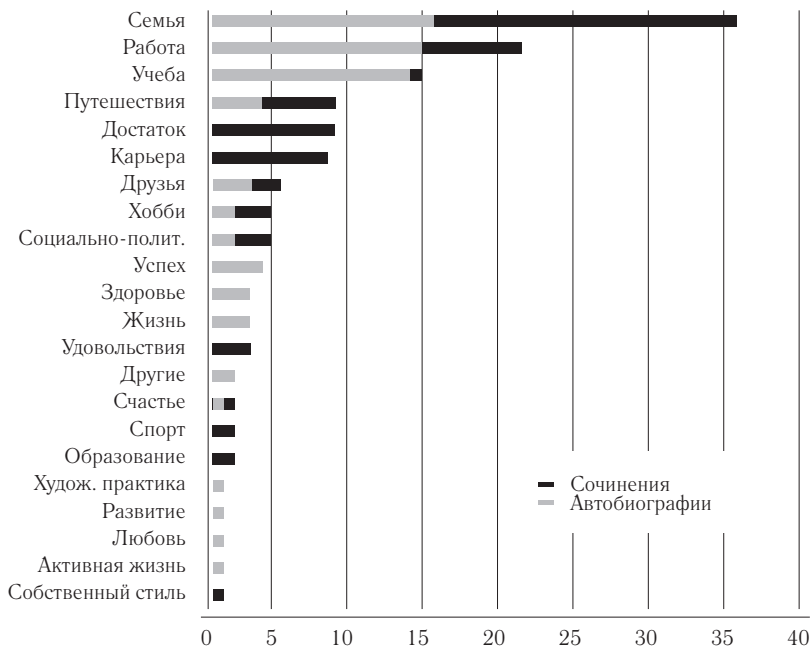
Эти тексты также обработаны в соответствии с вышеописанной процедурой ранжирования ценностей. Но, при обработке этих текстов, оказалось сложнее ранжировать и иерархизировать ценности. В большинстве случаев определенный абзац или фрагмент текста — посвящен описанию одного ценностного отношения, к которому автор более не возвращался. Судить о степени значимости этих ценностей приходилось из прямого авторского ранжирования, например, когда он выделяет «самое важное» для него, или пишет о большей значимости одной, нежели другой ценности.

Иерархия ценностей представлена на диаграмме 3.

Можно сказать, что произошла унификация ценностей. Если сравнивать эти биографические тексты бывших школьников (когорты I) и тексты учащихся (когорты II), то набор ценностей стал однообразен (22 наименования против 55). Поэтому в таблице приведен полный список всех ценностей. Хотя, если сравнивать отдельно тексты авторов 1-й когорты 90-х годов и 2002 г., то этой унификации можно не заметить.

Как обычная биография задает (в качестве необходимого компонента) описание семьи, так и эти тексты задали описание учебы и работы как неминуемых жизненных этапов, следующих за школьными годами. Этим объясняется высокое значение Учебы и Работы, которые заняли 3-е и 2-е места соответственно. Большинство авторов поступили в вузы или средние специальные учебные заведения, также вскоре все начали работать.

Диаграмма 3. Ценности молодежи (вторые биографические тексты когорты I)

Ценность Семья по-прежнему распадается на два модуля: старая семья, где автор является ребенком и новая — где он становится супругой и матерью. При первом замере новая семья присутствует только в сочинениях, теперь же ее значение равномерно разделилось между двумя текстами. В текстах 1-й когорты 2002 года старая семья уходит на второй план, описание новой семьи и семейной жизни, как правило, лаконичное — знакомство, либо замужество, рождение детей.

«Вышла замуж за курсанта <...> родила дочь»¹.

«Еще в 1998 году я вышла замуж, а в 2000 году развелась, сохранив потрясающе хорошие отношения со своим бывшим мужем, его я также могу отнести в разряд своих друзей»².

Любовь — описание первой увлеченности, влюбленности в школьные годы, которое присутствовало во многих биографиях школьников, трансформировалось в лаконичную констатацию фактов встречи и расставания.

Практически из текстов исчезли Художественная практика и Спорт. Высокое значений этих ценностей в биографиях школьников было обусловлено различными

¹ Д. Е., д., 2002, автобиогр.

² С. В., д., 2002, автобиогр.

занятиями в кружках и секциях, лишь за редким исключением это было описанием запомнившихся посещений музеев, театров, чтения художественной литературы и т. д. Также из текстов полностью исчезли домашние любимцы, хобби стало менее значимым, и друзья стали упоминаться намного реже.

Стали появляться в более оформленном виде ценности, связанные с социально-политической сферой — неравенство; судьба страны, общества; мир в стране и во всем мире и т. д.

«Надеюсь, что эти 15 лет Россия будет развиваться и крепнуть. Хотелось бы жить в стране с некоторой стабильностью. И хотелось бы, чтобы наши дети знали, что такое патриотизм¹».

«Кто учился в модном Университете профсоюзов в то время (да и в это, наверное, тоже)? В основном, дети из очень обеспеченных семей. Роскошно, вызывающе одетые, они приезжали на занятия в собственных иномарках, летом с родителями отдыхали на заграничных курортах, в перерывах между занятиями сорили деньгами в кафе, обсуждая свои насущные проблемы...

В окружении таких студентов я чувствовала себя не просто гадким утенком. Отходяв все 5 лет на занятия в одних брюках, приезжая учиться на трамвае и не смея позволить себе даже стаканчик мороженого по пути домой (в кармане была только единая проездная карточка, а денег не было). Я до мозга костей ощущала свою «ущербность», мне казалось, что все смотрят на меня снисходительно, с сочувствием и иронией².

«<...> я полагаю, что и через 20 лет будет существовать клановое деление общества — в каких-то странах официально (на религиозной или социальной основе); в каких-то — неформально (как в России в начале 21 века)³».

Сочинения также изменились. Стали другими «рамки»⁴ сочинений. В них авторы часто отсылают читателя и сами вспоминают свои первые автобиографии начала 90-х. Как привило число N — круглая дата (10 лет), либо то количество лет, через которое автор отметит собственный юбилей. В них авторы также рассуждают о собственном тексте, по сути, содержание рамок — это метатекст.

«Я снова возьму цифру 10, хотя, честно, боюсь, на самом деле по истечении этого срока изменится только дата внизу листа. Но да попробую мыслить оптимистично!»⁵.

«Все-таки я возвращаюсь к тому, с чего начала свое сочинение. С возрастом мы меньше «парим мыслью», более приземлены наши желания и мечты. Мы не пытаемся, как в ранней юности изменить других людей и весь мир. Мы более терпимо относимся к тому, что какие-то высоты оказываются для нас недоступными, невоз-

¹ С. Е., д., 2002, соч.

² Б. О., д., 2002, автобиограф.

³ Б. О., д., 2002, соч.

⁴ «Рамки» — термин Б. А. Успенского (см.: Успенский Б. А. Поэтика композиции. — СПб., 2000. — с. 224-229.). Относительно биографических сочинений, в качестве их «рамок» могут выступать несколько строк, предложений или абзацев, предшествующие или последующие основному повествованию. В этих «рамках» автор занимает внешнюю позицию к описываемым событиям.

⁵ В. Г., д., 2002, соч.

можными. Может быть, это и хорошо, тем меньше наши огорчения при неудачах в исполнении этих наших маленьких желаний. Мы учимся находить счастье в наших маленьких радостях, которые дает нам жизнь, не расстраиваться из-за мелочей, которые раньше поставили бы в разряд «конец света»¹.

«Я пыталась быть честной, но, все-таки временами вспоминала, что этот текст будут читать и другие люди»².

Планы стали более реалистичны и менее пространны, касающиеся, как правило, собственной семьи (мужа, детей), карьеры, путешествий, материального достатка.

В большинстве случаев биографии стали напоминать простые биографии «для отдела кадров». Описываемый замкнутый мир школьников расширился незначительно: в него вторглось высшее образование и позже трудовая сфера.

В некоторых жизнеописаниях изменился даже язык, он стал официальным и казенным.

«Во время обучения в университете большое внимание уделяла изучению английского языка. <...> Первый опыт трудовой деятельности получила в качестве менеджера по маркетингу. <...> Полученные знания нашли применение в ООО (название)»³.

Биографии стали в большей мере констатацией событий, фактов, жизненных этапов, эмоциональное отношение к миру заглушилось прагматико-рассудочным.

Экзистенциальные ценности, по-прежнему связаны со смертью близких и чрезвычайными, неприятными событиями собственной жизни.

«Еще, наверное, я просто должна рассказать о двух не самых приятных, но — очень важных для меня событиях, произошедших за эти десять лет. Должна — потому что они очень сильно повлияли на меня, изменили восприятие жизни и всего, происходящего вокруг. К сожалению, это были две смерти — моего отца и моего коллеги. <...> После этого события я начала задумываться о тщетности жизненной суеты, о необходимости точно знать, что ты будешь делать завтра и о том, как важно быть самой собой и делать свое дело. И как важно успеть доделать его. И еще осознала, что нужно радоваться каждой прожитой минуте. Истины это, конечно же, банальные, но — верные. Вот жаль только, что их понимание пришло таким вот путем...»⁴.

В таблице 2 приведены суммарные значения ценностей (автобиографий и проекций) для тех 10 авторов когорты I, продолжениями биографий которых мы располагаем.

Эта таблица, хотя и показывает трансформацию ценностей, но не совсем корректно. Если количество текстов приблизительно равно (20 в 90-е и 19 в 2002 г.), то количество ценностей закодированных в текстах не является одинаковым и это, соответственно, влияет на вес каждой ценности. Поэтому будет более правильным рассматривать в сравнении не сумму баллов каждой ценности первого и второго заме-

¹ С. В., д., 2002, соч.

² Л. С., д., 2002, автобиогр.

³ С. Н., д., 2002, автобиогр.

⁴ Л. С., д., 2002, автобиогр.

Таблица 2. Изменение значения ценностей для авторов когорты I, относительно их же текстов 1990-х.

Ценность	Значение ценностей (баллы)	
	1991–1993 гг.*	2002 г.
Семья	42	36
Друзья	17	6
Художественная практика	17	1
Работа	14	23
Путешествия	14	9
Спорт	10	2
Достаток	8	9
Образование	6	2
Домашние животные	6	0
Хобби	5	5
Успех	5	4
Любовь	5	1
Учеба	3	15
Другие	3	2
Общность	3	0
Карьера	1	8
Социально-политические	0	5
Жизнь	0	3
Здоровье	0	3
Удовольствия	0	3

* Приведено значение ценностей только для авторов, имеющих вторые биографии и сочинения.

ров когорты I, а сравнить их ранги в иерархии ценностей. В таблице 3 представлены первые восемь (самые значимые) ценностей каждого замера.

Следует обратить внимание на последний столбец, который отражает степень динамики ценностей, причем эта динамика может быть в большую или меньшую сторону (положительное или отрицательное значение). О динамике следует судить по модулю числа степени изменения: чем он больше, тем сильнее изменение.

Здесь можно выделить четыре группы ценностей по степени изменения места в иерархии:

1. Ценности, значение которых практически не изменилось (от 0 до ± 1). Семья, Работа, Достаток, Путешествия — место, занимаемое этими ценностями в иерархии достаточно стабильно.
2. Ценности, значение которых изменилось незначительно (от ± 2 до ± 3). Значение Достатка и Успеха несколько возросло, а Образования и Спорта — уменьшилось, так как ясно, что не многие, занимавшиеся спортом, продолжают им заниматься и, тем более, писать о нем в биографии. Школьниками образование рассматривается как ценность-цель, к которой они стремятся и которую они ценят, молодые люди, получившие высшее образование, говорят о его значимости только по отношению к своим детям.
3. Ценности, значение которых изменилось достаточно сильно (от ± 4 до ± 6). Такое сильное изменение места Хобби в иерархии, скорее всего, — следствие по-

Таблица 3. Изменение иерархии ценностей молодежи (когорта I).

Ценность	Место в иерархии		Степень изменения места ценности в иерархии
	1991–1993*	2002	
Семья	1**	1	0
Друзья	2	6	-4
Работа	3	2	1
Художественная практика	4	11	-7
Путешествия	5	4	1
Достаток	6	4	2
Образование	7	10	-3
Спорт	8	10	-2
Успех	11	8	3
Хобби	12	7	5
Учеба	14	3	11
Здоровье	16	9	7
Карьера	19	5	14
Социально-политические	20	7	13

* Иерархия ценностей 1991–1993 гг. построена по всему массиву биографических текстов.
 ** Числовое выражение места в иерархии и значение ценности находятся в обратной зависимости.

ляризации публичной и приватной сфер. А значение друзей изменилось, вероятно, потому, что в этом возрасте друзья перестают играть столь значимую роль.

4. Ценности, значение которых изменилось принципиальным образом (более чем ± 7). Сюда относятся пять ценностных отношений: Художественная практика, Учеба, Здоровье, Карьера, Социально-политические ценности. С художественной практикой произошло то же, что произошло с занятиями спортом. Учеба, напротив, стала весьма значима: школьники, как правило, не описывали свою учебу в школе и ее значения для себя, но для молодых людей стало важным обучение в вузе, и воспоминания о нем нашли свое место в биографии. Карьера стала более значима в ближайшей перспективе — о ней чаще всего пишут в сочинениях (см. диагр. 3) Социально-политические ценности также стали более значимыми в связи с расширением замкнутого мира школьников.

Сопоставление ценностей I и II когорт 2002 года кажется неправомерным по следующим причинам: нет соответствия, во-первых, между массивом данных (19 и 68 текстов), и, во-вторых, между характером автобиографий (у когорты II — «полная» биография, у когорты I — биография-продолжение).

Проведенное исследование, показало возможность применения такого метода диагностики ценностных ориентаций, хотя обнаружались некоторые недостатки и сложности, которые возникают, особенно, при ранжировании.

В качестве продолжения работы, может быть проведен анализ группы «стабильных ценностей» — тех ценностей, которые занимают в ценностной иерархии школьников определенное место, либо это место изменяется незначительно, эти ценности — Семья, Работа, Достаток. Их исследование должно проводиться по другой методике, анализирующей не место их в иерархии, а само наполнение этих ценностных отношений.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТОСА РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НЕКРОЛОГОВ И ЮБИЛЕЙНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ 1977–2007 ГГ.¹

«Порой мне кажется,
что нет на свете ничего более искреннего,
ничего более содержательного,
чем некролог»²

Попытка операционализировать этос сообщества через изучение некрологов не нова. Г. С. Батыгин не раз говорил, что некрологи — чрезвычайно плодотворный объект для исследования. В своей статье о Пауле Лазарсфельде он назвал некролог, в котором публикуются сведения о научных регалиях, формулах открытий, упоминаниях в учебниках, томах сочинений, перечисляются правительственные награды и почетные звания ученого — последней мистификацией, «посланной как бы вдогонку ушедшему»³. Батыгин был человеком с очень тонким чувством юмора и горькая ирония его слов заключается еще и в том, что его некролог в «Социологическом журнале» также попал в выборку и стал предметом нашего исследования.

Само слово «некролог» означает «слово о мертвом», ведя свое начало от греческого «*nekros*» — покойник и «*logos*» — слово. Как отмечается в «Словаре литературных терминов», некролог — это «небольшое произведение, посвященное недавно умершему человеку, сообщающее кратко данные его биографии и деятельности. В первые века христианства было принято записывать имена умерших в церковные книги для поминовения. В средние века эти записи, более расширенные, перешли в календари, которые велись при духовных учреждениях и монастырях. Краткие, чисто фактические записи с течением времени приняли форму хвалебного слова умершему»⁴.

На первых «Батыгинских чтениях» (16–17 февраля 2007 г.) социолог О. Б. Божков, приводя примеры поиска адекватной методики для решения той или иной научной проблемы, рассказал о своем исследовании конца 1970-х гг. Тогда он и его коллега Алексей Семенов, в рамках проекта В. А. Ядова, провели анализ реальных ценностей людей труда через изучение некрологов в советских газетах:

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Этос науки академического сообщества России в эпоху реформ»), проект № 07-03-00187а.

² Стариков М. Густав Шпет. Некролог как жанр письма [online] URL: (www.filosoft.tsu.ru/nekrolog.htm)

³ Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарсфельда (введение в его научную биографию) // «Вестник АН СССР». 1990. №8. С. 94. [online] URL: (<http://www.socjournal.ru/article/547>)

⁴ Некролог // Словарь литературных терминов. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). [online] URL: (<http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-5083.htm>)

«Мы ...занимались ценностями и обратили внимание на то, что есть ценности декларируемые, а есть идеальные. И было непонятно, как ухватить эти ножницы между декларируемыми и реальными ценностями. Газеты, понятно, писали о декларируемых ценностях. Мемуары, воспоминания людей тоже сильно редактировались, подтягивались под существовавшие идеалы и требования времени. Спрашивать людей в советское время об их настоящих ценностях было небезопасно как для самих социологов, так и для респондентов. И возникла проблема, как вообще пробраться к этому».

Одним из выводов исследователей оказался парадоксальный и почти антисоветский факт: в то время декларировалось, что главный человек в стране — это рабочий, но, судя по некрологам, это было совсем не так. О. Б. Божков отмечает, что некрологов, посвященных простому человеку, почти не было. «Некролог рабочему публиковался только в тех ситуациях, если он был Героем Соцтруда и членом высоких партийных комитетов»¹.

Еще одним интересным примером использования посмертных «портретов» людей для изучения этоса сообщества явилось исследование социолога Гэрри Лонга (Университет Миссисипи), который закодировал и проанализировал содержание 630 некрологов в американских газетах за период 1856—1972 г. Его целью было проследить изменение социальных идентичностей, самосознания людей в американском обществе через их отношение к таким социальным структурам, как организации и учреждения того или иного рода. «Я ожидал, что организации станут координатами биографии» ушедшего человека, — отмечает Г. Лонг. Изучая посмертные «портреты» людей, он сделал вывод, что с течением времени некрологи становились всё менее персонализированными, индивидуальными, они рутинизировались, приобретая внеперсональные, стандартизированные, «объективные» черты².

Использование метода контент-анализа для выявления ценностных ориентаций сообщества также не ново. Достойными примерами такого рода являются исследования Роберта Анджела «Социальные ценности советской и американской элиты. Контент-анализ элитных медиа» (1964) и Уолтера Хирша «Образ ученого в научной фантастике. Контент-анализ» (1958)³.

Мы, в свою очередь, обратились к изучению некрологов для изучения трансформации этоса науки одного из академических сообществ, претерпевших в результате политических и социальных реформ серьезные перемены — сообщества сначала советских, а потом российских социологов за период с 1977 по 2007 г. Нам показалось логичным обратиться к исследованию не только некрологов, но и юбилейных статей,

¹ Божков О. Адекватность используемых методов как методологическая проблема на всех этапах исследования. Стенограмма выступления на Батыгинских чтениях, ИС РАН, 16 февраля 2007 г.

² Long Gary L. Organizations and Identity: Obituaries 1856-1972 // Social Forces. 1987. Vol. 65. No. 4. P. 964, 967.

³ Hirsch W. The Image of the Scientist in Science Fiction a Content Analysis // The American Journal of Sociology. 1958. Vol. 63. No. 5. P. 506-512.; Angell Robert C. Social Values of Soviet and American Elites. Content Analysis of Elite Media // The Journal of Conflict Resolution. 1964. Vol. 8. No. 4. P. 330-385.

создаваемых по тем же правилам, что и первые, за исключением того, что герои поздравительных текстов еще живы и могут еще многое сделать для науки.

Методология исследования

Для изучения трансформации этоса российских социологов мы провели контент-анализ некрологов и юбилейных статей в следующих журналах: «Социологические исследования» («СОЦИС») (1977–1993, 2001–2007) и «Социологический журнал» (2001–2007).

Задачей нашего исследования было, во-первых, выявить ценностные ориентации социологического сообщества, позитивные критерии оценки работы социологов. Во-вторых, мы намеревались сопоставить набор положительных качеств советских социологов (1977–1987 гг.) с репертуаром современных норм российских социологов (2001–2007 гг.), чтобы ответить на вопрос о том, имеет этос этой дисциплины устойчивый или изменчивый характер, существует ли временная специфика репертуара норм, насколько он зависит от политического режима, идеологии и пр. В-третьих, мы планировали сопоставить результаты нашего количественного исследования — контент-анализа с результатами проведенного ранее качественного исследования (экспертными интервью с социологами).

«Идеальный» советский социолог (1977–1986)

При изучении этоса советских социологов нам показалось интересным проверить теоретическую концепцию советского, а затем американского социолога Дмитрия Шалина. Этот исследователь в своей статье 1979 г. «Между этосом науки и этосом идеологии» внимательно проанализировал то постоянное напряжение, неослабевающий конфликт между идеологической и научной повестками дня, присущими жизни советских ученых в 1970–1980-е гг.¹

Помимо уже известной нам Мертоновской концепции «этоса науки» (1942, 1957), он использует концепцию «этоса идеологии», вводя её как дополнение к классическим императивам Р. К. Мертонна. Если Мертоновскую систему норм идеального научного сообщества можно записать в качестве акронима CUDOS по первым буквам следующих императивов:

- C — Communalism — Всеобщность научного знания,
- U — Universalism — Универсализм,
- D — Disinterestedness — Незаинтересованность (бескорыстие),
- OS — Organized Skepticism — Организованный скептицизм [9, P. 268–269], с прибавлением к ним двух позднее добавленных норм:
- Originality — Оригинальность,
- Humility — Скромность [9, P. 293–305],

¹ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 275-293.

то система норм советской социологии, по Дм. Шалину, выглядела так:

«Научный изоляционизм, научный национализм» (*privatism*) как замена Мертоновской «Всеобщности научного знания». Этим подчеркивается «уникальность» вклада советских социологов в кладовую научного знания, декларации о превосходстве советской социологической школы над всеми другими. Иллюстрацией распространения этого императива были сталинская кампания против космополитизма в советской науке, засекречивание материалов исследований и др. меры по предотвращению свободного распространения социологической «несанкционированной информации»¹ [8, Р. 286].

«Классовый империализм, монополия одного класса» (*imperialism*) как замена Мертоновскому «Универсализму». Этот императив обозначает, что социологической теорией, отвечающей высшим стандартам научной истины, считалась идеология марксизма-ленинизма. Органы ЦК КПСС давали добро или запрещали использование неортодоксальных научных теорий, в т. ч. с Запада. В частности, советские социологи получили разрешение на использование в своей работе концепции структурного функционализма².

«Партийность» (*partisanship*) — поддержка учеными интересов той или иной партии, группы людей» — как замена Мертоновской «Незаинтересованности». Примерами, иллюстрирующими этот императив, были постоянные шаги советских идеологических органов по сокрытию, уничтожению критических данных о состоянии советского общества, хорошо организованные атаки на некоторые социологические центры, в некоторых случаях приведшие к их ликвидации или полной реорганизации³.

«Организованная травля, коллективное осуждение» («*organized ostracism*»), коллективный остракизм, направленный против тех, кто позволил себе «неправильную» точку зрения, как замена Мертоновскому «Организованному скептицизму». Примерами для иллюстрации широкой распространенности данного явления являются известные кампании советского времени против социологов, придерживавшихся либеральной точки зрения: гонения против Ю. Левады, В. Голофаства, А. Алексеева и др.⁴

По мнению Дм. Шалина, с которым мы склонны согласиться, этос науки в советской социологии слился с этосом идеологии, причем последний имел явный приоритет. Советские социологи, хотя и внесли свой уникальный и ценный вклад в мировую науку, были по большей части «съедены» идеологией марксизма-ленинизма. Социологам была предоставлена престижная роль доверенных лиц по охране устоев и пропагандистов, часть их них спасалась написанием текстов в стол, уходом в изучение классиков и др. От марксистских ученых, как от исследователей реальности, требовался постоянный пересмотр их теорий перед лицом изменяющейся действительности. Однако в силу того, что они являлись «представителями пролетариата», от них

¹ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 286.

² Там же. Р. 287.

³ Там же.

⁴ Там же.

ожидали постоянной готовности дать отпор ревизионизму. На практике этот тезис означал, что интересы Партии всегда соответствовали объективной научной истине, и ученый, прежде всего, должен был быть идеологом и только затем исследователем реальности. Иллюстрацией этого тезиса может служить хотя бы тот факт, что в журнале «Социологические исследования» (№ 2, 1981) первая статья называлась так: «Решения XXIV съезда КПСС — программа развития социологической науки».

Сама возможность возрождения социологии в СССР была обусловлена лишь тем, что руководящие органы ЦК КПСС были уверены, что этос социологической науки подстроится под этос советской идеологии. Социолог Борис Фирсов утверждает, что кандидатуры на должности докторов наук утверждались в ЦК. Он сообщает, что «даже должности старших научных сотрудников были предметом заботы партийных органов. Такое усердие проявлял Ленинградский обком КПСС»¹.

Шалин подчеркивает, что «этос идеологии», как и «этос науки» — это идеальные типы. Он отмечает, что мы имеем дело с идеалом, нормативными ожиданиями, на основании которых мы можем говорить о том, насколько реальное поведение людей отличается от наших идеально-типических конструктов. Различие между этосом науки и этосом идеологии нужно использовать как эвристический инструмент, а не как точное описание существующей реальности².

Он справедливо считает, что идеология является инверсией научного идеала в той мере, в какой «этос науки» призывает к свободной конкуренции, беспрепятственному доступу к научным результатам, широкому распространению знания, и в оценке научного вклада опоре на экспертизу коллег (peer review). Дух идеологии противостоит «этосу науки» в той мере, в какой он поощряет партийность в науке, классовый подход, преимущество интересов одного класса и борется против тех ученых, которые отходят от генеральной линии партии³.

Итак, обратимся к контент-анализу журнала «Социологические исследования» 1977–1986 гг. В его подшивке за это временной срез мы обнаружили 5 некрологов и 7 юбилейных статей:

1977, 1978 — 0

1979 — 1 (некролог В. Г. Подмаркову)

1980 — 1 (некролог Г. Е. Глезерману)

1981 — 4 (их них 3 юбилейные статьи к 80-летию академиков Ф. В. Константинова, М. Б. Митина и А. Сирацкого, некролог Б. Ц. Урланису)

1982 — 1 (некролог В. М. Квачахия)

1983 — 3 (их них 2 статьи к 60-летию академиков В. Г. Афанасьева, В. Н. Кудрявцева и член-корра Г. Л. Смирнова, некролог Д. П. Кайдалову)

¹ Фирсов Б. М. Связь времен. Девять сюжетов о прошлом, настоящем и будущем. СПб: Европейский дом, 1997. С. 38; Фирсов Б. М. История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001.

² Из личного e-mail сообщения Дм. Шалина Н. Деминой, 7 декабря 2007 г.

³ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 275–293.

1984 — 2 (к 85-летию Б. А. Чагина и 80-летию академика Б. М. Кедрова) ,

1985 — 0

1986 — 0

Сразу обращает на себя внимание редкость самой формы некрологов и юбилейных статей в честь советских социологов. Отдельной статьи заслуживают только академики, в крайнем случае, член-корреспондент или другие «видные советские ученые». Некрологам «простых» ученых выделялось место в конце журнала, тогда как юбилейные статьи и некрологи советских руководителей, а также В. И. Ленина, К. Маркса — публиковались в качестве передовицы, в начале каждого номера. Так, в «Социологических исследованиях» были опубликованы: юбилейная статья к 70-ю Л. И. Брежнева (№ 1, 1977), юбилейная статья к 110-летию В. И. Ленина «Творческий вклад В. И. Ленина в развитие марксистской социологической мысли» (№ 2, 1980), юбилейная статья М. Т. Иовчука, Г. В. Осипова «Творческий вклад В. И. Ленина в развитие марксистской социологической мысли» (№ 4, 1980), некролог Л. И. Брежнева (№ 4, 1982), статья к 100-летию со дня смерти К. Маркса (1983).

В списке тех, кто был удостоен юбилейной статьи или некролога — ни одного зарубежного ученого (за исключением К. Маркса). Все статьи в память или в адрес ученых — анонимны, без подписи.

Кто же достаивался чести быть упомянутым на страницах журнала «Социологические исследования»?

Регалии:

За редким исключением — герой некролога и юбилейной статьи был членом КПСС (иногда подчеркивалось, с какого года он в партии)

Доктор философских или экономических наук

Профессор (иногда уточнялось, какого института)

Член Президиума или член Правления Советской Социологической Ассоциации, Председатель правления регионального отделения ССА

Член совета по научному коммунизму АОН при ЦК КПСС

Заслуженный деятель науки РСФСР

Лауреат Государственной премии

Проректор (Академии общественных наук при ЦК КПСС и др.), зав. кафедрой

Биография:

Участник Великой отечественной войны: «Ушел добровольцем на фронт», «На фронте стал коммунистом. Был ранен»

«Романтическое поколение, пришел в сознательную взрослую жизнь вместе с революцией» (об академике Ф. В. Константинове)

Типичный герой рассматриваемых материалов после окончания учебного заведения был выдвинут на партийную работу.

Ордена и медали:

За заслуги перед партией и государством «идеальный» социолог был награжден орденами и медалями СССР. В изученных материалах указаны ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны (II степени), Красной Звезды и другие медали.

В подтверждение концепции Дм. Шалина контент-анализ некрологов и юбилейных статей показал, что научные достижения советских социологов были неразрывно связаны с их борьбой на идеологическом фронте.

Лексическими репрезентантами концепции «этнос науки», на наш взгляд, могли бы стать следующие высказывания: «Систематическая и глубокая разработка» научных проблем, «научная добросовестность», ученый — полный «творческих планов и замыслов», «всегда в гуще научной жизни», «наставник молодежи», «блестяще защитил диссертацию», «научные интересы были широки», ученых отличала «разносторонняя образованность» и «высокая эрудиция», «ясность, четкость постановки и решения сложных проблем».

Вместе с тем «этнос науки» был неразрывно связан с «этосом идеологии», представленный такими словосочетаниями: «разработка актуальных проблем исторического материализма», «возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма», «участие в международных научных конгрессах, всегда с научной глубиной и страстностью утверждая позиции марксизма-ленинизма», «ему была присуща высокая партийная принципиальность и ответственность в любом деле».

Ученый был, прежде всего, проводником политики партии, что было представлено следующими лексическими репрезентантами: «страстный и яркий пропагандист марксистско-ленинской теории народонаселения», «непримиримый борец идеологического фронта», «в самых горячих точках идеологической борьбы на международной арене», «выезжал с лекциями в республиканские, краевые и областные партийные организации», «активно участвовал в деятельности партийной организации факультета, избирался в состав парткома МГУ».

Вместе с тем, в некрологах и юбилейных статьях не раз подчеркивались организаторские способности ученых: типичный герой был «талантливым организатором научных исследований», осуществлял руководство подготовкой крупных коллективных трудов («подготовлен и трижды издан фундаментальный труд «Развитие социалистическое общество...»).

Наряду с вышеперечисленными качествами давалась высокая оценка человеческих качеств ученого, человеческих инвариантов, без всякой «партийной шелухи»: «замечательный», «талантливый», «честный», «принципиальный», «человечный», «неиссякаемая работоспособность».

Некрологи и юбилейные статьи (1987–1993) — переходный этап

Изучение подшивки журнала «Социологические исследования» за 1987–1993 г. выявило т. н. «переходный» этап. В этот период некрологи крайне редки, а юбилейные статьи отсутствуют как жанр. Происходят подвиги и в идеологическом содержании журнала. Передовицы, как бы из под пера ЦК КПСС, сменяются статьями ведущих ученых, часть которых ранее считалась оппозиционерами генеральной линии партии, журнал заметно меняется под «работу» на перестройку. Материалы «СО-ЦИСа» все более и более посвящены тому, что может сделать советский социолог

для своей страны. Периодичность журнала вырастает сначала с 4 до 6, а затем до 12 номеров в год:

1987 — 1 (в № 1 некролог памяти гл. редактора «Социса» А. Г. Харчева).

№ 2 статья Т. И. Заславской «Роль социологии в ускорении развития советского общества.

С этого времени «Социс» переходит с 4 на 6 номеров в год.

1988 — 0 некрологов и юбилейных статей.

№ 3, статья «Навстречу XIX Партконференции: Социологическое обеспечение экономической реформы». С этого времени «Социологическое обеспечение экономической реформы» становится постоянной рубрикой журнала.

1989 — 1 (некролог Б. В. Князеву).

1990 — 0 некрологов и юбилейных статей.

С этого номера «Социс» переходит с 6 на 12 номеров в год.

№ 3, публикуется письмо в редакцию «В партком пришел социолог». В котором, в частности, говорилось: «В последнее время наблюдается своеобразный ренессанс в партийной работе. Процессы, происходящие в КПСС... требуют глубокого и постоянного научного анализа... О необходимости открыть все «закрытые» материалы о социологических исследованиях». На наш взгляд, это может служить явным примером существенной подвижки от научного изоляционизма в сторону универсализма и всеобщности научного знания.

1991 — 0, 1992 — 0, 1993 — 0.

Изучение двух некрологов за данный временной срез показало, что достижения человека по партийной линии в то время по-прежнему выделялись и подчеркивались, но казенный характер этих посмертных «портретов» сменился на более человеческий. Например, окончание некрологов «Марксистско-ленинское обществоведение понесло большую утрату...» могло уже, например, быть таким: «От нас ушел большой человек, крупный ученый. Невосполнима потеря для университета, факультета, безмерно горе его семьи». Статья об Анатолии Харчеве вообще была прорывной, нарушая все каноны официального партийного портрета.

«Идеальный» российский социолог (2001–2007)

Какие изменения в этосе российского социолога произошли с 1977 года? Для изучения этой проблемы мы исследовали подшивки двух научных журналов:

«Социологические исследования» («Социс») 2001–2007:

За рассматриваемый период в нем было опубликовано 22 Некролога (перечислим имена: Э. В. Тадевосян, Л. А. Гордон, И. А. Голосенко, Е. А. Якуба, С. Д. Масхуд, В. Т. Лисовский, Т. А. Кудрина, Р. К. Мертон, Г. С. Батыгин, В. Б. Голофаст, В. В. Васильев, Л. Г. Борисова, Я. Эйдельман, Г. А. Котельников, О. Д. Захарова, Ю. А. Левада, Р. М. Шпакова, В. Я. Нечаев, М. П. Мчедлов, Л. Г. Костюченко, Ю. Н. Давыдов, В. И. Герчиков) и 1 юбилейная статья (Кусеин Исаев из Киргизии).

Некрологи занимают свое точное институциональное место в журнале на 155–157 стр. (с 1989 года). Посмертные портреты ученых уже не анонимны и имеют ав-

торство: либо это коллективное творчество, подписанное как: «Друзья и коллеги», «Друзья, коллеги, ученики», «Коллеги, друзья, товарищи», «Социологическая ассоциация Украины», «Российское общество социологов» и др., либо это один автор, тот или иной ведущий ученый.

Юбилейные статьи почти не существуют как жанр.

«Социологический журнал» 2001–2007:

За рассматриваемый период в нем было опубликовано 10 некрологов (перечислим имена: И. А. Голосенко, В. Б. Ольшанский, Л. А. Гордон, Г. С. Батыгин, Р. К. Мертон, В. Б. Голофаст, А. О. Крыштановский, Н. В. Панина, Ю. А. Левада, Ю. Н. Давыдов) и 2 юбилейные статьи (о Г. М. Андреевой, В. А. Ядове).

Институциональное место некролога — в конце журнала, но страницы меняются, лишь для главного редактора журнала Г. С. Батыгина было сделано исключение (2003, № 2, 5–11 стр.)

Авторы некрологов и юбилейных статей — это либо группа коллег: «Коллектив редакции», «Редакционная коллегия» и др., либо друг или наиболее близкий ученик чтимого коллеги.

Кто же является героем современных некрологов и юбилейных статей в «СОЦИСе» и «Социологическом журнале»? Налицо явный сдвиг к чествованию или памяти настоящих ученых, а не администраторов в науке.

В некоторых статьях герой обозначен как человек из той когорты «ученых, которые в 1960-е годы возродили социологию...и вывели её на достойный уровень». Еще одним лексическим репрезентантом такого рода является строчка: «она посвятила всю свою научную жизнь самоотверженной и бескомпромиссной борьбе за становление и развитие отечественной социологии».

Стоит отметить, что наряду с отечественными учеными в числе героев рассматриваемых материалов появляются иностранные ученые, что явно свидетельствует о преодолении научного изоляционизма.

Регалии героя:

Доктор (реже кандидат) философских, исторических, экономических или социологических наук,

Профессор или доцент или заведующий кафедры ... Заведующий лабораторией, директор исследовательского центра

Директор или главный специалист Института

Руководитель регионального отделения Социологической ассоциации.

Член-корр Российской академии науки (или Российской академии образования,...)

Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Сотрудник редакции соц. журнала

Заслуженный деятель науки.

Новинка: Эксперт грантодающего фонда (РФФИ и др).

Отсутствует: Членство в какой-либо партии.

Качества ученого, педагога и организатора подчеркиваются следующими выражениями:

«Поддерживал молодые дарования», «Большая любовь многочисленных учеников..», «Коллектив кафедры, молодые преподаватели и аспиранты постоянно ощущали его поддержку», «Много преподавал», «Изумительный преподаватель», «Блестящий лектор», талантливый, внимательный, вдумчивый и вместе с тем требовательный педагог.

«Большие исследовательские и организаторские способности», «руководил многими исследованиями»

«Мастерски владел эпистолярным жанром»

«Никогда не расставался с книгой» (т. е. много читал), «проницательно-рефлективное чтение»

«Весомое слово на заседаниях социологической ассоциации»

При анализе некрологов и юбилейных статей мы отметили те лексические репрезентанты, которые можно было бы естественным образом выбрать в качестве иллюстраций императивов концепции CUDOS Р. К. Мертон — этоса академической науки.

Всеобщность научного знания: герои некрологов — авторы многочисленных учебных пособий, монографий, книг, по материалам исследований;

Незаинтересованность: «Бескорыстное служение науке», «Им двигали не расчеты, а жажда научного познания, стремление понять, что же на самом деле происходило...», «Страстное желание узнать новое, обобщить накопленное, придти к нестандартным результатам», «Образец неутомимой мысли», «в науке искал исключительно истину»;

Организованный скептицизм: «Любил острую полемику», «Никогда не утрачивал пытливого взгляда на окружающее, был восприимчив к новому, стремился во всем досконально разобраться»;

Оригинальность: «Всем её исследованиям присущ неповторимый авторский почерк».

Вместе с тем, рассматриваемые некрологи и юбилейные статьи дают возможность говорить об еще одном императиве, которого нет в концепции Мертон — императиве «гражданственности». В изученных материалах постоянно подчеркиваются качества героя-социолога как гражданина, подвижника, в т. ч. популяризатора социологии в СМИ.

Гражданственность:

«Со всей страстностью ученого и настоящего гражданина откликнулся на изучение поистине революционных перемен, которые начались в стране»

«Всегда открыто и, невзирая на внешние обстоятельства, выражал свою научную и гражданскую позицию»

«Вся жизнь и деятельность — служение обществу, его глубинным интересам, врачеванию его недугов», «энтузиаст, уверенный, что социология поможет обществу и сделает его более справедливым», «обнаженная совесть социологии»

«Искренний и горячий патриот России»

«Общеизвестны его публицистические выступления, работы на темы нравственных проблем современности»

«Аргументированные выступления в прессе»

«Систематически представлял результаты социологических разработок в массовых изданиях, причем в блестящем журналистском исполнении».

Как и в материалах советского времени, большое место в некрологах и юбилейных статьях уделяется человеческим, инвариантным качествам героя.

Человеческие качества:

«Замечательный человек и товарищ», светлый, оптимистичный, искренний, яркий, одаренный, энергичный, жизнерадостный, достойный, творческий, волевой, целеустремленный, деятельный, принципиальный, порядочный человек, «верный друг», «образец интеллигента», «бесконечно чуткий и добрый», «удивительной души человек», «душевная красота», «доброжелательность», «тонкий повседневный и обращенный к повседневности юмор», «завидное чувство юмора», «самокритичность и самоирония», «тихий харизматик», «яркая личность», «подлинный трудоголик», «душа всей ведущейся работы».

Стоит отметить, что в современных некрологах и юбилейных статьях, хотя и редко, но встречаются указания на участие героя в делах семьи: «прекрасный семьянин, муж, отец, дед», «отдавая все силы любимому делу, постоянно заботилась и о своей семье, была любящей и любимой женой, заботливой матерью двух дочерей».

Порой даются указания и на внерабочие увлечения социолога, приводятся сведения о его досуге вне науки: «любил веселый отдых, умел вовлечь в него всех вокруг», «писал стихи, играл на гитаре, прекрасно исполнял бардовские песни», «шахматист, литературовед», «был великолепным танцором, писал стихи и юморески», «прекрасно пел».

В отличие от материалов советского времени в современных статьях, провожающих или чествующих ученых, появляется гендерная проблематика, и новый герой — женщина-ученый как таковая. Лексическим репрезентантом, указывающим на специфику женской роли в науке, является, например, следующее выражение: «и в то же время это была женщина: и в научном сообществе, где женщине бывает трудно сделать имя, карьеру, и в повседневной жизни, где женщина более ранима, беззащитна и уязвима, чем мужчина».

Вместо заключения

Как видим, контент-анализ некрологов и юбилейных статей в социологических научных журналах показал, что этос российских социологов за 1977—2007 гг. претерпел существенные изменения. Если этос советских социологов был неразрывно связан с этосом идеологии, ролью ученых как партийных пропагандистов, проводников идей марксизма-ленинизма, то этос современных российских социологов приближается к классическим нормам академической науки.

Наряду с императивами CUDOS Р. К. Мертоня появляется новый императив — принцип «гражданственности», пришедший на смену принципу «партийности», выражению интересов какого-то одного класса. Принцип «гражданственности» имеет внепартийный общечеловеческий характер и отражает представление российских

социологов о том, что настоящий ученый должен заботиться о делах страны, думать о том, как его наука может способствовать движению общества к лучшей жизни. Важность этого императива подтверждается и докладом польского социолога Петра Штомпки, в то время президента Международной социологической ассоциации, «Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах» (2005), где много говорится о том, что современные социологи должны идти к людям, заняв свое место наставников и моральных авторитетов¹.

Является ли этот принцип «гражданственности» уникальным для стран с переходным режимом от тоталитаризма к демократии или же отражает глобальные тенденции — изменения в этосе мировой социологии и поиск нового языка общения социологов с обществом, могут показать только дальнейшие исследования, например, некрологов и юбилейных статей в западных социологических журналах.

¹ Штомпка П. Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах. Тезисы доклада на ежегодной конференции Сообщества Профессиональных Социологов «Современная российская социология в контексте общественных тенденций», 26 ноября 2005 г. [online] URL: (<http://www.msses.ru/win/faculty/sociology/sztompka-261105.html>).

**НА ГРАНИЦАХ ИСТОРИИ И БИОГРАФИИ:
СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ
В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Артикуляция жизненных историй — это та деятельность, через которую в жизнь привносятся смысл и цель.

З. Бауман. Индивидуализированное общество.

М. «Логос». 2002. с.17

Автобиографии, воспоминания, дневники, семейные хроники и другие свидетельства людей о прожитой ими жизни — уже признанный в современной социологии источник социального знания. Богатый материал таких свидетельств, биографических нарративов¹, служит источником многообразных проблематизаций в рамках широкого круга исследовательских интересов качественной социологии.

Исследование биографических нарративов, результаты которого я здесь представляю, было посвящено тому, как менялись представления и ценностные ориентиры общества в процессе социальных изменений, начатых перестройкой, и, в частности, почему очень многие люди, активно принявшие эти перемены, стали возвращаться к ценностным ориентирам советского времени и ностальгически переоценивать прошлое. Основой этого исследования стали материалы биографического конкурса «Жить в эпоху перемен», проведенного Биографическим фондом Социологического Института РАН² осенью 2000 г. среди жителей Санкт-Петербурга. Тема конкурса предлагала участникам не только описать историю их жизни, но и уделить особое внимание последнему десятилетию XX века, принесшему обществу радикальные перемены.

В традиционных социологических опросах того времени эта проблема — изменение ценностных ориентиров под влиянием происходящих в жизни общества радикальных перемен — решалась выяснением соотношения либеральных и советских ценностей, которые респонденты выбирали из перечня предложенных исследователями ценностных концептов. Однако результаты этих опросов почти невозможно

¹ Термин «нарратив» (англ. — рассказ, повествование) используется многими гуманитарными науками, занимающимися изучением и интерпретацией текстов. В западной социологии этот термин является общепринятым обозначением любых текстовых данных «качественного» характера. — Подробнее об использовании этого термина см.: Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3; Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора // Социология: 4М. 2003. № 17/

² Биографический Фонд Социологического Института РАН был создан в 1989 г. В настоящее время Фонд насчитывает около 600 биографических материалов представителей всех слоев общества. Фонд составляют биографические дневники, интервью и материалы биографических конкурсов.

было сравнивать из-за различий не только в смысловых характеристиках этих концептов, но и в структуре экспертного знания, вносящей свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины.

Еще одним и более надежным способом исследовать изменения ценностных ориентиров было изучение мотивации достижения, которая считается одной из основных ценностей эффективного рыночного общества¹. Типологии адаптивного поведения, которые строились по результатам опросов населения, в основном опирались на составляющие этой ценности — активность, рациональность и стратегический расчет человека в его адаптации к переменам. Но результаты построенных таким образом типологий говорили о том, что и через десять лет перемен, которые должны были активизировать мотивацию достижения, преобладали пассивные формы адаптации. Выросло число считающих себя «неприспособляемыми», значительно чаще встречался вариант «понижающей адаптации» и стабильно малым был вариант «повышающей адаптации». Отмечалась также сложившаяся ностальгическая переоценка советского прошлого².

На фоне этих неутешительных результатов опросов населения, биографические нарративы участников конкурса «Жить в эпоху перемен» позволяли посмотреть на процесс происходящих изменений не на уровне экспертных обобщений, а изнутри, представив оценки и суждения людей в контексте реалий их жизни. И хотя качественное социологическое исследование, в рамках которого изучаются и интерпретируются нарративы, не предполагает статистических обобщений, его итогом оказывается описание диапазона возможностей и социальной типики исследуемых феноменов, которое позволяет увидеть тенденции, скрытые за статистикой массовых опросов.

На конкурс «Жить в эпоху перемен» было прислано около 100 биографических нарративов, интерпретация которых проводилась в нескольких направлениях и на нескольких «мини-выборках». В данной статье представлены результаты интерпретации нарративов трех образованных женщин, принадлежащих к так называемому советскому среднему классу, для которого драма столкновения старых и новых ценностных ориентиров оказалась наиболее осязаемой.

«Это унижительно для меня»

Сначала рассмотрим случай, когда ценностные ориентиры советского времени оказываются стойкими и сопротивляются изменениям. Проиллюстрируем этот случай биографическим нарративом женщины 1941 года рождения.

Биография этой женщины в определенном смысле представляет собой «классический» образец жизни советского инженера, все ступени которой соответствовали нормам того времени. Она пишет:

Родилась в Ленинграде в рабочей семье. Училась хорошо, занималась спортом, была в литературном кружке... После школы поступила в Военно-Механический институт и была распределена в конструкторское бюро Кировского завода, где проработала

¹ См., например: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

² См., например, результаты одного из самых репрезентативных исследований того времени: Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность, 2000, № 6.

всю свою жизнь. Ушла на пенсию в 1997 году в должности конструктора 1-й категории. За время работы награждена медалью «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

На заводе она «встретила свою судьбу, своего будущего мужа», и ее семейная жизнь также сложилась весьма успешно. На сегодняшний день у нее и у ее дочерей есть квартиры, которые она называет «основой жизни для любой семьи». Возможно, сама успешность ее жизни в советское время, нарушенная перестройкой, которую она «сначала встретила с воодушевлением», делают ее «сторонником коммунистов». Во всяком случае, некоторые иллюзии в ее воспоминаниях о достоинствах социализма очевидны:

Да, тогда тоже было много недостатков, но до такого цинизма прошлая власть не доходила. В нашем государстве, кто хотел, тот мог получить образование, медицинскую помощь, даже будучи студентами, ездили на юг отдыхать, дети все без исключения учились в школе, отдыхали в пионерских лагерях.

А в семидесятых годах было вообще замечательно, хочешь квартиру — покупай, хочешь машину — тоже покупай и даже в рассрочку. Это было всем по карману, кто, конечно, не был пьяницей. Вот мы же смогли с мужем на свои оклады и без помощи родителей (оба из многодетных семей) купить квартиру, машину гараж, вырастить 2-х двойняшек, выучить их и выдать замуж. Мы свои обязанности выполнили на все 100%, а сейчас? Мои внуки учатся в очень хорошей школе, но я не уверена, что моя внучка, которая пойдет в 7-й класс, со временем получит высшее образование.

Тем не менее реальные основания для критики перемен у нее также есть, когда она описывает развал работы своего КБ и другие проблемы. Но самый характерный для описания ее позиции фрагмент, своеобразная «кода» ее рассказа, — это объяснение ее нежелания прибегнуть к новым практикам зарабатывать на жизнь:

В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Нас перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например у новых русских убирают квартиры, сидят с их детками. А ведь эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унижительно для меня. Звали меня снова в наше КБ, но там за эти годы еще хуже стало, поэтому тоже отказалась, хотя силы поработать у меня еще есть. Вот на свою Родину я бы еще поработала, а на государство — нет, так как в настоящее время государство существует отдельно от народа.

Возможности зарабатывать, которые предлагают этой женщине новые условия жизни, она расценивает как унижительные. (Можно более ясно обозначить ее позицию, если напомнить, что домработница у богатых людей получала тогда значительно больше, чем инженер Кировского завода). В этой позиции отчетливо выражено вполне понятное с точки зрения ценностей советского времени нежелание терять статус и неприятие новой модели социальной стратификации и новой жизненной перспективы, в которой «деньги» заменяют «культурный престиж». В принципе, такое столкновение «денег» и престижа не может иметь места в современном стабильном обществе, хотя история советского общества опровергает это. Так, советским людям было не привыкать, что статус и доход могли существенно расхотиться и инженер,

например, мог зарабатывать меньше рабочего. Если рассуждать с точки зрения теории культурного производства П. Бурдьё¹, можно сказать, что эффекта гомологии, т. е. соответствия между позицией индивида в области экономики и его позицией в сфере культурного потребления, в советском обществе не наблюдалось. В нем существовали другие соответствия, которые определялись идеологически. И в позиции респондентов с высшим образованием, как свидетельствует анализ биографических нарративов, это проявлялось и проявляется вполне отчетливо.

Итак, можно сказать, что автор этого биографического нарратива явно ориентирована на нормы и ценности советского общества, в котором гораздо важнее были статусные механизмы, чем рыночные. В ее позиции отражается также особая роль высшего образования в советском обществе, которое в условиях запрета предпринимательской деятельности оказывалось едва ли не единственным средством повышения социального статуса. Кроме того, в ее позиции читается признание «неправедности» многих из практик, которые теперь признаны легальными, а в советское время были нелегальными.

В целом, как свидетельствуют биографические нарративы участников конкурса, эта позиция довольно типична. Только крайняя нужда заставляла тех, кто получил высшее образование и профессию в советское время, идти на неквалифицированную, но хорошо оплачиваемую работу. При этом нежелание терять обретенный в советское время статус особенно сильно проявлялся у людей, принадлежащих к образованным слоям общества в первом поколении. По всей видимости, для них культурный капитал обладает особой ценностью, так как обретен исключительно собственными усилиями.

«Но сейчас уже смотрю на все иначе»

Приверженность ценностным ориентирам советского времени не всегда оказывается такой неизменной, как в описанном выше случае, когда человек даже не прибегает к новым практикам, считая их унижительными, и живет в русле прежних предствлений. Биографические нарративы иллюстрируют случаи, когда человек делает множество попыток адаптироваться к переменам и принять новое, но все эти попытки оказываются безуспешными и оставляют его в смятении, фактически возвращая к прежним ценностям. Одна из таких историй принадлежит женщине 1938 года рождения, работавшей всю жизнь инженером-строителем в проектных институтах.

Став в 50 лет пенсионеркой (так как последние 16 лет перед выходом на пенсию (в 1988 году) она работала на Севере, в Мурманске), она решает помочь родителям, живущим в Новокузнецке, и дочери, которая, уехав в 1983 году в Ленинград учиться, вышла там замуж, родила внучку и живет с мужем в общежитии. Вот как она пишет об этом времени:

И начала мигрировать каждые 6 месяцев между Мурманском и Новокузнецком с остановкой в Ленинграде, часто вместе с внучкой. Денег нужно было немеряно, а взять их было негде. Накоплений, хоть и жила на Севере, практически не было. Тут стали исчезать товары. Чтобы иметь хоть какую-то прибавку к пенсии, начала приторговывать...

¹ Bourdieu P. *Distinction. A Social critique of the judgment of taste*. New York: Routledge. 1989.

Итак, если в первом биографическом нарративе речь шла об отказе от новых возможностей зарабатывать на жизнь, которые были названы унижительными, то здесь речь идет об активных попытках наладить жизнь в новых условиях, несмотря на их унижительность:

Тогда около каждого магазина стояла длинная цепочка таких продавцов. Периодически появлялась милиция, и мы как зайцы разбегались со своим товаром. Или появлялась какая-то шпана, которая могла что-то схватить или потребовать денег. Противно это было до невозможности. Было унижительно бегать от милиции. Новокузнецк — город, где зимы холодные. И даже два-три часа выстоять непросто...

Следующей (судя по описанию, не только унижительной, но и опасной) практикой этой респондентки стала работа в Новокузнецке кассиром «на водной станции» (прокат лодок), куда ее «по блату» устроил отец, работавший там сторожем. Здесь она столкнулась уже со «сплошным криминалом»:

Начальница мне популярно объяснила, как надо работать, чтобы мне было хорошо и всем было хорошо. Я поняла, что мне предстоит. Проработав всю жизнь на проектной работе и получая деньги только по ведомости в кассе, мне было сложно решиться на это. И деваться-то было некуда. Постоянные разъезды, дочь с внучкой практически на мне. И начался сплошной криминал. Приходя домой, я начинала работу с квитанциями, в результате которой сдавала по квитанциям 50% выручки, а 50% отдавала лично в руки своей начальнице, из которых мне выдавалось 70-100 р. в день. Для меня это были огромные деньги. Моя пенсия была 120 р. Столько денег у меня не было никогда в жизни. Часто, закончив работу с квитанциями, я выходила на балкон покурить... И глядя на звезды, я думала, в каком же дерьме мне приходится крутиться...

После смерти родителей жизнь этой женщины перемещается в Мурманск, где у нее есть квартира, и в Петербург, где живет ее дочь с семьей. Пытаясь обменять свою мурманскую квартиру на петербургскую, она опять попадает в криминальную историю, столкнувшись с угрозами своего соседа, бывшего раньше электриком в домоуправлении, а теперь ставшего очень серьезным человеком:

А в следующий свой приезд в Мурманск я увидела соседа, въезжающего во двор на «Ситроене». В домоуправлении он уже не работал. Он просто нигде не работал. Как такое могло случиться, я не понимала. Была пьянь-перепьянь, а сейчас разъезжает на «Ситроене». Соседка как-то, оглядываясь по сторонам, мне говорит: «Толик-то в мафии!». Это про моего соседа. Господи! Откуда в нашем тихом Мурманске мафия...

Респондентка проявляет незаурядную смелость и, справившись с угрозами «соседа-мафиози», продает мурманскую квартиру. Но, купив «маленькую двухкомнатную квартиру в спальном районе Петербурга», она опять оказывается вынужденной прибегнуть к не совсем законным уловкам:

Вот так и жили. Я прописана в квартире, в которой они (дочь с семьей) жили. А я живу в их комнате в общежитии, где прописаны они. Вот дочери и пришлось, как переехали они в мою квартиру, снова идти преподавать в школу, чтобы внучку взять.

Денег по-прежнему не хватает и ей снова приходится «думать о работе». И опять все ее «практики» — работа кассиром на площадке аттракционов в Парке Победы, продавцом в маленьком магазинчике, контролером на игровых автоматах — в

той или иной степени оказываются унижительными и сталкивают ее с криминалом. Это наезд налоговой инспекции, угрозы бандюганов и т. п. Вот как она резюмирует свой рассказ об этой деятельности:

И такое впечатление, что до ухода на пенсию вроде никто меня ни на что не провоцировал. И не было у меня в жизни таких ситуаций...

Да, видно уж у нас на Руси без криминала не бывает, там где работа с деньгами идет...

Еще одной «краской» в ее разностороннем, активном и смелом стремлении адаптироваться к жизни в новых условиях становятся ее попытки стать акционером и заработать таким образом на квартиру дочери. Вот как она описывает эту, можно сказать, совсем необычную для советского человека, деятельность:

Начал следить за котировкой акций наших питерских предприятий. Деловое обозрение — рубрику из «Часа пик» — чаще всего просто не могла выбросить. Завела себе папку, где собирала все таблицы с котировками акций...

Акции бурно начали расти в цене. Начала я постоянно забегать в фондовый магазин на Невском. Лихорадочно считать! Ну, еще чуть-чуть и хватило бы на квартиру. Но чуть-чуть не получилось. Ахнул кризис в августе 1998 г. Если бы кто-нибудь накануне мне подсказал продать эти акции и перевести в доллары деньги!

Итак, все активные попытки вписаться в новые условия и новые практики дорого стоили этой женщине, заставив ее пройти через целый ряд унижений и фактически изменив ее взгляды, которые она отстаивала в начале перестройки:

Споря с отцом когда-то, я обвиняла КГБ во всех смертных грехах. Но сейчас уже смотрю на все иначе. Бесконечная работа, вечно связанная с криминалом, жуткие разборки с квартирой... В стране все перевернулось с ног на голову... Я так устала от всего, что творится у нас вокруг. И не поймешь, какой у нас строй. И кто у нас правит всем в государстве. И почему эта «мафия» сильнее государства. Газеты пишут о ком-нибудь, что он связан с криминалом, а он выставляет свою кандидатуру на выборах...

Итоги своего биографического рассказа она подводит следующим образом:

Мне не нравилось то, как мы жили при социализме. Проработав целую жизнь, мы практически ничего не имели. Была малюсенькая квартира. Даже работая на Севере, не так просто было купить машину рядовому исполнителю. Вечные проблемы с мясом, сыром, деликатесами. Все это имела только Москва и Ленинград. Большую часть жизни я прожила в Сибири и знаю, что такое дефицит. Ну разве это нормально? А теперь что? Страна завалена этим самым дефицитом. Так денег нет! Работы нет!

И сейчас думаю, а что ждет моих детей, моих внуков? Как им жить? Они, конечно, не попадут в тот маленький процент, который имеет все. Не будут иметь коттеджей, дорогих машин. Да и бог с ним. Но хотя бы работу имели нормальную. Чтоб жили без страха попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию.

Итак, новые возможности, которые обрела автор этого биографического нарратива в результате происходящих в стране перемен, она не считает работой, точнее, нормальной работой. Такой работой, которая, по крайней мере, позволяет не бояться попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию, не говоря уже о возможностях самореализации и достижениях, которые в принципе может дать человеку

нормальная работа. Кроме того, все ее разнообразные и активные практики оказываются направленными не на то, чтобы удержать социальную позицию, а только на то, чтобы прокормиться, выжить. И цена, которую ей пришлось заплатить за это выживание, — унижение и страх.

«Копить деньги. Но зачем?»

Предыдущие биографические нарративы хорошо дополняет и оттеняет следующий. Его автор — женщина 1940 г. р., которая, будучи старшим научным сотрудником университета и кандидатом наук, в советское время могла позволить себе творческую и довольно свободную от режима жизнь, которую сегодня она с иронией называет «сладкой жизнью». Эта «сладкая жизнь» закончилась в эпоху перемен вследствие того, что финансирование исследований в области астрономии, которыми она занималась, прекратилось. Тем не менее, процесс перемен она оценивает как положительный:

Так что, хотя лично я при этом только потеряла, процесс в целом был положительным — нищему народу не под силу было содержать тысячи научных учреждений, дублирующих разработки друг друга.

Свой опыт «понижающей» адаптации к переменам она описывает также иронично, как и свою закончившуюся «сладкую жизнь» научного сотрудника. В этот опыт она включает попытки зарабатывать на жизнь другими видами деятельности: азартную работу помощницей черного маклера в течение года, которая не принесла ей никакого дохода; репетиторство, которое носило сезонный характер; работу учителем в частной школе и, наконец, писание фельетонов, которое она практикует и сегодня, называя фельетоны самым дефицитным жанром.

Конечно, статус этой женщины, научного сотрудника со степенью, в советское время был более высоким, чем у авторов первых двух рассказов, что хорошо видно как в ее ироничных описаниях жизненного пути, так и в используемых ею практиках. Возможно поэтому ее «понижающая» адаптация не выглядит унижительной. Однако в ее отношении к новым ценностным ориентирам и, прежде всего, к мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей эффективного рыночного общества, читается серьезное ограничение, хотя и выраженное вполне оптимистично:

В силу невысоких запросов (есть крыша над головой, еда и чем прикрыть стыд) моя жизнь мне снова нравится. Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах — нет. Т. е. вкалывай как лошадь или не вкалывай, а в другой социальный слой не перейдешь... Я предпочитаю, особо себя не утруждая, заниматься поперечно, — но всегда с удовольствием! — то математикой, то сочинительством.

В этом оптимистичном ограничении собственной мотивации к достижению, по всей видимости, можно прочесть критику сложившейся ситуации. Возможности, которые обнаружились в меняющемся обществе, оказались очень суженными и поставили перед многими вопрос о «цене» достижения — ради чего «вкалывать». Как свидетельствовали и другие биографические рассказы участников конкурса, люди часто платили высокую цену — унижением и страхом — только за то, чтобы просто выжить. При этом они все же теряли прежние социальные позиции, на достижение которых затратили в свое время немало труда и усилий.

Заключение

Факты «переоценки ценностей» и ностальгии по советскому времени были зафиксированы и традиционными социологическими опросами населения. Однако интерпретация биографических нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» дала возможность увидеть этот процесс более содержательно и, тем самым, позволила сделать некоторые заключения, отличные от выводов массовых опросов.

Так, представленные в нарративах способы адаптации людей к происходящим изменениям подтверждали важное положение современной социальной теории. Происходящие изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни (в том числе и называемых по результатам опросов населения «пассивными») становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются¹.

Нарративы проясняли и еще одно положение социальной теории. Для объяснения мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей эффективного рыночного общества, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя нерационально. «Агенты в некотором роде, скорее, натываются на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения»². Это значит, что мотивацию достижения (как и другие ценности) необходимо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом³.

И, наконец, нарративы говорили о том, что адаптивные практики и мотивирующие их ценности нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых сегодня практик были довольно редкими, а некоторые из них нелегальными, и в процессе перемен превратились в массовые и легальные. Иметь в виду их сегодняшнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но, если говорить об истории их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже новыми не являются. Это переплетение старого и нового оказывается значимым для характеристики взаимосвязи практик и мотивирующих их ценностей, позволяя прочесть не только историю их появления, но и наиболее рельефные «узлы» этой взаимосвязи, и тем самым увидеть, как в переломные эпохи жизни общества происходит «переоценка ценностей» и, соответственно, меняется логика повседневной жизни и логика культуры общества в целом.

¹ Это положение современной социальной теории в нашей литературе наиболее полно проанализировано в ряде работ Козловой Н.Н. См., например: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.

² Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 161.

³ Радаев В.В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1.

МЕТОДЫ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЗАДАЧАХ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В качественной социологии широко распространены оценочные суждения об исследовательских процедурах, основанные на эмоциональных противопоставлениях, «жесткие» — «мягкие», «формальные» — «понимающие» и т. п. Стремясь предложить конструктивные методы, с одной стороны, основанные на подходах качественной методологии, с другой, — учитывающие «технологические» реалии социального управления, автор обращает основное внимание на проблемы реализации качественных стратегий. Мы исходим из основного преимущества этих стратегий — возможности более детального и тонкого описания исследуемых ситуаций. Особенно, в тех случаях, когда сами ситуации формируются из личных позиций, мнений или суждений участников процессов социального управления.

Плюсы и минусы качественных исследовательских стратегий

Использование качественных методов позволяет опираться в исследовательском дискурсе на разнообразные представления, формируемые самими информантами. Такая возможность отсутствует в позитивистских схемах, т. к. аналитик, вне зависимости от того, осознает он это или нет, вынужден сводить свои рассуждения к естественнонаучным понятиям — пространство, градиент, признак, значение и т. п. Тем самым оказывается, что понятийный аппарат исследования сформирован до самого исследования, что в сегодняшней социальной методологии рассматривается как недостаток метода. Например, создатели и последователи grounded theory предлагают формировать понятийный аппарат в ходе самого аналитического процесса. Как пишет Б. Фливиберг, разясняя пафос непозитивистской методологии case-study, «... предсказательные теории и универсалии не найти, изучая дела людей. Конкретное, зависимое от контекста знание ценнее тщетного поиска предсказательных теорий и универсалий»¹. Между тем, говоря о развитии собственных методов, не имеющих ясно выраженной структуры, сторонники качественной методологии, тем не менее, воспроизводят в своем подходе знакомый позитивистский мотив: пытаются установить «объективную истину», подлежащую изучению средствами качественной методологии. Противопоставляя свои техники структурным моделям, «социолог-качественник» не замечает, что последние нужны не только для того, чтобы, действуя в классическом позитивистском смысле, изучать «объективно сущее» на «неограниченную глубину».

В рамках социального управления не менее важной задачей, в решении которой трудно переоценить роль структурных моделей, является конструирование самой социальной реальности. Эта конструктивистская составляющая современной науки

¹ Фливиберг Б. О недоразумениях, связанных с кейс-стади // Социологические исследования. 2005. №4. С. 112.

вполне осознана, например, в виде объективистских и конструктивистских методов grounded theory¹. В этих условиях приходится думать не только о том, как понять происходящее с помощью экспертов, но и как передать это понимание большому числу лиц, которые никогда экспертами не станут. Именно такая задача возникает в различных ситуациях социального управления. Например, для того чтобы общественный идеал смог осуществиться необходимы специальные средства, обеспечивающие «консолидированное понимание и ощущение людей, образующих социум»².

Основным приемом осуществления «консолидированного понимания» между акторами качественного исследования является естественный язык. Именно за счет разнообразия естественных языковых возможностей самовыражения информанта аналитик стремится получить детализированные образы и суждения, которые невозможны в традиционных количественных методах. На первый взгляд, обращение к естественному языку кажется удачным снятием ограничений количественной парадигмы. Однако, как отмечают сами качественные методологи, при использовании естественного языка возникают ясно наблюдаемые трудности, связанные с тем, что «есть язык и язык». Оказывается, что на практике суждения информанта непонятны аналитику, хотя и выражены на естественном языке³. Таким образом, развитие естественных языковых техник вряд ли может привести к успеху, просто потому, что, с позиций научной методологии, естественный язык обладает рядом неустранимых недостатков, принципиально затрудняющих коммуникацию акторов, использующих его в качестве инструмента смыслообразования. Среди них: метафоричность, отсутствие структурных средств учета контекста и т. д.⁴.

Особо выделим еще два методологических аспекта, обычно игнорируемых при использовании качественных методов. Во-первых, не замечаемую социологами «шифровальную функцию», которая не позволяет рассматривать естественные языковые конструкции как безусловное выражение фактов⁵. В этой связи очень сомнительным выглядит широко распространенный тезис о том, что суждение информанта является фактом социального исследования. Во-вторых, проблему оперирования огромной массой представлений, которые возникают в задачах социального управления. Уже существование этих двух проблем при использовании естественного языка как научного инструмента ставит под сомнение успех любого качественного метода

¹ Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods. In Norman K. Denzin & Yvonna S. Lincoln (Eds.), *Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000

² Маркелов К. Общественный идеал как объект воздействия государственной информационной политики // Государственная служба. 2005. № 6 (38).

³ Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: «Универс-групп», 2004.

⁴ Каныгин Г. В. Проблемы анализа качественных данных // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. №1(31). С. 118–128.

⁵ Фрумкина Р. М. Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д. М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 128–144.

в том случае, если он применяется для формирования недвусмысленной исследовательской процедуры анализа социальной информации.

В современной мировой качественной социологии вполне осознаны проблемы построения научной методологии на основе вербальных практик. Как ответ на этот методологический вызов развиваются широко применяемые на практике компьютеризованные методы анализа нечисловой информации¹. Имеется обширный список методической и методологической литературы по проблемам разработки и прикладного применения этих инновационных средств социального исследования².

Особенности задач социального управления

В предметной области социального управления вполне оправдано используются методы, разработанные в других областях гуманитарных исследований. Однако, осознавая недостатки качественных методов как научных процедур, следует внимательно учитывать особенности предметной области управления с тем, чтобы нивелировать проанализированные выше недостатки качественных методов. Существенные особенности методов социального управления, заставляющие внимательно относиться к методологическим ресурсам качественной социологии, по нашему мнению заключаются в следующем.

Во-первых, в задачах социального управления в подавляющем числе случаев подразумевается не узкий круг информантов, а значительные массы граждан, вовлеченных в широкий круг социальных действий: разработка и принятие законов, их исполнение, установление норм и нормативов и т. п. Тем самым исследовательская цель видится не в разборе переживаний отдельных людей, а в создании средств систематического учета и согласования мнений социальных акторов, в числе которых могут оказаться общественные движения, отдельные граждане, государственные структуры, выборные органы управления и т. д., иначе говоря, агенты социальной структуры.

Во-вторых, исходным пунктом должен быть не столько учет социальной позиции каждого актора, сколько выражение этой позиции им самим. Тем самым создание понятийного аппарата государственного управления не должно быть делегировано лишь отдельным акторам, например, социальному теоретику или комиссии Государственной Думы. Методы управления предназначаются для согласования терминологических ресурсов, предлагаемых акторами.

В-третьих, при разработке методов социального управления нельзя мириться с нерешенностью методологических проблем, возникающих в результате применения естественного языка как средства «научных» построений. Важно обеспечить участников процесса управления инструментарием, предназначенным для явного выражения умолчаний, неявных смыслов и контекстной обусловленности их социально зна-

¹ На мировом рынке представлены десятки пакетов, в том числе: AnSWR, AQUAD, Atlas.ti, Decision Explorer, Ethnograph, QDA Miner, Qualrus, TextQuest, XSight и др.

² Подробный список см.: Каныгин Г. В. Контекстно-ориентированный подход к построению теорий. СПб.: Норма, 2006.

чимых суждений. Одним из важнейших критериев пригодности качественного метода в решении вопросов социального управления служит существование в рамках метода собственного структурного аппарата.

В-четвертых, методы управления сразу же должны мыслиться как информационные технологии, только переход на индустриальные рельсы обеспечивает применимость социологического метода в задачах социального управления.

Методы реконструирования смыслов в качественном исследовании

Каким образом создать методы социального управления, которые, с одной стороны, наследуя идею качественных стратегий, позволяли бы учитывать мнения отдельных акторов, с другой, — предлагали бы современные научные средства, а не отдельные естественноречевые рецепты? Прежде всего, не следует относиться к естественному языку как к некоторому выражению «объективного содержания». Примерами таких подходов являются методы контент-анализа¹ и реализующие эти идеи KWIC (keywords in context) компьютерные системы².

Естественный язык, «опредмеченный в символах текста» — это инструмент выражения собственных смыслов создателей или читателей текста, т. е. результат и инструмент мнемонического кодирования, которые разными акторами интерпретируются в разных смыслах. Поэтому задача структурных методов — предоставить в распоряжение актора эффективные средства самовыражения, а не искать в готовых текстах ответы на постоянно обновляющиеся вызовы времени. При этом актуализируется вопрос, какими именно структурными средствами следует наделить социального актора с тем, чтобы он смог эффективно участвовать в решении задач социального управления?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего, следует отметить, что научный инструментарий, предназначенный для социальной коммуникации агентов социальной структуры, должен давать возможность: проследживать умолчания и неявные смыслы, присущие суждениям акторов; контролировать тождественность представлений в различных социальных контекстах; учитывать контекстную определенность представлений; оперировать огромной массой сугубо индивидуальных мнений³.

Методы оперирования понятиями

Учитывая изложенные особенности качественного исследования и методов социального управления, можно сказать, что в задачах социального управления целесообразно обращаться не к социологическим методам, ориентированным на вербаль-

¹ Таршис Е.Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 71–91.

² Например, TextQuest (<http://www.textquest.de/tqe.htm>)

³ Каныгин Г.В. Проблемы анализа качественных данных // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. №1(31). С. 118–128.

ные повествования о сюжетах исследования, а на современные методы оперирования понятиями, лежащие в основе технологий знаний. Одним из актуальных направлений развития таких методов являются методы создания онтологий, т. е. «формальных явных описаний терминов предметной области и отношений между ними»¹.

Онтологии являются более мощным научным аппаратом работы с понятиями, чем применяемые в качественной социологии компьютеризированные техники анализа нечисловой информации. Основное преимущество состоит в более развитой системе отношений между понятиями. Основываясь на идеологии объектно-ориентированного программирования, онтологические методы предоставляют средства детализированного учета контекстной обусловленности понятий, выражаемые с помощью специальных языков программирования.

Однако методология создания онтологий имеет свои нерешенные проблемы. К числу основных относится неясность принципов, с помощью которых следует формировать структурные отношения между понятиями. Современные идеи в значительной степени повторяют положения объектно-ориентированного программирования: строгая типизация понятий; определение множества типов термина осуществляется не его «пользователем», а разработчиком онтологий и т. п. По мнению автора, для уточнения онтологических принципов полезно использовать вышеупомянутые методологические требования качественного исследования: прослеживающие умолчаний, контроль тождественности представлений в различных контекстах их применения и т. д.

Контекстно-ориентированные методы оперирования понятиями

Опираясь на указанные методологические требования, автор в ряде работ предложил структурное совершенствование аппарата анализа нечисловой информации — функций кодирования и реконструирования данных². Смысл усовершенствований в том, что, с одной стороны, — в предметной области качественных исследований развит онтологический аппарат, основанный на оригинальных отношениях между социологическими понятиями. С другой, — предложено направление совершенствования самих онтологических методов. Учет методологических требований, идущих от предметной области качественной социальной методологии, позволил не связывать новые структурные решения (модели понятий, отношения между ними в виде контекстно-фиксированных разъяснений, систему разъяснений и др.) с идеями объектно-ориентированного программирования.

¹ Noy N. F., McGuinness D.L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology* Stanford University, Stanford, CA, 2001; Рубашкин В.Ш. *Онтологии — концептуальные границы, проблемы и решения. Точка зрения разработчика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Издательский центр РГГУ, 2007. С. 481–485.*

² Каныгин Г. В. *Инструментальные средства и методологические принципы анализа качественных данных // Социология: 4М. 2007. № 25. С. 77–98.*

Принципиальным преимуществом предложенных контекстно-ориентированных методов служит возможность аналитического контроля за процедурами смыслообразования, выполняемыми любым из акторов, использующим средства коммуникации в виде указанных методов. Такой контроль представляется принципиально важным критерием, позволяющим непредвзято оценивать действия актора, отсутствующим как в техниках анализа качественных данных, так и в онтологических методах.

Заключение

Решение типичных задач социального управления — создание общественного идеала, выявление разнообразных ресурсов, находящихся в распоряжении социальных акторов, детализированное представление о социальной структуре и т. п. — сопряжено с оперированием огромной массой представлений, на которых основано социальное управление. Большую пользу при решении подобных задач могут принести исследовательские техники, разработанные в качественной социологии. Обращаясь к таким техникам в контексте социального управления, целесообразно ориентироваться на их современное прочтение в виде онтологических методов.

Результатом развития онтологических методов, в частности, в предлагаемой автором контекстно-ориентированной версии, является перевод качественной методологии на современные информационно-технологические рельсы, получение новых аналитических возможностей разработки и контроля методов социального управления, трансформация всего процесса социального управления в современную информационно-аналитическую технологию, основанную на социальных знаниях, формируемых агентами социальной структуры.

АКТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕГОДНЯ

Ирина Ильинична ЕЛИСЕЕВА (чл.-корр. РАН, директор СИ РАН)

ИНВЕСТИЦИИ В ДЕТЕЙ

Инвестиции в детей как научная проблема была сформулирована относительно недавно, примерно в середине 1980-х годов, в период возникновения тенденции снижения рождаемости. Сейчас, когда этот процесс приобрел почти глобальный характер, изучение инвестиций в детей, стали связывать с повышением ценности человеческой жизни, с качеством населения, человеческим капиталом. Проблема инвестиций в детей имеет различные аспекты: экономический, социологический, психологический. Сугубо экономических позиций речь может идти о целевом вкладе на ребенка, который он сможет получить, например, по достижении совершеннолетия и задача состоит в том, чтобы выбрать тот фонд, который обеспечит максимальную сохранность средств (минимальный риск) и наибольшую доходность. Этот вид задач хорошо разработан в финансовом менеджменте. Психологический аспект связан с анализом таких тонких вопросов как внутрисемейные отношения, межпоколенные связи, отношения взрослого и ребенка, отца и матери, сына и (или) дочери. Социологический подход к исследованию инвестиций наиболее широкий и включает изучение таких исторически традиционных паттернов как семья, общество, государство через призму детства, социализации, социального воспроизводства.

Сейчас среди социологов бытуют разные точки зрения на те сложные процессы, которые переживает семья, но сами эти сложности, их наличие признаются всеми. Поляризация высказываний весьма велика: от заявлений о том, что семья это мир, который уходит в прошлое, и мы только по инерции продолжаем говорить о семье, хотя на самом деле семья в ее традиционном понимании уже себя изжила, до противоположной точки зрения, что семья как была, так и есть основная ячейка общества и семью ничем не поколебать. Напротив, ценность семьи и ее функции, и ее роль все больше укрепляются в связи с нестабильностью общества, появлением множества социальных рисков, вследствие чего человек чувствует себя более защищенным только в семье. И поэтому семья приобретает роль некоего «острова», в котором человеку безопасно, комфортно, там он занимается собой и своими близкими.

Наши западные коллеги рассматривают проблему инвестиций в детей в контексте возможностей семьи и тогда она становится в один ряд с проблемой стабильности семьи, репродуктивного поведения, желаемого и фактического числа детей, бла-

госостояния семьи — ее возможностей дать ребенку надлежащее развитие. С этих позиций проблема *investments in children* нередко трансформируется в *cost of child*. Однако на данную проблему можно посмотреть более широко — с позиций общества и государства. Тогда правомерна постановка вопроса о связи экономических возможностей семьи, т.е. уровня ее благосостояния с экономическим ростом¹ или же того, как инвестиции в детей могут снизить негативные эффекты девиантного поведения². В этом ключе можно говорить о возможностях анализа «затраты — выгоды» в отношении, например, инвестиций в развитие детей из неблагополучных семей или других аналогичных социально значимых проектов. Примером проекта такого рода является программа *High/Scope Perry Preschool*³, осуществляемая в США более 40 лет. Эта программа посвящена исследованию краткосрочных и долгосрочных эффектов высококачественного дошкольного образования, предоставляемого детям из неблагополучных семей, растущих в нищете и подверженных риску испытать трудности при обучении в школе. В рамках этого подхода было показано, что при учете долгосрочных эффектов подобные инвестиции оказываются весьма выгодными для общества и экономики. Они приводят к тому, что события, весьма вероятные для такой группы детей по мере их взросления, как-то ранние беременности, совершение противоправных действий, нежелание работать и т.д. становятся маловероятными. Инвестиции в развитие неблагополучных детей в раннем возрасте признаются наиболее эффективным способом вложения средств в формирование человеческого капитала⁴.

Традиционная методология анализа «затраты-выгоды» предусматривает оценку затрат и выгод, возникающих в течении каждого года реализации программы и последующей жизни ее участников, а также вычисление чистой приведенной стоимости программы путем суммирования дисконтированных будущих затрат и выгод. Очевидно, что расчет каждой из компонент такого анализа возможен не только с использованием фактических данных (заработная плата воспитателей, медперсонала, поваров, охранников и проч.), но и на основе принятия ряда предположений. Учет всех возможных затрат и выгод всех членов общества и их представление в стоимостном выражении также достаточно сложен. В результате оцениваются лишь наиболее существенные эффекты от реализации программы и, соответственно, связанные с ними затраты и выгоды. Можно лишь надеяться, что вклад опущенных эффектов в приведенную стоимость программы окажется невелик. При расчете чистой приведенной стоимости как разности дисконтированных общих затрат и будущих выгод возникает проблема выбора ставки дисконтирования для отрезка времени, соответ-

¹ Barber Nigel. Does parental investment increase wealth, or does wealth increase parental investment? // *Cross — Cultural research*, vol.36, No.4, November 2002, 362–378.

² Heckman J. Skill formation and the Economics of Investing Disadvantaged Children// *Science*. 2006. Vol. 312. P. 1900–1902.

³ Schweinhart L., Montie J., Xiang Z., Barnett W.S., Belfield C.R., Nores M. Lifetime effects : The High/ Scope Perry Preschool Study through age 40. Ypsilant, MI, 2005.

⁴ Heckman J. Policies to foster human capital // *Research in Economics*. 2000. Vol. 54 , P. 3–56; Heckman J. Skill formation and the Economics of Investing Disadvantaged Children// *Science*. 2006. Vol. 312. P. 1900–1902.

твующего возрасту ребенка на начало его участия в программе, длительности программы и ожидаемой продолжительности жизни участника программы.

При выборе ставки дисконтирования, пригодной для оценки проектов в общественном секторе, используют либо доходность капитала, либо потребительскую процентную ставку.

Выгоды, то есть социальные эффекты, подразделяются на краткосрочные и долгосрочные. Первые возникают непосредственно во время реализации программы (улучшение здоровья детей из неблагополучных семей, привитие им определенных социальных и трудовых навыков, в результате чего улучшаются отношения в группе и с педагогами — воспитателями, повышается самооценка детей, их мотивация на жизненный успех). Вторые — возникают при взрослении и последующей жизни участников программы и связаны с ростом доходов участников программы в результате полученного образования, соответственно, с ростом налоговых платежей и производительности труда, а также снижением уровня преступности, снижением медицинских расходов вследствие общего улучшения здоровья участников и т.д.

Очевидные минусы такого подхода к оценке инвестиций в детей состоят в существенных затратах общества (государства) на реализацию такого проекта. В принципе при хорошей постановке дела российские детские дома, трудовые коммунны и прочие формы организации коллективной жизни детей и подростков из неблагополучных семей можно было бы рассматривать как подобные реализации. Соответственно, возникает возможность появления тех эффектов, которые были описаны выше. Пока же, как показывают наблюдения за выходцами из таких учреждений, вероятность благополучия их будущей взрослой жизни далека от единицы.

Анализ инвестиций в детей с позиций домохозяйства возможен в двух направлениях: во-первых, с позиций расходов на уход и воспитание детей, а во-вторых, с позиций затрат времени на ребенка. Это соответствует двум универсальным соизмерителям, которые используются в социологических исследованиях — деньги и время. Наиболее полные результаты можно получить, используя оценки как затрат времени, так и средств. Поэтому исследование инвестиций в детей предполагает проведение обследований бюджета времени взрослых членов домохозяйств с детьми, стратифицированных по доходам, демографическому составу, месту проживания (сельская местность, малый, средний и крупный город). Конечно, такого рода работа требует значительных финансовых вложений и определенной исследовательской культуры. К сожалению, популярные прежде статистико-социологические работы по изучению бюджета времени разных категорий населения, которые проводились в СССР, теперь не практикуются. А в 1970-е годы даже в официальных статистических сборниках можно было видеть данные о целевых затратах времени рабочих и служащих, мужчин и женщин, живущих в городах и селах.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов рождаемость сокращалась до катастрофического уровня — в Санкт-Петербурге она была самой низкой в России. Общий коэффициент рождаемости составил 6,4 промилле.

С 2000 года в нашей стране наметилась тенденция роста рождаемости и в Санкт-Петербурге также происходит рост числа родившихся (табл. 1)

Таблица 1. Динамика рождаемости в Санкт-Петербурге

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Численность населения на начало года, тыс.чел.	4741,9	4714,8	4688,4	4656,5	4624,1	4600,0	4580,6	4571,2
Число родившихся, тыс.чел.	32,0	33,8	37,2	40,2	40,9	39,5	40,1	43,3
Коэффициент рождаемости, промилле	6,7	7,2	7,9	8,6	8,8	8,6	8,8	9,5

Источник: Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2007 году. Статистический бюллетень. Санкт-Петербург, 2008, с. 6.

Давая жизнь детям, родители и общество берут на себя ответственность за их благополучие, за их будущее. Для социологов особое значение приобретает социология детства. Об этом хорошо сказано в книге Валерия Голофаста¹, где он подчеркивает беззащитность детей, их зависимость от взрослых и ответственность общества взрослых перед детством. Мне кажется, у нас эта тема еще плохо освоена в социологии, имеются лишь определенные фрагменты, а комплексные исследования — дело будущего.

На Западе есть довольно много работ, посвященных влиянию дохода семьи, образования родителей, форм социализации детей, занятиям с детьми. В частности, у американских социологов есть ряд статей, посвященных временным затратам на детей отцов и матерей, состоящих в браке. Там сравниваются результаты исследований 60-х годов и 90-х годов XX века, и рассматривается динамика: что же произошло за этот 30-летний период, каковы тенденции. Отмечается, что матери стали меньше тратить времени на рутинные, повседневные занятия с детьми и больше на развивающие занятия, то есть меняется структура занятий. Отцы тоже показывают повышение затрат времени в абсолютном выражении на приятные для детей увеселительные мероприятия. Соответственно, соотношение затрат времени матерей и отцов сглаживается, хотя у матерей затраты времени на детей остаются несколько больше, но соотношение приближается к единице. Так что это тридцатилетие американские исследователи воспринимают как достаточно благоприятный период, который свидетельствует о том, что от поколения к поколению инвестиции на детей все-таки возрастают.

Есть и обратные точки зрения, т. е. все неоднозначно в социологии. И, конечно, особое внимание уделяется исследованиям детей из неблагополучных семей, в частности, Дж.Хекман сейчас занимается питанием детей из неблагополучных семей. То есть, разные сюжеты о детях из неблагополучных семей в американской экономической социологии развиваются последовательно. Такие социальные эксперименты требуют специальных учебных заведений со специальными программами, которые

¹ Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. /В. Б. Голофаст; под ред. О. Б. Божкова. — СПб, Алетейя», 2006.

ориентированы именно на таких детей. Они основаны на определенных принципах, которые должны неукоснительно выполняться. Экономический подход к инвестициям в детей — один из возможных подходов, который может лечь в основу разработки социальных программ, что делать с детьми из неблагополучных семей. Для России эта проблема сверхактуальна.

Последняя перепись населения в нашей стране (ВПН-2002) показала, что процесс нуклеаризации российских семей завершился. При этом растет доля неполных семей, незарегистрированных супружеских союзов, в которых рождаемость ниже, чем в зарегистрированных браках.

Происходящий рост рождаемости не покрывает смертность, так что угроза депопуляции сохраняется. Эти процессы реализуются на фоне растущей продолжительности жизни и старения населения. В России (при довольно низкой ожидаемой продолжительности предстоящей жизни) доля лиц старше трудоспособного возраста повысилась с 16,3 % в 1979 г. до 20,4% в 2006 г. Особенно интенсивно растет численность старших возрастных групп — свыше 75-85 лет: с 1979 г. по 2000 г. доля таких лиц увеличилась вдвое. К этому добавляется устойчивое превышение женского населения над мужским в условиях сохраняющегося огромного (в 12-13 лет) разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин. Слабое участие мужчин в воспитании детей, их неготовность к роли отца выступают мощными факторами дефектов в социализации детей. Вдобавок, сильное влияние оказывают отмеченные выше проблемы современной семьи: факт остается фактом, семья переживает трудности. И они объективны, потому что, чем более личность самодостаточна, чем более она образована, тем больше она стремится к автономии и тут ничего не сделать. А автономия — это значит, нежелание брать на себя обязательства, нежелание поступиться своим временем. Всё это приводит к определенным последствиям, т.е. уровень эгоизма, в целом, в человеческом обществе возрастает. В конечном итоге это одно из следствий растущих инвестиций в детей. Сейчас каждая стадия жизни рассматривается как шаг к определенному карьерному росту, поэтому для людей очень важно, чтобы ребенок ходил в престижный детский сад, в престижную школу. Потому что важно не только, какие у ребёнка учителя и воспитатели, но и кто с ним рядом: ведь одноклассники это те люди, на которых он дальше сможет опереться, когда пойдет по жизни. У него будут хорошие связи, если он учился в элитной школе, где учились дети, выходящие из таких-то семей, у него уже есть сеть, которую он может использовать. Вот такие бытуют рассуждения. И они имеют значение, и будут иметь все большее значение по мере дифференциации нашего общества, его стратификации в разных аспектах. Ну а пока что можно смело утверждать, что наличие в российской семье двух и более несовершеннолетних детей — это «ворота в бедность», несовершеннолетние дети — обязательная составляющая профиля российской бедности¹. Отсюда очевиден вывод, что в России инвестиции в детей не может быть проблемой только самих домохозяйств, это проблема, которая должна решаться с участием государства.

¹ Овчарова Л.Н. Трудовые стратегии и доходы супружеских пар с детьми. // demoscope.ru/weekly/2005/0195/tema04.php

МИГРАЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Влияние миграции на демографическое развитие территориального образования традиционно рассматривается в двух аспектах. Во-первых, выделяется влияние размеров миграционных потоков (прибытия и выбытия) на изменение общей численности населения. Во-вторых, рассматривается роль миграции в формировании численности трудоспособного населения. Общее число трудоспособных мужчин и женщин, а также соотношение молодых, средних и пожилых возрастных групп в конечном счете определяют ситуацию на рынке труда и существенно влияют на социально-экономическое развитие страны, региона, города.

Влияние миграции на демографическое развитие в действительности гораздо сложнее, ее изучение выходит за рамки указанных аспектов. Миграционные потоки меняют не только численность, но и структуру населения. Разные социально-демографические группы населения имеют свои особенности в демографическом поведении. Различия в репродуктивном, самосохранительном и брачном поведении определяют разные уровни рождаемости, смертности и брачности в этих группах. Таким образом, миграция оказывает не только прямое, но и косвенное влияние на уровень воспроизводства населения и изменение демографической ситуации.

Воспроизводство населения Санкт-Петербурга всегда было суженным. Поколения дочерей постоянно были меньшей численности, чем поколения матерей — значения нетто-коэффициента воспроизводства населения города за последние 100 лет ни разу не превышало единицы. Поскольку население Санкт-Петербурга не может воспроизводить себя, основным источником роста населения является миграция. До начала кризиса 1990-х годов миграция обеспечивала основную часть прироста населения, а в последствии в определенной степени смягчала действие естественной убыли на численность поколений петербуржцев (рис.1).

Уровень миграционного прироста за последние три года неизменно растет. Более того, в 2006 году он превысил 20-тысячный уровень и составил 20,4 тыс.чел. Такой уровень прироста за счет миграции наблюдался в Санкт-Петербурге в последний раз в конце 1980-х годов. Однако и этот по современным меркам высокий показатель не может нивелировать действие естественной убыли населения (рис.1).

Характеристики миграционных потоков последнего 10-летия по полу и возрасту резко отличаются от предыдущих периодов (рис. 2, 3). Современные размеры миграционного прироста за счет детей в возрасте до 15 лет и пенсионеров незначительны. Прирост населения трудоспособного возраста за счет миграции после резкого падения в 1980-х годах, убыли в начале 1990-х годов довольно долго не оформлялся в четкую тенденцию. Однако с 2003 года миграционный прирост трудоспособного населения неизменно увеличивался как у мужчин, так и у женщин. Причем, в женском населении он имеет несколько большие размеры. Так, в 2006 году миграционный прирост трудоспособного населения у женщин составил 10,3 тысяч человек, а у мужчин 7 тысяч

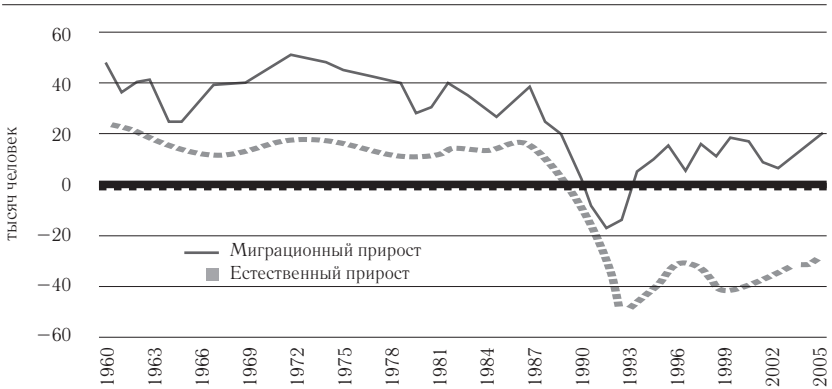

Рисунок 1. Естественный и миграционный прирост (убыль) населения Санкт-Петербурга в 1960–2006 гг (тысяч человек)

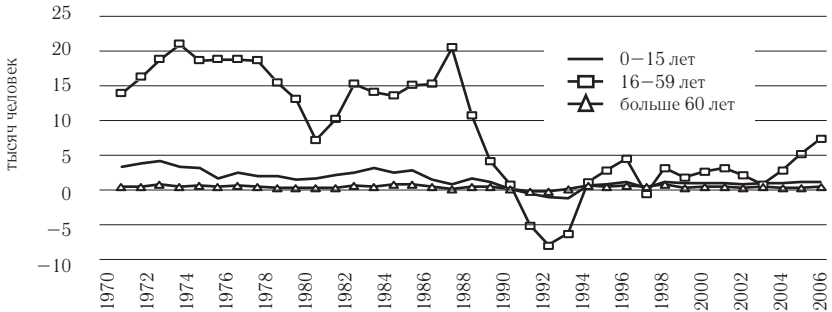

Рисунок 2. Миграционный прирост населения Санкт-Петербурга в 1970–2006 гг. Мужчины.

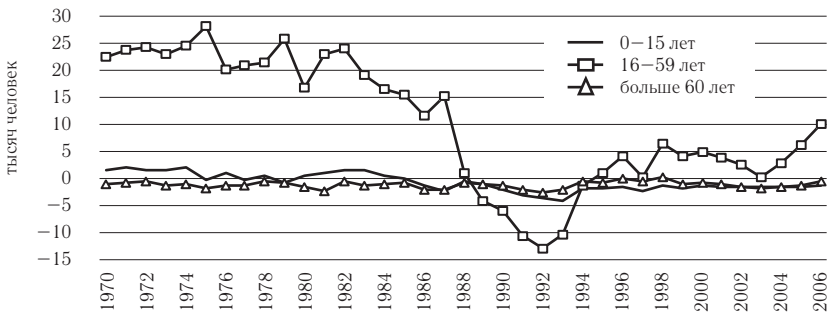

Рисунок 3. Миграционный прирост населения Санкт-Петербурга в 1970–2006 гг. Женщины.

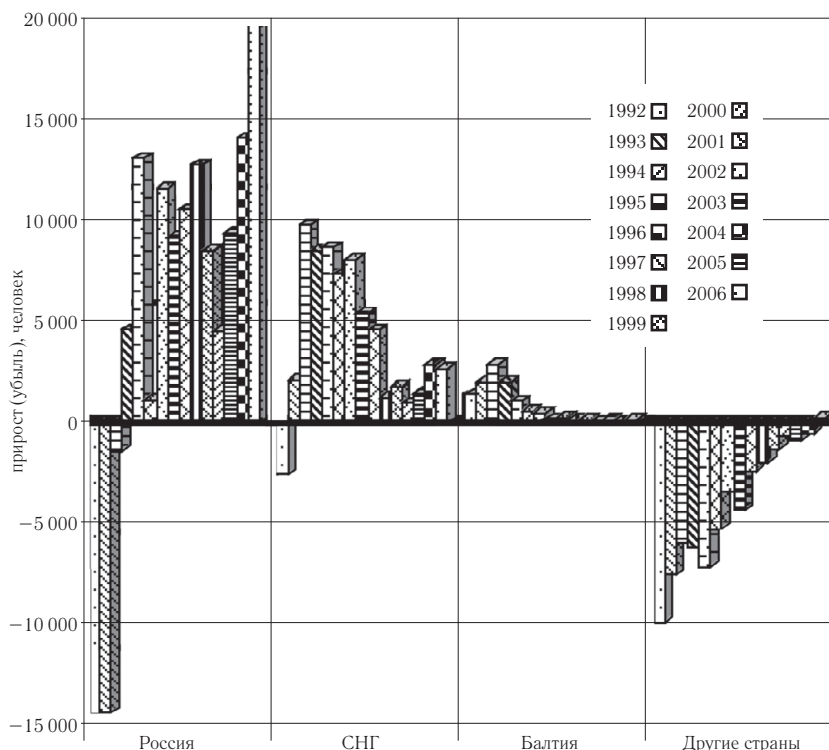

Рис унок 4. Компоненты миграционного прироста (убыли) населения Санкт-Петербурга в 1992–2006 гг.

человек. При этом по своим значениям миграционный прирост населения Санкт-Петербурга начала 2000-х годов так и не вышел на предкризисный уровень.

В миграционном обмене с регионами России в настоящее время Санкт-Петербург имеет положительный баланс (рис. 4). Резкое увеличение миграционного прироста за счет внутренней миграции началось с 2003 года. В 2006 году миграционный прирост за счет регионов России составил 17,7 тысяч человек. Традиционная небольшая убыль населения города наблюдается в обмене с Москвой и Московской областью. В 2006 году в Москву выбыло на 903 человека больше, чем прибыло из столицы в Санкт-Петербург. Аналогичный показатель для Московской области в 2006 году составил 199 человек.

С 2003 года снова растет миграционный прирост населения Санкт-Петербурга за счет стран СНГ. Хотя его размеры и динамика не так значительны, как в обмене с регионами России (рис. 4). Минимизировался и практически сошел на нет миграционный прирост за счет стран Балтии.

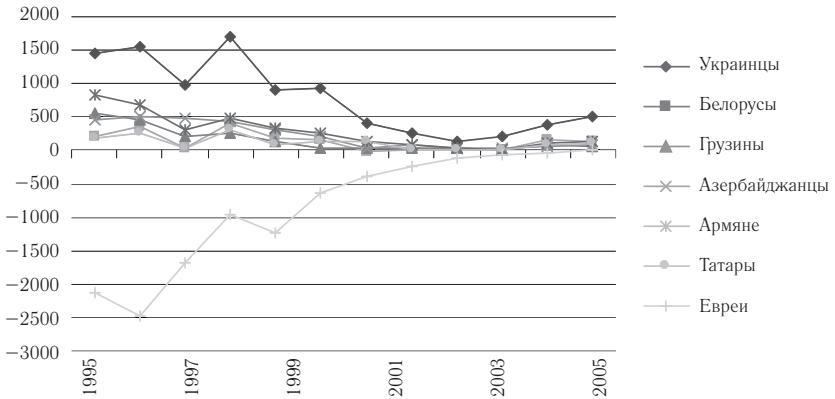

Рисунок 5. Миграционный прирост в Санкт-Петербурге по национальности в 1995–2006 гг (человек)

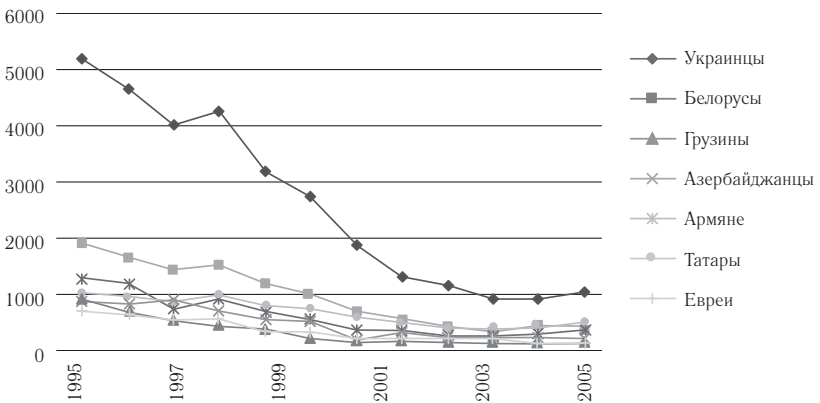

Рисунок 6. Прибывшие в Санкт-Петербург по национальности в 1995–2006 гг (человек)

В начале века резко снизилась миграционная убыль за счет обмена Санкт-Петербурга с зарубежными странами. В 2006 году впервые с 1992 года миграционная убыль сменилась на прирост. Он составил 259 человек, 252 из которых — прибывшие из Китая.

Миграция влияет на изменение национального состава населения Санкт-Петербурга. Общей тенденцией учтенной миграции последнего десятилетия является минимизация прироста у наиболее многочисленных национальностей в городе (рис. 5, 6, 7). Определяющим фактором в произошедших изменениях является снижение выезда из Санкт-Петербурга представителей разных национальностей. Наиболее резкие изменения в миграционной подвижности произошли у украинцев, евреев и белорусов.

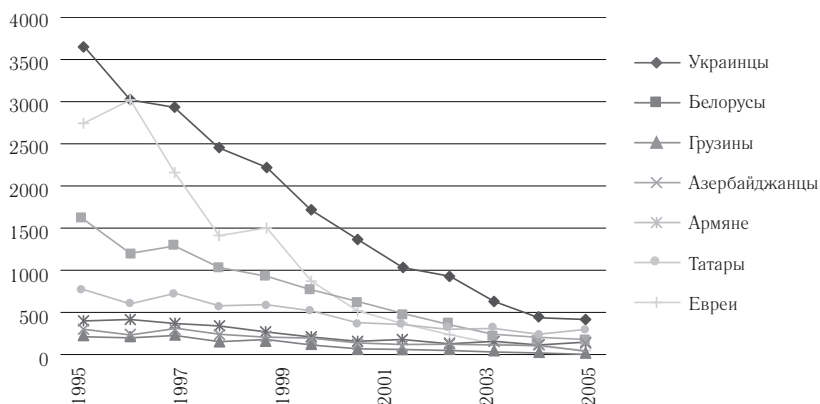

Рисунок 7. Выбывшие из Санкт-Петербурга по национальности в 1995–2006 гг. (человек)

С 2003 года снова увеличивается миграционный прирост у украинцев. В 2005 году он был 393 человека, а в 2006 году составил уже 518 человек. В 2006 году впервые за многие годы прекратился миграционный отток евреев. Хотя миграционный прирост очень мал — всего 4 человека. Динамика миграционных процессов у представителей других национальностей почти неизменна.

Характерной особенностью миграции в Санкт-Петербурге последнего десятилетия является изменение в миграционной активности лиц с высоким уровнем образования. Значительно повысился приток образованных мигрантов в город при одновременном снижении размеров их выезда (рис. 8, 9). В результате в 2006 году по сравнению с 1996 годом миграционная убыль у лиц с высшим образованием сменилась на миграционный прирост, значительно увеличился миграционный прирост у имеющих среднее специальное образование и сократился прирост у лиц со средним образованием (рис. 10). Эта тенденция скажется положительно на всех аспектах социально-экономической жизни города. Отметим, что именно для наиболее образованных групп населения характерны специфические формы демографического поведения, связанные с низкой рождаемостью, а также с сознательным и ответственным отношением к своему здоровью.

В конце 20 века направления, по которым осуществлялось миграционное движение в Санкт-Петербурге и из него, определялось экстремальными ситуациями, возникшими после распада СССР на постсоветском пространстве. В настоящее время их действие либо минимизировалось, либо закончилось. Таким образом, миграция в Санкт-Петербурге перешла к обычным социально-экономическим ориентирам.

Миграция — сложный многоуровневый процесс, который не может быть отрегулирован в рамках одной отрасли или департамента. Поэтому при проведении миграционной политики в Санкт-Петербурге в рамках существующего законодательства необходима интеграция усилий всех государственных учреждений, находящихся на территории города.

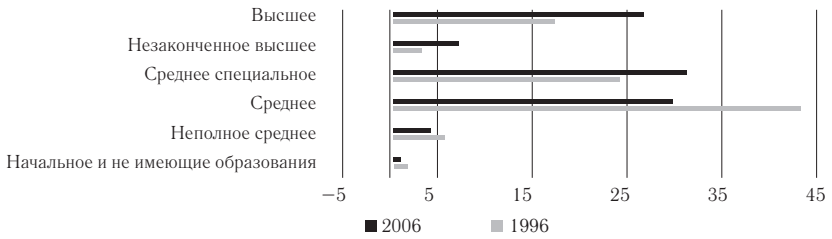

Рисунок 8. Уровень образования прибывших в Санкт-Петербург в 1996 и 2006 гг. (в возрасте 16 лет и старше) (в %)

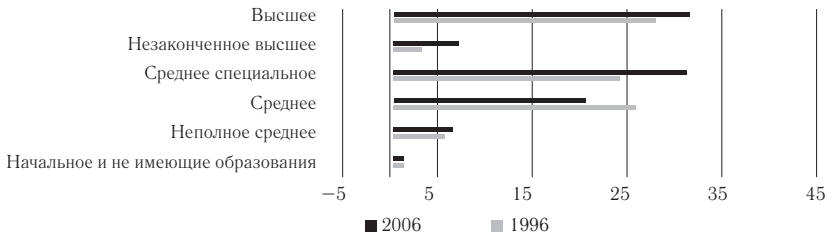

Рисунок 9. Уровень образования выбывших из Санкт-Петербурга в 1996 и 2006 гг. (в возрасте 16 лет и старше) (в %)

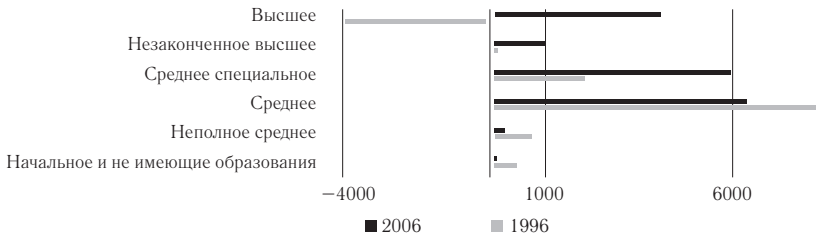

Рисунок 10. Миграционный прирост (убыль) по уровню образования мигрантов в Санкт-Петербурге в 1996 и 2006 гг (в возрасте 16 лет и старше) (человек)

Цели, задачи и количественные ориентиры миграционной политики содержатся в «Концепции демографического развития Российской Федерации до 2025 года», в документах, определяющих стратегию развития Санкт-Петербурга. Их характерной особенностью является отсутствие четких цифровых параметров развития миграционных процессов на ближайшую перспективу. Так, в «Концепции демографического развития Российской Федерации до 2025 года» на первом этапе ее реализации (2007–2010 гг) цифровые ориентиры вообще отсутствуют. Ставится задача создания условий, позволяющих уменьшить остроту демографического кризиса. В результате реализации мероприятий первого этапа предполагается снизить темпы естественной убыли и обеспечить миграционный прирост.

Целевые показатели по миграции появляются в тексте «Концепции демографического развития РФ» при оценке реализации второго этапа (2011–2015 гг), когда предполагается уменьшить отток квалифицированных специалистов, увеличить объемы привлечения по постоянному месту жительства в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи, обеспечить на этой основе миграционный прирост на уровне не менее 200 тысяч человек ежегодно¹.

В результате реализации мероприятий «Концепции РФ» по предупреждению реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране на третьем этапе (2016–2025 гг) предполагается обеспечить миграционный прирост на уровне 300 тысяч человек².

В «Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года» в восьми основных показателях прогноза социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года³ и в 24-х целевых ориентирах по показателям качества жизни населения в Санкт-Петербурге в 2025 году⁴ показатели миграции не представлены. Оценка будущего уровня миграции дается только в разделе «2.3.2. Уровень жизни в 2025 году». В нем отмечено, что в 2025 году «высокий уровень жизни привлекает в Санкт-Петербург все большее число мигрантов, главным образом квалифицированных специалистов трудоспособного возраста. Положительное saldo миграции возрастет до 35 тысяч человек в год»⁵.

Такие формулировки в цитируемых «Концепциях» вполне объяснимы. В настоящее время формирование целевых показателей миграции не обеспечено ни законодательно, ни информационно. Поэтому можно предположить, что более четкие очертания и конкретные цифровые ориентиры они приобретут, когда будут отработаны процедуры регистрации мигрантов и обработки полученных данных в государственных и ведомственных статистических подразделениях.

Так, в настоящее время в России действует девять систем сбора статистических данных о миграции⁶. Причем, доступные данные отличаются невысоким качеством, а большая часть информации по-прежнему остается закрытой. Особенно острой остается проблема доступа к статистике, собираемой в рамках Федеральной миграционной службы.

Основной проблемой статистической информации о миграционных процессах является недоучет значительных контингентов мигрантов. Порядок учета и регистрации трудовых мигрантов таков, что они в основном имеют временную регистрацию

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, с. 7.

² Там же, с. 8.

³ Концепция социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года. СПб.: Правительство Санкт-Петербурга, 2007, с. 8.

⁴ Там же, с. 13–14.

⁵ Там же, с. 16.

⁶ Чудиновских О. С., Донец Е. В. Современные источники статистических данных о мигрантах // Демографические исследования: теоретические и прикладные аспекты / Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения 2004–2006 гг». М.: ТЕИС, 2006, с. 116.

по месту жительства, и поэтому не попадают в поле зрения государственных статистических органов. По этой же причине сегодня имеется недоучет размеров учебной миграции, что особенно болезненно для Санкт-Петербурга, крупнейшего учебного центра страны. Значительные проблемы остаются и в отношении учета миграции граждан России. По мнению ряда исследователей «его качество нельзя считать удовлетворительным»¹.

Постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 884 от 20.07.2007 была утверждена «Концепция социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года». В стратегическом анализе факторов развития Санкт-Петербурга в «Концепции» выделены внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие города. Список наиболее значимых для Санкт-Петербурга внешних факторов получен экспертным методом. Он содержит семь позиций. Вторым по значимости фактором внешней среды развития Санкт-Петербурга на период до 2025 года признана Миграционная политика Российской Федерации. При этом к благоприятным возможностям для развития Санкт-Петербурга отнесены увеличение трудовой мобильности и совершенствование миграционного законодательства. К потенциальным угрозам для развития города причислены сохранение низкой трудовой мобильности и рост нелегальной миграции².

В анализе сочетания внешних и внутренних факторов развития Санкт-Петербурга отмечается, что «совершенствование миграционного законодательства и увеличение мобильности населения способны сгладить проблемы рынка труда, обусловленные старением населения и низкой продолжительностью жизни в Санкт-Петербурге»³.

Таким образом, миграционное законодательство Российской Федерации и порядок учета миграции государственными структурами и ведомствами являются существенными факторами, которые влияют на оценку будущей демографической ситуации в Санкт-Петербурге.

Своеобразие современной ситуации заключается в том, что наибольшее внимание уделяется трудовой миграции, которая не связана с переменной места жительства на длительный срок и предполагает возвращение мигрантов к месту своего постоянного жительства после окончания срока работ. Вместе с тем, одной из главных составляющих в миграционной политике в стране в целом и в Санкт-Петербурге в частности, должна стать политика, направленная на развитие переселений на постоянное место жительства. Когда миграция рассматривается как средство предупреждения депопуляции, речь идет о постоянной миграции⁴. Именно переселенцы, а не временные мигранты являются источником улучшения демографической ситуации.

¹ Чудиновских О.С. Национальные системы сбора статистических данных о миграции в современной России. // Материалы международной конференции «Миграция и развитие» (Пятое Валентеевские чтения) / под.ред.проф.В.А.Ионцева. Том 2. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007, с. 102.

² Концепция социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года. СПб.: Правительство Санкт-Петербурга, 2007, с. 4.

³ Там же, с. 8.

⁴ Вишневецкий А. Г., Денисенко М. Б., Елизаров В. В. Приоритеты демографической и миграционной политики России // Доклады РЕЦЭП, 2007, № 14, с. 189.

Трудовая миграция в современной России и в Санкт-Петербурге представлена жителями бывших республик Советского Союза и гражданами зарубежных стран, в основном развивающихся. Усилия государственных органов, меры в области нормализации ситуации, реальные шаги по совершенствованию законодательства Российской Федерации направлены именно на эту категорию мигрантов. В 2002-2005 гг были приняты акты, регулирующие вопросы создания Центрального банка данных по учету иностранных граждан. В 2007 году были приняты Федеральный Закон о миграционном учете иностранных граждан и Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2007 года о формировании автоматизированной Государственной информационной системы миграционного учета. Они в основных чертах сформулировали принципы сбора, накопления и распространения данных между заинтересованными ведомствами. В результате «появилась надежда на то, что ситуация в области национальных систем сбора статистики миграции иностранцев изменится к лучшему»¹. В частности, легализация иностранных работников позволит определить реальные размеры трудовой миграции в Санкт-Петербурге, которые оцениваются сегодня только экспертным путем.

Наряду с естественным приростом (убылью) населения, миграционный прирост является компонентой общего прироста (убыли) населения и служит характеристикой изменения общей численности населения. Гипотезы в отношении изменения объемов и структуры миграции при расчете прогнозных показателей строятся именно в отношении миграционного прироста. Как было показано выше, данные о миграционном движении граждан России страдают неполнотой, а основная масса трудовых и учебных мигрантов не попадает в государственный учет и поэтому отсутствует в расчетах миграционного прироста.

Таким образом, при оценке текущей ситуации и формулировании гипотез о миграции для расчета прогноза численности и структуры населения Санкт-Петербурга приходится пользоваться данными, которые неадекватно описывают положение в миграционных процессах.

Таким образом, демографические аспекты изучения современных миграционных процессов в Санкт-Петербурге связаны со решением следующих проблем:

Постоянная трансформация численности, структуры, направлений и видов миграции с начала 1990-х годов до настоящего времени.

Многообразие источников статистических данных о миграции, неполнота учета или отсутствие достоверных данных.

Изменение степени влияния миграции на формирование современной структуры населения по полу, возрасту, национальности, образованию, сферам занятости и т. д.

¹ Чудиновских О.С. Национальные системы сбора статистических данных о миграции в современной России. // Материалы международной конференции «Миграция и развитие» (Пятое Валентеевские чтения) / под.ред.проф.В.А.Ионцева. Том 2. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007, с. 102.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ¹

Анализ проблем семьи всегда находился в центре внимания исследователей, что объясняется местом семьи в ценностной и институциональной структурах общества. Проблематика семьи входила и в круг интересов В. Б. Голофаства, памяти которого посвящены данные чтения, была одним из исследовательских направлений, разрабатываемых им и его коллегами. Монография «Семья в крупном городе», подготовленная в конце 70-х — начале 80-х годов XX века и опубликованная лишь в 2006 году, не только ввела в научный оборот результаты серии выборочных обследований семей, проведенных в Ленинграде и в Латвии и данные межкультурных сравнений (Голофаст, 2006). Ее, по-видимому, можно рассматривать и как отправную точку для сравнения, проведения параллелей с проблемами семьи и в настоящее время. Безусловно, для корректных сопоставлений прошлого и нынешнего положения дел в семейной сфере необходимо воспроизведение единого методического инструментария, что представляется маловероятным не только в связи с географическими обстоятельствами, но и трансформационными процессами в обществе, затронувшими все стороны жизни семьи. На наш взгляд, относительно корректное сравнение возможно лишь на уровне общих тенденций процессов, происходящих в семье. Это позволит понять, сохраняются ли выявленные ранее тенденции или нет, что подтвердит или опровергнет их стабильность и устойчивость. Данная работа представляет попытку подобного сопоставления тенденций развития семьи и межпоколенческих взаимодействий. Изучение содержания семейного взаимодействия и характера связей между поколениями является одним из звеньев как общей картины социальных взаимодействий, так и механизма преемственности поколений.

Межпоколенческие связи, более широко — социальные связи — играют значительную роль в решении жизненных проблем современного человека. Как показывают исследования отечественных авторов, на фоне отхода от традиционных правил и норм во многих областях жизни межпоколенческие связи в России остаются интенсивными и близкими (Барсукова, 2000, 2004; Хахулина, 2006).

Задачи исследования заключались в том, чтобы:

1. Описать тенденции, касающиеся семьи и межпоколенческих связей, выявленные в исследовании семьи в крупном городе в конце XX века;
2. Эмпирически зафиксировать значимых членов семьи, проанализировать реальный семейный контекст и описать типы конфигураций семей современных петербургских студентов;

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №07-06-00271) «Трансформации российской семьи в условиях глобализации: теоретическое и экспериментальное моделирование процессов».

3. Выявить содержание, функции и иерархию семейного и межпоколенческого взаимодействия;
4. Сопоставить два ряда тенденций развития семьи и межпоколенческих отношений.

Решение первой задачи опиралось на анализ монографии «Семья в крупном городе». Для решения остальных задач проводился анализ эмпирических данных, собранных в исследовании «Наша семья и мы», проведенном в октябре — ноябре 2007 г.

Результаты

1. Некоторые тенденции развития семьи и межпоколенческих связей в крупном городе в конце XX века.

Исследование, проведенное под руководством В. Б. Голофаства в конце 70-х — начале 80-х годов XX века, было посвящено изучению состояния и тенденций развития семьи в крупном городе. Оно охватывало широкий круг проблем (региональные различия в состоянии семьи в СССР и структурные параметры, тенденции и особенности ленинградских семей; состав семьи и распределение функций в семье; связи семьи с родителями супругов и взаимопомощь между поколениями; напряженность в семье и счастье в браке; социально-психологические и нравственные проблемы супружества; ценности семьи в структуре жизненных ориентаций; социальное значение изменений современной семьи) и опиралось на значительную эмпирическую базу (собственные выборочные социологические обследования 4500 человек на 12 предприятиях Ленинграда и 1220 человек на 10 предприятиях Риги и Даугавпилса, материалы переписей и официальной статистики, ряд других выборочных обследований). В нашу задачу входит лишь описание некоторых выявленных тенденций, касающихся семьи и связей между поколениями. Отметим, на наш взгляд, наиболее важные из них.

1. Тенденция дальнейшей нуклеаризации семей (Голофаств, с. 39). Эта тенденция означает, что в структуре семей преобладает нуклеарная семья — супружеская пара с детьми, не состоящими в браке, или без детей, проживающая в одном доме. В городе невозможно территориальное сосредоточение широкого родственного круга, здесь возникает раздельное проживание взрослых родственников разных поколений — иначе говоря, наиболее активно идет процесс нуклеаризации семей. Он проявляется во все более раннем отделении молодежи от родительской семьи в связи со службой в армии, самостоятельным выбором профиля и уровня образования и места работы, профессии, а с другой стороны, — и это основной процесс — в неолокальности при вступлении в брак или следующем вскоре после брака разделении брачных пар разных поколений (Голофаств, с. 201).
2. Тенденция «неизолированности» нуклеарной семьи от других родственных связей (Голофаств, с. 55). Нуклеарная семья, хотя и является все более распространенной модальной формой семьи в современном обществе, сохраняет социально

- и психологически важные связи с другими родственными семьями. Круг родства индивида или семейной группы в городе значительно шире круга совместно проживающих членов семьи. Родственная сеть, по крайней мере в ее наиболее прочных кровных и свойственных элементах, играет активную роль в общей динамике социальных отношений.
3. Тенденция к симметрии моделей поведения и взаимозависимости в межпоколенческих отношениях (Голофаст, с. 210). Сегодня связь между поколениями все так же важна в трансляции и эволюции культуры, но в силу доминирующего значения институтов образования, коммуникации, науки, профессионализировавших функции воспитания, создания новшеств и их диффузии, отношения между поколениями становятся симметричными. Молодежь не просто воспринимает эстафету культурной преемственности, но и первая, как правило, испытывает на себе многие культурные новшества, а затем передает их родителям. Взаимоотношения поколений имеют не только и не столько характер эстафеты, сколько характер использования коллективных ресурсов в индивидуальных целях, более или менее устойчивого обмена порождения и выполнения обязательств, следования моральному долгу, чувству (Голофаст, с. 71).

2. Межпоколенческие взаимодействия семей петербургских студентов.

Прежде, чем переходить к анализу эмпирического материала, остановимся на методологической проблеме, с которой сталкиваются исследователи семейных и межпоколенческих связей. Это проблема идентификации членов семьи и определения ее границ. В течение длительного времени данная проблема считалась тривиальной. Обычно семья и ее члены определялись в соответствии с прямым критерием ведения общего домашнего хозяйства. Поэтому исследователи отдавали предпочтение нуклеарной семье, фокусируясь на изучении отношений супружеской пары с детьми в пределах отдельного домохозяйства. Фундаментальные преобразования в современных обществах, затронувшие сферу семьи и проявившиеся в тенденциях индивидуализации семейных отношений и плюрализации семейных форм, поставили под сомнение предположение об идентичности членов семьи и нуклеарной семьи. По мнению отечественных демографов, «поиск новых форм организации личной жизни человека выходит за рамки нуклеарной семьи и пока далеко не завершен» (Демографическая модернизация России, с. 85). Определение членов семьи не ограничивается набором семейных ролей или членством в домохозяйстве. Это подтверждается, в частности, значительным расширением числа этих ролей и жизненных устройств, которое явилось следствием разводов и повторных браков, а также возросшей значимостью разнообразия псевдо-родственных связей, то есть взаимоотношений людей, не связанных брачными или кровными узами, но считающих себя членами семьи. Одни люди членами семьи считают только наиболее близких людей, таких как живущих вместе супругов и детей, в то время как другие включают широкий ряд других значимых людей, начиная от родственников супругов до друзей и подруг. Понимание данной методологической проблемы и необходимость принятия во внимание реально

складывающегося современного семейного контекста привели нас к использованию при идентификации членов семьи и определения ее границ более мягкой категории — «значимый член семьи», применяемой зарубежными исследователями семьи (Widmer, 1999; Widmer and La Farga L. -A. , 2000; Widmer 2004, 2006).

Методы

Эмпирическую базу исследования составляет опрос студентов старших курсов четырех петербургских вузов (Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, Санкт-петербургская инженерно-экономическая академия, Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена). Опрос проводился в виде персонального анкетирования по специально разработанной анкете, включающей более 200 признаков, по месту учебы респондентов, а также в научно-образовательном центре Социологического института РАН. В исследовании приняли участие 213 студентов. Выборка включала респондентов мужского (41,8%) и женского (58,2%) пола. Их средний возраст составил 19,8 лет (возрастной диапазон от 18 до 23 лет). Одна половина студентов была коренными петербуржцами, другая — выходцами из других мест: из крупных (12,2%) и средних (33,8%) городов, а также из сел и деревень (4,2%). Большая часть респондентов (88,3%) еще не создали своей собственной семьи, 11,2% состояли в гражданском браке.

Измерения

«Значимый член семьи» определялся как человек, который играл определенную роль в жизни респондента, позитивную или негативную, в течение последних пяти лет. Респондентов просили указать всех людей, которых они рассматривали как значимых членов своей семьи, и дать точное описание своей родственной или псевдородственной связи и линий родства с ними.

«Реальный семейный контекст» выявлялся на основе ответов на вопрос о значимых членах семьи и оценивался по ряду индикаторов: количество значимых членов семьи; характеристики семьи: полная/неполная, нуклеарная/расширенная; место членов нуклеарной семьи, кровных и некровных родственников; идентификация родственников по материнской и отцовской линиям; количество поколений в семье; место проживания значимых членов семьи: совместное/раздельное; идентификация того значимого члена семьи, с которым у респондента наиболее доверительные отношения.

«Типы конфигураций семей». В качестве типобразующих признаков эмпирической типологии конфигураций семей выступали линии родства и кровность / некровность семейных связей. На основе данных признаков были построены пять типов конфигураций семей. В первый тип вошли только члены нуклеарных семей — матери и отцы, родные сестры и братья. Второй и третий — фокусировались на членах нуклеарной семьи и кровных родственниках только по материнской и только по

отцовской линиям. Четвертый тип составили члены нуклеарной семьи и кровные родственники и со стороны матери, и со стороны отца. В пятом типе к нуклеарной семье и кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники, партнеры и друзья.

«Семейное и межпоколенческое взаимодействие» оценивалось на основе ответов на вопросы о том, какую помощь и поддержку со стороны значимых членов семьи респонденты получают и какую оказывают сами. Помощь и поддержка включала следующие виды: денежная помощь (в дар и в долг), вещевая и продуктовая помощь, информация и связи, услуги и труд, эмоциональная поддержка в обычной и в трудной ситуации. В круг значимых членов семьи входили мать, отец, братья и сестры, отчим и мачеха, родственники по материнской и по отцовской линиям.

Идентификация значимых членов семьи

Участники опроса дали 78 определений значимых членов семей. После некоторых терминологических уточнений и объединения отдельных определений (в силу незначительного числа упоминаний) в более крупные категории был составлен их ранжированный список. Первые ранговые места среди значимых членов семьи занимают мать, отец и бабушка со стороны матери. Лидирующее положение матери (отметили 94,4%) несомненно. Для каждого третьего респондента значимыми оказались его родные братья и сестры, сестры их матерей, а также дедушки со стороны матери и бабушки со стороны отца. В целом, доминирование кровных родственников очевидно. Обращает на себя внимание тот факт, что родственники со стороны матери более представлены, чем родственники со стороны отца. Например, сестры матери упоминаются почти в три раза чаще, чем сестры отца; братья матери — в два раза чаще, чем братья отца; двоюродные братья и сестры со стороны матери — более, чем в два раза чаще двоюродных братьев и сестер со стороны отца. Другие кровные родственники — двоюродные братья и сестры матерей и отцов, двоюродные бабушки и дедушки также называются, хотя и довольно редко.

Существенно менее представительным по сравнению с кровным родством в списке значимых членов семьи выглядит партнерство. В первую очередь, речь идет о партнерах близких родственников респондента — мужьях и женах братьев и сестер матери, отца и респондента, а также об отчимах. Во вторую — о партнерах самих участников опроса (молодых людях, девушках, гражданских мужьях и женах) и родственниках этих партнеров (свекровях, мамах молодых людей). Подруги, друзья респондентов и их родителей довольно редко идентифицируются в качестве значимых членов семьи, также как и крестные родители.

Реальный семейный контекст и типы конфигураций семей

Основная исследовательская гипотеза относительно реального семейного контекста и типов конфигураций семей заключалась в том, что этот контекст будет достаточно разнообразен и явится основой для выявления различных типов конфигу-

раций семей. Среди них будут представлены как семьи, ограниченные нуклеарной семьей, так и семьи, включающие широкий ряд кровных и некровных родственников. С одной стороны, вероятно сужение сети родства как следствие низкой рождаемости, с другой — расширение этой сети вследствие заново созданных семей.

Анализ данных опроса показал, что реальный семейный контекст участвующих в исследовании петербургских студентов разнообразен и широк. Были представлены семьи, включающие в себя как небольшое количество значимых членов семьи — до трех человек (22,5%), так и большие семьи от 7 до 10 человек (29,1%). Максимальное число значимых членов — 15 человек — указали лишь два респондента, что составило менее одного процента. Наиболее распространенными оказались семьи, в состав которых входили от 4 до 6 человек (46,5%). Средний список значимых членов семьи составил 5,4 человек. Сами себя респонденты в список не включали.

Большая часть респондентов (84,5%) выросла в полных семьях (есть оба родителя). Они не являются единственными детьми в семье, имеют родных братьев и сестер (61%), а каждый пятый имеет двоюродных. Они представляют расширенные семьи, состоящие из нескольких поколений (77% указали три и более поколения), как правило, связанных только кровными узами (73,2%). Членами неполных семей, в которых нет одного из родителей, были 15% студентов. Такое же количество происходило из нуклеарных семей.

Значимые члены семей опрошенных проживали как в пределах домохозяйства и нуклеарной семьи (8,9%), так и вне (89,2%). Преобладание последних, по-видимому, может объясняться следующим. Во-первых, одна половина студентов родилась в Петербурге, другая половина — в других местах, а в городе живет с момента поступления в вуз. Их семьи остались жить дома. Во-вторых, ряд респондентов проживает в семьях с неродными родителями, но поддерживает отношения и с родными, которые живут отдельно от них, о чем свидетельствует включение в список значимых членов семьи наряду с отчимом и отца.

Как отмечалось выше, лидирующее положение среди всех значимых членов семьи занимает мать. И именно с матерью у значительной части опрошенных (44,6%) складываются наиболее доверительные отношения. Каждый пятый респондент отметил не одного, а нескольких членов семьи — особо доверенных лиц. Как правило, среди и этих нескольких членов указывается мать. Другие значимые члены семьи, как кровные родственники, так и партнеры намного реже называются доверителями: сестра — 8,5%, отец — 4,7%, бабушка — 3,8%, молодой человек, девушка — 2,3%.

Основой построения типологии конфигураций семей служит эмпирически выявленный реальный семейный контекст. По сути, представленные типы являются лишь первым шагом на пути типологизации конфигураций семей, поскольку не содержат детального описания структур (значимых членов семей), входящих в их состав. Анализ данных не показал явного доминирования ни одного из указанных выше пяти типов. Наиболее распространенными оказались четвертый, второй и пятый типы конфигураций семей (соответственно 29,1%, 28,2% и 24,9%). Их общей чертой явилась ориентированность на кровное родство по материнской линии. Намного ме-

нее представленными были типы, ограниченные только членами нуклеарной семьи и кровными родственниками по отцовской линии (12,7% и 5,2%).

Семейные и межпоколенческие взаимодействия

Для анализа семейного взаимодействия и характера межпоколенческих связей используется концепция социальных связей и социальных сетей. Смысл этой концепции состоит в объяснении функций и механизмов частных социальных взаимодействий и индивидуальной поддержки, которую люди получают от других людей, в том числе живущих за пределами их домохозяйств. Социальные сети основываются на трех основных типах потоков или ресурсов: материальных, символических (или информационных) и эмоциональных (Turner, 1991; Градосельская, 1999). К числу первых относят натуральные материальные ресурсы (продукты и вещи), денежные и долговые трансферты (деньги в дар и в долг) и трудовые трансферты (труд и услуги). В качестве информационных ресурсов выступает информация и связи. Под эмоциональными ресурсами чаще всего имеется в виду эмоциональная или психологическая поддержка (совет, выражение сочувствия) в различных ситуациях. Соответственно выделяются следующие функции семейного взаимодействия: материальные, инструментальные, информационные и эмоциональные.

Поддержание семейных контактов предполагает использование ресурсов всех значимых членов семьи: их времени, душевных и физических сил, финансов. Поэтому семейное и межпоколенческое взаимодействие оценивалось на основе ответов респондентов на два ряда вопросов: о том, какую помощь и поддержку со стороны значимых членов семьи они получают и какую оказывают сами.

Предполагалось, что доминирующий тип отношений между значимыми членами семьи — взаимность или реципрокность. Для разных поколений в семье справедлива модель «сообщающихся сосудов». Основная тенденция всех семейных и межпоколенческих взаимодействий — стремление к симметричности и эквивалентности. Однако в силу того, что разные поколения в семье находятся на разных стадиях жизненного цикла, эквивалентность взаимодействий будет носить скорее символический характер. Иерархия функциональной направленности отношений разных поколений в семье будет различаться.

Как показывает анализ оценок оказываемой и получаемой помощи значимыми членами семьи и их корреляционных зависимостей, все виды взаимодействий практикуются в повседневной жизни семей петербургских студентов независимо от того, проживают ли они вместе со значимыми членами своих семей, или нет. Наименее распространенной практикой является одалживание денег. Остальные практики более распространены. Как правило, они являются симметричными, о чем говорят и высокие, статистически значимые коэффициенты корреляции. Исключением является только один вид взаимодействий: дарение денег матерью не связано с ответным шагом со стороны респондента. Наблюдается неэквивалентность материальных обменов разных поколений членов семей, что вполне понятно и объяснимо. Поскольку студенты еще учатся и, вероятно, не в полной мере зарабатывают на жизнь, они вряд

ли могут оказывать адекватную материальную поддержку значимым членам семьи старшего поколения. Материальные обмены членов семей, принадлежащих одному поколению, практически равноценны. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны респондентов инструментальными. Так, соотношение оказываемых и получаемых матерью и отцом услуг и труда составляет соответственно 74,2% против 82,2% и 39,9% против 54,5%. Эквивалентность скорее характерна для информационных и эмоциональных взаимодействий. Например, объем различного рода информации, получаемой респондентом от матери, неродных родителей и родственников по материнской линии и оказываемой им в ответ, одинаков (70,4% и 70,0%, 3,3% и 3,3%, 34,3% и 34,7%). Взаимную эмоциональную поддержку в трудных ситуациях (потери близких, проблемы со здоровьем) оказывают и получают в ответ респонденты от своих отцов и родственников со стороны матери, соответственно 62,4% и 62,4%, 48,8% и 49,3%. В такой же ситуации большую эмоциональную поддержку опрошенным оказывают их матери. Они и сами являются опорой в кризисных случаях для своих братьев и сестер и родственников со стороны отца. Когда речь заходит об эмоциональной поддержке в обычной ситуации (трудный день, плохое настроение), то здесь, несомненно, респонденты выступают в качестве основных доноров для всех других членов семьи, принадлежащих разным поколениям. Они больше затрачивают душевных сил, чтобы поддержать и помочь своим близким.

Наиболее интенсивные взаимодействия участников опроса по всем направлениям оказались с их матерями. Именно матери, по сравнению с другими значимыми членами семьи, оказывают самую большую помощь и поддержку респондентам. И эта помощь ценится и не остается безответной. Второе и третье места по интенсивности взаимообменов занимают отцы и родственники по материнской линии. Данные эмпирические факты свидетельствуют о неслучайности иерархической структуры значимых членов семьи. То или иное место значимого члена семьи среди других предопределено интенсивностью его связи и включенностью в жизнь респондента. Чем теснее связи, тем вероятнее занятие более высокого рангового места в списке значимых членов семьи.

Иерархия функциональной направленности отношений разных поколений в семье неодинакова. Взаимодействия между представителями одного, младшего поколения, к которым относятся участники опроса и их братья и сестры, отличает эмоциональная поддержка в повседневных и кризисных ситуациях и активный обмен информацией и связями. Действия младшего поколения по отношению к старшему эмоционально и инструментально направлены. Наряду с психологической поддержкой и простым сопереживанием, молодые оказывают реальные услуги и помощь в быту пожилым. В действиях же старшего поколения по отношению к младшему к эмоциональной направленности добавляется материальная (безвозмездная денежная помощь) и информационная. Причем мать оказывает эмоциональную поддержку и в обыденных, и в критических случаях, тогда как со стороны отца и других родственников помощь можно ожидать скорее в кризисных моментах. Таким образом, основной функциональной доминантой всех семейных взаимоотношений является их эмоциональная направленность. Горизонтальные взаимодействия (между пред-

ставителями одного поколения) характеризуются большей информационной направленностью, тогда как вертикальные (между представителями разных поколений) — детерминированы не только информационно, но и инструментально и материально.

Обобщение результатов исследования семейных и межпоколенческих взаимодействий семей петербургских студентов позволяет сделать следующие выводы.

Фундаментальные преобразования в современных обществах, затронувших сферу семьи и проявившиеся в тенденциях индивидуализации семейных отношений и плюрализации семейных форм, безусловно коснулись и российских семей. С одной стороны, наблюдается значительное расширение числа семейных ролей и жизненных устройств, возрастает значимость партнерских отношений и псевдо-родственных связей, с другой — остаются и укрепляются традиционные роли нуклеарной семьи. Реальные изменения в семейном статусе, плюрализация образа жизни, трансформации семейных отношений нашли свое отражение в разнообразном и широком семейном контексте, включающем в себя различные типы конфигураций семей. Среди них представлены как семьи, ограниченные нуклеарной семьей, так и не ограниченные ею, а включающие широкий ряд как кровных, так и некровных родственников. Анализ данных не выявил явного доминирования ни одного из типов. Наиболее распространенными оказались типы конфигураций расширенных семей, включающих в себя членов нуклеарной семьи, кровных родственников со стороны матери и отца, некровных родственников и партнеров, друзей и подруг. Их общей чертой явилась ориентированность на кровное родство по материнской линии. Намного менее представленными были типы конфигураций семей, ограниченные только членами нуклеарной семьи и кровными родственниками по отцовской линии.

На фоне отхода от традиционных правил и норм во многих областях жизни и продолжающегося процесса нуклеаризации семей отношения между разными поколениями остаются интенсивными и близкими, эмоционально окрашенными, что свидетельствует о важности и значимости поддержания родственных связей для всех поколений. Безусловно, мы не можем распространить полученные выводы на все молодое поколение, поскольку выборка ограничена студентами вузов. Однако то, что к аналогичному заключению пришли и отечественные исследователи, занимающиеся изучением межпоколенческих отношений в стране в целом (Синявская, Гладникова, 2007), позволяет считать наши выводы достаточно обоснованными. Даже если молодое поколение покидает родительский дом — уезжает ли учиться в другой город, создает ли свою семью или вступает в неформальный партнерский союз — взаимодействие между разными поколениями значимых членов семьи не прерывается.

Главным во взаимоотношениях поколений является не только и не столько передача разнообразных ресурсов, а их коллективное использование в индивидуальных и семейных целях. Участники опроса оказались включенными в систему социальной поддержки со стороны своих семей. Все виды помощи и поддержки практикуются в повседневной жизни семей петербургских студентов независимо от того, проживают ли они вместе со значимыми членами своих семей, или нет. Наименее распространенной практикой явилось одалживание денег. Как правило, все практики являются

симметричными, за исключением одной: дарение денег матерью не связано с ответным шагом со стороны респондента. Наблюдается неэквивалентность материальных обменов разных поколений членов семей. Материальные обмены значимых членов семей одного поколения практически равноценны. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны молодого поколения инструментальными. Эквивалентность же скорее характерна для информационных и эмоциональных взаимодействий. Тем не менее, эквивалентные трансферты, как правило, практикуются не всеми значимыми членами семьи. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимоотношений является их эмоциональная направленность. Горизонтальные взаимодействия характеризуются большей информационной направленностью, тогда как вертикальные — детерминированы не только информационно, но и инструментально и материально.

3. Сопоставление тенденций развития семьи и межпоколенческих отношений

Сопоставление тенденций развития семьи и межпоколенческих связей, выявленных при изучении семей в крупном городе в конце прошлого века, с аналогичными тенденциями, проявившимися в исследовании семей петербургских студентов, в целом позволяет говорить об их стабильности, устойчивости и долговременном характере.

1. Тенденция дальнейшей нуклеаризации семей является мировой тенденцией демографического развития, которая характерна и для нашей страны. В современной России большинство семей — это нуклеарные семьи (с детьми или без), и процесс нуклеаризации семей продолжается. По данным Всероссийской переписи 2002 года 81,4% домохозяйств состоят из одного взрослого или супружеской пары с детьми или без детей до 18 лет (Синявская, Гладникова, 2007). По-видимому, одним из подтверждений данной тенденции могут рассматриваться выявленные типы конфигурации семей, основу которых составляют члены нуклеарной семьи. На фоне значительного расширения числа семейных ролей и жизненных устройств, возрастании значимости партнерских отношений остаются и укрепляются традиционные роли нуклеарной семьи.
2. Тенденция «неизолированности» нуклеарной семьи от других родственных связей напрямую проявилась в разнообразном семейном контексте, включающем в себя различные типы конфигурации семей. Среди них представлены и семьи, не ограниченные нуклеарной семьей, а включающие широкий ряд как кровных, так и некровных родственников. Круг родства петербургских студентов оказался значительно шире круга совместно проживающих членов семьи. Еще одной точкой соприкосновения двух исследований является одинаковая направленность на более тесные связи с родственниками женщин, чем мужчин (Голофаст, с. 55). Ориентированность на кровное родство по материнской линии, которая явилась общей чертой самых распространенных типов семей студентов, является подтверждением этого положения.
3. Тенденция к симметрии моделей поведения и взаимозависимости в межпоколенческих отношениях оказалась характерной и для семей петербургских студентов.

Главным во взаимоотношениях поколений остается не только и не столько передача разнообразных ресурсов, а их коллективное использование в индивидуальных и семейных целях. В повседневной жизни студентов практикуются достаточно разнообразные виды помощи и поддержки, в том числе и денежной. Отметим, что в настоящее время деньги перестают занимать последнее место в иерархии видов помощи, как это было раньше. Как правило, все практики симметричны, но неэквивалентны, что, по-видимому, объясняется несовпадением стадий жизненного цикла разных поколений в семье. Доминантой всех семейных взаимоотношений стала их эмоциональная направленность.

В заключение остановимся на одном, на наш взгляд, важном и новом аспекте — значительном расширении в обыденном сознании самого понимания семьи, что свидетельствует об изменении традиционного подхода к этому понятию. Семья в представлении респондентов не ограничивается нуклеарной семьей и кровными родственниками, а включает широкий ряд некровных родственников, партнеров и друзей. Понятие семьи утрачивает былую четкость и определенность. Восприятие индивидом значимых членов семьи даже больше, чем такие структурные признаки (практические критерии выделения семьи), как совместное проживание, общее домохозяйство и общий бюджет, генеративные связи, экономическая или социально-психологическая зависимость и другие определяют ее границы. Существенное изменение реального семейного контекста и самого понимания семьи в целом осознается исследователями семьи, что отражается в артикулировании новых определений семьи. Приведем одно из них. «Семьей следует считать любое объединение людей, которое определяет себя в качестве семьи и включает в себя индивидов, связанных кровно-родственными связями или браком, а также тех, которые приняли решение разделить свои жизни друг с другом. Это определение включает в себя как «традиционную» нуклеарную семью, так и другие стили жизни, варьирующие от расширенной семьи и системы родственных связей до семей с одним родителем и живущих вместе партнеров одного пола. Ключевые элементы определения семьи состоят в том, что члены этого объединения рассматривают себя как семью, испытывают взаимное тяготение (аффилиацию) и посвящают себя заботе друг о друге» (М. Hanson, E. Lynch, 1992, p. 285).

Литература

1. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России, 2000, № 1. С.
2. Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4\2004\02. Серия WP4. Социология рынков. М., ГУ ВШЭ, 2004.
3. Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет // Под ред. О. Б. Божкова. СПб, Алетейя, 2006.
4. Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социол. журн. 1999, № 1 / 2. С. 156-163.

5. Демографическая модернизация России 1900–2000 // под ред. А. Г. Вишневского. М. , 2006.
6. Синявская О. , Гладникова Е. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов // <http://demoscope.ru/weekly/2007/0287/tema09.php>.
7. Хахаулина Л. А. Человек в системе социальных связей // Вестник общественного мнения 2006, №1 (81). С. 39-49.
8. Hanson M. , Lynch E. Family diversity: implications for policy and practice // Topics in early childhood special education, 1992, v. 12(3), p. 283-306.
9. Turner J. H The structure of sociological theory. 5-th edition. Belmont:1991.
10. Widmer E. D. (1999) Family context as cognitive networks: a structural approach of family relationships // Personal Relationships, №6, pp. 487 — 503.
11. Widmer E. D. and La Farga L. -A. (2000) Family networks: a sociometric methods to study relationships in families // Field Methods, №12, pp. 108 — 128.
12. Widmer E. D. (2004) Couples and their networks // M. Richards, J. Scott and J. Treas (eds.) Blackwell companion to the sociology of families, pp. 356 -373 London: Blackwell.
13. Widmer Eric D. (2006) Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations // Journal of Social and Personal Relationships, Vol. 23(6): 979–998. www.sagepublications.com.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА КАК КРИТЕРИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье будут рассмотрены функции и задачи социологии в современном мире и используемые ею методологические подходы. Также я буду обращаться к таким произведениям В. Голофаства, как «Разновидности экономики и экономизм», 2002 г., «Глобализация и место морали», 2004 г. и «Мегамшины и повседневность», 2005 г.

В этой статье я хотел бы представить подход, который кажется мне адекватным сегодняшнему времени и который намереваюсь использовать в качестве методологического при проведении исследований.

Речь идет о подходе, изложенном в публикации в «Телескопе» профессором из СПб. ГУ В. Фетисовым. Он, рассматривая различные интерпретации (теории) исторического развития обществ, вводит свою, синтезирующую существующие подходы концепцию, и называемую им социализацией общественной жизни¹. Под социализацией он понимает не известный процесс усвоения (индивидом) норм и ценностей, а «направленность различных сфер и общества в целом на сохранение, воспроизводство и развитие составляющих его индивидов и слоев», на «социальную жизнь», понятие которой автор вводит в другой публикации². Можно подметить, что «социализация» перекликается с понятием социального развития, социальной политики (в более узком смысле). В социальном развитии и социальной политике тоже идет речь о направленности на удовлетворение потребностей людей, создании условий для развития личности.

Подчеркивается, что речь идет об объективной необходимости, своего рода категорическом императиве, игнорирование которого ведет к кризисам. Без сохранения и воспроизводства населения бессмысленно и более того — кощунственно говорить о развитии общества. Социализация как процесс на определенном этапе приводит к качественным изменениям общества. Социальная жизнь начинает доминировать; экономика превращается в социально ориентированную, государство становится социальным, сфера услуг, системы образования, здравоохранения и т. д. — доступнее для широких слоев населения. В новых условиях критерии социальной жизни превращаются в критерии развития общества в целом и в т. ч. интересующего автора производства, социально-трудовой сферы. Они выражаются, в частности, в интегральном ИРЧП (индексе развития человеческого потенциала), отражающем, в отличие от ВВП, именно подход «от человека», нацеленность на социальную жизнь. Другой индекс процесса социализации — становление индивидов и групп субъектами сознательной, целенаправленной деятельности³. В производстве субъектность выражается, прежде всего, в форме участия в управлении (собственников, работо-

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность // Телескоп, 2007, № 5. С. 15–20.

² Фетисов В. Я. Социальная жизнь как предмет исследования социологии // СОЦИС, 2007, № 6. С. 28–38.

³ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 15–17.

дателей, наемных работников). В. Фетисов упоминает также критерий устойчивого развития общества, под которым понимается развитие, удовлетворение потребности в настоящее время, не ставя под угрозу способность (возможность) будущих поколений жить достойно¹. Можно отметить, что в СМИ сообщается о применении в мировых сравнениях еще одного индекса подобного характера — удовлетворенности людей жизнью в целом.

Не пересказывая всю концепцию В. Фетисова, отмечу главное для меня: оно состоит именно в том, что дается критерий общественного развития, при этом — важно — объективный, не просто идеалистическая (идеальная), идеологическая цель, например, гуманизация труда, а такой, игнорирование которого приводит в конце концов к крушению общественной системы, по крайней мере — к невозвратным потерям. В недавнее время, например, А. Солженицын в одной из телепередач говорил о «сбережении народа», как главной национальной идее, задаче властей. Но это был прекрасный гуманистический призыв, не провозглашение объективной закономерности, пренебрежение которой не просто негуманно — смертельно для самой власти и политического режима.

Необходимость, потребность в таком критерии ощущаю давно, по крайней мере, в своей работе. Очевидно, недостаточно просто исследовать процессы трансформаций, например, в социально-трудовой сфере в условиях перехода к рыночной экономике, надо как-то оценить их, определить, к каким конкретно результатам приводят прогрессивные в принципе (по замыслам) преобразования. Но с какой точки зрения оценивать: развитие экономики как таковой? Усиления государства? Реализации интересов элитарных слоев или наемных работников? В каких индексах можно выразить критерий? Например, я показываю сокращение рабочих кадров в 1990-е как огромную растрату человеческих ресурсов, но в то же время существует представление о необходимости и даже полезности армии безработных.

Я хотел бы актуализировать, заострить вопрос об оценивающей функции социологии. Если уж она на практике не участвует прямо в преобразованиях и даже не дает рекомендаций, по крайней мере, академическая наука, ориентирующаяся на фундаментальные исследования, «презирает» выход в производство, то могла хотя бы давать свою оценку тем изменениям, которые она выявляет в результате исследований (например, не просто нейтрально сообщать о чрезвычайно высокой социальной дифференциации в постсоциалистической России, но и показывать значение, последствия этого процесса; как бы, сказав «а», говорить и «б»). При этом не просто пугать опасностью высокой дифференциации, как делают СМИ, политики, а конкретно показывать следствия дифференциации посредством социологического анализа. При необходимости критериального подхода, в то же время практически отсутствуют специальные критериальные концепции «посткоммунистических» российских трансформаций, по крайней мере, по обзору концепций, данному В. А. Ядовым².

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 15–17.

² Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Ингерсоцис, 2006.

Существующие концепции позволяют объяснять изменения, в т. ч. их механизмы, но не давать им принципиальную оценку (оценить). Оценочные моменты, разумеется, присутствуют почти в любом тексте, но не как специальные, системные, явные, обоснованные, категориальные.

При таком (критериальном) подходе процесс исследования состоит не только в выявлении того, что происходит и как происходит, какие изменения (трансформации) имеют место, но и оценивании изменений, их хода, результатов с точки зрения процесса социализации. В предмет исследования включается анализ именно влияния изменений на социализацию; возможны даже специальные исследования в таком плане.

Если следовать логике концепции В. Фетисова, можно выделить следующие направления (аспекты) анализа (исследований).

Процесс социализации экономики. Здесь важно выявление движения в сторону увеличения удельного веса третьего сектора — сферы услуг. Тенденция в современном мире такова, что в большинстве стран увеличиваются объемы этой сферы и доли в ВВП (на основании чего современную экономику и называют сервисной или экономикой услуг). Уровень развития страны определяют, в частности, по удельному весу работников, занятых именно в данной сфере. Другой показатель социализации экономики — баланс между добывающими и обрабатывающими отраслями, диверсификация производства. Проблемы изменения его структуры в пользу обрабатывающих отраслей остро стоят в российском обществе. В. Фетисов упоминает также конверсию производства (экономики, промышленности). Противоположные социализации процессы — экономизация, милитаризация, идеологизация и т. п.¹

Все это может быть предметом анализа с точки зрения процессов социализации. В частности, в настоящее время актуален вопрос идеологизации экономики, с которой (идеологизацией) боролись при проведении рыночных реформ. Из одной идеологизации ударились в другую, можно сказать, в другую крайность.

Рассматривая социализацию экономики, невозможно не принять во внимание такой критерий, как человеческие условия для работников в процессе самого труда на производстве: условия труда, его режим, интенсивность, безопасность, разнообразие, квалифицированность, и среди них — становление работников субъектами сознательной деятельности по организации труда, что раньше называлось социальным развитием в рамках производственных организаций, а сейчас — предоставлением социального пакета, социальной ответственностью бизнеса, патерналистской деятельностью (со стороны работодателей). Если даже результаты труда высоки (например, в виде роста заработной платы для работников), но за эти результаты приходится платить переработками, повышенной интенсивностью труда, ущербом для здоровья — вряд ли в этом случае можно говорить о социализации производства.

Далее в статье В. Фетисова говорится о процессах перераспределения совокупного национального дохода, необходимых для сохранения, воспроизводства и развития большинства населения. Несмотря на важное значение этих процессов, неясно пока, могут ли они быть предметом социологического исследования. На уровне и в

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 18.

рамках социально-трудовой сферы речь, вероятно, может идти о различного рода компенсациях, гарантиях, льготах работников в форме доплат, дополнительных отпусков, гарантий сохранения рабочего места и т. п.

Следующий блок на схеме Фетисова как возможный предмет анализа социолога, это развитие индивидов и общностей не только в качестве объектов, но и относительно самостоятельных субъектов целенаправленной деятельности. Чем выше такое развитие, тем значительнее влияние субъектов и на изменения отдельных сфер, и на систему перераспределения совокупного национального дохода на уровне производства, социально-трудовой сферы. Речь, очевидно, идет о субъектности в трудовой деятельности на рабочем месте, в подразделении производственной организации, о субъектности в форме участия в управлении, о субъектности в трудовых отношениях. Важно подчеркнуть, что имеется в виду субъектность, участие в управлении не только с точки зрения экономической эффективности, как при традиционном рассмотрении, но и в плане социализации, т. е., уточняя до предела — о субъектности, которая может и не давать производственного эффекта, лишь приносит удовлетворение работникам, дает реализацию их личностного потенциала.

Далее автор данного подхода обозначает направление анализа, состоящего в рассмотрении различных процессов с точки зрения социализации разных общественных систем, капитализма и социализма в первую очередь. Капиталистическому строю присущи процессы социализации, в значительной степени — под влиянием социализма (как доктрины и как реального общественного устройства). Социализму, в свою очередь, присущи проявления (процессы) капитализации. Однако и капитализм и социализм продемонстрировали односторонность с точки зрения социальной жизни (обусловленную в случае с социализмом внешними условиями, конкретными историческими обстоятельствами, в т.ч. субъективными факторами).

На уровне производства, социально-трудовой сферы данное направление анализа может состоять в сопоставлении образцов построения рыночной (капиталистической) и плановой (социалистической) организации труда, трудовых отношений, выявлении процессов капитализации и социализации в той и другой модели, в оценивании процессов независимо от общей оценки строя. Историческое развитие дает конкретные примеры существования капитализации и социализации в рамках того и другого строя, той и другой экономики, примеры сочетания процессов. «Хотя XX век прошел под знаком противостояния капитализма и социализма, но ни тот, ни другой уже не могли пребывать в своем «чистом» виде. Каждый из них пытался «встроить» чуждые им элементы элементы и механизмы с тем, чтобы сохранить себя»¹. Примеры — политика Рузвельта, Эрхарда, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки; примеры капитализации — рейганомика, тетчеризм, российские реформы. Здесь важен поиск баланса между процессами, ибо абсолютизация капитализации или социализации ведет к возрастанию социальной напряженности или экономическому застою. Автор подчеркивает необходимость большего поворота (обращения) социо-

¹ Там же, с. 19.

логии к опыту социализма, ориентированного все же, в принципе, по своей сути, на социализацию общественной жизни и многое сделавшего в этом отношении¹.

Отдельным аспектом исследования является построение системы индексов (показателей), выражающих критерий социализации. Представляется, что их должно быть несколько уровней и видов в силу разнородности процессов социализации в масштабах всего общества, сферы производства, в рамках отдельной производственной организации, относительно различных социальных групп и т. д. В. Фетисов дает наброски и в этом направлении, называя несколько показателей, правда, не структурированных по возможным уровням. С учетом их можно, вероятно, выделить такие уровни и показатели. На уровне общества (страны) — названный ИРЧП (для международных сравнений и употребления внутри страны), дополненный показателями социальной дифференциации по доходам, занятости населения, криминализации, экспертными оценками свободы социальной мобильности, наличия добровольно разделяемых большинством населения общих норм, ценностей и целей (в т. ч. степень сформированности аналога национальной идеи), способности общества осуществлять реальный контроль по отношению к деструктивным элементам.

Применительно к сфере производства, социально-трудовой сфере — это соотношение работающих в добывающих, обрабатывающих отраслях, сфере услуг, доля оплаты труда в себестоимости продукции (издержках производства), уровень безработицы, число коллективных и индивидуальных трудовых споров, забастовок, степень квалифицированности труда, способность трех сторон вести переговоры в целях цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. На уровне социально-профессиональных групп показателями могут быть размер дохода по покупательной способности, соотношение доходов с прожиточным минимумом и другими индексами уровня жизни, обеспеченность жильем, предметами длительного пользования, стабильность работы, реализация карьеры, участие в управлении. На уровне индивидов — показатели удовлетворенности положением, степени удовлетворения потребностей («хватает только на жизнь» или «можем купить необходимое»), степени реализации способностей, самочувствия в коллективе (реализация потребности в общении). Наряду с ИРЧП должен, очевидно, существовать ИРЛП — индекс развития личностного потенциала, суммирующий показатели «на уровне индивидов». Возможно, этот индекс должен быть базовым, ибо без показателя развития, самочувствия личности другие индексы теряют смысл (например, в советской России шли в гору показатели развития общества в целом, особенно по части производства, экономики, но уровень личной жизни людей имел другую траекторию).

Вопрос показателей требует проработки, и сам может быть предметом исследования, т. е. поиска инструментов измерения, конструируемых в ходе самого исследования, специального отдельного анализа.

Попробуем теперь соотнести приведенные положения со взглядами В. Голофафа, высказанными в его публикациях. В статье о разновидностях экономики и экономизме он, пожалуй, более всего касается рассматриваемой проблематики. Прежде всего, он

¹ Там же, с. 20.

констатирует доминирование прибыли в мире экономики, чрезмерный крен в сторону капитализации. Все, что не приносит прибыли, отбрасывается в сторону. С экономической точки зрения любая деятельность, не приносящая прибыли, дисквалифицируется, вытесняется из расчета как неприбыльная, затратная, бездоходная. Дух экономизма, господствующий в экономике прибыли, колонизирует значительные пространства социальной жизни: он господствует и в процессах глобализации¹. Но, говорит Голофаст, это не единственно возможная и не наилучшая экономика, хотя ее адепты делают все возможное, чтобы выставить ее таковой. В российской социальной науке экономические понятия превратились в иконы. Создается впечатление, что исследователи смотрят на них как под гипнозом. Социальная наука оказалась в плену некритического экономизма. В то же время существуют экономики выживания, неформальная моральная экономика, семейный бизнес, построенный на самоэксплуатации и эксплуатации близких (добровольной с их стороны), экономика дара и репутации и др. Доминирование экономики прибыли, духа экономизма, колонизация всех социальных институтов, попытка связать все области жизни с виртуальными спекуляциями, с торговлей, с денежными суррогатами, от которых зависят все инвестиции, все денежные сбережения, накопленные блага — сопоставимо с процессами капитализации, доминирования капитализации по Фетисову. В. Голофаст красочно рисует последствия господства экономизма, и тем самым фактически дает оценку доминированию экономики прибыли (хотя и не производит оценочные слова как таковые). Человеку отводится роль «клиента», в т. ч. в производственной среде. Хотя экономика остается корпоративной, никто более не требует от работника включенности, лояльности компании, длительного срока службы, даже дисциплины и качества. Романтический период, когда от рядовых работников ожидали компетентной включенности в обновляемые технологии и совершенствование схем управления, не говоря о выборе целей развития, далеко позади даже в странах, где эти тенденции впервые зародились. Требования к персоналу снижаются². Фактически это редукция процесса становления индивидов и социальных групп в качестве субъектов сознательной, целенаправленной деятельности. Хотя для массового работника процессы совершаются под идеологическим лозунгом индивидуализации, но фактически это лишь видимость индивидуализации. «Это в девятнадцатом веке считали, что каждый заметный человек должен проявить свой талант, развить его и предъявить обществу», стать индивидуальностью. Видимость же индивидуальности не нуждается в предъявлении, в оценке коллективным или общественным мнением³. С экономизмом связано бессилие человека в повседневности. Там, где ранее (в традиционном обществе) он мог опереться на общественную поддержку, сочувствие или внимание, он сталкивается с безразличием, равнодушием, а то и враждебностью. Яркой иллюстрацией может служить то, что в нецивилизованных странах богатые вынуждены жить в закрытых, обнесенных бетонными стенами зонах, с колючей проволокой наверху, по которой пропускается электрический ток, под защитой частных вооруженных охранников. Аналоги крепостной организа-

¹ Голофаст В. Разновидности экономики и экономизм // Телескоп, 2002, № 6. С. 2,3,6.

² Там же, с. 5.

³ Там же, с. 5.

ции коллективной жизни имеются в Москве, Петербурге, стремительно размножаются в российской провинции¹. Директор пивзавода им. Степана Разина, имеющий крепость в Юкках (просто коттеджем, особняком уже не назовешь территорию в полкилометра шириной и длиной, за трехметровым забором и, действительно, с колючкой наверху, с патрулирующими по периметру охранниками с собаками), на работу (в город) и обратно перемещается на вертолете в целях не только скорости, но и безопасности. Несчастливым богатым можно даже посочувствовать: ведь и в вертолет ничего не стоит заложить мину, и бетонную стену можно взорвать, хотя сочувствие скорее вызывают живущие по эту сторону стен анклавов, в мире «криминальной агрессии, простого выживания, экологических кризисов, юридической незащитности, социального безразличия и политического цинизма...». «...Политические различия между управляющими и управляемыми многократно усиливаются фантастическими экономическими различиями». В таких условиях привычная фразеология неолиберализма и демократии превращается в насмешку, и все, «нормализующие» эти формы лозунги теряют престиж и смысл»².

В то же время в Европе (В. Голофаст полагает в XIX—XX веках) процессам капитализации противостояли силы, которые можно назвать силами социализации. Это традиционное устройство подсистем общества — университетов, церкви, искусства, науки, судебной системы, партийных выборов и т. п. Внутренние силы консолидации масштабных развитых институтов переживают не только кризисы в обществе, но и сохраняют свои структурные характеристики на протяжении целых эпох. «Они... обладают собственной регенеративной силой, восстанавливают традиционный облик, опираясь как на внутренние резервы, так и на связи с другими институтами»³. Я бы добавил — базируясь на необходимости социализации и не только опираясь на другие институты, но и влияя на них. Основная база социализации состоит в том, что содержание общественной жизни переполнено деятельностью, действиями, событиями, не приносящими прибыль; можно вполне сказать, что она именно из них и состоит. Любую такую деятельность можно попытаться оценить с точки зрения затрат, но даже такая простейшая экономическая операция не всегда осуществима (В. Голофаст).

Проблематика капитализации-социализации проглядывает и в статье В. Голофаста «Глобализация и место морали». Глобализация является одним из агентов капитализации, экономизма, она действует разрушительно на институты традиционного, индустриального и постиндустриального общества, на мораль, повседневность (и не только на грамотность, продолжительность жизни, структуру доходов — основные показатели процессов социализации). Экономизм выступает и в форме коммерциализации общественных отношений, в универсальном распространении систем слежения, учета и контроля даже над теми действиями, которые не имеют коммерческого значения. Индивид не властен над этими силами. Функциональность глобальных контекстов не оставляет места для морали. Даже самые «сильные» формы «социальной самореализации» человека — его занятость, профессиональная жизнь —

¹ Там же, с. 4.

² Там же, с. 5, 6.

³ Там же, с. 4.

оказываются под угрозой. Неустойчивость и гибкость коммерческих систем подрывают глубину перспективы в этом секторе индивидуальной жизни, фрагментируют ее, подрывают тем самым ее ценность для человека как поля долговременных замыслов, стреленный, проектов и стратегий¹.

Особое внимание В. Голофаст уделяет существованию и функционированию локальности, упомянутой повседневности, которая остается приоритетной сферой воспроизводства человека как человека, повседневности как основного массива жизни. Повседневность тоже подвергается воздействию не только глобализации, капитализации, экономизации, но и других сил (например, современной бюрократии), что усложняет проблему социализации. Локальность пронизана силами глобализации, и все же она остается «преимущественной сферой действия личных отношений, даже если отношения и имеют поверхностный характер контактов между малознакомыми или совсем неизвестными людьми. Локальный контекст держится на сложившихся формах организации и на постоянно возникающей, возобновляемой обиходом или действительно новой самоорганизации. Локальность — это постоянство устойчивой солидарности, взаимного понимания и гарантированного удовлетворения коллективных интересов, потребностей или стремлений. Локальность — исходная и конечная область социального, где жизненный процесс реализуется в синтезе»².

Что касается повседневности, то ее культурный статус придавлен, принижен, обесценен господствующими иерархиями власти, сверхбольших денег. Повседневность предстает опустошенной, лишенной основных сил, которые движут вперед современный мир. В повседневности оставлено немного от таких сил — науки, технологии, экономики, политики. Повседневность может быть и социализированной, но пустой, скучной. «Если основные страсти жизни — открытие, свершение, достижение, осмысленное созерцание, наслаждение, стремление, страдание, напряженное усилие, игра с собой и другими — покидают повседневность, изгоняются из нее, перестают цениться окружающими в самом их процессе и месте, не требуют духовных и физических сил, эмоций и ресурсов, если повседневность дегероизируется, опрощается, аккуратно упакованная, превращается только в денежный предмет потребления, она и раскрывается человеку как пустота жизни, дезориентация и проклятие — бессмыслица времени³. Теоретики обыденной жизни отмечают, что ее обесценивание произошло под влиянием современного формального образования, технократического роста роли экспертов в экономике, политике и государстве. Эти силы приводят к подмене действительной полноты жизни, ее многокрасочности и полиморфности перемолотыми коммерческой властью и бюрократическими требованиями суррогатами. «На место духовной культуры общества и специализированных знаний экспертов приходит бульварная литература, уличный жаргон, анекдоты, возделывание огороδικов, соседская взаимопомощь, самообразование и все другие воплощения принципа «сделай сам»⁴.

¹ Голофаст В. Глобализация и место морали // Телескоп, 2004, № 2. С. 2,9.

² Там же. С. 2, 7.

³ Голофаст В. Мегамшины и повседневность // Телескоп, 2005, № 1. С. 52.

⁴ Там же.

Все это показывает, насколько сложны процессы социализации в данных сферах.

Что можно уже сейчас, до проведения специальных исследований, сказать о процессах социализации существующего производства, строя, об оценке реформенных преобразований? В. Фетисов отмечает, что «Современное российское общество по основным параметрам движется по капиталистическому руслу (т. е. доминирует капитализация — Б. М.). Об этом свидетельствует курс проводимых экономических реформ, ориентированных на обеспечение главным образом интересов незначительного меньшинства — крупных собственников, олигархов, определенной части чиновников; расслоение общества, доведение до социальной поляризации; структура общественного производства, подчиненная интересам меньшинства; резкое сокращение населения страны, его физическая и духовная деградация, экономизация всей общественной жизни, небывалый размах преступности, явное доминирование дезинтеграции над интеграцией, неоправданная открытость в пользу других государств и международных организаций... Но подобный вектор развития уже показал свою историческую несостоятельность»¹. В сфере производства приходилось отмечать растрату человеческих ресурсов, деградацию корпуса рабочих кадров, трудно-разрешимую проблему их дефицита, чрезмерную социальную дифференциацию социально-профессиональных групп, влекущую отчуждение наемных работников, разрушение солидарности в корпоративном по характеру процессе труда, ухудшение условий труда, снижение в целом качества работников при возрастающих профессионально-квалификационных, морально-культурных требованиях к ним и т. п. В предперестроечный период советской власти говорили о явлении люмпенизации наемных работников. Чертами люмпенизации называли снижение требований, избегание ответственности, безынициативность и т. п. По В. И. Герчикову, бывшему приверженцем явления люмпенизации, доля люмпенизированных рабочих доходила до 50—60%². В значительной мере эти черты сохранились или даже усилились, к ним добавились некоторые новые. Так, ухудшилось положение рабочих, катастрофически упал их социальный престиж, снизился уровень квалификации, усилилось отчуждение и самоотчуждение, деидеологизация жизни, труда и т. п., дистанцирование от «начальства»; доминирует неуверенность в своем положении, страх перед гонениями, «чемоданное настроение», отсутствие ориентации на будущее, неповышение квалификации, культуры труда в целом..., все это сопряжено со стремлением «урвать свой кусок», «заставить делиться». По аналогии с люмпенизацией, это новое явление можно назвать метким словом «пофигизм», а самих рабочих — «пофигистами». Существенный момент состоит в том, что явление выражается как в реальных действиях (как бы объективно, объективируется), так и в субъективных ориентациях, настроенное в целом, в т. ч. в формулировках, употребляемых рабочими. Выражение «а нам все пофиг» распространено в среде рабочих. Данных о том, каков удельный вес «по-

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 20.

² Герчиков В. И. Люмпенизация работника — тормоз на пути перехода к рынку: постановка проблемы // Социология труда в новых условиях. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1993.

фигурных» рабочих, пока нет; представляется, что они составляют явно более 50%. Парадоксальность явления состоит в том, что оно проявляется на фоне как раз возрастающих требований к качеству работников, в т. ч. и особенно по части привлеченности к труду, предприятия, современным инновационным процессам. «Способствует» такой позиции и отношение к рабочим со стороны работодателей как к безликой рабочей силе, не более. Ситуация усугубляется тем, что глубина противоречия слабо осознается, рефлексивируется общественным сознанием и, соответственно, отсутствием серьезных мер преодоления этого противоречия, использованием компенсационных механизмов типа импорта рабочей силы за счет так называемых «гастарбайтеров», посредством которых инновационное развитие производства не осуществить.

Все это еще раз подчеркивает настоятельную необходимость оценивающей функции социологии, закладывание критерия социализации во всякое социологическое исследование. При этом, как отмечает В. Фетисов, в XXI веке уже недостаточно простого сочетания процессов капитализации и социализации; «проблема состоит в том, чтобы осуществить синтез (подчеркнуто мной — *Б. М.*) процессов сохранения и развития, отвечающий требованиям социальной жизни и придающий обществу новое качество». Отсюда, «первоочередная задача социологии вместе с другими науками», дать не только оценку происходящим изменениям, но и теоретическое обеспечение названного выше синтеза¹.

Итак, социализация объективно необходима, ее ход нуждается в научном социологическом оценивании. Но позволительно поставить вопрос, кто или что может являться движущей силой, агентом реализации данных процессов? Это надо понимать, хотя бы для того, чтобы знать, кому адресовать результаты социологического анализа с точки зрения оценивающего критерия, конкретные разработки по обеспечению названного синтеза. Без движущих сил, заложенных в процессы, прекрасные рекомендации, скорее всего, останутся благими пожеланиями. Автор социализационного подхода полагает нужным предъявлять «конкретные требования ко всем социальным субъектам и, прежде всего — к руководству страны, политической элите в целом»². Какой-то особый субъект, допустим, социальный слой, в наибольшей или наименьшей степени вкушающий плоды реформенных преобразований, не называется. Подтверждение или опровержение этого положения может, очевидно, дать современный специальный анализ. Стоит только заметить, что движущие силы (субъекты) социализации определяются, видимо, характером самих имеющих место процессов (например, для защиты интересов рабочих в трудовых отношениях скорей всего важна социальная активность самих рабочих).

¹ Фетисов В. Октябрь, социализм и современность. С. 20.

² Там же. С. 20.

**ОПАСНОСТЬ МИЛИЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДЕГРАДАЦИИ
ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА**

1. Постановка проблемы

Силовые структуры играют системообразующую роль в социальном устройстве любого государства. Многие социальные теоретики придавали силовым структурам государствообразующее значение. Например, Пьер Бурдьё в своем анализе природы государственной власти подчеркивал: «Именно концентрации капитала физическое принуждения придается главное значение в большинстве моделей происхождения государства»¹. Государство не может существовать без аппарата надзора и подавления. В этой связи французский социолог замечает: «В обществах, не имеющих государственности (как древняя Кабилия или Исландия в сагах), не существует делегирования функций насилия группировке профессионалов, четко идентифицируемых обществом. Как следствие, нельзя уйти от логики кровной мести... или самозащиты»². То есть без делегирования функций насилия профессиональной группе общество, по сути, еще не может претендовать на статус государства, а существует лишь в архаической форме традиционного общества, не накопившего, по Бурдьё, «юридического капитала».

Можно с уверенностью сказать, что для российского государства милиция как одна из основных силовых структур является важнейшим социальным институтом. От уровня развития института милиции зависят очень многие системные характеристики, определяющие как политико-экономические, так и социально-культурные формы российской жизни.

Милиция и как институт, и как профессиональная группа занимает важное место в социальной структуре, в политической и экономической сферах жизни России. Без преувеличения можно сказать, что почти каждый человек на территории РФ вступает в те или иные отношения с людьми в милицейской форме. Ведь милиция занимается не только преступниками, а даже не только охраной общественного порядка, ей делегированы важные контрольно-бюрократические функции, которые затрагивают каждого: от выдачи паспортов до регистрации по месту жительства.

¹ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля/ Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999.

² Там же.

МВД является крупнейшей из силовых структур в РФ, превосходя по своему численному составу даже армию¹. Последние 15 лет Россия занимает первое место в мире по количеству сотрудников полиции на 100 тысяч населения — 1 224, в США этот показатель в четыре раза ниже — 300 сотрудников полиции на 100 тысяч² граждан, а в западноевропейских странах, например, в Испании он еще ниже — 128 сотрудников охраны правопорядка на 100 тысяч. То есть даже в сравнительном плане милиция является очень крупной организационной структурой.

Милиция определяется действующим законодательством как «система государственных органов исполнительной власти»³. Согласно статье 7 II раздела «Закона о милиции», описывающего принципы ее организации, «милиция в Российской Федерации подразделяется на криминальную милицию и милицию общественной безопасности». Статьи 8 и 9 II раздела «Закона о милиции» описывают задачи, систему подчинения и финансирования криминальной милиции и милиции общественной безопасности (МОБ) и предписывают им обязательное взаимодействие⁴. Каждое из двух основных подразделений милиции наделено специфическими функциями и задачами. Криминальной милиции предписывается в первую очередь задачи по «выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений»⁵, а основными задачами МОБ являются «обеспечение безопасности личности, общественной безопасности, охрана собственности, общественного порядка, выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений»⁶.

То есть МОБ должна прежде всего обеспечивать общественную безопасность и пресекать правонарушения, относящиеся к Административному кодексу. Криминальная милиция не нагружена задачей обеспечения общественной безопасности, ее сфера ответственности — опасные правонарушения, регулируемые Уголовным

¹ Официальные данные о числе служащих в МВД, к сожалению, для общего сведения не публикуются. По оценкам некоторых экспертов, численность сотрудников МВД составляет около 1,5 млн (Новикова А., Шепелева О. Принципы и направления реформирования органов внутренних дел/ Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. Москва: Демос, 2005. С. 13). Наталья Цветкова, ссылаясь на источники в Министерстве ВД, определяет численный состав сотрудников МВД в 1 млн 499 тыс. человек — данные на апрель 2005 года (Цветкова Н. Планы по реформированию правоохранительных органов в России: факты, мнения, позиции/ Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. Москва: Демос, 2005. С. 134). А согласно статье Колесникова в органах МВД служат с учетом неаттестованных сотрудников 2 млн чел. (Колесникова О.А. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия. Социологические исследования, № 2, 2006. С. 74). Для сравнения численность служащих в Вооруженных силах в 2004 году составляла не более 1,2 млн человек и планировалось их дальнейшее сокращение (Кайханди И. Л. Права и произвол милиции// Новая Газета. — 2004. 2 авг.).

² Newman G. (Ed.) Global Report on Crime and Justice. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 124.

³ «Закон о милиции», раздел I «Общие положения», ст. 1.

⁴ «Закон о милиции», раздел II «Организация милиции в РФ», ст. 8 и ст. 9.

⁵ «Закон о милиции», раздел II «Организация милиции в РФ», ст. 8.

⁶ «Закон о милиции», раздел II «Организация милиции в РФ», ст. 9.

кодексом. В результате такого разделения задач сотрудники криминальной милиции профессионально взаимодействуют в основном с представителями криминального мира, тогда как сотрудники МОБ в ходе своей профессиональной деятельности должны взаимодействовать со всеми слоями и группами российского общества. МОБ представляется наиболее интересным объектом социологического анализа, потому что, во-первых, МОБ — самое крупное по кадровому составу подразделение МВД, во-вторых, сотрудники МОБ в силу своих профессиональных обязанностей обязаны взаимодействовать со всеми слоями и группами населения. В-третьих, именно милиционеры МОБ чаще всего ассоциируются с государственной властью, поскольку они, в отличие от сотрудников криминальной милиции, обязаны носить форму, а форма воспринимается населением как признак принадлежности к государственной власти.

В состав милиции общественной безопасности входят служба участковых, патрульно-постовая служба, ГИБДД, служба по делам несовершеннолетних (ПДН), паспортные столы и подразделения милиции вневедомственной охраны. Для обеспечения общественной безопасности различным службам МОБ делегирован широкий спектр полномочий, которые заставляют их чаще и интенсивнее других правоохранительных служб контактировать с гражданами, что определяет особенное значение МОБ как объекта социологического исследования.

Цель исследования, представленного в этой статье, состояла в социологическом описании социально-экономической позиции, которую сегодня занимает институт МОБ и составляющая ее профессиональная группа милиционеров в российском обществе, а также в анализе социальных тенденций, порождаемых этой позицией и возможных социальных следствий современной институциональной метаморфозы МОБ.

Эмпирической базой представленных в докладе рассуждений стали материалы, собранные в ходе двух исследований, объектом которых была МОБ. Первое¹ из них было проведено сотрудниками ЦНСИ в 2004 году по заказу правозащитной организации «Гражданский контроль», а второе² реализовывалось на протяжении 2006–2008-го гг. совместно сотрудниками ЦНСИ и Института социальных исследований и гражданских инициатив (Казань). География этих исследований включала в себя такие различные регионы РФ как Казань, Петербург, Ставрополь и Новгород Великий. Материалы этих исследовательских проектов сформировали эмпирическую базу, состоящую из семи типов взаимосвязанных полевых данных, которые легли в основу анализа, представленного в статье:

1) Материалы, собранные в конце 2004 года, включают в себя 47 слабоструктурированных интервью с милиционерами, представляющими рядовой, сержантский

¹ Проект «Этнические меньшинства в российской милиции», 08–12.2004, был поддержан «Гражданским контролем» (РФ, Петербург) и The Charles Stewart Mott Foundation (Нидерланды), участники проекта: Б. Гладарев, Л. Ежова.

² Проект «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге», 2006–2008 гг., был поддержан фондом Дж. и К. МакАртуров (США), участники проекта В. Воронков, Б. Гладарев, О. Максимова, П. Мейлахс, Л. Сагитова, Е. Ходжаева и Ж. Цинман.

- и младший офицерский состав службы участковых и ППС, а также с курсантами и преподавателями средних школ и учебных центров милиции в Новгороде Великом, Петербурге и Ставрополе;
- 2) Материалы трех фокус-групп с представителями различных возрастных, профессиональных и этнических групп населения Новгорода, Петербурга и Ставрополя; эти фокус-группы проводились для сбора общественных оценок об отношении граждан к работе милиции в конце 2004-го года;
 - 3) Данные включенного наблюдения, проводившегося 2004 году в средних школах милиции и учебных центрах МВД;
 - 4) Полевые материалы, собранные в 2006-2008 годах, состоящие из 40 глубинных интервью с сотрудниками МОБ Петербурга и Казани;
 - 5) 10 экспертных интервью с начальниками РОВД, офицерами кадровых отделов ГУВД, правозащитниками и адвокатами, проведенными в ходе исследования 2006-2008 гг.;
 - 6) Данные включенного наблюдения в службе участковых и ППС Казани (6 месяцев в 2007 г.);
 - 7) Анализ общественно-политической («Вечерняя Казань», «Невское время» и «Российская газета») и ведомственной прессы («Щит и меч» и «Милиция. Законность. Правопорядок»). Материалы обозначенных изданий анализировались за период с 1 ноября 2006 по 1 ноября 2007 года.

Таким образом, представленные в докладе тезисы являются результатом анализа качественных данных, описывающих с разных сторон (внутриведомственной, общественного мнения и из позиций, озвученных СМИ) современное институциональное положение МОБ в российском обществе. Эти данные собраны качественными методами и не претендуют на репрезентативность, но, надеюсь, отражают внутренние тенденции институциональной трансформации МОБ. Ведь качественная методология позволяет «раскрыть скрытые субъективные смыслы, или механизмы функционирования социальной практики»¹, что фактически невозможно сделать такими количественными методами, как анкетирование и массовый опрос. Исследование внутриведомственных практик и принципов функционирования такого закрытого института как российская милиция, требует от социолога близкого и регулярного взаимодействия с объектом своего анализа. Чтобы правильно интерпретировать смысл социальных действий в ходе повседневной рутинной работы сотрудников милиции, необходимо было длительное время наблюдать за их внутри институциональными практиками. Поэтому в рамках двух проектов, ставших основанием для этого доклада, исследователи использовали взаимодополняющие методы глубинного интервью и включенного наблюдения.

Анализ собранных эмпирических данных позволил сформировать представления о современном положении и условиях службы младшего офицерского и рядового состава МОБ, которые подробно представлены во второй части статьи.

¹ Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. Москва: «Добросвет», 1998. С. 13.

2. Девять структурных характеристик, определяющих сегодня институциональное положение МОБ в российском обществе

В ходе интерпретации материалов интервью с сотрудниками милиции, а также дневников включенного наблюдения в службе участковых и ППС было выделено ограниченное число структурных характеристик, которые, на наш взгляд, определяют институциональные условия работы МОБ сегодня. Среди прочих было выделено девять взаимосвязанных социально-экономических, организационных, политических и правовых условий функционирования института милиции общественной безопасности, которые кажутся наиболее значимыми для понимания институционального положения МОБ в российском обществе. Разберем их подробнее, проиллюстрировав необходимыми примерами полевых наблюдений и цитатами из интервью.

1) **Наследие советского опыта в методах работы** является первой и очень важной структурной характеристикой, определяющей систему институциональной организации МОБ и условия работы ее сотрудников. Милиция относится к числу социальных институтов, которые, вопреки многочисленным реформированиям и нововведениям, до настоящего времени во многом сохранили советскую структуру, традиции и методы работы¹. Развиваясь в рамках собственной институциональной логики, МОБ оказалось одним из самых инертных социальных институтов в России.

Анализ интервью с сотрудниками различных подразделений МОБ демонстрирует как минимум четыре важных механизма функционирования современной милиции, которые можно в полной мере считать наследием советского опыта: 1) преобладание карательно-репрессивных функций в деятельности сотрудников; 2) зависимость от властей; 3) правовой нигилизм сотрудников и 4) «палочная» система отчетности. Рассмотрим эти внутри институциональные механизмы подробнее.

Первый из них выражается в сохранившемся с советских времен преобладании карательно-репрессивных функций в содержании деятельности сотрудников МВД. Полковник милиции из Петербурга сформулировал это так: «Мы же, по сути, карательная структура. Разговоры о правах у нас не приветствуются. Милиция... она как цепная собака государства работает» (м., 54 года, полковник, Петербург). Это высказывание подтверждается результатами множества отечественных исследований милиции. Например, в статье Льва Гудкова можно найти близкое утверждение: «Советская правовая система, а также милиция как институт правоохраны, была ориентирована прежде всего на защиту тоталитарного государства... и лишь затем уже — на прочие ценности или принципы, суть которых сводилась к защите усло-

¹ Директор фонда «Общественный вердикт» Наталья Табурина высказывается более резко: «Нынешняя система работы милиции ни только не модернизировалась, она в полной мере следует худшим традициям советского времени» (Табурина Н. Милиция в комментариях и оценках экспертов/ 15 лет российской милиции// Информационно-аналитический бюллетень фонда «Общественный вердикт», 2005, № 2 (3). С. 5).

вий воспроизводства трудовых прав, социального обеспечения и уголовной защиты граждан»¹.

Вторая примета советского наследия в органах охраны правопорядка отражается в зависимом политическом положении милиции. Также как 20 или 50 лет назад, МВД и политически, и экономически зависит от разного рода исполнительных властей, что ограничивает независимость и непредвзятость органов охраны правопорядка: «Особенно милиция общественной безопасности сильно зависит, она же очень тесно связана с местными городскими властями. Потому что основную дотацию денежного содержания они получают от города. И ППС, и те же участковые, они получают доплаты от города. Естественно они будут плясать под дудку города. Будут работать в плотном контакте. И поэтому отношение городской власти к милиции имеет такой компанейский характер: все бросить и бежать туда, упал — отжался, на месте присел. Это разрушает нормальный порядок работы» (м., 33 года, майор, Петербург).

Третьей советской характеристикой российской милиции остается «правовой нигилизм», вызревший из опыта «социалистической законности», когда поведение определялось в своей основе не столько нормами формального права, сколько политическими требованиями и круговой порукой. Владимир Паперный, описывая советскую логику принятия решений, говорил о специфическом «круге причинно-следственных связей», когда «следствие начинается раньше преступления»². Как показывают материалы собранных интервью, а также многочисленные публикации правозащитных организаций³, подобная неформальная логика в подходе к праву и сегодня широко распространена в милиции. Лев Гудков делает в этой связи очень важное замечание, говоря, что такая «гибкость» в правоприменении порождает и порождает систему, в которой состояние любого субъекта, как юридического, так и физического, можно квалифицировать как существование в модусе «отложенного наказания»⁴.

Атмосфера правового релятивизма пропитывает российскую милицию, что нашло отражение в высказываниях информантов: «Каждому можно что-то инкриминировать» (м., 22 года, младший лейтенант, Ставрополь), или: «Мы люди подневоль-

¹ См.: Гудков Л. Отношение к правовым институтам в России// Мониторинг общественного мнения, 2000, № 3 (47). С. 32–33. С «внешней» оценкой Гудкова соглашаются некоторые «внутриведомственные» эксперты из ВНИИ МВД, например, Сергей Егорышев пишет, что «преобладание в содержании деятельности ОВД карательно-репрессивных функций имеет историческую обусловленность, что отразилось в самом названии органов внутренних дел, которые долгое время назывались не правоохранительными, а карательными» (Егорышев С.В. Органы внутренних дел Башкортостана в оценках населения// Социологические исследования, 1997, № 8. С. 80).

² Паперный В. Культура Два. Москва: НЛЮ, 2006. С. 203.

³ См., например: Чипков, П. В., Колбасин Д. А. (ред.). Закон и его жертвы. Хроника анти-произвола. Казань: правозащитный центр города Казани, 2004; Каляпин И. А., Шепелёва О. С., Карпов П. Е. Пытки. Преступления без наказания. Нижний Новгород: Комитет против пыток, 2004 и др.

⁴ Гудков Л. Отношение к правовым институтам в России// Мониторинг общественного мнения, 2000, № 3 (47). С. 31.

ные: скажут задерживать — будем задерживать. Приказы не обсуждают» (м., 27 лет, рядовой, Ставрополь). Наиболее откровенные из информантов даже описывали механизмы применения так называемой «презумпции виновности»: «Работаем как бы по объему. Схема простая. Допустим кража. Задерживаем подходящих персонажей. Начинаем с ними работать. В течение суток работаем, этого обычно достаточно. На выгоде имеем: либо кто-то колется, либо на кого-то просто вешают дело. И все. Вопрос закрыт» (м., 30 лет, капитан, Петербург). Этот фрагмент интервью иллюстрирует устойчивость в милицмейской среде советской практики, когда основанием для задержания какого-либо «физического лица» является не подозрение в совершении им преступления, а собственно само лицо, которому постфактум приписывают какое-либо преступление. Такой подход к борьбе с преступностью — очевидный рудимент советского понимания права, когда закон воспринимается как инструмент политической борьбы, а значит, может быть нарушен в случае политической необходимости или просто ради хорошей отчетности.

Четвертым из «советских» механизмов работы, унаследованным российской милицией можно считать систему оценки эффективности работы органов МВД. Оценка эффективности работы тех или иных подразделений милиции производится исходя из динамики количественных данных в соотношения раскрытых преступлений и преступлений зарегистрированных:¹ «...еще требуют с нас преступления. Парадокс. Говорят: ты должен профилактикой заниматься, у тебя не должно быть преступлений на участке. А с тебя каждый месяц требуют преступления. Это же маразм с одной стороны, подумайте, так ведь? Не было у меня на участке ни одного грабежа, ни одного мордобоя, там все... Это ж хорошо. Уголовных дел нет. Нет! Ты должен раскрывать. Превентивные преступления придумывать» (м., 27 лет, младший лейтенант, Казань).

Эта система, которая получила в милиции название «палочной», основана на учете в первую очередь количества «палок», то есть раскрытых преступлений или пресеченных правонарушений, причем «палка» не имеет качественного измерения. Сложность, латентность и тяжесть раскрытых преступлений не учитываются «палочной» системой: «На бумаге все выглядит просто отлично. И раскрываемость растет, и количество тяжких преступлений медленно, но верно сокращается, а как на самом деле, я думаю, никто не знает» (м., 24 года, лейтенант, Петербург).

Сегодня, как и при советской власти, низовые подразделения МОБ демонстрируют показатели руководству МВД, которые в наилучшем свете представили бы эффективность «в профилактике, пресечении и раскрытии», при этом правилом становится игнорирование реальной ситуации с охраной правопорядка в пользу иллюзорной бумажной отчетности.

Представители МВД не устают убеждать общественное мнение в искоренении в их ведомстве «палочной» системы отчетности², но исследователи милиции и пра-

¹ Егорышев С. В. Органы внутренних дел Башкортостана в оценках населения// Социологические исследования, 1997, № 8. С. 80.

² Например, журналистка Анастасия Береснева, в своей статье о милицмейском произволе, пишет, что «Сокращению числа неправомерных действий сотрудников милиции мог бы

возащитники свидетельствуют о ее сохранности с советских времен в неизменном виде¹. Многочисленные подтверждения существования «палочной» системы отчетности содержатся в собранных интервью.

Резюмируя приведенные выше примеры, можно сказать, что социально-правовой механизм функционирования МОБ сегодня в большей степени определяется 70-летним опытом советского правоприменения, чем демократизирующими систему процессуально-правовыми инновациями последних лет.

2) **Размер и формы финансирования** является второй структурной характеристикой, определяющей институциональное положение профессиональной группы сотрудников МОБ в российском обществе.

Материалы собранных интервью указывают, что для профессиональной группы милиционеров вопросы адекватной оплаты труда стоят на первом месте в длинном списке профессиональных проблем: «Первый вопрос всегда — это оплата. Я работаю по 12–14 часов в сутки. Я рискую здоровьем. Я хочу, чтобы мне компенсировали это» (м., 25 лет, старший сержант, Петербург).

Средняя зарплата рядового сотрудника МОБ в 2004 году составляла 3,5 тысячи рублей, а в 2008 году — около 7,5 тыс. рублей. После изменения «Закона о милиции» в 2004 году сотрудники милиции лишились последних льгот, но индексации толком не произошло. Например, за компенсацию льготы на бесплатный проезд сотрудникам петербургской милиции накинули к окладу по 1 тыс. рублей, что очевидно не релевантно постоянному росту цен на транспорт. Везде, где бы не ставился вопрос о характеристиках положения современной милиции, информанты в один голос указывали на уровень зарплат: «Милиция — это нищая, нищая структура» (м., 26 лет, младший лейтенант, Ставрополь), или: «Это не зарплата, на это семью содержать нельзя...» (м., 30 лет, капитан, Петербург), или: «Люди уходят только из-за того, что низкая зарплата» (м., 42 года, майор, Новгород), или: «Зарплата наша... это проблема номер один, конечно. Все кричат, говорят, что зарплату повышаем, зарплату повышаем, а смысл от этого какой? На триста рублей поднимут. Это же смешно» (м., 27 лет, младший лейтенант, Казань).

служить отказ от пресловутой «палочной системы»... Однако в МВД РФ не раз утверждали, что отказались от этой системы еще несколько лет назад. Видимо, рядовой состав милиции не может отвыкнуть от прежнего порядка работы». См. в: Береснева А. «Разрешенное» — Деловое Прикамье. — 2007. 6 апр.

¹ Этого мнения придерживаются, например, Кузминский Е., Михайловская И., Мазаев Ю. Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней. Москва: изд-во ИНТУ, 1994, Новикова А. Общество и современная милиция. В ожидании перемен/ Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. Москва: Демос, 2005. С. 69–81, Шелева О. Правоохранительные органы — населению: чего граждане ждут и не могут получить от милиции// Неприкосновенный запас: 2005, № 42, Табурина Н. Индекс произвола правоохранительных органов в 2005 году в регионах Центрального федерального округа// Индекс произвола правоохранительных органов. Оценки социологов и комментарии правозащитников. Москва: Общественный вердикт, 2005. С. 66–69 и др.

Мнение наших информантов подтверждаются результатами массовых опросов: в 2005 году 90% опрошенных сотрудников милиции рассматривают размер зарплаты рядовых милиционеров как недостаточный или низкий, причем особых различий в ответах опрошенных из разных профессиональных групп нет¹. Один из милиционеров, говоря о финансировании МВД, высказался определенно: «Государство обеспечивает милицию лишь минимумом, которого недостаточно даже для организации нормальной семейной жизни. Нет денег на квартиру, нет денег на отдых, нет денег и времени для семьи» (м., 30 лет, капитан, Петербург).

Существующий уровень зарплат воспринимается людьми в милицеевских погонах травматично. Он рассматривается как неудовлетворительный, особенно на фоне зарплат в рыночном секторе экономики. Руководители ОВД всеми силами пытаются сохранить кадровый состав: обещают повышение, вызывают к патриотизму, но не могут гарантировать рост зарплат. Во многих интервью милиционеры говорят, что заработка, если его экономить, хватает на одного человека, но если появляется семья, ребенок, то денег не хватает даже на базовые потребности: «Вы знаете, что у милиционеров самые непрочные браки. Семьи распадаются. Жены не хотят терпеть постоянное отсутствие мужей, да к тому же никак материально не обеспеченные» (м., 35 лет, сержант, Петербург).

Согласно статье 22 Закона о милиции «виды и размеры денежного довольствия сотрудников милиции устанавливаются Правительством Российской Федерации и должны обеспечивать достаточные материальные предпосылки для комплектования кадров милиции» (Закон о милиции, 2000). Данные проведенных исследований дают основания утверждать, что «достаточные материальные предпосылки» в современной российской милиции пока не созданы, что неизбежно накладывает отпечаток на функционирование института милиции, подтверждение чему также можно найти и в многочисленных публикациях по социологии милиции².

3) **Несовершенство действующего законодательства** считается информантами из различных служб МОБ очень важной структурной характеристикой, существенно осложняющей работу милиционеров. Информанты отмечали, что постоянные изменения в законодательстве приводят к ничем не обоснованным трудностям в повседневной работе милиции. Например, капитан петербургской милиции привел пример из собственного опыта: «по закону «О милиции» милиционер должен предпринять оперативные меры по предотвращению правонарушений, которым стал свидетелем, например, когда продают водку несовершеннолетним в кафе. До изменений в

¹ Новикова А. Э. Актуальные проблемы правоохранительных органов с точки зрения внутренних экспертов (материалы кабинетного исследования). 2006. см.: <http://www.demos-center.ru/projects/52FB039/52FB2A9/1112012251>

² См. например: Новикова А., Шепелева О. Принципы и направления реформирования органов внутренних дел/ Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. Москва: Демос. С. 87; а также: Гудков Л. — уже цит. произв.; Гилинский Я. Полиция и население: кто для кого?// Отечественные записки, 2003, № 2; Косалс Л. Я. Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации (на примере рынка милицеевских услуг). Москва: ГУВШЭ, 2005 и др.

процессуальном кодексе 2002 года, любой сотрудник МВД мог по предъявленному удостоверению пресечь такую продажу на месте, теперь это возможно сделать только после судебного постановления, получение которого занимает, как правило, массу времени» (м., 25 лет, капитан, Петербург). Изменения в административном и процессуальном кодексах, по мнению многих сотрудников милиции, мотивируются предотвращением практики превышения полномочий, которыми грешили некоторые нечистые на руку милиционеры. Но, на самом деле, процессуальная усложненность ограничивает практические возможности для оперативной работы по пресечению преступных деяний и охране правопорядка: «По мелким уголовным делам нужно исписать в среднем 200—300 страниц. Дело может занять десять минут, например, про постельное белье, которое с веревки тиснули в огороде, а писанины потом — неделю» (м., 43 года, капитан, Петербург).

Перманентное правовое реформирование, которое отразилось в принятии нового уголовного, административного и процессуального кодексов воспринимается сотрудниками МОБ болезненно: «Вот в декабре месяце 2003-го года произошли изменения в уголовном кодексе, 276 изменений — это колоссально, это больше половины кодекса» (м., 43 года, майор, Петербург). Изменения законодательства привели к введению новых процессуальных норм, следствием чего стали их многочисленные нарушения со стороны сотрудников милиции: «У нас сидит опер из ГУВД только за то, что зашел в квартиру» (м., 23 года, младший лейтенант, Петербург), или: «Как в старые времена было? Да, я бы пришел и сказал самогонщику: «Петя! Завтра ты у меня будешь там-то и все». А сейчас извини, надо все законно: чтобы протокол, чтобы понятые были...» (м., 45 лет, майор, Новгород).

Милиционеры сетуют на большое количество недоработок в административном кодексе и по процедуре работы, и по адекватности наказания: «Матвиенко включила нам в обязанности следить за чистотой газонов, потому что собаководы просто завалили город дерьмом. Вроде все понятно и правильно. Но штраф за такое правонарушение, по-моему, рублей 50. Конечно, никто не будет заниматься этим, и писать бумажки. Да и гражданин спокойно может проигнорировать эти 50 рублей, и никто за них за ним гоняться не будет» (м., 36 лет, капитан, Петербург).

По мнению сотрудников МОБ неадекватность процессуальных усилий размеру наказания — одна из основных проблем действующего законодательства. Чтобы оформить мелкое правонарушение, нужно подготовить огромное количество документов, а санкции нарушителю обычно незначительны: «например, чтобы оформить незаконную сдачу жилья тем же гастарбайтерам, участковый должен подготовить протокол осмотра квартиры, протокол собрания жилищной комиссии, жалобы соседей, а уже потом — писать заявление в налоговую, где нарушителя оштрафуют на 500 рублей, к примеру. Какой смысл заниматься?» (м., 30 лет, младший лейтенант, Новгород).

Действующие установки по ведению дел, которые определяются современным законодательством, часто приводит к нарушению законов или, как минимум, процедурных правил. Поэтому в милиции так распространены бюрократические трюки, разного рода фальсификации отчетности, а также многочисленные примеры укрытия заявлений граждан от регистрации, отказы принимать заявления к рассмотре-

нию, стремление любыми средствами либо закрыть дело, либо выхолостить его, что, накладываясь на характерный «правовой нигилизм», делает внеправовую практику основной формой в повседневном функционировании МОБ.

4) **Тяжелые условия работы** сегодня является четвертой структурной особенностью службы в МОБ. По словам сотрудников МОБ, характерной чертой трудовых будней современной милиции является ненормированный рабочий день. В интервью о практике вынужденной дополнительной работы нам говорили так: «Как правило, рядовой участковый или патрульный пашут, не поднимая головы. А еще бывают усиления. В некоторые годы они составляли до 270 дней в году. Усиление — штука страшная, рабочий день может удлиняться до бесконечности, о выходных речи не идет» (м., 33 года, рядовой, Казань).

Сотрудники МВД не могут не подчиниться приказам и распоряжениям, требующим от них дополнительной работы. Часто дополнительные нагрузки вызваны хронической нехваткой кадров, которая особенно чувствуется в крупных городах, как, например, Петербург. Сотрудники петербургской милиции описывали условия работы как изматывающую рутину: «Я за себя отработал, потом еще за напарника, что на больничном, потом еще в усиление объявили... двое суток без сна. Перед глазами все плывет... Это даже для здорового человека слишком, а у меня ранения...» (м., 30 лет, старший сержант).

К ненормированному графику работы и нехватке кадров нужно добавить изношенность материальной базы отделов милиции. Не хватает всего: бензина, бумаги, компьютеров, спецтранспорта: «Ездят на задержание на трамвае, потому что экипажу на сутки дежурства полагается 20 литров бензина, и то не всегда он в наличии» (м., 34 года, младший лейтенант, Петербург). В краевом центре на юге России один из слушателей учебного центра рассказывал, что три месяца стажировки он патрулировал улицы в гражданской одежде, потому что его отдел не мог выдать ему форму¹.

Дополнительным фактором, отягощающим повседневную работу рядового, сержантского и младшего офицерского состава в милиции можно считать накапливание эмоционального напряжения, которое отмечалось многими информантами: «Это очень вредная работа, потому что контингент, с которым приходится каждый день иметь дело... это алкаши, бомжи, фартовые, наркоманы» (м., 22 года, рядовой, Ставрополь), или: «После работы ничего не хочется. Жена, дети внимания ждут, а я видеть никого не могу... Желание одно: до койки дойти» (м., 38 лет, майор, Новгород).

Также на работе нижнего звена милиции сказываются внутренние реформы МВД, которые уже 17-й год перетрясают систему управления этого ведомства². Од-

¹ Дефицит ресурсного обеспечения отмечается и другими исследователями милиции. Например, по результатам опроса 2005 года, практически все сотрудники милиции, а также прокуроры и судьи говорили о неудовлетворительном состоянии материально-технического обеспечения территориальных подразделений милиции (Новикова, Шепелева, 2005 — уже цит. произв. С. 61).

² Подробно о процессе реформирования милиции см. у Новиковой, Шепелевой (2005. С. 82–83), а также в статье Цветковой Н. Планы по реформированию правоохранительных органов в России: факты, мнения, позиции/ Реформа правоохранительных органов: преодо-

ним из результатов социально-политических реформ последнего 20-летия стало расширение профессиональных задач и функций «стражей правопорядка». Материалы интервью с сотрудниками милиции содержат многочисленные факты, позволяющие считать тяжелые условия труда устойчивым признаком, отличающим профессиональную деятельность сотрудников МОБ.

5) **Социальная незащищенность сотрудников** является пятой структурной характеристикой, определяющей институциональное положение этой профессиональной группы в российском обществе. Как было показано выше, служба в милиции сопряжена с большими физическими и эмоциональными нагрузками, что в очень незначительных размерах и нерегулярно компенсируется премиями и вознаграждениями. При этом уровень социальной защищенности рядовых сотрудников милиции общественной безопасности постоянно снижается.

Еще семь лет назад сотрудники МВД имели достаточно объемный социальный пакет: 50% оплаты стоимости коммунальных услуг и услуг связи, бесплатная медицинская помощь, санаторно-курортное лечение раз в год, бесплатный проезд по городу и к месту отдыха сотрудника и одного члена семьи, предоставление служебного жилья отдельным категориям сотрудников. К 2004 году были сняты оплата коммунальных услуг и предоставление служебного жилья.

В результате принятия 122 ФЗ «О монетизации льгот» у сотрудников милиции отняли право на бесплатный проезд, на льготные государственные кредиты на жилье, на возможность льготного получения земли под дачу. С 1-го января 2005 года из социального пакета милиционера осталось только бесплатное медицинское обслуживание, при этом уровень заработной платы повысился только на 20%. Это повышение выразилось в очень скромных цифрах, потому что в милиции 20% считались не от конечной суммы зарплаты (включающей региональные надбавки от местных бюджетов и премии), а от базового оклада, который в начале 2005 года составлял около 2 тыс. рублей в месяц.

Поскольку уровень зарплат рядовых сотрудников МВД остается крайне низким, одной из острейших проблем милиционеров остается приобретение жилья. Согласно статье 30 Закона о милиции «сотрудникам милиции, признанным нуждающимися в улучшении жилищных условий, жилая площадь в виде отдельной квартиры или дома по установленным законодательством нормам предоставляется соответствующими органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и организациями в первоочередном порядке, а участковым уполномоченным милиции — не позднее шести месяцев с момента вступления в должность» (Закон о милиции, 2000). Но «соответствующие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и организации», как правило, не располагают ресурсами или желанием для обеспечения милиционеров служебным жильем. Его не дают даже участковым, которые по долж-

ление произвола. Москва: Демос. С. 95–140, посвященной хронологии реформирования МВД РФ.

ностной инструкции должны проживать на своем участке¹. Что касается сотрудников других подразделений, то для них получение квартиры или даже комнаты в общежитии является несбыточной мечтой: «Я сейчас в звании подполковника, имею 21 год выслуги, а живу с семьей в студенческом общежитии в двух комнатах, и, по большому счету, никаких просветов нет, и это характерно. Да, почти половина в таких условиях находится. С чем это связано, понятно. У нас, в общем-то, все эти гарантии и обеспечение социальных льгот было заморожено» (м., 45 лет, подполковник, Петербург).

Такое положение с жильем характерно не только для мегаполисов, но и для провинциальных городов, что подтверждается рассказами новгородских и ставропольских милиционеров: «Очень, конечно, тяжело в этом плане. Все ж ребята молодые, мало кто из них имеет своё собственное жильё. Очень многие снимают квартиры. Они как-то объединяются, снимают одну квартиру втроем, вчетвером, чтобы как-то жить» (м., 30 лет, лейтенант, Ставрополь). «В Новгороде, насколько я знаю, за последние пять лет только один участковый получил служебную квартиру. О эпэсниках (патрульно-постовая служба) и других вообще речь не идет. Ютятся с семьями по общежитиям» (ж., 34 года, лейтенант, Новгород).

Характеризуя уровень социальной защищенности сотрудников милиции, можно с уверенностью утверждать, что государственная политика в этом вопросе сводится к минимизации затрат.

б) Система отрицательного отбора кадров представляет собой шестую институциональную характеристику, определяющую кадровое наполнение МОБ в современной России.

Полученные в результате проведенных исследований свидетельства преподавателей учебных центров и средних школ милиции в трех российских городах указывают на постоянное снижение требований к качеству подбора кандидатов. По мнению офицеров, занимающихся средним профобразованием, сегодня в кадровой политике МВД ориентируется на количественные показатели, пренебрегая качеством отбора и подготовки: «Там, наверху преследуют единственную цель — закрыть некомплект, то есть место — надо застолбить милиционером. Пусть плохенький, пусть безграмотный, ну, может быть, немножечко дурной, но милиционер стоит. В крайнем случае, если он очень вспыльчивый, мы ему пистолет тогда не дадим, дадим ему палку резиновую. Да какой это постовой милиционер? Ноль от него, он никому не сможет объяснить, никому помочь не сможет, он себя защитить не может! То есть эта система требует такого реформирования, такой переоценки внутри системы... колоссальной!» (м., 54 года, полковник, Петербург).

Проблемой является не только низкий образовательный и культурный уровень соискателей милицейских погон, но и наличие вредных привычек, в особенности та-

¹ Следует отметить, что в последнее время предпринимаются некоторые действия по улучшению этого положения. Например, в Петербурге в 2004 году было выделено 33 служебные квартиры для участковых, в 2005 году — 20, в 2006 — 35 квартир. Однако, учитывая количество участковых в петербургской милиции (1599 штатных должности), темпы наделения их жильем кажутся чересчур умеренными.

кой, как алкоголизм, о котором много говорили в Новгороде и Петербурге. Все чаще стали встречаться случаи, когда в учебный центр или в СШМ принимают с четвертой группой профпригодности¹.

Кадровики и преподаватели учебных центров жалуются в интервью на молодое пополнение: «Приходят двоечники и троечники, разве можно из такого сделать профессионала?» (м., 38 лет, майор, Новгород), или: «Люди туда (в милицию общественной безопасности — Б. Г) приходят в основном с периферии. Основная масса — это лимитчики, как их раньше называли. Чтобы закрепиться в большом городе» (м., 54 года, полковник, Петербург). В результате, по словам начальника одного из ставропольских ОВД, в милиции «остаются, к сожалению, бездельники, которые нигде больше не потребуются... Вот сейчас мы набираем сотрудников, скажем, не из лучших — выбор нет... Не отбор, а набор» (м., 43 года, майор).

Низкий престиж профессии, усугубляющийся маленькими зарплатами и плохой социальной защищенностью сотрудников, порождает перманентный кадровый голод в МВД. Например, штат петербургской патрульно-постовой службы, по словам наших информантов, укомплектован не более чем на 30–40 %, а служба участковых на 50–60 %.

Информанты говорили, что сейчас в милиции работают, как правило, молодые, недостаточно опытные сотрудники: «Средний возраст наших сотрудников 27–28 лет, тех, кому за 40, я могу на пальцах пересчитать. В основном — сотрудники, имеющие маленький опыт» (м., 43 года, майор, Ставрополь). «Сейчас в милиции вообще очень мало людей приходит по призванию. Те, кто действительно имеет склонность и интерес к милицмейской работе, особенно это касается оперативников, быстро перегорают. Легенды о «настоящих ментах», остались в прошлом. Обычно люди идут сюда, потому что других предложений нет» (м. 34 года, капитан, Новгород).

Результатом механизма отрицательного отбора стал постепенный рост в профессиональной группе милиционеров доли сотрудников, отличающихся плохой подготовкой и слабой профессиональной мотивацией. По мнению некоторых исследователей милиции, нетребовательность при отборе на работу в структуры МВД приводит к тому, что туда часто попадают люди, заранее нацеленные на использование своего служебного положения в корыстных целях: «Одни приходят в милицию работать, другие — зарабатывать»². Сотрудник кадрового отдела московского ГУВД особенно подчеркивает, что в милицию сейчас идут «либо те, кто не могут нигде устроиться..., либо идут с определенной целью — не людям служить, а решать свои проблемы, и, как правило, больше финансовые. Считают, что, одев погоны, получив пистолет, он может делать, что угодно»³.

«Экономия» на социальных гарантиях для сотрудников МОБ, не сопровождающаяся ростом зарплат, заставляет людей в милицмейских погонах обращаться к

¹ К четвертой группе психологи МВД относят кандидатов, тесты которых выявили склонность к насилию, неуравновешенность или суицидальные наклонности.

² Шепелева, Новикова, 2005 — уже цит. произв. С. 58.

³ Щедрина О. В. Возможности использования принципов мультикультурализма в практике поддержания правопорядка в полиэтничных городах. Диссертация. Москва, 2005. С. 123

поискам дополнительных источников дохода, а законодательные ограничения на легальные подработки¹ толкает огромное количество милиционеров к включению в коррупционные практики. Таким образом, коррупция становится еще одной характерной чертой российской милиции сегодня.

7) **Внутриведомственная коррупция** является седьмым фактически институализированным условием функционирования МОБ. Многие сотрудники милиции откровенно рассказывали в интервью о том, что криминальные, полукриминальные и условно легальные рынки и виды экономической деятельности уже давно поделены на сектора между различными подразделениями силовых и правоохранительных ведомств, призванных им противостоять. Людей, которые пытаются бороться с коррупцией «быстро и грамотно подставляют»: «У нас был в отделе один такой принципиальный сотрудник... Что с ним сделали? На дороге ему подставилась дорогая иномарка, водитель которой любезно счел нанесенные его автомобилю повреждения не достойными внимания. А когда наш сотрудник пытался в суде дать показания по делу о разбое, появился тот самый водитель и напомнил, что на любезность нужно отвечать любезностью» (м., 25 лет, капитан, Петербург).

Эмпирические материалы проведенных исследований содержат многочисленные примеры, подтверждающие тезис о том, что коррупция в правоохранительных органах вообще и в МОБ в частности стала настолько обыденной, что перестала уже проблематизироваться, то есть коррупция превратилась в общий стиль работы российской милиции: «Милиционер без хлеба не останется. Он — власть, а значит, может себе в карман по мелочи собирать» (м., 29 лет, рядовой, Ставрополь).

Корпоративная этика не восстает против ситуаций мелкого злоупотребления служебным положением. Оправданием обычно являются тяжелые условия жизни современного милиционера и общий упадок общественных нравов: «Милиция — это не другая часть общества. Люди приходят в милицию с гражданского общества. И, естественно, все болезни, которые имеют место в гражданском обществе, имеют место и в милиции. Если идет рост и переплетение криминальных структур в обществе, то это коснется и милицию в том числе» (м., 43 года, майор, Петербург).

Расширение масштабов коррупции и ее укорененность в правоохранительных органах признают и на руководящем уровне МВД². Однако реальных шагов по предотвращению распространения коррупции внутри системы МВД пока не предпринимается.

Как считают сами милиционеры, проведение краткосрочных громких кампаний по борьбе с коррупцией не может изменить систему: «Вот взяли там, в Москве, за

¹ Сотрудникам милиции запрещается заниматься любыми видами предпринимательской деятельности, работать по совместительству в организациях, но данный запрет не распространяется на творческую, научную и преподавательскую деятельность (Закон о милиции, 2000: 38).

² В интервью «Новой газете» в 2003 году начальник Главного управления собственной безопасности МВД РФ сказал: «...те деньги, которые сотрудник может получить «слева», несомненно больше тех, которые ему может предложить государство в виде зарплаты» См.: Интервью Константина Ромодановского. Аресты «оборотней» будут продолжаться// Новая газета. — 2003. 25–28 сент.

коррупцию полковников МВД, ну и то? И где? До суда ничего не доходит практически... правовая система не срабатывает, потому что дела до суда не доходят. Они только демонстрируют, что они что-то делают...» (м., 54 года, полковник, Петербург).

Охота на «оборотней в погонах», или преследование сотрудников ГИБДД за поборы на дорогах, или борьба с «укрывательством преступлений» не несут системного характера. Подобные кампании не подразумевают серьезного анализа и работы по устранению причин совершения нарушений.¹

Коррупция в милиции мутировала от отдельных случаев злоупотребления служебным положением в целях личной наживы в устойчивую и самовоспроизводящую систему работы:² «Если я не буду делиться (неформальными доходами), меня быстро подчистят. Все работает как строгая пирамида, все делятся с вышестоящими, которые держат отдел, те делятся с РУВД и так далее» (м., 30 лет, лейтенант, Ставрополь).

В результате из милиции порядочные люди уходят, а на их место поступают новые сотрудники, принимающие коррупцию как естественную и неизбежную составляющую работы в милиции.

8) **Отрицательный образ милиции в СМИ** можно считать восьмой структурной характеристикой, определяющей институциональное положение МОБ и ее сотрудников в современном российском обществе.

СМИ в значительной степени также являются выразителями общественных стереотипов. Образы милиционеров, отраженные телевидением и газетами, наделяют сотрудников МВД весьма нежелательными качествами и эпитетами. Они фигурируют как «вымогатели при исполнении», «люди в сером», «красная крыша», «бизнесмены», «скинхеды» и «оборотни в погонах».

Сотрудники МОБ солидарны в том, что имидж их ведомства искажается российскими журналистами, которые намеренно подрывают доверие населения к милиции: «Вся эта негативная информация идет с телевизора, из газет, отовсюду... Давай, вот так вот разберемся... про милицию каждый день по телевизору: то-то, то-то, то-то, то... ладно. Врачи или те же преподаватели вузов меньше косяков делают? Там те же взятки, но хают именно милицию. Ни врачей, ни преподавателей не трогают. Нет заказных статей про них. Это никому не надо. А милиция наоборот интересна. Ее ленивый не пнет. Та же армия посмотреть, ее не в пример меньше сливают. Почему? Потому что заказа нет, а не от того, что там все отлично и по уставу. Все знают про это. А в каких условиях нам приходится работать, и за какие зарплаты — никому не интересно» (м., 32 года, старший сержант, Петербург).

Результаты недавних исследований подтверждают широкую распространенность в профессиональной среде «стражей порядка» недовольство образом милиции в СМИ. Например, социологи правозащитного центра «Демос» пишут, что опрошен-

¹ Шепелева, Новикова, 2005 — уже цит. произв. С. 65.

² Масштабы и обыденность, повседневность взяточничества и коррупции таковы, что иногда публикуются таксы на совершение — несовершение сотрудниками милиции тех или иных действий, — замечает Яков Гилинский (см. Гилинский Я. Полиция и население: кто для кого?// Отечественные записки, 2003, №2).

ные ими в 2004–2005 годах сотрудники МВД уверены, что именно СМИ вносят основной вклад в поддержание негативного мнения о современной милиции среди населения¹. То же находим в отчете сотрудников Левада-центра: «По мнению абсолютного большинства (55%) милиционеров главным «виновником» недоверчивого и опасливого отношения горожан к милиции выступают СМИ»².

Собранные нами качественные данные позволяют несколько уточнить картину отношения между милиционерами и СМИ. В нескольких интервью информанты, говоря об «очернении органов в СМИ», все же признавали объективность представляемого журналистами негативного образа милиции: «А вообще в газетах правильно пишут: у нас — беспредел. Так и есть. Милиция в нынешнем своем виде не справляется с преступностью, потому что это не является для нее приоритетной задачей» (м., 54 года, полковник, Петербург). Но в общем массиве оценок такое рефлексивное отношение к СМИ не характерно для милиционеров. Как правило, сотрудники МВД требуют «как можно скорее прекратить эту травлю в прессе» и «изменить политику очернения милиции в СМИ» (м., 27 лет, сержант, Ставрополь).

Можно сказать, что распространенное среди сотрудников МВД неприятие и раздражение медийным образом милиции косвенно указывает на коллективное неприятие милиционерами реакции всего общества. Милиционеры, в массе своей негативно и подозрительно относясь к СМИ, выражают свое негативное и подозрительное отношение к общественному мнению. Общество, как будет показано ниже, отвечает им взаимностью.

9) Негативное отношение граждан к сотрудникам милиции является последним по счету, но не по значению институциональным условием, определяющим положение института МОБ и его сотрудников в структуре российского общества.

Материалы интервью указывают на то, что милиционеры постоянно ощущают негативное отношение к себе со стороны общества. Оно выражается и в страхе перед человеком в форме: «Люди бояться милиционера» (м., 35 лет, рядовой, Новгород), и в неверии в эффективность осуществления милицией своих правоохранных функций: «Очень много людей просто не обращаются в милицию, потому что считают что бесполезно: они все равно ничего не найдут, они все равно ничего не решат, они все равно ничего не сделают. Это сильное отчуждение. Население не доверяет милиции» (м., 34 года, старший лейтенант, Новгород).

По словам информантов, россияне не воспринимают милиционеров как защитников правопорядка: «население придерживается мнения, что мы (милиционеры) занимаемся только так сказать личным обогащением, а форма просто прикрытия для «ментовского беспредела»... Реальные результаты нашей работы никто не видит» (м., 39 лет, майор, Ставрополь).

Сотрудники МОБ жаловались в интервью на отсутствие у граждан уважения к милиции: «Если конфликты с задержанными возникают, то те сразу кричат про

¹ Новикова, Шеплева, 2005 — уже цит. произв. С. 90–91

² Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции/ Индекс произвола правоохранительных органов. Оценки социологов и комментарии правозащитников. Москва: Общественный вердикт, 2005. С. 21.

«оборотней в погонах». Нас по-другому уже не воспринимают» (м., 20 лет, рядовой, Петербург). Многие милиционеры говорили о нежелании граждан оказывать помощь милиции: «Сейчас люди опасаются обращаться в милицию. Люди отказываются выступать свидетелями» (м., 30 лет, капитан, Петербург).

Материалы фокус-групп с горожанами, проведенных в Новгороде, Петербурге и Ставрополе, позволяют составить собирательный портрет российского милиционера, каким он предстает в глазах населения. Получившийся образ весьма непригляден: обычно сотрудник МОБ представляется гражданам как молодой человек 25–35 лет, выглядящий неряшливо, злоупотребляющий ненормативной лексикой, часто с агрессивным поведением, любящий выпить, берущий «по мелочи» взятки.

Граждане часто определяли типичного российского милиционера как фигуру с ограниченными возможностями, как человека не нашего места в жизни: «Часто в милицию приходят ребята после армии. Им после двух лет в кирзовых сапогах, после двух лет фактически изоляции нужно как-то адаптироваться к гражданской жизни» (м., 33 года, житель Петербурга), или: «Многие приходят в милицию временно, как только находят лучшее место — уходят» (м., 40 лет, житель Новгорода).

Собирательный образ милиции общественной безопасности как социального института в глазах граждан также довольно мрачен: это перегруженная работой, плохо оснащенная, заорганизованная структура, не контролируемая обществом, сильно коррумпированная, структура, которая принимает меры только тогда, когда что-то произошло, и не проводит должную профилактику в области охраны правопорядка¹. По мнению россиян, сегодня милиция не способна эффективно обеспечивать правопорядок. Более того, фокус-группы показывали, что сами милиционеры часто являются правонарушителями. Упоминались такие практики работы милиции как незаконные задержания, избияния, откровенное обворовывание задержанных. Много претензий к работе ГИБДД, где «поголовно берут взятки», к паспортным столам, где процветает волокита и бюрократия, к следователям, которые не заводят или закрывают дела. Гражданин оскорбляет отношение милиционеров к населению: невежливое, неуважительное отношение², появление на работе в нетрезвом состоянии, неряшливый

¹ Данные собранных нами интервью с милиционерами, а также оценки милиции гражданами, полученные в результате проведения фокус-групп подтверждаются статистикой массовых опросов (см. Кузьминский, Михайловская и Мазаев, 1994; Егорышев, 1997; Гудков Л. Отношение к правовым институтам в России.// Мониторинг общественного мнения, 2000, № 3 (47). С. 30–39; Гилинский, 2003; Новикова, 2005; Безаев М. И. Общественное мнение о криминогенной обстановке и деятельности органов внутренних дел// Социологические исследования, 1999, № 12. С. 100–105; Мазаев Ю. Н. Роль СМИ в формировании общественного мнения о милиции// Социологические исследования, 2004, № 2. С. 106–114.; Грязнова О. Место правоохранительных органов в структуре социальных отношений/ Индекс произвола правоохранительных органов. Оценки социологов и комментарии правозащитников. Москва: Общественный вердикт, 2005. С. 34–58 и др.

² По данным петербургских исследований, среди подвергшихся задержанию невежливость сотрудников милиции отметили свыше 60 %, несправедливость задержания — свыше 55 % опрошенных (см. Гилинский, 2003).

внешний вид: «Стоят на улице, форма мятая, изо рта перегаром несет, ручкой так тебе махнут: «Гражданин, иди сюда! А ну-ка документы!»» (м., 19 лет, Ставрополь).

Обобщая изложенные выше особенности отношения россиян к сотрудникам правоохранительных органов, можно с большой долей определенности констатировать распространенность социальных фобий в отношении милиции, а также массовое неверие в эффективность его работы. Накапливание подобных негативных оценок о милиции в общественном мнении приводит, с одной стороны, к падению престижа милицейской службы, с другой — к отчуждению профессиональной группы милиционеров от общества, а в итоге — к социальной и профессиональной маргинализации широких масс рядовых сотрудников милиции и институциональной деградации органов охраны правопорядка.

3. Социальные следствия институциональной деградации органов охраны правопорядка

Резюмировав перечисленные выше девять условий, которые определяют принципы функционирования и социальное положение института МОБ в структуре российского общества, можно сказать, что российскую милицию сегодня характеризует: плохое финансирование (1), отрицательный кадровый отбор (2), тяжелые условия труда (3), низкая социальная и правовая защищенность сотрудников (4), помноженная на несовершеннощую законодательную базу (5), а также распространенность коррупции (6) и советских методов работы (7), что дополняется отрицательным образом милиции в СМИ (8) и негативным отношением граждан к ее сотрудникам (9).

Подобные условия, определяющие современное социальное положение МОБ не могут не иметь масштабных социальных последствий как для самого института МОБ, так и для российского общества в целом. В заключение я постараюсь кратко обозначить основные социальные следствия, которые может иметь институциональная деградация самого крупного из правоохранительных органов РФ для российского общества.

В настоящий момент вполне вероятными видятся четыре последовательно возникающих масштабных социальных следствия, которые порождаются современным состоянием такого органа исполнительной власти, как милиция общественной безопасности.

1) **Властная и общественная дискриминация МОБ** порождает самоизоляцию самого крупного правоохранительного института и маргинализацию подавляющего числа российских милиционеров.

Совокупным результатом взаимосвязанных между собой социальных, политических и организационных условий, в которых оказались российские милиционеры сегодня, стала двойная дискриминация милиции и как института, и как профессиональной группы. Природа этой двойной дискриминации проистекает, с одной стороны, из широко распространенного среди россиян негативного отношения к милиции, и из пренебрежения и невнимания государственной власти к нуждам милиционеров — с другой. Оба вектора дискриминации милиции требуют краткого объяснения и примеров.

Общественный вектор дискриминации милиции

Интервью с сотрудниками милиции содержат многочисленные примеры социальной стигматизации российским обществом людей в милицмейской форме: «Конечно, отношение, которое есть сейчас к милиции, оно неприятно. Я даже в форме стараюсь домой не ездить. Народ сейчас пошел дикий в лицо не скажут, а вот когда едешь в метро и за спиной слышишь «мент поганый»... противно» (м., 25 лет, рядовой, Петербург).

Зафиксированное в транскриптах фокус-групп отношение граждан к милиции маркирует устойчивый социальный консенсус в отношении «постыдных свойств», отличающих сотрудников МОБ. Милиционер, по мнению граждан, «печально отличается» от ожидаемого образа. Он не удовлетворяет представлениям наших соотечественников о «благородной, нелегкой и мужественной профессии» защитников правопорядка: «Больше нету детской веры в «дядю Степу». Милиционер превратился в «мента», в «оборотня в погонах»» (ж., 65 лет, жительница Петербурга). Складывающееся негативное отношение к милиции предопределяет и негативный (конфликтный) тип поведения граждан при контактах с сотрудниками милиции. Более 20% опрошенных не считают необходимым подчиняться распоряжениям милиции, если расценивают их как неправильные¹.

СМИ в значительной степени также являются выразителями общественных стереотипов, в том числе и в отношении милиции. Образы милиционеров, отраженные на страницах газет, в телевизионных передачах и в российских детективных романах, наделяют работников милиции очень нелестными качествами и эпитетами. Милиционеры болезненно реагируют на распространенные в обществе стереотипы: «Наши руководители поставили нас в такое положение, когда по всем каналам такие вещи про милицию говорят, что форму на улице носить стыдно. Что бы не случилось, во всем виноваты «оборотни в погонах». А если, я, допустим, скажу «оборотни в белых халатах», вы что же лечитесь не пойдете?» (м., 36 лет, капитан, Ставрополь).

По мнению некоторых участников фокус-групп, государство, недофинансируя милицию, экономит бюджетные средства на поддержание общественного правопорядка, при этом оставляет милиционерам возможность самим восполнить недостаток государственного финансирования.

Государственный вектор дискриминации милиции

Российский милиционер сегодня дискриминируется не только общественным мнением и СМИ, но и политическим руководством страны. Недофинансирование милиции, слабая социальная и правовая защищенность воспринимается сотрудниками милиции как признак государственного невнимания и неуважения властями их профессиональной деятельности по охране правопорядка.

¹ Мазаев Ю. Н. Роль СМИ в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования, 2004, №2. С. 71–72.

Пожилые милиционеры, вспоминая условия своей жизни в советское время, указывали на утрату государственного внимания к милиции, что выразилось в сокращении зарплат и льгот: «Профессия милиционера и в советское время не была особенно престижной, но тогда хоть были существенные социальные и материальные компенсации. Милиционер мог сам себя уважать, когда его зарплата была рублей двести плюс ведомственные льготы. Теперь милиционер не может компенсировать низкий престиж профессии за счет достойной зарплаты и внимания государства... выраженного в социальных гарантиях, поэтому и компенсирует его за счет населения» (м., 54 года, полковник, Петербург). Молодые сотрудники часто резко высказывались насчет государственной политики дискриминации милиции: «Как власть может спокойно смотреть на нищего, ободранного милиционера? Милиционер же представитель власти! Мы же служим этой власти! Похоже, что государству на нас просто насрать» (м., 22 года, сержант, Ставрополь).

В милицейской среде распространено представление о том, что политическое руководство страны имело сознательное намерение развалить работу органов внутренних дел: «Если подумать, то властям эффективная, независимая милиция не нужна. Люди, стоящие у руля не заинтересованы в сильной милиции, которая может сама, без приказа сверху начинать дела, в том числе и коррупционные дела... Понимаете?» (м., 25 лет, лейтенант, Новгород). Любой сотрудник милиции потенциально может быть осужден, поскольку задачи, которые ставятся перед милицией общественной безопасности, а также средства для решения этих задач, заведомо выталкивают сотрудников милиции за предел правового поля.

Подтверждение «теорий заговора» властей против милиции рядовые сотрудники находят в опыте повседневного взаимодействия с представителями исполнительной или законодательной власти разного уровня: «Самые большие проблемы у нас в отделе с мелкой всякой властью... с депутатами, чиновниками разной масти. Именно эта публика ведет себя особенно скандально при задержаниях. Кричат, что завтра я буду без погон! Что по звонку меня уволят со статьей! Однажды меня за день три раза увольняли» (м., 38 лет, сержант, Казань). По словам сотрудников милиции, представители власти, как правило, отличаются презрительным и неуважительным отношением к милиции как к социальному институту и к милиционерам, как к профессиональной группе.

Таким образом, российские милиционеры ощущают двойную дискриминацию: они не чувствуют себя нужными ни государству, ни народу, интересы которых милиционеры призваны защищать согласно закону, которым ей это предписывается: «Милиция в Российской Федерации — система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств»¹. Ощущение собственной социальной бесполезности приводит к массовой маргинализации «стражей правопорядка».

¹ «Закон о милиции», Раздел I «Общие положения», ст. 1.

2) Замыкание профессиональной группы милиционеров на проблемах самообеспечения.

Самым важным следствием такой двойной дискриминации можно считать социальную изоляцию милиции как института и возникновение вокруг фигуры милиционера зоны социального отчуждения. В условиях, когда нелегкий труд «стража порядка» не обеспечивается адекватным государственным вниманием и вознаграждением, в условиях, когда большинство граждан относятся к милиционеру с подозрением, если не с опасением, рядовым сотрудникам МВД остается лишь сконцентрироваться на проблемах самообеспечения: «Милиция — это государственная власть. А какая может быть власть, когда ни денег, ни уважения нету?» — размышляет 30-летний сержант ППС из Петербурга. Поэтому: «Сейчас никто серьезно не занимается правоохранной деятельностью. Происходит лишь симуляция таковой. Это характерно и для нижнего звена милиции общественной безопасности. У участковых установка не расследовать, а чтобы их не трогало начальство, отсюда отписки и фабрикация. Подобное положение, сопровождается нарастающим валом всевозможных преступлений, потому что реальные преступники часто остаются на свободе. А рядовые сотрудники обеспокоены только тем, где еще чего урвать к нищенской зарплате» (м., 44 года, подполковник, Ставрополь).

Сотрудники МОБ со стажем отмечают, что «профессия милиционера и в советское время не была особенно престижной, но тогда хоть были существенные социальные и материальные компенсации. Милиционер мог сам себя уважать, когда его зарплата была рублей двести плюс ведомственные льготы» (м., 53 года, полковник, Новгород). Теперь милиционер не может компенсировать низкий престиж профессии за счет достойной зарплаты и внимания государства выраженного в социальных гарантиях, поэтому компенсирует его за счет населения.

3) Рост коррупции в системе правоохранительных органов, сопровождающийся всплеском преступности.

Попадание милиции в зону социального отчуждения имеет серьезные последствия как для российского государства, так и для всего общества, то есть каждого из нас. Самым социально опасным следствием этого процесса станет быстрый рост преступности.

Наверное, не нужно тратить много усилий для доказательства очевидной зависимости эффективности борьбы с преступностью от своевременного получения информации, которую могут предоставить свидетели преступления или сами потерпевшие, то есть граждане. Большинство экспертов сходятся во мнении, что «эффективная борьба с правонарушениями невозможна без поддержки граждан». Социальная изоляция милиции лишает ее поддержки граждан¹, а значит создает серьезные препятствия для выполнения милиционерами своих профессиональных задач по охране правопорядка и противодействию преступности.

¹ Skolnick J. H., Fyfe J. Above the Law: Police and the Excessive Use of Force. New York: Free Press, 1993. С. 103.

Приведем пару характерных высказываний из интервью с рядовыми сотрудниками МВД: «Народ на нас как на прокаженных смотрит... Отказываются быть понятыми, отказываются заявления писать...» (м., 37 лет, старший сержант, Новгород), или: «Какое сейчас отношение населения? Поясню на примере. На днях был типичный случай: задержание за нахождение в нетрезвом виде. Я его вежливо под ручки в отделение, он пьяный мне орет: «Лучше дочь проститутка, чем сын мент!» Такое отношение» (м., 26 лет, младший лейтенант, Ставрополь).

Осуществлять эффективную работу по охране правопорядка в условиях социальной изолированности правоохранителей сложно. Участковые уполномоченные рассказывали, что сейчас помогают только старики. Большинство преступлений по горячим следам раскрывается с их подсказки: «Я бы им памятник ставил, фактически в раскрытии преступлений помогают только бабки и дедки» (м., 47 лет, капитан, Новгород). А молодежь «знает свои права», «ведет себя агрессивно» (м., 27 лет, старший лейтенант, Ставрополь). Люди среднего возраста, по словам информантов, относятся к милиционерам просто потребительски: «Я вам плачу налоги, и все! Вы должны...» (м., 45 лет, старший сержант, Новгород).

Материалы наших и множества других исследований милиции¹ говорят о том, что в России необходимый для эффективной борьбы с преступностью климат доверия между обществом и правоохранителями фактически отсутствует. По результатам массовых опросов Левада-центра 59% милиционеров соглашались с тем, что жители тех городов, где они служат, относятся к ним по большей части с опасением². Неэффективность современной милиции, — как подчеркивает Новикова, — является закономерным результатом предательства с ее стороны интересов обычного человека. В конечном счете, существование такой милиции становится бесполезным: граждане остаются незащищенными³.

4) Распространение в российском обществе правового нигилизма и деградация представлений о законности.

Граждане все чаще отказываются сотрудничать с милицией, предпочитая решать возникающие у них проблемы безопасности самостоятельно. В результате в стране постепенно формируется устойчивые поведенческие модели, когда «кто сильнее, то и прав,... то есть фактический беспредел, с правовой точки зрения» (м., 38 лет, майор, Новгород). Особенно быстро такие модели обеспечения личной безопасности и достижения «справедливости» распространяются среди молодежи⁴. По результатам опросов общественного мнения в 2005 году 57% опрошенных считает, что милиция

¹ Егорышев, 1997; Гудков, 2000, Шепелева, 2005; Колесникова О. А. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия// Социологические исследования, 2006, № 2, 69–76; 15 лет российской милиции/ Информационно-аналитический бюллетень фонда «Общественный вердикт», 2005, № 2 (3), и др.

² Гудков, Дубин, 2005 — уже цит. произв. С. 18.

³ Новикова, 2005 — уже цит. произв. С. 74.

⁴ Новикова А. Молодежь и правоохранительные органы — проблема доверия. Исследовательский отчет. 2006 / Фонд «Общественный вердикт». см. <http://www.publicverdict.org/ru/articles/research/10080207.html>

не справляется со своими задачами¹. Значит ли это, что скоро задачи обеспечения собственной безопасности граждане возьмут на себя?

Уже сейчас можно видеть признаки разрушения правового поля в России. По данным НИИ МВД, около 60% жертв даже тяжких преступлений предпочитают иметь дело не с милицией, а предпринимать самостоятельные действия по установлению восстановлению справедливости². То есть население постепенно начинает возвращать когда-то делегированное милиции право или обязанность по поддержанию правопорядка, а значит и право на легализованное насилие.

Таким образом, мы видим, что происходящая сейчас институциональная деградация милиции общественной безопасности может иметь очень серьезные последствия для всей социальной структуры российского общества. Находясь в условиях двойной дискриминации, МОБ будет все больше изолироваться как от общества, так и от государства. А ее сотрудники сконцентрируются на решении проблем самообеспечения или компенсации «за сложность и напряженность» службы. В финале нас ожидает стремительный рост преступности, сопровождаемый массовым распространением правового нигилизма и деградацией общественных представлений о законности.

¹ Новикова, 2005 — уже цит. произв. С. 72.

² Гудков, 2000 — уже цит. произв. С. 37.

ЦЕРКОВЬ И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ НА СЕЛЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

В последние два десятилетия наметились принципиально новые взаимоотношения Церкви с государством. Новые по сравнению с советским, в целом атеистическим периодом российской истории. Неприятие института Церкви, полуформальные запреты на осуществление ее деятельности, контроль за проявлением религиозных чувств при советской власти сменились сейчас на более чем благожелательное отношение. Постепенно институт Церкви становится одной из идеологических доминант современного политического поля России. Государственные структуры активно демонстрируют свою лояльность к этому институту. При этом «народные» формы религиозности и официально предъявляемые существуют как бы параллельно. С одной стороны, в постперестроечный период первые лица государства (начиная с Б. Ельцина) начали активно сотрудничать с руководством Русской Православной Церкви и других конфессий; появление первых лиц государства на богослужениях во время крупных церковных праздников; трансляция богослужений по основным телевизионным каналам (данное относится только к православным праздникам); постоянно инициируемые в обществе дискуссии о роли церкви в духовном возрождении нации, о необходимости преподавания основ религиоведения, или даже основ православия, в школах. С другой стороны, в конце 80-х — начале 90-х годов в обществе наблюдался не сконструированный «сверху», а вполне стихийный «религиозный бум», когда количество как верующих, так и тех, кто стал называть себя верующим резко возросло по сравнению с советским периодом. В то же время «новые верующие» не спешили полностью принять все постулаты, требования и обряды церкви. «Вера» не стала причиной массового распространения религиозных практик. По-прежнему доминируют «старые» религиозные обряды, прошедшие испытание атеистической идеологией и ставшие уже частью повседневной светской, а не религиозной жизни людей. Это обряды, связанные с празднованием Пасхи, Троицы, в меньшей степени Рождества. Большее распространение получили обряды крещения, отпевания, венчания. Однако религиозно-нравственные основы мало проникли в общество — лишь единицы сверяют свои поступки с тем, угодны ли они Богу.

Во всем многообразии вопросов, которые возникают в связи с активными попытками государственного аппарата навязать обществу Церковь как гаранта твердых нравственных устоев, а также с вялым и малоканальным взаимодействием самого общества с институтом Церкви, мы обратили внимание на один, как нам показалось, интересный аспект взаимоотношений власти и общества. А именно, как выстраиваются отношения между этими институтами на низовых властных уровнях, где и осуществляется непосредственное взаимодействие власти с населением.

¹ Статья подготовлена на материалах исследования, поддержанного РФГФ, грант № 07-03-00571а, а также № 07-03-18015 е, научный руководитель обоих проектов О. Божков

Основой для исследований этой проблемы стал проект «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-Западного региона РФ)». Объектом являлись руководители сельских администраций, лидеры местного самоуправления и руководители сельскохозяйственных предприятий, находящиеся на данной территории.

Респондентов-руководителей мы рассматривали как экспертов по вопросам сельского хозяйства и развития сельского сообщества, одновременно учитывая тот факт, что они являются простыми сельскими жителями, частью этого самого сельского сообщества, и во многом мыслят и чувствуют так же, как их односельчане, при этом суммируя, в силу занимаемого положения, их идеи и надежды.

Руководители местных органов власти также имеют в сельском сообществе двойной статус. С одной стороны, они представляют собой часть государственно-административного аппарата. С другой стороны, они — жители села, укоренившиеся на данной территории, имеющие специальности, либо связанные с сельским хозяйством, либо это люди, ранее работавшие в структурах, обслуживающих сельских жителей. И такое положение дает им возможность в большей степени прислушиваться к мнению односельчан и одновременно влиять на это мнение, формировать его, осуществляя те или иные мероприятия. Именно поэтому мы решили исследовать взаимодействие Церкви и местных органов власти исходя из того, что местные администраторы имеют собственные религиозные установки, влияющие на их поведение в сельских сообществах и осуществление тех или иных форм взаимоотношений с институтом церкви на селе. Если на высших уровнях власти государственные чиновники скорее демонстрируют волю государства, то на низовом уровне взаимоотношения администрации и Церкви более спонтанные, менее демонстративные.

В ходе биографических и экспертных интервью с нашими респондентами мы обсуждали следующие вопросы — кто они, как долго связаны с сельским хозяйством, каким образом попали в состав сельской элиты, по каким критериям их выбрали односельчане, что они думают о прошлом и настоящем российского села и какие ценности сельского образа жизни они выделяют, видят ли они перспективы развития сельского хозяйства в стране. Среди этих вопросов обсуждался и вопрос отношения к религии как их самих, так и той части сельского населения, с которой они работают, и роли института Церкви в поддержании существования сельского сообщества.

В проекте мы ограничились типичными районами Нечерноземья, сельской глубинкой, рассматривая ее как традиционно сельскохозяйственную зону России, имеющую существенные климатические недостатки для ведения успешного сельскохозяйственного производства. В настоящий момент это во многом депрессивные по уровню развития и численности населения районы, и, следовательно, население здесь испытывает большие трудности в поддержании и сохранении сельского образа жизни.

Опрос проводился в Тверской, Новгородской и Вологодской областях, в каждой из которых выбирались два-три района, отвечающие вышеназванным критериям. Районы также выбирались по принципу удаленности от областных центров. Сельскохозяйственное производство в них было одной из приоритетных отраслей произ-

водства на протяжении длительного времени и остается таковой и сейчас (хотя это и не исключает существования на территории районов промышленных предприятий).

Обычно идеологические требования власти последовательно спускаются на все уровни этой самой власти. И неизменно доходят до первичных государственных и властных структур, а именно до областных, районных и муниципальных администраций. У административных структур не возникает проблем в проявлении своей воли в отношении идеологических установок, — хотя жесткий советский диктат идеологии сейчас невозможен, однако и иных форм взаимодействия, кроме как «приказ/подчинение», никто из низовых администраторов себе и не представляет.

Новая формула отношений с институтом Церкви несомненно воспринимается на всех властных уровнях как необходимая для внедрения. Такова специфика любой жестко выстроенной по вертикали власти.

В силу удаленности от «центра» местные администрации не испытывают прямого идеологического давления, а впитывают новые установки через влияние районного руководства, более близкого к губернаторам и прочим проводникам воли государства.

Исходя из задач исследования, мы не пытались построить классификацию или типологию верующих на селе или же дать какие-то количественные характеристики. Исследование проходило с использованием качественной методологии путем полуструктурированного неформализованного интервью. К настоящему моменту собрано около 150 интервью.

При обсуждении религиозного феномена мы исходили из самоопределения респондентов, изучая их отношение к вопросам религии и то, как они определяют значимость этой позиции в их повседневной жизни и жизни сельских жителей современной России на примере их односельчан. В то же время нам хотелось выявить, насколько влиятелен этот социальный институт на селе. Так же мы хотели обозначить сложившиеся практики в исследуемой области у сельских жителей и предьявить обобщенную экспертную характеристику этих практик у местных руководителей, то есть тех, кто непосредственно занимается организацией жизненного пространства сельчан.

Надо отметить, что религиозность сельских жителей по отношению к городским была традиционно более высокой даже в советское время. Тотально провозглашаемый атеизм, пришедший на смену так называемой тотальной религиозности (которой на самом деле уже не было в российском обществе начала XX века) вовсе не проник во все советское общество. Свидетельства присутствия религиозного сознания и обрядовости на селе в послереволюционный период имеют место во многих научных исследованиях и произведениях искусства. Наш проект, посвященный, например, сбору генеалогической информации в деревнях и селах Нечерноземья, также имеет немало тому свидетельств (проект «Генеалогист», 1999—2004 гг.). В довоенные годы сельские советские праздники зачастую смешивались со старыми религиозными. В удаленных от областных и районных центров деревнях и селах сохранялись традиции крупных религиозных праздников (Рождество, Троица, праздник Казанской Божьей Матери, Пасха), а также отмечались местные религиозные праздники, относящиеся к той или иной деревне или селу. Конечно, отмечались эти праздники с меньшим

размахом и далеко не всем сельским сообществом, но запретить их не могли. Многие наши пожилые респонденты — крещеные, их бабушки и дедушки (а особенно бабушки), родившиеся в дореволюционное время, старались передавать им какие-то основы православной культуры, несмотря на запреты советского режима. В большинстве домов, где живут пожилые люди, висят иконы. Это типичные произведения сельской живописи — часто бумажные образа или цветные рисованные фотографии со знаменитых икон, многие в самодельных деревянных окладах. Респонденты отмечали, что их родители приобретали эти изображения еще до революции, и скорее всего они не снимались со стен даже в период разгула советской атеистической пропаганды. Многие старались крестить и своих детей, рожденных в предвоенные и послевоенные годы.

Если вернуться к тому исследованию, с которого мы начали, то большинство наших респондентов-экспертов — люди среднего возраста — также крещены, как они выражались, тайно, «на печке», бабушками или тетушками, несмотря на возражения партийных членов семьи.

Однако, за 1950—1980-е годы деревня потеряла большую часть своих жителей: многие переехали в города, и традиции, уходившие корнями в сельский образ жизни, были утеряны, особенно если они не были одобряемы властями. На селе спад религиозности в значительной мере был связан с закрытием и разрушением храмов, начавшимся в 1920—1930-е годы и активно шедшим в 1950-е годы, и прекращением традиции религиозного образования. Скорее всего, препятствовать этому процессу жители села не могли, или это получалось только у высокоорганизованных сельских сообществ.

Большинство наших респондентов совершенно не знакомо с религиозной литературой, с тонкостями обрядов — ведь регулярного религиозного обучения населения в годы советской власти не было. Некоторые респонденты религиозны как бы «по наследству» — их предки были глубоко верующими людьми, и семьи смогли сохранить эти традиции и передать какие-то знания следующим поколениям.

В настоящее время институт Церкви на селе развит слабо. Множество храмов разрушено, но много и сохранилось, однако требует капитального ремонта или реконструкции. Эти строения не охраняют, но и не разбирают. Они сами рушатся от времени. Действующих храмов очень мало. Один-два, редко три на район. Район — это крупная территориальная единица, растянутая на десятки километров. А бедственное положение села привело к тому, что связь между селами и деревнями, особенно отдаленными, практически отсутствует. В ближайшие к центру района населенные пункты автобусы ходят один-два раза в день, а в отдаленные деревни и села один-два раза в неделю. Дороги разбиты, а автомобиль селянину не по карману. В районном центре обязательно имеется действующий храм и даже общины разных направлений, однако по вышеуказанным причинам доступ в него для сельских жителей сильно затруднен. Иногда это старинный храм, «с традициями», он мог принадлежать селу, вокруг которого рос тот или иной центр района (малый город или поселок). Или это вновь построенный в последнее десятилетие храм. Чаще всего средства на такую постройку выделялись местной администрацией с участием жителей. Но

даже в таких храмах приход очень маленький, и значительно увеличивается он только во время крупных церковных праздников. Действующие церкви и храмы в сельской местности вообще посещают около 5–10 человек. И опять же лишь в дни праздников количество посетителей увеличивается, а летом — за счет дачников из крупных городов.

Многие из ныне действующих сельских храмов были открыты и в годы советской власти. И особо отмечается респондентами тот факт, что они были открыты в годы Великой Отечественной войны. Каждая действующая церковь имеет свою историю борьбы за выживание. Так, например, в деревне Сельцы Тверской области местные жители карелы не дали снести свою церковь и отстояли ее с «вилами и лопатами» и в 30-е годы, и после войны. Церковь являлась центром культурной и национальной идентичности этого народа на инонациональной территории. Церковь, Храм были важным элементом жизни локального сообщества, сохранявшего свой язык и обычаи, и изъятие этого элемента означало утрату для них целостности сообщества.

Вновь построенных храмов на территории сел и деревень почти нет. За время наших многолетних экспедиций мы видели только одну новую церковь, построенную в отдаленной деревне на пожертвования дачников из Москвы, купивших в этой местности пустующие дома. Помощь в строительстве храма оказывала глава местной администрации, набожная женщина, поддерживающая тесные связи с настоятелем Храма и активно участвующая в деятельности местной церковной общины. Истинные цели постройки церкви в столь отдаленном месте (около 50 километров от районного центра и очень плохая дорога) остались невыясненными, так как настоятель на контакт с интервьюерами не пошел, сведя весь разговор к обсуждению обрядовых вопросов и проблем религиозного воспитания в стране вообще.

Анализируя социальные проблемы села, мы увидели, что институт Церкви стоит у селянина отнюдь не на первом месте и влияние его очень слабо. Это же подтверждается и многочисленными количественными исследованиями, проводимыми в России. Церковь практически не оказывает помощи сельским жителям, а деятельность действующих приходов ограничена, и в значительной степени зависит от личности священника. В то же время наблюдается другой феномен — люди, живущие в непосредственной близости от действующей церкви, никакого участия в ее жизни не принимают и по большей части также остаются «размыто верующими». Вроде бы традиция не прерывалась — если церковь не закрыли, значит она оставалась фактором, регулирующим социальные связи. Однако, система жесткого ограничения влияния церкви привела к тому, что сельское сообщество и Церковь существуют параллельно на одной территории, практически не пересекаясь. Регулярными посетителями храмов остаются традиционно верующие, те, у кого эта традиция в семье не прерывалась, не смотря на гонения и запреты, или это пожилые люди и люди из других районов и сельских поселений, где своей церкви нет, или те, кто хотел бы попасть именно в этот храм. Глубокий кризис сельскохозяйственного производства последних двух десятилетий и слом уже ставших привычными для сельского жителя форм жизни привел оставшихся на селе и не сумевших справиться со сложностями переходного периода не в Церковь, а к пьянству.

Что касается влияния неправославных конфессий и, условно говоря, «новых религиозных движений», то и они слабо представлены на этой территории. В районных центрах зарегистрированы те или иные общины (Церковь евангельских христиан-баптистов, Церковь «Благая весть», Религиозная группа «Свидетели Иеговы» и т. д.). Однако, наши респонденты-эксперты отмечали, что эти группы если и появлялись на территории сельских поселений, то приверженцев они себе не нашли. Это были разовые появления и никакого влияния на религиозную жизнь села они не оказали. В районных центрах общины строят крупные молельные дома, но ориентированы они исключительно на городских жителей, а не на сельских. Такова ситуация в Нечерноземной полосе России, где сельское хозяйство находится в наибольшем кризисе, и у сельских жителей иные приоритеты — выживания или поиска возможностей изменить свой сельский статус на городской.

Следует отметить, что в современной российской научной литературе имеется множество типологий «верующих». Один из самых обсуждаемых вопросов — кого можно назвать верующим. Не хотелось бы вдаваться в подробности этой дискуссии, однако выделим основные классификации.

Одни исходят из критериев посещения Церкви и исполнения обязательных религиозных обрядов, другие из самоназвания, третьи вводят градации типа «верующий», «колеблющийся», «безразличный», «неверующий». Кто-то ссылается на классиков зарубежного религиоведения. Например, есть классификация Дж. Фихтера — «убежденные верующие», «формально верующие», «верующие промежуточного типа», «бездействующие верующие». Еще раз хочется отметить, что мы в своем исследовании не ставили задачи следовать той или иной классификации, доказать ее или опровергнуть. Однако мы исходили из принципа «самоназвания» для возможности понять, в каких терминах, каким образом наши респонденты описывают свое отношение к религии и свои практики.

В большинстве своем сельские жители — так называемые «размытые верующие». Они очень положительно относятся к вопросам веры, иногда, в большие праздники, посещают Церковь. Сами себя иногда называют «подсвечниками», подхватив этот емкий термин из прессы, то есть те, кто приходит в Церковь ставить свечи, так как ничего иного делать не умеет и не знает как. Да и особой потребности узнать, скорее всего, не имеет. Такого поверхностного отношения им вполне достаточно. Однако, как уже говорилось выше, практически все — крещеные. Кого не крестили в детстве, тот крестился сам уже будучи взрослым. Все крестят своих детей, внуков, и обязательно совершают обряд отпевания.

«Вот он крест есть, он освященный крест, как бы проще сказать, я... верю, но не верую. Есть кто-то у меня, кто меня защищает, охраняет».

«В душе, я думаю, верит каждый, а чтобы это, вот, в церковь, — этого нет, к сожалению».

«Ну, хожу в церковь по большим праздникам, но не скажу, что я сильно верю в бога, но...»

«Нет, я думаю, что... в общем, я не религиозна, но, тем не менее, я, бывает, помолюсь за... ну, просто так, без всяких молитв, — я их не знаю».

«Дело-то не в том, что в церковь не ходят — ходят. Если человек... он все равно во что-то верит».

Многие отмечают, что выросли «при коммунистах», когда «как-то Бога не было». То есть говорили, что его нет, а спорить с этим было достаточно опасно. И понятие Бога для тех, кто не считал себя убежденным атеистом, ушло на периферию сознания.

Кто-то получил от верующих родителей или бабушек некий толчок, импульс в раннем детстве. Но период взросления в СССР привел к пересмотру своих позиций, к признанию господствующей идеологии атеизма. Однако с годами, в более свободной идеологической обстановке прежние взгляды, привитые еще в раннем детстве, вернулись под влиянием тех или иных причин личного или социального характера.

«У меня мама была очень религиозная женщина. Нас она не заставляла вообще, не занкалась об этом. Хотя тогда будучи комсомолкой, я была рьяная, естественно, атеистка». В настоящий момент эта респондентка считает себя верующей, посещает по возможности Церковь и поддерживает тесные контакты с настоятелем Церкви на территории ее административного округа, используя эту возможность для оздоровления социальной ситуации на своей территории (организация прихода, помощь пожилым жителям, организация досуга детей).

При этом убежденный коммунист может прекрасно сочетаться с верующим человеком, так как этот убежденный коммунист никогда не был убежденным атеистом. Он скорее верил в светлое будущее для всех — тогда, и в сильное государство — сейчас.

«...человек должен во что-то верить, во что-то доброе. Может быть, это последняя отдушина...».

«Да, я религиозный человек. Иногда хожу в церковь, когда позволяет время. У меня там, у нас церковь... Мать с отцом похоронены там. Вот и поэтому, придя на кладбище и не зайдя в церковь, не поставить свечку как-то, вот... Мать с детства, она нас водила туда. Ее родина там, она любила туда, и, вот, нас с братом все детство туда таскала, как говорится, в церковь. Там были и такие времена, когда было запрещено много, и члену партии. Я и сейчас член партии коммунистической, я не ушла оттуда, и не уйду».

В большинстве случаев религия здесь является эмоциональной составляющей повседневной жизни, это обращение к Богу, просьба о моральной поддержке, о помощи. Форма такого обращения совершенно не важна для наших респондентов. Они бы и рады делать это «по правилам», но время упущено и нигде приобрести соответствующие знания.

«Нет, я думаю, что... в общем, я не религиозна, но, тем не менее, я, бывает, помолюсь за... ну, просто так, без всяких молитв, — я их не знаю... Я завидую даже тем, кто, вот, в церковь придет как, вот, домой: он все знает. Мне даже неудобно туда ходить, что я не знаю, куда свечку поставить, надо все спросить. Вот это мне... как-то по духу близки те люди, которые веруют».

Однако, было бы неправдой сказать, что на этом роль религиозного феномена заканчивается. Как видно из всех вышеприведенных цитат, эта обрядово не подкреп-

ленная вера является в то же время попыткой объяснить для себя смысл и сущность самого явления и даже построить некоторую мировоззренческую позицию.

«А я так считаю, что у каждого человека есть своя вера в чего-то. У каждого свой Бог. Возьмите, религии-то разные, у каждого — вот сколько есть, один в одно, другой в другое. Так же и у человека есть во что-то вера. Без веры жить нельзя».

«Мы с ним (с батюшкой) очень тесно работаем по благоустройству, вот, по праздникам, по возрождению традиций национальным, по какому-то, может, моральному облику, вот. Потому что мораль, она-то в деревне падает. Пьянство: сейчас все пьют, и женщины, и мужчины. И я считаю, что церковь, она должна была эту сторону... она же воинствующая тоже в этом плане. Она борется за человека, именно за нравственного человека, и меня это вот прельщает в религии».

Убежденных атеистов крайне мало. Их насчитывается около 10 человек на выборку из 150 интервью.

Период времени, который российские социологи называют «религиозным ренессансом», отразился в деревне своеобразным образом. Пожилые люди, в основном бабушки, так как пожилых мужчин на селе крайне мало, стали активно воссоздавать часовни около памятных и святых для данной территории мест. Они сохранили и передали некую религиозную народную традицию — освещение ключей и источников, установку около них поминальных крестов и часовен. Нельзя сказать, что сельская местность сплошь покрыта такими часовнями. Они появились там, где имелись неформальные «общины» верующих, связанных с местным батюшкой. Многие из инициаторов этого процесса уже умерли, однако Святые места и сейчас являются местом паломничества и тщательно оберегаются.

Выше мы отметили, что многие процессы религиозной жизни, происходящие на селе, зависят от личностей служителей культа. Разрушенные Храмы требуют больших вложений для восстановления. Официальная Церковь такие средства не выделяет. Кое-что восстанавливают на пожертвования дачников, приезжающих из крупных городов (Москва, Петербург, Тверь, Новгород, Вологда). Служение в отдаленной местности не престижно у священников. Поэтому так мало стремящихся служить в сельских храмах. Каждый священник, с которым мы встретились за время наших экспедиций — уникальное явление. Мы общались с династией священников, где отец и его два сына служат в одном районе, и отец передал свой приход старшему сыну. Другой священник служит в сельском храме с очень богатой традицией и широко известном в религиозных кругах уже более 30 лет. Когда-то он даже переводился в город, но вернулся обратно. Еще один наш респондент специально перевелся в сельский храм, будучи пораженным его красотой и историей. Сейчас он ведет активную деятельность по организации общины и помощи местной администрации в работе с детьми, подростками и пожилыми людьми. Практически все священники сельских действующих храмов работают в тесном контакте с местной администрацией, оказывая ей посильную помощь. Однако только несколько администраторов высказали убеждение, что Церковь, религиозное воспитание могут изменить социальный климат на селе, помочь в преодолении социальных и нравственных проблем сельских жителей. Эти администраторы сами являются верующими людьми. Все ос-

тальные, отдавая должное работе церковных служителей, будучи сами верующими «на словах» и даже посещающими церковь, очень скептически относятся к возможностям Церкви. Они считают, что бедственное положение на селе связано с отсутствием государственной политики по отношению к селу, с тем, что сельские жители мало кого интересуют во властных структурах. Церковь в настоящий момент имеет государственную поддержку, а вот сельское хозяйство — нет. Поэтому они находятся на разных ступеньках в иерархии государственных приоритетов.

Таким образом, некоторые примеры взаимного сближения и взаимопомощи Церкви и местной сельской администрации пока являются лишь исключениями из общего правила. Ни тот, ни другой общественный институт не видят перспектив совместной работы, особенно учитывая невысокие возможности сельских священников и ограниченные финансовые и ресурсные возможности сельских администраций.

НОСТАЛЬГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Феномен времени — сложное явление. Существует множество концепций его восприятия. К нашему исследованию применима субъективистская концепция, где речь идет о переживании времени человеком, наделением его индивидуальными смыслами. Во многом приоритетность тех или иных элементов субъективного времени (прошлого, настоящего и будущего) определяет выбор человеком жизненных стратегий и тональность восприятия жизни в целом.¹

Наряду с презентизмом («...явление доминирования настоящего, обращенности человека прежде всего к настоящему в ущерб будущему, когда в настоящем отсутствуют элементы будущего: планы, проекты, ожидания»²) существует не менее важный для данного исследования феномен социальной ностальгии как определенного переживания времени, понимаемый как «социальное чувство, характерное для определенных социальных общностей и связанное с их рациональной и эмоциональной ориентацией на идеализируемый и ушедший в прошлое общественный порядок»³. Ностальгия как целостное явление означает то, «когда люди не живут в настоящем, а только мирятся с ним». Так же могут быть «распространены отдельные ностальгические ноты восприятия прошлого, порой сочетающиеся с положительными смыслами настоящего»⁴.

В социологическом исследовании, проведенном в 2006 году по заказу экономического департамента правительства области исследовательской группой Самарского государственного университета под руководством А.С. Готлиб, были затронуты аспекты, касающиеся переживания времени. Объем выборки составлял 1200 человек. Респондентам задавался вопрос: «Каждый из нас по-разному строит свою жизнь. А как Вы ее строите?», на который давались четыре варианта ответов. Значение шкалы «Приходится жить, но все хорошее для меня осталось в прошлом» в исследовании рассматривается как операциональное определение ностальгии. Значение шкалы «Я, конечно, живу сегодняшним днем, но тоскую о прошлом» является индикатором восприятия прошлого, где присутствуют отдельные ностальгические ноты. Значение шкалы «Живу одним днем и не строю никаких планов на будущее» является индикатором презентизма. Операциональное определение «Живу настоящим, но смотрю в будущее с оптимизмом» в исследовании рассматривается как индикатор акцента на настоящем, в котором присутствует будущее.

¹ Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-групп, 2004. — С. 408.

² Там же. С. 409.

³ Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 31.

⁴ Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-групп, 2004. — С. 415.

Для сравнительного анализа так же использовались данные исследования, проведенного в 2007 году, но, в отличие от предыдущего, к тому же вопросу добавлено еще одно значение шкалы «Настоящее для меня не имеет особого смысла: главное, чтобы в будущем было хорошо». Это значение является индикатором футуризма (явление доминирования будущего, где настоящее расценивается как средство его достижения).

В результате сравнительного анализа из таблицы 1 видно, что удельный вес ностальгирующих людей в 2007 году по сравнению с данными 2006 года, увеличен более чем в два раза. Параллельно с этим в 2007 году заметно увеличилась доля людей, у которых присутствуют отдельные ностальгические ноты. Это может быть связано с резкими социальными изменениями последних лет. Все больше становится людей не готовых или не способных принять складывающуюся обстановку в стране. «...острая потребность части общества удержаться в привычных для себя социокультурных рамках приводит к актуализации образа прошлого. Социальная ностальгия предстает своего рода индикатором нарушения взаимосвязи времен, когда переживание реальной действительности обращено к прошлому и настоящее оценивается в сравнении с ним».¹ Люди, не способные адаптироваться к новым постоянно изменяющимся ценностям возвращаются в прошлое, поскольку именно там они подсознательно ощущают стабильность и прочность нравственных устоев. Это, в свою очередь, может помешать этой социальной группе адаптироваться к современному миру, который с каждым годом становится все более неприемлем для них.

Т а б л и ц а 1. Сравнение приоритетности элементов времени в исследовании 2006 и 2007 гг. (в процентах к общему числу опрошенных в каждом году)

Переживание времени	2006 год	2007 год
Приходится жить, но все хорошее для меня осталось в прошлом	3,1	7,3
Я, конечно, живу сегодняшним днем, но тоскую о прошлом	6,6	15,5
Живу одним днем и не строю никаких планов на будущее	25,9	12,2
Живу настоящим, но смотрю в будущее с оптимизмом	64,4	60,4
Настоящее для меня не имеет особого смысла: главное, чтобы в будущем было хорошо	—	4,6

Одновременно с увеличением доли ностальгирующих в 2007 году снизился удельный вес людей, которым присущ презентизм. Возможно, презентизм проходит по мере накопления человеком социального опыта. Тем не менее, основная часть респондентов, делающих акцент на настоящем, в котором присутствует будущее, осталась без изменения.

Неожиданные результаты, полученные при анализе таблицы 1, заставляют задуматься, за счет чего произошло резкое повышение доли ностальгирующих в

¹ Зборовский Г. Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема // Социологические исследования. — 2005. — № 12. — С. 15.

Таблица 2. Зависимость приоритетности элементов времени от возрастных групп за 2006 и 2007 года (в процентах к общему числу опрошенных в каждой возрастной группе, в каждом году)

Переживание времени		Возрастные группы					
		18–25 лет	26–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–59 лет	от 60 и старше
Приходится жить, но все хорошее для меня осталось в прошлом	2006 г.	0,7	1,6	0,7	1,8	3,6	8,2
	2007 г.	1,2	2,7	2,0	5,2	10,7	19,1
Я, конечно, живу сегодняшним днем, но тоскую о прошлом	2006 г.	1,4	1,6	2,9	7,6	8,2	13,0
	2007 г.	3,5	0,0	7,4	19,8	21,4	31,8
Живу одним днем и не строю никаких планов на будущее	2006 г.	20,7	17,2	15,7	21,8	20,9	47,8
	2007 г.	7,6	12,0	7,4	8,9	12,2	24,9
Живу настоящим, но смотрю в будущее с оптимизмом	2006 г.	77,2	79,7	80,7	68,8	67,3	31,0
	2007 г.	83,6	82,7	77,0	61,5	49,6	20,8
Настоящее для меня не имеет особого смысла: главное, чтобы в будущем было хорошо	2006 г.	—	—	—	—	—	—
	2007 г.	4,1	2,7	6,1	4,7	6,1	3,5
Всего	2006 г.	100	100	100	100	100	100
	2007 г.	100	100	100	100	100	100

2007 году. Следует отметить, что выборка по возрасту и материальному положению в 2006 и 2007 годах была одинакова. Тем не менее, необходимо рассмотреть, каким образом изменятся мнения респондентов различных возрастных групп по поводу переживания времени за исследуемые года.

Из таблицы 2 видно, что почти во всех возрастных группах увеличилось количество ностальгирующих. Исключением является возрастная группа 26-30 лет, где в 2007 году не выявились респонденты, у которых присутствуют отдельные ностальгические ноты, но количество респондентов с глубокой ностальгией в этой группе увеличилось почти в два раза по сравнению с 2006 годом. Интересен тот факт, что основная часть ностальгирующих находится в возрастном диапазоне от 41 года и старше. Возможно, это обуславливается социальными изменениями, когда люди все более определяются в своем отношении к современному миру: либо принимают его и стараются смотреть в будущее с оптимизмом, либо наоборот, все больше отстраняются от него и находят убежище в прошлом. Респонденты от 41 года и старше, вероятно, не принимают сложившуюся обстановку в стране и ностальгируют по советскому времени. Это может быть связано с тем, что в Советском Союзе у людей существовали четкие представ-

ления о жизни, были гарантии постоянства, уверенность в завтрашнем дне. В наши дни все это исчезло, а «новый политический курс еще не обрисовался».¹

Одновременно с этим, мы наблюдаем рост удельного веса ностальгирующих людей в возрасте до 40 лет. «Люди, которым в 1991 году было по 13–15 лет, с любовью коллекционируют советские фильмы и обмениваются воспоминаниями о пионерском детстве... Если верить социологическим исследованиям, причин две. Одна из них лежит на поверхности: ностальгия по Советскому Союзу во многом просто ностальгия по детству. Идеализировать детские годы свойственно всем... Однако, похоже, для нынешнего поколения тридцатилетних ностальгия стала своеобразной религией, во многом определяющей их отношение к жизни вообще. Они гордятся тем, что им довелось жить в Советском Союзе, и считают, что именно советский опыт делает их несравнимо лучше современной молодежи, которая выросла уже после 91-го года... Идеализируя советское прошлое, современные тридцатилетние неосознанно говорят о том, что им не нравится в настоящем».²

Понятно, почему ностальгируют люди старше 30 лет, но возникает вопрос почему ностальгирует молодое поколение, которое только слышало о советском времени, но не успело оценить его в силу своего возраста. Скорее всего, они ностальгируют не по советскому времени. Вероятно, причина этому кроется в реформах образования, которые непосредственно затрагивают их жизнь. Если раньше у них были четкие представления об образовательном процессе, то теперь эти представления пошатнулись. Ввод системы ЕГЭ в школах, изменения в структуре высшего образования пугают молодежь своей неизвестностью. Результатом этого является повышение количества ностальгирующих в этом возрасте. Возможно, когда новая образовательная система установится и начнет функционировать в полной мере, ностальгия в столь раннем возрасте не примет дальнейшего развития. Но это предположение требует более глубокого изучения.

Также нельзя не отметить роль СМИ в росте ностальгирующих. Газеты, журналы, телевидение, интернет — все это насыщено негативной информацией. Психика человека постоянно впитывает ее. Все это в совокупности с нестабильной политической обстановкой не позволяет человеку быть уверенным в завтрашнем дне. Так же происходит постоянное учащение ритма жизни, что приводит людей к большей раздражительности и агрессивности. В этой связи интересно мнение О. Шабуровой, которая говорит о положительной функции ностальгии. Она считает: «Оздоровляющая функция ностальгии и в том, что она компенсирует социально-психические перегрузки социума в условиях новой попытки цивилизационного перехода»³.

Следовательно, можно сделать вывод, что социальные факторы играют большую роль в том, как люди переживают время. Тем не менее, для более четкого представ-

¹ Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Политические исследования. — 2007. — № 4. — С. 135.

² http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2007/27/hochu_obratno_v_ssr/

³ Шабурова О. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. — Екатеринбург. — 1996. — №5. — С. 45.

ления этого аспекта необходимо рассмотреть влияют ли социально-психологические черты личности на приоритетность во времени.

Склонность человека к тому или иному переживанию времени отражается на его мироощущении, жизненном стиле, установке и т. д. В то же время мироощущение человека может зависеть и от его непосредственного восприятия окружающего мира, а именно оптимистического или пессимистического. Тем самым интересно проанализировать, каким образом люди с разным восприятием окружающего мира переживают время (в дальнейшем будет рассматриваться массив 2007 года).

По определению оптимизм — это «бодрое и жизнерадостное мироощущение, при котором человек во всём видит светлые стороны, верит в будущее, в успех, в то, что в мире господствует положительное начало, добро. Противоположное по значению слово пессимизм». ¹Нами разработана методика определения оптимизма и пессимизма путем выявления социально — психологических признаков, удовлетворяющих этому определению, а именно: удовлетворенность жизнью, жизненные планы человека, ощущение счастья. В нашем исследовании эти признаки измерялись через операциональные определения, разработанные А. М. Алмакаевой². Операциональным определением удовлетворенности жизнью является шкала:

«Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?», варианты ответов:

Полностью удовлетворен

Скорее удовлетворен, чем нет

Чем-то удовлетворен, а чем-то нет

Скорее неудовлетворен, чем удовлетворен

Совершенно неудовлетворен

Затрудняюсь ответить

Операциональным определением жизненных планов человека является шкала:

«Как изменится ваша жизнь в ближайшие 3–5 лет?», варианты ответов:

Станет гораздо хуже

Немного ухудшится

Останется без изменений

Немного улучшится

Станет намного лучше

Затрудняюсь ответить

Операциональным определением ощущения счастья является «Лестница счастья», где респонденту предлагалось поместить себя на любую из ступеней лестницы (см. рис.1). На самой верхней ступени находятся абсолютно счастливые люди, на нижней — совершенно несчастливые.

Респондента можно считать оптимистом, если при ответе на шкалу «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?» он выбирал варианты 1 или 2, при ответе на шкалу «Как изменится ваша жизнь в ближайшие 3–5 лет?», он выбирал

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под ред. Шведовой Н.Ю. 19 изд-е, испр. — М.: Русский язык, 1987 — С. 367.

² http://www.rsuh.ru/binary/52921_15.1190970623.2693.doc

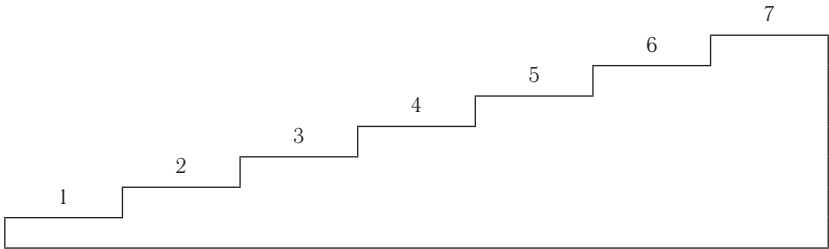

Рис. 1

- Каждой ступени лестницы присвоим свое название:
- Абсолютно несчастлив
 - Несчастлив
 - Скорее несчастлив, чем счастлив
 - В чем-то счастлив, в чем-то нет
 - Скорее счастлив, чем несчастлив
 - Счастлив
 - Абсолютно счастлив

варианты 4 или 5, а на «лестнице счастья» он помещал себя на 5, 6 или 7 ступень. Респондента можно считать пессимистом, если при ответе на шкалу «Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?» он выбирал варианты 4 или 5, при ответе на шкалу «Как измениться ваша жизнь в ближайшие 3–5 лет?», он выбирал варианты 1 или 2, а на «лестнице счастья» он помещал себя на 1, 2 или 3 ступень.

В результате анализа, мы разделили весь массив респондентов на три группы: оптимисты, пессимисты и смешанная группа (см. таблицу 3).

Таблица 3. Распределение респондентов по степени восприятия окружающего мира (в процентах от общего числа опрошенных)

Оптимисты	Смешанная группа (в чем-то оптимисты, в чем-то пессимисты)	Пессимисты
31,9	65,1	3,0

Из таблицы 3 видно, что около 1/3 опрошенных принадлежит к группе оптимистов. Невелик удельный вес респондентов, которые принадлежат к группе пессимистов. Большая часть опрошенных принадлежит к смешанной группе, которая для данного исследования не представляет интереса, вследствие чего в дальнейшем не будет рассматриваться. Для дальнейшего анализа, с помощью которого будет выявлено, каким образом люди с разным восприятием окружающего мира переживают время, используются только полярные группы (см. Таблицу 4).

Из таблицы 2 видно, что ностальгируют в большинстве пессимисты. Если пессимистов, у которых присутствуют отдельные ностальгические ноты в 3 раза больше, чем оптимистов, то пессимистов, находящихся в глубокой ностальгии в 10 раз боль-

Таблица 4. Распределение оптимистов и пессимистов по группам переживания времени (в процентах)

Переживание времени	оптимисты	пессимисты
Приходится жить, но все хорошее для меня осталось в прошлом	3,2	37
Я, конечно, живу сегодняшним днем, но тоскую о прошлом	10,2	37
Живу одним днем и не строю никаких планов на будущее	5,6	22,3
Живу настоящим, но смотрю в будущее с оптимизмом	77,8	3,7
Настоящее для меня не имеет особого смысла: главное, чтобы в будущем было хорошо	3,2	-
Всего опрошенных	100	100

ше. Рассматривая презентизм, мы можем видеть подобную тенденцию: пессимистов склонных к презентизму в 4 раза больше, чем оптимистов. Но акцент на настоящем, в котором присутствует будущее в основном делают оптимисты, их в 21 раз больше, чем пессимистов. Следует отметить, что только у оптимистов возможны проявления футуризма. Исходя из этого, можно сделать вывод, что пессимисты, по определению, люди, не верящие в будущее, тем самым они всячески отрицают все новое, неизведенное, а будущее — это и есть новое. Следовательно, эти люди, как правило, либо ностальгируют, либо склонны к презентизму. Можно предположить, чем больше человеку присущ пессимизм, тем глубже он ностальгирует. Но это предположение требует более тщательного изучения. Для оптимиста, видящего во всем лишь светлые стороны, наиболее характерно делать акцент на настоящем, в котором присутствует будущее, и практически не свойственно ностальгировать или жить настоящим, не задумываясь о будущем.

Исходя из проделанного анализа можно сделать вывод, что доля ностальгирующих в 2007 году по сравнению с 2006 годом увеличилась более чем в два раза. Этому есть множество объяснений: социальные и политические изменения в стране, реформы в сфере образования, учащение ритма жизни, давление СМИ, постоянное изменение ценностей. Все это приводит к увеличению социальных рисков и неопределенности будущего. А это, в свою очередь способствует развитию такого явления как ностальгия. В ходе нашего исследования обнаружилось, что причины таких ностальгических настроений напрямую зависят от принадлежности человека к тому или иному возрастному диапазону и от характера восприятия им окружающего мира по шкале оптимизм — пессимизм.

Феномен ностальгии имеет как отрицательные так и положительные стороны. К отрицательным относится не желание мириться с настоящим, смотреть на будущее с оптимизмом и верить в него. Положительная роль ностальгии заключается в помощи обществу, вновь ввергнутому в состояние массового невроза, через парадоксальные переживания преодолеть трудности переходного периода. «Ностальгия дает людям

психологические подпорки в ситуации, когда неизвестно, сколько будет длиться новый переход неизвестно к чему».¹

«Ностальгия не имеет в своем содержании никаких идей и настроений реванша, ибо предполагает примирение настоящего с прошлым при полном признании необратимости прошлого. Более того, только пройдя такую фазу массовых настроений и переживаний, общество может наконец стать открытым новому, готовым к будущему. Общество должно что называется «переболеть» своим прошлым, не случайно в слове «ностальгия» один из корней «боль»».²

Настоящее исследование является одной из первых попыток эмпирически выявить такое сложное и многогранное явление как ностальгия. На мой взгляд, исследование этого феномена может иметь большую научную значимость для социологии и требует дальнейшего изучения.

¹ Шабурова О. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. — Екатеринбург. — 1996. — №5. — С. 45.

² Там же. С.46.

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИО-КУЛЬТУРНОГО НЕРАВЕНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ¹

Современный уровень социального неравенства характеризуется значительной поляризацией населения на бедных и богатых и определяется московскими экономистами уже как избыточное². Такое неравенство опасно не только тем, что к категории бедных³ относится слишком большая доля населения страны, но и тем, что оно становится тормозом экономического развития и угрозой социально-политической стабильности общества, поскольку слишком долгое пребывание в состоянии экономического и социального напряжения многочисленных групп населения серьезно сказывается на социальном фоне проходящих реформ во всех сферах жизни и в значительной степени определяет их результаты.

В качестве одного из наглядных индикаторов социального неравенства могут быть рассмотрены данные официальной статистики оплаты труда по отраслям народного хозяйства, поскольку показатели денежных доходов населения являются, в первую очередь, показателями уровня жизни и оценки материального положения различных социальных групп. Даже поверхностный анализ этих данных демонстрирует сильную дифференциацию доходов по категориям работающего населения. Самый высокий уровень оплаты труда — в отраслях, связанных с добычей и переработкой топливно-энергетических полезных ископаемых, а самый низкий — в сельском хозяйстве. Такими же низкими остаются доходы и в сферах легкой промышленности, культуры и искусства, образования и здравоохранения. В последние время правительство пытается поднимать зарплаты бюджетникам. Но, к сожалению, это проводится со значительными структурными перекосами. Так например последнее повышение зарплаты в сфере здравоохранения коснулось, в первую очередь, врачей общей практики, что привело к оттоку врачей-специалистов. Нарастание перекоса в оплате труда в низкооплачиваемых отраслях наносит ущерб развитию как самих

¹ Грант Комиссии европейских сообществ (EU) Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective. 2006–2008, Contract №028920 и финансовой поддержке гранта РГНФ «Факторы и последствия социального неравенства в разных типах поселений в трансформирующихся обществах», № 07-03-000538а, 2007-2009 гг.

² Социальное неравенство и публичная политика. Под ред. В. А. Медведева, М. Горшкова, Ю. С. Красина, М., 2007.

³ Признавая спорность определения бедности только из душевых доходных характеристик, наиболее распространенным в российской литературе остается все же признание бедности, исходя из расчета стоимостной величины прожиточного минимум на основании «Методических рекомендаций по расчетам прожиточного минимума по регионам РФ». В настоящее время величина прожиточного минимума в Санкт-Петербурге 4000 рублей, что определяет и размеры пенсий.

отраслей, обеспечивающих жизненные потребности населения, так и воспроизводству человеческого капитала в целом. Кроме того, следует отметить и тот факт, что в этих малообеспеченных отраслях заняты, преимущественно, женщины со средним и высшим образованием. Низкая оплата труда и оснащение учреждений, не соответствующее современным стандартам, приводят к падению престижа профессий, хронической нехватке квалифицированных кадров.

Декларируемый официальной статистикой рост благополучия населения в целом, в повседневной жизни отражает реальное состояние достаточно немногочисленной группы. Для большинства же углубление социального неравенства вполне очевидно, что и подтверждается «коэффициентом дифференциации доходов», который в 1992 году составлял 8 раз, а к 2007 г. вырос до 16,8 раз. С другой стороны, для представления реальной ситуации с доходами населения данных официальной статистики недостаточно, поскольку зависимость благосостояния многих семей от теневого сектора экономики существенно увеличивается¹.

Следует отметить, что уровень жизни определяется не только зарплатой и индивидуальными доходами членов домохозяйства. Очень важную роль играют общественные блага и социальные трансферты. Они призваны сглаживать социальные различия между социальными группами, выравнивать шансы людей на получение образования, медицинского обслуживания и удовлетворения их культурных потребностей. Данные исследований показывают, что доля форм социальной поддержки в денежных доходах населения постоянно уменьшается, например размеры регулярных детских пособий.

Хотя официально количество людей, живущих за чертой бедности, уменьшается, о чем регулярно сообщают СМИ, это все еще значительная часть населения, которой требуются существенные социальные выплаты для поддержания достойного уровня жизни. Однако, как мы знаем, социальная помощь не успевает за нуждами беднейших слоев населения.

Как отмечалось выше, отличительной чертой российской бедности является ее структура. Так, помимо традиционно нуждающихся — инвалиды, многодетные и неполные семьи, престарелые, в категорию малообеспеченных попадает существенная часть работающего населения. В большинстве это люди, занятые в государственном секторе. Однако доля малообеспеченных работников и в частном секторе увеличивается.

Возможность проанализировать отношение людей к различным проявлениям социального неравенства и охарактеризовать самочувствие некоторых социальных групп дали результаты тестов фокус-групп, проведенных в Петербурге в рамках международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе». Проект иници-

¹ Бокун Н. Ч. Проблемы взаимосвязи государственного регулирования и теневой экономики. // Статистика в диалоге общества и власти. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб, 2008 С. 37–39.

рован Комиссией Европейских Сообществ, выполнялся научными коллективами из 11 стран бывшего социалистического пространства и был направлен на изучение системных преобразований в этих обществах в процессе их перехода к рыночной экономике, в том числе и на исследование различных (социальных, экономических и политических) последствий социального неравенства как на макро-, так и на микроуровнях исследования. Для реализации задач макроуровня был проведен массовый опрос населения стран-участниц проекта. Фокус-группы позволили представить индивидуальный ракурс исследования, охватывающий ценности, установки и поведение индивидуумов, связанный с различными формами социального неравенства, с их позиционными и культурными коррелятами, т. е. микроуровень.

В статье представлены результаты анализа тестов четырех фокус-групп петербуржцев и жителей Ленинградской области с низким и средним уровнем дохода¹ (10–15 тыс. рублей — средний, до 5 тысяч — низкий). Каждая фокус-группа насчитывала 12 человек в каждую сессию и была скорректирована по таким показателям как доход, пол, возраст и занятость (мужчины и женщины в каждой возрастной категории от 18–30; 31–45; и 46–65 лет).

Прежде чем говорить о восприятии информантами конкретных проявлений социального неравенства в их повседневной жизни, хотелось бы обратить внимание на впечатления английского эксперта-наблюдателя, присутствовавшей на фокус-группах. Как было ею отмечено, отличительной чертой российских дискуссий являлось то, что обсуждение любых социальных вопросов приобретало выраженную политическую окраску, а члены фокус-группы часто проявляли агрессию. Кроме того, по мнению эксперта, в отличие от дискуссий в других странах, например, Балтии и др., в Петербурге обсуждение почти всех проявлений социального неравенства велось в лексике резкого противостояния населения и власти. Например: «власть и простое население», «они там, а мы здесь», «им абсолютно на нас наплевать», «власть и поставлена для того, чтобы думать не о себе, а о народе», «а то они сами для себя, а мы — сами за себя».

Особенно это проявилось в группах представителей области. Их высказывания отличались крайней степенью раздражения по отношению, прежде всего, к местной администрации. Жителям области бездействие представителей властных структур особенно очевидно, как и развал сельского хозяйства и местного производства. Все информанты указывали на то, что зарплаты на селе значительно ниже, чем в городе. Инфраструктура села приходит в упадок. На улицах грязь, часто нет освещения. Многие жилые помещения находятся в аварийном состоянии. Серьезные проблемы с транспортом, торговлей, здравоохранением. В трудном материальном положении находятся учреждения образования. Школы и детские сады выживают только за счет

¹ На момент проведения ФГ мы исходили из Постановления № 894 от 24 июля 2006 г «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и для основных социально-демографических групп населения в Петербурге.». ПМ на душу населения составлял тогда 3 тысячи 463 рубля; для трудоспособного населения — 3 тысячи 949 рублей 70 копеек; для пенсионеров — 2 тысячи 554 рубля 20 копеек; для детей - 3 тысячи 36 рублей 10 копеек.

родителей. Бесплатное медицинское обслуживание становится почти недоступным. А страховая медицина не в состоянии обеспечить даже самое необходимое.

«То, что страна развалилась, — это да. От этого никуда не денешься. Даже смотреть жалко. Особенно сельское хозяйство. Это меня очень трогает. Вот посмотришь фермы — все развалено, очень неприятно. Поля запущены, там ничего не растет.» (М. ж. 55 л. обл.)

«Отношение руководящего звена к обыкновенным людям. Если даже взять нашу ферму. Человек работает, но не видят отдачи со стороны руководства. Месяца по три-четыре зарплату не платят. И работаем в таких условиях, что стыдно. Стыдно нам, кто работает в этой грязи. А тем, кто руководит — им не стыдно. Нисколько не хотят смотреть, руководить, что-то делать.» (В. м. 38 л. обл.)

«И жажда денег у стоящих власти поближе. Вот передвинуть всех, стоящих ближе к власти...Народ нужен только на время выборов...Наше правительство смотрит на нас как на врагов. Лишь бы им было хорошо.» (М. ж. 55 л. обл.)

«А вот как началась перестройка, весь бардак этот начался. Все стали себе хапать, кто был у власти. Все захапали. И сейчас хапают — нефть, газ».(Н.м.49л.обл.)

Все это — свидетельства высокой степени социального напряжения в группах и злободневности вопросов о социальном неравенстве. В этом контексте уместно, на наш взгляд, рассмотреть понятие «социальное самочувствие» как населения в целом, так и отдельных его категорий, в последнее время часто встречающееся в научной литературе и СМИ.

Как конструкт общественного сознания, социальное самочувствие интегрирует многие аспекты взаимоотношений индивида и группы с обществом, отражает его реакцию на объективные и субъективные изменения условий жизни. Социальное самочувствие существенно влияет на экономическое и социальное поведение людей, уровень восприятия и оценки ими своего состояния. Оно репрезентирует степень удовлетворения разнообразных потребностей индивидов и оправдания их возможных ожиданий, отражает отношение между уровнем притязаний, степенью и полнотой удовлетворения потребностей в ходе реализации разрабатываемых в течение жизни стратегий и ощущением благополучия (неблагополучия), комфорта (дискомфорта) в определенных жизненных ситуациях. Социальное самочувствие представляет собой, с одной стороны, определенный срез информации, оперирующий такими понятиями, как «актуальное знание», «эмоции», «чувства», «историческая память» и «общественное мнение». С другой стороны, отражает субъективную оценку информантами уровня и степени благополучия окружающей микросреды, интегральное психологическое состояние, включающее так же эмоции, чувства и настроения¹.

Анализ тестов фокус-групп и внимание к эмоциональному заряду высказываний информантов во время обсуждения проявлений социального неравенства в их жизни позволяет сделать определенные выводы и об их социальном самочувствии. Оно

¹ Валюженич Я. А., Самойлова В. А., Социальное самочувствие пожилых людей: возможности диагностики. // Вторые Ковалевские Чтения. Материалы научно-практической конференции, 2007, С. 733–738

характеризовалось прежде всего высокой степенью тревожности и неуверенности в завтрашнем дне, и самое главное — серьезным неудовлетворением сегодняшней жизнью, недоверием к действиям представителей власти на всех уровнях.

Несмотря на то, что уровень дохода был взят как основной дифференцирующий показатель, он не оказал существенного влияния на восприятие информантами проявления социального неравенства как в городских, так и областных группах. Можно отметить, что в группе менее обеспеченных высказывания отличались большей эмоциональностью, а претензии к государству и иждивенческие настроения выражались резче. Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что декларируемые нашими политиками и чиновниками сведения о повышении уровня и качества жизни всех категорий населения не в полной мере отражают реальность. Следует отметить и то, что существующий разброс цен на продовольственные и промышленные товары не только в различных типах магазинов, но и районах Петербурга заметно нивелирует доходные различия. Например, одни и те же продукты и товары в центральных районах города стоят дороже, чем на окраинах.

Между мужчинами и женщинами, респондентами с высшим и средним образованием, так же не было серьезных разногласий в оценке социального неравенства. Дифференцирующим фактором стал возраст информантов. Уже первичный анализ тестов фокус-групп показал, что людей разного возраста беспокоят разные проявления социального неравенства, и они иначе их воспринимают, иначе их артикулируют. В некоторых случаях именно эти различия сами становятся социальной проблемой, вызывают непонимание и раздражение у представителей разных поколений. Молодые участники дискуссии — более напористы и уверены в себе. Старших объединял опыт жизни при социализме, возможность сравнивать ее «до перестройки» и после. Их социальное самочувствие характеризовалось как менее комфортное и более тревожное.

В качестве злободневных молодые информанты (18–24 г.) называли проблемы, связанные с армией, с городской инфраструктурой, плохим финансированием молодежных проектов, шоу-бизнесом, безработицей, жилищными проблемами. Им не безразличны такие явления как наркомания, беспризорность, алкоголизм, «демографический кризис», «падение нравов», бытовое хамство, маленькие пенсии и детские пособия (в основном речь шла о родителях и близких). Но молодые не склонны драматизировать сегодняшнюю ситуацию, их общее отношение к происходящему достаточно оптимистично. В ходе дискуссии молодые люди были заметно менее политизированы. Их гораздо больше беспокоили собственные дела и собственное окружение: «любой человек сначала думает о себе и близких, а потом уже о народе» (А. м. 20 л). «Каждый живет как может. Все от денег зависит. У кого как получается. Каждый себе дорогу в жизни пробивает. Кто башкой, кто руками» (М. м. 19 л. обл.)

По их мнению, в решении всех социальных конфликтов главное — «человеческий фактор», «все зависит от человека», «дело в самом человеке, в его характере». Они единодушны во мнении, что неравенство всегда существовало в обществе и будет углубляться. Более того, уверены, что именно неравенство стимулирует людей к получению образования, социальной карьере.

«(Неравенство) пример для других. Как стимул к действию. Сам механизм неравенства, что не равны люди, это живительный механизм для социума. Оно оживляет, дает импульс к развитию науки и технологии. К чему-то стремиться».

(П. м. 23 г.)

«Я бы тоже относилась положительно (к равенству), но думаю, что этого не получится. Потому что все равно каждый человек индивидуален, он хочет, чтобы у него было лучше, чем у других» (Т. ж. 20 л. обл.)

Социальное неравенство воспринимается как «фактор соревновательности», осознание конкуренции между людьми.

«Все равно здесь в основании лежит какой-то эгоистический импульс. Вот что важно. И пример для других людей. Если я так сделал, значит, вы тоже так можете». (Д. м. 24 г.)

«Я считаю, что все равно неравенство должно быть. Есть высшие и есть низшие. И низшим же надо к чему-то стремиться!» (Т. ж. 20 л. обл.)

Материально обеспеченная работа для всех выступала основным условием благополучия и удачного жизненного сценария. Справедливость больших доходов определялась «качеством» и «спецификой работы». Желание хорошо зарабатывать, по мнению информантов, может входить в противоречие с представлениями о нравственности и воспринимается как «современные правила жизни». Они понимают, насколько трудно подняться по социальной лестнице, не имея начального капитала и полезных социальных связей. В случае когда есть связи, то глупо их не использовать. А если их нет, их нужно найти. Начальный капитал вполне может быть заработан нечестным путем. Таких примеров в своем окружении имеют многие. Они жалеют о том, что время легких заработков «время хапка» уже кончилось, и они не сумели этим воспользоваться.

Надо отметить, что для сельской молодежи такие настроения не были проявлены столь очевидно. Их притязания к жизни несколько более реальные и скромные.

«Говорят, что мы творцы своей судьбы. Если человек хочет чего-то добиться, то он обязательно добьется. Если у него будет стимул это сделать...Вот если я хочу учиться, я все для этого сделаю. Пойду работать официанткой за 2000 рублей в месяц, чтобы мне отучиться» (Т. ж. 20 л. обл.)

Наличие социального расслоения особого возмущения не вызывает и воспринимается как естественное состояние общества с рыночной экономикой.

«Тут не очень точно сформулировано, но суть такова, что должно быть различие между достатком и роскошью. Все равно будет ограниченная группа людей, обладающих возможностями, значительно превышающими возможности обычного человека. И все же должен быть какой-то уровень достатка, средний класс. Не должно быть просто откровенной бедности. Но роскошь тоже должна быть — как какой-то ориентир, какое-то украшение цивилизации». (Л. м. 24 г.)

Социальное неравенство, при котором существуют нищие и бродяги, которых сейчас в городе очень много, недопустимо. Оно влияет на самочувствие, вызывает раздражение и нарушает ощущение комфорта. Однако в сегодняшних условиях такая ситуация воспринимается молодыми информантами как социальная неизбеж-

ность. При этом у городской молодежи выражается даже сочувствие власти, которая не может помочь всем нуждающимся.

«Один человек тут ничего не может. Будь это хоть президент. Что, он может повысить пенсионерам пенсии? Пенсия же отчего-то зависит. Финансы же государства не резиновые. Это же зависит от чего-то». (К. м. 24 г.)

« Да причем тут власть! Многие люди хотят ничего не делать, но жить хорошо. Вот отсюда и берется, что власть плохая и политика. Кто хочет, тот стремится и добивается». (Л. м. 23 г.)

Двадцатилетним действительно кажется, что многие люди сами виноваты в своей бедности. Они уверены в себе и считают, что будущее зависит от активности и способностей конкретных людей. В то же время, надеясь на свои личные успехи, собственное будущее и будущее страны представляется им не очень отчетливо.

Информанты группы 46–65 лет гораздо более заинтересованно обсуждали социальные проблемы неравенства. Их в большей степени объединял жизненный опыт и они более солидарны в своих высказываниях — более аргументированных и подкрепленных конкретными примерами. Их многое тревожит, и прежде всего то, что нет уверенности в сохранении достигнутого уровня жизни. Почти все они — люди с активной жизненной позицией, равнодушные к событиям сегодняшнего дня. Они более внимательно, чем молодые, следят за текущими политическими событиями. Но все их высказывания в большей степени проникнуты беспокойством за будущее страны и неудовлетворенностью происходящим.

Несмотря на то, что участники фокус-групп на момент опроса имели работу и стабильный заработок, они не удовлетворены как собственным социальным положением, так и своих близких. В результате реформирования всех сфер занятости некоторые из них вынуждены были сменить основную профессию, а чтобы как-то сохранить привычный образ жизни не отказываются от случайных заработков. Даже если их дети достигли достаточного уровня жизни, чувства стабильности у них нет.

Про себя они считают, что оказались не готовыми к рыночной экономике, и поэтому не вписались в нее; социальное положение их семьи и друзей заметно ухудшилось. Жизнь в советское время они оценивают как более справедливую. В их лексиконе часто встречаются такие слова как «сердце», «совесть», «достоинство», «патриотизм», «вера» и т. п., но употребляются они с явно настальгическим оттенком. Чувство невостребованности, ощущение неуважения к себе как со стороны молодежи, так и со стороны государства постоянно ощущаются и высказываются ими достаточно резко.

Среди проблем, которые более близки старшим информантам — социальная политика государства, «деградация населения», снижение уровня культуры и нравственности, крайне низкие заработки и пенсии, дискриминация со стороны работодателей, «зарплата в конвертах без оформления», «говорится одно, а платится другое», бесправие и незащищенность в отношениях с чиновниками, с персоналом в учреждениях здравоохранения, неуважение и грубость окружающих в магазинах, транспорте и просто на улице. Страх потерять работу в предпенсионном возрасте особенно силен, т. к. найти другую работу респонденты почти не надеются.

Причины своих жизненных трудностей более пожилые респонденты видят в неэффективности проводимой государством социальной политики, коррупции во всех ветвях власти, отсутствии доверия к политикам. Они не приняли реформы, разочарованы и не понимают демократов, сочувствуют коммунистам.

«Самая главная причина — в самом человеке. Но, как говорят, рыба гниет с головы. Это власть виновата. Она нас развращает во всех сферах. А потом призывает к порядку, когда уже поздно. Когда рушилась страна в 90 году, нам говорили, что будут меценаты, которые будут вкладывать деньги, благоустраивать. А как на деле? Потому что это должно идти от самой власти. Вот сейчас много Центров в городе, они платят огромные деньги за аренду, те, кто содержат магазины. Это огромные деньги! И куда идут эти деньги — никому не понятно. В городе ничего не делается». (ж. 45 л.)

«Я привыкла к порядку в Советском Союзе. Вся моя жизнь прошла в этот период. Хоть и говорят, что Советский Союз плохо обеспечивал, но, по крайней мере, жильем обеспечивал. Хоть мы и в очереди стояли. Жилье было бесплатное. И детский сад стоил 12 рублей, а не тысячи, как сейчас. Вот и различия. А пенсионеры вообще сейчас кинуты. Живи как знаешь». (М. ж. 55 л. обл.)

Особую озабоченность вызывает растущая коммерциализация всех видов услуг, особенно в сфере здравоохранения и образовании. Даже те, кто еще не являются пенсионерами, уже осознают, что их ожидает в будущем и обеспокоены этим. Они не верят в лучшее будущее для себя и для страны в целом.

«Так всегда и будет. И при этом еще уменьшение численности населения. Вымирает Россия полностью». (Т. ж. 56 л.)

«Государство должно не только декларировать социальную направленность, но и выполнять ее. А у нас государство только декларирует — как ни включишь телевизор: мы социальное государство. А мне всегда хочется задать вопрос: откуда вы взяли, докажите мне, что у нас социальное государство? Это только декларации». (Т. ж. 53 г.)

«...государственная политика, чтобы побольше народу истребить». (Н. м. 49 л. обл.)

Таким образом, несмотря на различия в наборе социальных проблем, воспринимаемых как социальное неравенство, обусловленное возрастом информантов, ощущение беспокойства и неудовлетворенности существующим положением как своим собственным, так и страны в целом, явилось объединяющим для всех участников дискуссии, хотя и проявилось в разной степени.

В заключение хочется сказать, что предложенный вашему вниманию анализ тестов фокус-групп может быть рассмотрен в нескольких аспектах. Первый — это иллюстрация того, как в ходе дискуссии по широкому кругу проявлений социального неравенства в повседневной жизни происходит взаимодействие участников группы и совместное конструирование позиции по отношению к затронутым проблемным ситуациям. Важным оказывается не только процесс получения информации, но и возникновение особого социально-психологического поля, стимулирующего участников к размышлениям и высказыванию собственной позиции в атмосфере равноправного диспута. Именно дискуссионность обсуждения становится основным достоинством этого метода.

На наш взгляд, полезным кажется и опыт использования метода фокус-групп для выявления спектра проблем социального неравенства и отношения людей к его проявлениям, поскольку этот метод разрабатывался прежде всего для маркетинговых исследований. Применение его для обсуждения социальных проблем повседневной жизни представителей различных социальных групп городского и сельского населения не стало еще в социологических исследованиях традиционным.

Второй аспект — представление о социальных проблемах, конструируемое в ходе дискуссии, в дальнейшем анализе может трансформироваться в индикаторы для описания социального неравенства и социального самочувствия как участников дискуссии, так и более многочисленных социальных групп. Выделяя детерминанты в представлении социального неравенства в сознании людей и соотнося их с другими, в том числе с социо-культурными, появляется возможность проследить, как они транслируются в политическое и социальное поведение индивидов и групп.

ДЕСКРИПТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

В любом обществе имеются ареалы, внутри которых идет производство и тиражирование девиантных форм индивидуального существования. Носителей разнородных психических, ментальных, моральных, поведенческих и прочих девиаций нередко называют жертвами антропологических катастроф, т. е. людьми, пережившими радикальные жизненные метаморфозы в результате серьезных деформаций их духовных структур.

В России издавна, фактически со второй половины XIX в., велся мониторинг антропокатастроф. Он включал несколько аналитических направлений, в том числе философское, социологическое, антропологическое, психологическое, политико-правовое, криминологическое и др. Работа велась и на литературно-художественном уровне: Ф. Достоевский, А. Платонов, М. Булгаков, А. Зиновьев, А. Солженицын, Венедикт Ерофеев и другие мастера слова стали фактическими летописцами-социографами тех антропологических, ментальных и морально-психологических мутаций, которые переживали их соотечественники на протяжении последних полутора столетий. В годы коммунистической диктатуры, когда непосредственный научно-теоретический анализ этой проблематики был крайне затруднителен и почти невозможен, художественное творчество оставалось одной из немногих, нередко полулегальных, а то и вообще нелегальных, «андеграундных» сфер подпольно-публичных размышлений на тему «что с нами происходит?»

В результате в России сложилось целое направление междисциплинарных исследований, которое может быть названо социальной (антропосоциальной) виктимологией. Если традиционный раздел криминологической науки, именуемый виктимологией (от лат. *victim* — жертва), включает комплекс проблем, связанных с участью жертв уголовных преступлений, то антропосоциальная виктимология — это дискурсивное пространство, где предметом описаний и анализа становятся индивиды и сообщества, оказавшиеся жертвами катастрофических обстоятельств социально-исторического характера.

Анализ социально-виктимологических проблем осуществляется рядом социогуманитарных дисциплин, занятых поиском причин, исследованием механизмов, выявлением движущих сил тех стратегий социального и антропологического патогенеза, которые в определенных условиях активизируются, расширяют масштабы своих действий и пожирают обильную социальную жатву. В пределах этого проблемного поля вырисовываются очертания, по меньшей мере, трех типов аналитических дискурсов — антропологического, социологического и теологического. У каждого из них имеется своя доминирующая каузальная парадигма, предопределяющая концептуальную структуру всего дискурса. Так, аналитические построения, рождающиеся в русле антропологически ориентированных дискурсивных практик и соответствующих им методологий, восходят к каузально-детерминационным схемам, маркирующим в качестве главного генератора антропологических катастроф самого человека. То есть предполагается, что, прежде всего, в природе человека, в его сознании и подсознании содержатся главные

предпосылки всех тех несчастий, в которые он себя вовлекает. На этом настаивают многие современные психологи и антропологи психоаналитических ориентаций.

В теоретической социологии доминирует по преимуществу иная каузальная парадигма, предписывающая искать причины антропологических катастроф в структурно-функциональных особенностях социальных систем. Здесь основная доля ответственности перекладывается с человека на общество, т. е. на несовершенство социального устройства, негативные влияния общественной среды, различные социальные кризисы и т. д. Практика подобных подходов позволяет устанавливать достаточно прямолинейные и сравнительно короткие причинно-следственные связи, ведущие от социума к человеку.

Что касается социальной теологии, то ее дискурс имеет характерные особенности, отличающие его от других, секулярных дискурсов и ставящих его в некотором отдалении от них. Он опирается на несколько мировоззренческих и методологических принципов: 1) принцип приоритета теоцентризма над социоцентризмом и антропоцентризмом; 2) принцип приоритета веры над разумом; 3) принцип приоритета социальной теологии как «независимой переменной» над секулярными социальными теориями как «зависимыми переменными». Ориентированность социально-теологического дискурса на трансцендентный мир абсолютного позволяет усматривать связи эмпирических данных с реальностью сверхфизической, делать предметом размышлений фиксируемые проявления мистической детерминации жизненных реалий.

Среди указанных направлений социально-виктимологической мысли основная нагрузка в сборе материала, его анализе, обобщении и систематизации ложится на теоретические дисциплины. Социология и примыкающие к ней демография, этнография, статистика и др. науки опираются в первую очередь на эмпирические данные, собираемые различными, как правило, весьма трудоемкими способами, требующими высокой квалификации. Феномен антропологического катастрофизма не является для них предметом специального исследовательского интереса. Эмпирические данные, заставляющие говорить о нем, появляются как бы сами собой в результате повседневного труда специалистов по сбору необходимого им материала.

Когда на основании этих данных вырисовывается не слишком утешительный портрет российского социума, то, по общему мнению большинства специалистов, он обнаруживает прямую зависимость от серии коммунистических экспериментов XX века. Приведшие страну в состояние общества риска, они превратили ее в гигантскую девиантную систему с вышедшими из-под контроля важнейшими жизненными сферами и с устрашающей динамикой духовной инволюции и падения нравов.

Одним из самых тяжелых проявлений феномена антропологического катастрофизма является процесс депопуляции. Негативная динамика превышения смертности над рождаемостью, обнаружившаяся в России в 1992 г., с тех пор продолжает сохраняться. Она связана с множеством социальных причин, а том числе с катастрофическим состоянием института семьи, ухудшением показателей здоровья, усугубляющимся экологическим неблагополучием и т. д. Среди демографов все чаще звучат высказывания об «эпидемии сверхсмертности», охватившей страну. На протяжении последних полутора десятилетий общие цифры постоянного населения РФ продол-

жают неуклонно уменьшаться. Каждый год страна теряет более полумиллиона человек, которые могли бы составить целый город областного масштаба. Если же оставить в стороне миграционный прирост, то ежегодная убыль приближается к 1 млн. человек. По демографическим прогнозам, начиная с 2010 г., ежегодная естественная убыль может перевалить за 1 млн. человек, а в 2025 г. — за 2 млн¹. Не трудно посчитать, что при этих темпах к концу XXI века русский народ может вообще исчезнуть с карты мира как целостная популяция. При этом исчезновение России как геополитического субъекта может произойти гораздо раньше.

К особой категории жертв процесса депопуляции относятся миллионы нерожденных детей, погибающих в результате распространенной практики abortивного прерывания беременности. По данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ, ежегодно в России общее число нерожденных детей, погибших в результате абортов, колеблется вокруг цифры 2 млн. Если эти данные сопоставить с синхронной динамикой депопуляции, то станет очевидно, что, не будь этих абортов, отнимающих право на жизнь у миллионов будущих россиян, катастрофическое сокращение население страны могло бы приостановиться².

На фоне сравнительно низкого уровня жизни основной массы россиян с каждым годом в стране в расчете на одну семью становится все меньше детей³. Ежегодно рождаются больными или заболевают в первые дни жизни около 40% детей. Увеличивается число детей, рожденных вне брака и живущих в неполных семьях. Миллионы детей вынуждены существовать в состоянии социальной и педагогической запущенности. В настоящее время в России:

- 700 тысяч детей-сирот; из них более четверти миллиона, т. е. 260 тысяч проживают вне семьи, в государственных учреждениях;
- 2 млн. детей и подростков безграмотны;
- более 6 млн. детей проживают в неблагополучных семьях и нуждаются в социальной поддержке и правовой защите со стороны государства и гражданского общества;
- ежегодно из дома уходят около 90 тыс. детей, которые становятся беспризорными, проживают на вокзалах, в туннелях тепловых коммуникаций, на свалках, чердаках, в заброшенных строениях;
- 85% беспризорных являются «социальными сиротами», то есть детьми, имеющими родителей, которые из-за их порочных наклонностей, аморального образа жизни, приверженности алкоголю, наркотикам, не только не участвуют в воспитании, но оказывают на детей исключительно негативное воздействие.

¹ См. демографический сайт: www.demographia.ru

² Секулярное сознание относится к массовой практике абортов достаточно индифферентно. И лишь христиане всех конфессий и деноминаций выступают здесь в качестве алармистов, прямо говорящих о том, что аборты — это легализованные преступления, убийства беззащитных человеческих существ, которые сразу после зачатия имеют право на жизнь.

³ Негативные тенденции детской депопуляции позволяют прогнозировать двухкратное сокращение числа выпускников средних школ в 2010 году по сравнению с 2006 годом.

- Большинство существующих детских домов, приютов, интернатов¹, пребывают в удручающем состоянии. Вот лишь некоторые признаки этого неблагополучия:
- недостаточное государственное финансирование; федеральные власти переложили основную тяжесть финансового обеспечения детских домов на региональные власти, но поскольку многие регионы являются дотационными, то ограниченные возможности их бюджетов приводят к тому, что детские дома влачат жалкое существование;
- слабые финансовые возможности российских детских домов едва позволяют им соблюдать установленные нормативы питания, одежды, обуви, лекарств, расходов на воспитательно-образовательную работу с детьми;
- низкая заработная плата воспитателей и учителей препятствует приходу в детские дома молодых педагогов;
- непомерно высокие налоги не позволяют детским домам развивать подсобные хозяйства, которые могли бы стать дополнительным источником питания и важным средством трудового воспитания детей;
- для большинства детей характерны психические депривации — состояния, возникающие в результате продолжительного ограничения их основных психических потребностей;
- воспитанники детских домов являются большей частью ретардантами, чье психическое, духовное и социальное развитие замедленно и искажено; их отличают неразвитость мотивационных и волевых механизмов свободно-инициативного поведения и самоконтроля, отсутствие творческого мышления, шаблонность мировосприятия, неумение самостоятельно справляться с трудными ситуациями, склонность к излишне бурным проявлениям эмоций.

Эти и другие факторы приводят к тому, что российские детские дома превратились в социальный институт по воспроизводству детей-девиантов с деформированными духовными структурами. Их постоянный приток во «взрослую» социальную жизнь страны еще более усугубляет уже приобретенный ею статус общества риска.

Жертвы антропокатастроф подразделяются по характеру и степени травмированности их жизненных структур на витально-физическом, социальном и духовном уровнях. Так, травмированность на витальном уровне означает, что индивидуальные системы жизнеобеспечения понесли тяжелый, невосполнимый урон, отразившийся и на состоянии внутреннего «я» личности. К людям этого типа относятся, например, инвалиды. По данным Минздрава РФ в России проживает 14,5 млн. инвалидов т. е. 10% от общего числа населения. Это означает, что каждый десятый в стране — инвалид.

Россия подписала все международные документы, касающиеся социального статуса инвалидов, признала международный день инвалидов 3 декабря, учрежденный в 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Но на практике положение инвалидов в стране остается крайне сложным и трудным. Продолжает действовать унаследованная от советских времен инерция замалчивания проблем инвалидов, т. е. инерция фактического общественного равнодушия к их нуждам и судьбам. Российские инвалиды

¹ В настоящее время в России 1500 детских домов, 240 домов ребенка, более 300 школ-интернатов, 700 приютов.

продолжают получать мизерные денежные пособия. Возможности трудоустройства тех, кто способен к тем или иным формам трудовой деятельности, крайне ограничены. Многоквартирные жилые дома, улицы, общественный транспорт не приспособлены для того, чтобы инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата, зрения и слуха могли самостоятельно передвигаться в городском пространстве. Отсутствуют доступные учебные проекты, которые могли бы на практике удовлетворить нужды инвалидов, желающих получить высшее гуманитарное образование.

В категорию жертв антропокатастроф попадают лица, чьи духовно-нравственные структуры оказались серьезно повреждены в результате их непосредственной вовлеченности во внешние социальные коллизии деструктивного характера — военные конфликты, криминальные эксцессы, социально-бытовые драмы.

Когда человек оказывается в социальном ареале, где мера наполняющего его зла избыточна, где деструктивные начала доминируют над конструктивными, аномия довлеет над законом и порядком, а нормы вытеснены аномалиями, то это может самым роковым образом повлиять на состояние его внутреннего мира. Так, в результате крупных и продолжительных военных катаклизмов, с театров боевых действий в мирную жизнь возвращаются люди, которые зачастую с трудом адаптируются к обычной среде, выказывают неспособность к бесконфликтному существованию, обнаруживают предрасположенность к употреблению наркотиков и злоупотреблению алкоголем. Являясь носителями трудноизлечимого посттравматического стрессового расстройства, они составляют весьма беспокойную, «проблемную» социальную группу. Нередко им свойственно позиционировать себя специфическим образом не только на социально-бытовом, но и на социально-политическом уровнях. Они обнаруживают особую предрасположенность к принятию императивов тоталитарных идеологий, будь то коммунизм или фашизм¹. Наиболее брутально ориентированные ветераны обнаруживают готовность к созданию своеобразно понимаемых «братств», которые на деле порой оказываются криминальными группировками, руководствующимися мафиозными стратегиями.

На протяжении всего советского периода особым институтом по производству жертв антропокатастроф являлась отечественная пенитенциарная система. На протяжении последних полутора-двух десятилетий постсоветского времени общее число мужчин и женщин, пребывающих в местах заключения, колеблется в непосредственном приближении к 1 млн. человек. В настоящее время в России каждый четвертый взрослый мужчина прошел через следственные изоляторы, тюрьмы или колонии. Пенитенциарной системе, как правило, свойственно довершать разрушение тех остаточных духовных структур, которые могут еще сохраняться у лиц, осужденных за уголовные преступления. В результате обнаруживается, что у этого типа жертв антропологических катастроф степень «потерянности» для общества, для нормальной, созидательной социальной жизни гораздо выше, чем у ветеранов военных действий. Причина этого заключается в том, что сломы их духовных структур оказываются более радикальными и, чаще всего, необратимыми.

¹ См.: Ирецкий А. Н., Кравченко О. В. «Потерянное поколение» - симптом или locus morbid социального кризиса? - Социальный кризис и социальная катастрофа. СПб., СПбГУ, 2002.

Когда Ф. Достоевский написал о своем 4-летнем тюремно-каторжном заточении «Записки из мертвого дома», то он не случайно назвал российскую тюрьму «мертвым домом», увидев в ней царство смерти, где люди умерли для общества, для полнокровной человеческой жизни, для семьи, любви, творчества и многого другого. Физически они живы, но в духовном отношении многие из них становятся почти мертвецами. Вместе с тем, их духовная смерть носит, говоря языком медицины, клинический характер: их еще можно вернуть к нормальной духовной и социальной жизни. И хотя этих шансов не много, они все же существуют. Именно с целью их реализации некогда в императорской России существовала система благотворительной и душепопечительской деятельности. Однако советский режим полностью ее ликвидировал. С возникновением ГУЛАГа произошло резкое снижение уровня цивилизованности и гуманности в состоянии тюремного дела. Лишь после падения коммунистической диктатуры, начиная с 1990-х гг. традиции благотворительности и душепопечительства начали возрождаться. В настоящее время практически во всех крупных российских регионах, областных центрах существуют христианские миссии, церковные организации, которые осуществляют служение в следственных изоляторах, в мужских, женских и подростковых колониях, ведут работу по организации реабилитационных центров для лиц, только что освобожденных из мест заключения. Но большинство инициатив на этом пути наталкиваются на многочисленные препятствия и трудности. Поэтому о российской пенитенциарной системе можно сказать словами того же Ф. Достоевского: «Здесь дьявол с Богом борются, а поле битвы — сердца человеческие», поскольку на ее пространствах идет борьба двух наследий — идей гуманиста Джона Говарда¹ с остаточными проявлениями принципов ГУЛАГа.

¹ Английский протестант-индепендент Джон Говард (1726 — 1790) был выходцем из семейства богатого лондонского купца. Однажды на пути в Лиссабон его судно было захвачено французским военным кораблем, и Говард оказался пленником, заключенным в тюрьме г. Бреста. Испытав на себе все тяготы тюремной жизни, он после освобождения и возвращения на родину начал призывать общество и правительство коренным образом изменить чудовищные условия содержания заключенных в тюрьмах. В 1777 г. он издал книгу «Положение заключенных в Англии и Уэльсе», в которой подчеркивал, что за узниками следует признавать определенные естественные и религиозные права и не отнимать их у них, ибо в противном случае они потеряют человеческий облик. В 1781 г. Говард предпринял путешествие в Россию, побывав в Петербурге, Москве, Вышнем Волочке и Твери. При этом он отклонил приглашение императрицы Екатерины II посетить ее резиденцию, объяснив свой отказ тем, что цель его прибытия — посещение тюрем, а не дворцов. В 1789 г. Говард вновь приехал в Россию. Эта поездка закончилась для него трагически: находясь в Херсоне, где в то время вспыхнула эпидемия тифа, он принял участие в ее ликвидации, заразился и умер. В 1819 г. император Александр I и его правительство впервые обратили серьезное внимание на необходимость улучшения как материального, так и духовного состояния осужденных. Это произошло благодаря известному английскому филантропу Вальтеру Веннингу, который представил царю пространную записку на основе идей Джона Говарда о необходимости улучшения содержания тюрем и о важности общеобразовательного обучения и религиозного воспитания арестантов.

К отдельным разрядам жертв антропокатастроф следует отнести наркоманов, проституток, алкоголиков, бомжей, беспризорников. Они ведут существование, не соответствующее критериям полноценности и гармоничности, и чаще всего не развиваются как личности, а дрейфуют по жизни, не будучи в состоянии собственными силами справиться с патогенными обстоятельствами. А социальная система, плохо приспособленная к тому, чтобы помогать таким людям выходить из состояния дрейфа, зачастую еще более усугубляет присущие им психические, ментальные, мировоззренческие и поведенческие девиации.

Особое место в системе аналитических средств социальной виктимологии занимает художественная антропосоциография. Она представляет собой изобразительно-познавательную область, разрабатываемую писателями с сильным социальным темпераментом и ярко выраженными аналитическими способностями, широко использующими творческие возможности художественного и социологического изображения для воссоздания картин интересующих их антропосоциальных реалий. Привлекательность этого пути для творческих личностей состоит в том, что он дает возможность видеть предмет изображения объемно, во всей полноте его пространственно-временных измерений, восстанавливать его прошлое, прогнозировать будущее, моделировать недостающие компоненты и тем самым проникать на значительную аналитическую глубину, куда не в состоянии проникнуть теоретические дисциплины с их методологическими инструментами. Многие крупных писателей эпохи модерна можно в этом отношении зачислить в разряд антропосоциографов, или считать стихийными социологами, что, в общем-то, почти одно и то же. Масштабы их дарований позволяли им решать по отношению к социальной реальности, наряду с художественно-эстетическими задачами, еще и задачи познавательно-аналитического характера, что делает их творения интересными и для ученых — профессиональных социологов, антропологов, психологов, культурологов, философов.

Если обратиться, например, к творчеству Андрея Платонова, к его романам, повестям и рассказам, то перед читателем предстает художественная феноменология того рукотворного социального ада, который был создан сталинским режимом при помощи репрессивно-карательной системы. В платоновском государстве, сконструированном по законам карательной механики, господствует всезнающий и вездесущий партийный бюрократ, имеющий в своих руках меч Немезиды и сеющий вокруг себя страх и трепет. Он выступает главной опорой нового социального порядка, а все прочие обязаны безропотно преклоняться перед могуществом его карающей десницы. Так возникает мученический образ «безжалостной к себе родины», выстраивающей невиданную химеру тоталитарного Левиафана и уничтожающей, будто по воле злого рока, лучшее из того, что у нее было. В этом новом мире распадается всё, что ему досталось от прежних эпох, — право, культура, религия, нравственность. Одновременно идет повсеместный процесс расчеловечивания человека: люди ведут себя так, будто спешат вернуться в докультурное, доправовое, доморальное состояние. Многие из них, погруженные в состояние «многочисленности хамства» и «распущенности языка», почти полностью утратили понимание того, что на самом деле происходит со страной и с ними. В атмосфере духовной деградации царит разгул «черных слов»,

господствует утробное косноязычие. Образуется новый мир риторической аномии, абсурдной грамматики, внутри которой слова сбрасывают с себя нормативные покровы, агонизируют и распадаются. Непривычные словосочетания, нарочито нелепые и вместе с тем имеющие какую-то свою, скрытую логику, непрерывно сменяющие друг друга в платоновских текстах, порождают у читателя особый суггестивный эффект, когда утрачивается ощущение границы между реальным и ирреальным. Языковое пространство становится прибежищем агрессии, тьмы и хаоса, свидетельствуя о трагедии человеческого духа, попавшего в страшный исторический разлом. Тонкие и хрупкие духовные, ментальные, этические структуры перемалываются под воздействием гигантских тектонических сдвигов, и человек превращается в идеологизированное социальное животное с сумеречным внутренним миром, грубыми чувствами и не способной к размышлению головой. Насильственное погруженный в атмосферу социального беспамястства, он не имеет аутентичных объяснений происходящему, поскольку принужден обретать «смысл классовой жизни из трубы радио» и покорно принимать участь исторического пережня.

Этот же виктимологический материал совершенно иначе представлен в творчестве А. И. Солженицына и, в частности, в «Архипелаге ГУЛАГ», где изобразительно-аналитический метод соединил возможности художественного познания с ресурсами историко-документального и социологического подходов. Писатель подчеркнул особенности избранного им маргинального жанра подзаголовком «Опыт художественного исследования». Он фактически первым проделал работу, которую должны были, но по известным причинам не смогли проделать отечественные ученые — историки и социологи.

Солженицын двинулся путем, некогда проложенным русской классической литературой, где уже существовали очерки каторжных нравов Ф. М. Достоевского («Записки из мертвого дома»), А. П. Чехова («Остров Сахалин») и др. Отличие «Архипелага» состояло в характере представленного в нем социально-политического, морально-правового контекста. Если дореволюционные авторы описывали систему наказания людей, действительно виновных в совершении уголовных преступлений, то «Архипелаг ГУЛАГ» представлял собой описание всеобъемлющей пенитенциарной системы, жертвами которой были десятки миллионов людей, не совершавших ни уголовных, ни политических преступлений. Если Достоевский и Чехов не ставили перед собой задач создания максимально полной картины тюремно-каторжной жизни своих соотечественников, то сделанное Солженицыным имело иные масштабы, позволившие французскому исследователю Жоржу Нива назвать его трагическую эпопею «энциклопедией советской каторги».

Солженицыну, как узнику советского концлагеря, пришлось в течение восьми лет находиться в состоянии вынужденного включенного наблюдения, что позволило ему предстать в двух ипостасях — в качестве субъекта наблюдения и в роли объекта, непосредственного участника значительного числа описываемых им событий и процессов. Его методы сбора материала включали несколько источников. Во-первых, это был огромный запас непосредственных, личных впечатлений, придавших книге автобиографический характер. Во-вторых, писатель использовал разнородные, уст-

но-опросные и эпистолярные материалы, в том числе личные свидетельства 227 поименно названных им жертв репрессий. В-третьих, это, хотя и скудные, но все же существовавшие в печати данные о сталинском терроре. Все эти источники социальной информации позволили создать достоверную виктимологическую картину деятельности репрессивного аппарата и увидеть ГУЛАГ как гигантскую социальную машину по производству жертв антропологических катастроф, по утверждению необратимых изменений во всех сферах социальной жизни и в структурах индивидуального и массового сознания.

Иной путь на поприще художественной антропосоциологии избрал А. А. Зиновьев. Используя опыт Рабле, Свифта, Вольтера, Салтыкова-Щедрина, он создал произведения, в которых мировосприятие художника сатирики соединилось с экзистенциально окрашенной автобиографической нарративной и аналитической рефлексией ученого-социолога, пребывавшего в ситуации включенного наблюдения в социальном чреве тоталитарного Левиафана. «Я имел, — писал он, — уникальную возможность наблюдать внутренние механизмы советского общества во всех существенных его аспектах и на всех уровнях социальной иерархии. При этом мое понимание этого общества формировалось не в результате изучения теорий, уже созданных другими авторами. Оно протекало как моя индивидуальная жизненная драма, как жизнь первооткрывателя сущности и закономерностей нового исторического феномена»¹.

Важная особенность художественной антропосоциологии состоит в том, что она приоткрывает такие грани описываемых ею социальных и духовных реалий, мимо которых обычно проходит теоретическое познание. Добывая важную социальную информацию, художник слова не только тщательно ее фильтрует и придает ей высокую степень художественной типизации, но и вводит в систему определенных ценностных координат, дает им соответствующую гражданскую, нравственную оценку, завуалированную или открыто декларируемую. В результате в каждом эстетически и социально значимом произведении складывается художественно-образная система, ориентированная не только на сущее, но и на должное, маркированное характерными ценностями, нормами, идеалами. И когда такое произведение покидает авторский стол и отправляется в «автономное плавание», оно способно, во-первых, привлечь общее внимание к насущным социально-нравственным проблемам, пребывавшим до этого на периферии массового сознания, и, во-вторых, породить в процессе читательского восприятия не только познавательный, но и катарсический эффект.

Однако приходится признать, что и у научного, и у художественного познания имеются свои когнитивные пределы, обусловленные как их эпистемологической природой, так и конкретно-историческими ограничениями мирозерцательного характера. В этом отношении весьма характерна та экзистенциально-эпистемологическая коллизия, с которой столкнулся А. И. Солженицын во время написания «Архипелага ГУЛАГ». Он, работающий одновременно в дискриптивно-социографическом и аналитическом направлениях, располагал при создании своей эпопеи социальным

¹ Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 14.

опытом двух типов — индивидуальным опытом частного лица и тем коллективным историческим опытом советского периода, который содержался в разнородных мнемонических структурах отечественного социума. При этом он обнаружил парадокс, который произвел на него удручающее впечатление. Писатель пришел к выводу, что миллионы его соотечественников были погружены в ситуации непонимания того, что происходило с ними и со страной. Сам он, вынужденный прорываться сквозь множество идеологических нагромождений, воздвигнутых сталинским социализмом, постоянно претерпевал, будучи не в силах объяснить происходящее никакими рациональными доводами, отвечающими критериям здравого смысла. Подзаголовок эпопеи, указывающий читателю на то, что перед ним «опыт художественного исследования», давал ему надежду узнать из книги нечто большее, чем только холодящие кровь детали и подробности устройства репрессивной машины сталинского государства. Однако реализации этой надежды препятствовало состояние, именуемое эпистемологической фрустрацией. Даже для самого писателя она обрела довольно внушительные масштабы. Лишь изредка это состояние прерывалось вспышками озарения, и тогда приоткрывались пространства дотоле неведомых смыслов. Но это происходило не так часто, как того хотелось бы. Поэтому в книге, где сюжетобразующими векторами стали социографический (дескрипция, изобразительность), аналитический (растановка смысловых акцентов) и этический (пафос морального возмущения и осуждения), в соответствии с ними распределен и весь материал. При этом аналитическая составляющая явно уступала двум другим. И дело здесь не в жанре книги, которая не претендовала на статус теоретического трактата, а в том, что ее автор сам пребывал в пограничном состоянии понимания/непонимания глубинной сути того, о чем повествовал. Досконально зная социальное устройство сталинской политической машины, он, тем не менее, признавал, что многое из того, что обусловило невиданную результативность репрессивной механики, оставалось за пределами его понимания. В книге, конечно же, присутствует динамика углубляющегося раскрытия главного смысла, наполняющего ее: при помощи разнообразных изобразительных средств утверждается мысль о недолжном характере, о девиантной природе социального устройства, воцарившегося в России и в сопредельных с ней территориях в середине XX столетия. Однако этот магистральный смысловой ряд оказался не самодостаточным и порождал такое множество новых вопросов, что их огромное число выглядело уже не как благая возможность широкого выбора изыскательских направлений, но как бремя, чреватое как когнитивными диссонансами, так и серьезными мировоззренческими фрустрациями. В результате напрашивалось предположение о недостаточности той эпистемологической парадигмы, внутри которой пребывало творческое сознание автора «Архипелага ГУЛАГ» и тех, о ком он писал.

Данная ситуация весьма типична не только для художественного сознания творческой интеллигенции советского периода. В той же степени она характерна и для теоретического, социогуманитарного сознания. Более того, указанная коллизия предопределяет всю семантическую конфигурацию отечественного виктимологического дискурса прошлого и в значительной мере нынешнего столетий. И она же заставляет говорить об одном существенном противоречии, которое характеризует нашу «пос-

христианскую» цивилизацию противоречие между секулярной и христианской мировоззренческими системами. Каждая из них обладает собственным сложившимся и глубоко укоренившимся в самых разных культурных формах типом рациональности. Каждая претендует на исчерпывающую полноту охвата всех сторон бытия человека. За каждой тянется протяженная вереница славных имен, составляющих золотой фонд мировой интеллектуальной традиции. Водоразделом, отделяющим их друг от друга, является отношение к сакральной реальности. Для представителей христианского дискурса эта последняя является «реальнейшей из реальных», обладающей неограниченным детерминирующим потенциалом. В контексте секулярного дискурса она интерпретируется как фикция, чье присутствие в картине мира не обязательно и даже вредно. Для одной предметом размышлений служит вселенная Бога, для другой — «галактика Гуттенберга».

Имеющийся запас интеллектуального опыта позволяет рассматривать жертв антропологических катастроф в свете обеих дискурсивных практик, как секулярной, так и религиозно-теологической. Но они разные, и люди относятся к ним по-разному. Первая является привычной, повсеместно распространенной, а вторая представляется большинству чем-то заоблачным, далеким от жизни и науки. Однако, следует помнить, что некогда в прошлом она была делом совершенно обычным для российских аналитиков. И есть все основания предполагать, что социогуманитарная мысль серебряного века и русского зарубежья тем и привлекательна для современной российской интеллигенции, что большинство ее метафизических построений выходят за пределы секулярной картины мира. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что секулярные модели антропоцентрического или вообще децентрированного дискурсов не носят исчерпывающего характера, что существует теоцентрический дискурс, обладающий особым рода продуктивностью в тех сферах, где идут гуманитарные изыскания. Там, где речь заходит о проблемах антропологического катастрофизма, теоцентрическая модель предлагает свою каузальную парадигму, суть которой сводится к фундаментальному тезису: в поисках причин антропокатастроф и способов защиты от них не следует игнорировать трансцендентную сферу и присущие ей каузально-детерминационные свойства. Социально-теологическая интеллектуальная традиция указывает на существование фундаментальных конструкций человеческого бытия, строящихся на правильных отношениях человека с трансцендентной реальностью. Те, кто размышляет в этом русле, приходят к выводам о том, что один из важнейших признаков антропологической катастрофы — это утрата человеком собственной идентичности, связанной с отчетливым пониманием того, что он — образ и подобие Божье. Стоит лишь человеку вообразить себя потомком обезьяны или вписать самого себя в центр мироздания, вытеснив оттуда Бога и отбросив в сторону Его заповеди, запрещающие убивать, красть, прелюбодействовать, лжесвидетельствовать, как с ним начинают происходить сложные духовные, экзистенциальные, нравственные мутации, чреватые тяжелейшими последствиями. В наиболее драматических случаях это оборачивается тем, что внутренние духовные структуры, удерживавшие личность на высоте ее истинно человеческого самосознания, обрушиваются, увлекая ее в бездну антропокатастрофизма.

Сегодня российская социогуманитарная мысль вплотную приблизилась к признанию того, что «простой советский человек» XX века, потерявший сопротивляемость брутальному натиску злой политической воли и даже сам принимавший непосредственное участие в конструировании социальных орудий самоуничтожения, оказался таковым из-за того, что утратил главный стержень духовности — религиозность. Атеистическая пропаганда вытравила из его сознания понимание фундаментальной максимы человеческого бытия, согласно которой религиозность, ориентированная на евангельские ценности, является одной из самых эффективных форм духовной самозащиты личности от всех форм государственного насилия. Сотни миллионов людей, отбросивших эту максиму вместе с религиозностью, оказались в роли потенциальных жертв тоталитарно-авторитарного Левиафана, чья истребительная мощь ограничивалась уже не их волей к жизни, а лишь физическими размерами его пасти и желудка.

Увы, в очень малой степени от «советского человека» отличается «постсоветский» человек XXI века. Вынужденный продвигаться внутри довольно узкого пространства наличных политических возможностей, где с одной стороны угрожает Сцилла анархии, а с другой — Харибда «полицеизма», он не может не ощущать уязвимости своего положения. Он пока не в состоянии избавиться от успешшего укорениться в нем комплекса потенциальной жертвы, а с ним и от весьма неприятной необходимости размышлять о сущем и должном в категориях социальной виктимологии.

ЧТО ДАЛА ЭМАНСИПАЦИЯ, ИЛИ О ЧЕМ НЕ ГОВОРЯТ ФЕМИНИСТКИ

Данная статья является социологической эссенстикой чистой воды. Я намереваюсь предложить вам некоторый набор суждений, которые скорее будут иметь социокультурную основу и социокультурные разрешения. Хотя это, все-таки — социология. Надо сказать, что вещи, о которых я намерен рассуждать — это явления последней сотни лет, двадцатого века в той или иной степени.

Сегодня мы часто рассуждаем, что делать с методологией, но иногда ищем объяснительные возможности тех или иных явлений где-то в стороне, на периферии. А на самом деле есть другие решения, другие течения, другие способы разрешения. Я как раз и попытаюсь предложить вместо традиционных феминистских парадигм свои собственные.

Для начала — небольшой экскурс в область военной истории XIX века, потому что в рассуждении, которое я вам собираюсь предложить, очень значимым является изменение парадигмы войны, ведения войны на рубеже XIX—XX веков.

Феминистская парадигма, феминистская теория все время крутится вокруг одного и того же круга идей — получение женщинами прав. Избирательных, в первую очередь, то есть политических. И тем или иным образом это увязывается с событиями Первой мировой войны. Но сначала необходимо определить, чем Первая мировая война отличалась от войн XIX века.

Строго говоря, можно было наполеоновские войны — это 1798—1815 годы — тоже считать мировой войной. Они шли на пространстве от Португалии до Москвы и от Северного моря до Северной Африки. Но даже наполеоновские войны, даже то обстоятельство, что Европа непрерывно пребывала в боях, сражениях, маневрах, передвижениях войск и т. д., все это не создало ощущения, что война носила мировой характер. На самом деле она действительно не была мировой. Почему?

Да потому что, во-первых, количество участвовавших в ней было сравнительно не велико. И, во-вторых, потому что маневренные армии, не создавая сплошной линии фронтов, сосредотачивали усилия на каком-нибудь фрагменте пространства километров 100 квадратных. Там происходили какие-нибудь Аустерлиц, Бородино или Лейпциг. А в сторону на 10—15 верст была абсолютная тишина. Читайте хотя бы «Войну и мир» Л. Н. Толстого и вы увидите, как где-то по старой Смоленской дороге идет великая армия Наполеона, а в ближайших селах тишина, и даже наполеоновские разъезды туда не заходят. В этом смысле понятно, что война имела другой принцип, течение — маневренные и компактные армии, сражения как основной вид военного действия. То есть, где-то в какой-то точке сразились — «Вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле. Построили редут». И в этом смысле войны в сравнительно малой степени задевали интересы и повседневную жизнь населения. Наполеон, потерпев в России сокрушительное поражение и потеряв вторую из своих великих армий, уйдя на территорию Польши, в считанные недели собрал очередную вполне боеспособную армию, с которой еще почти два года воевал. Дело в том, что

тогдашние армии организовывались на базе так называемого рекрутского набора, то есть, была разверстка — сколько мужчин с тысячи поставлялись как новобранцы.

Что собой представляли обе великие армии Наполеона? Одна из них была создана к 1807 году в так называемом Булонском лагере, когда Наполеон собирался все-таки пересечь пролив и вторгнуться в Англию. Но потом в силу ряда обстоятельств, в том числе технических — не было просто необходимого количества судов, не на чем было переехать пролив. И тогда он развернул армию на юго-восток и повел ее на Австрию. Вот тогда и состоялись эти знаменитые события, с которых начинается роман «Война и мир». То есть, отступление русской армии вдоль Дуная и затем столкновение под Аустерлицем. Первая великая армия насчитывала более полумиллиона солдат. Вторую великую армию Наполеон перевел через Неман и с ней вторгся в Россию. Те же самые полмиллиона. В Бородино, например, участвовало приблизительно сорок тысяч с обеих сторон. Я говорю обо всем этом, чтобы можно было представить себе масштаб событий.

В первые месяцы Первой мировой войны, с августа 1914 до конца года, только Россия — а там еще принимали участие великие державы Германия, Франция, Англия, Австро-Венгрия — поставила под ружье пять миллионов солдат. И в принципе изменился состав армии. Но к этому времени в XIX веке произошло, конечно, во-первых, весьма серьезное, демократическое по своей природе изменение: принципа комплектования армии от рекрутского набора к всеобщей воинской повинности.

Чем они отличаются? Рекрутское — это выборочный призыв в войска какого-то ограниченного контингента. Всеобщая воинская повинность — поголовный призыв в мирное время всех находящихся в данных (призывных) возрастах или в военное время всех до 45 лет, то есть пригодных к воинской службе. Поэтому и появляются, во-первых, миллионы. Во-вторых, исчезает маневрирование компактными армиями, колоннами.

Первая мировая война стала первой войной массовых армий, иногда их называли народными. И это была первая война со сплошной линией фронта. Первая мировая война уже на первых этапах продемонстрировала, что фронты представляют собой тысячекилометровые образования. Западный фронт — от Северного моря до границ Швейцарии. Восточный, Русский фронт — от Балтийского моря до Дуная. Все это пространство перекапывалось окопами и траншеями, представляло собой единую структуру, было крайне мало подвижно. Один из лучших романов о Первой мировой войне, роман Ремарка называется «На западном фронте без перемен». На самом деле так и было. По сути дела до начала французского наступления, а оно было уже в 1917 году, фронты стояли в стабильном состоянии. На Севере немцы еще предпринимали какие-то шаги, а в основном это линии окопов. А что значит сплошная линия окопов? Она означает, что на каждый линейный метр или сажень надо посадить по два солдата. И тогда полторы тысячи километров превращаются в миллионную армию, которая не движется, не наступает, не атакует, а сидит в окопах. Были, конечно, большие сражения. Например, одно из первых сражений, в которое вступила русская армия — это сражение на Мазурских озерах, где русскую армию положили почти в полном составе. Но это привело к остановке германского наступления и к последующей стабилизации фронта. У немцев уже не было сил атаковать и брать Париж.

Наполеону ничего не стоило, бежав в 1812 году из России, в 1813 году создать новую армию в полмиллиона. Потому что это количество людей вполне могло быть извлечено из того демографического пространства, которое представляла собой Франция и ее союзники. Первая мировая война создала принципиально иную ситуацию. Ушли все мужчины — и те, которые пахали, и те, которые разводили виноград, и те, которые изготавливали разные изделия, в том числе пушки, амунисию, вооружение и т. д. Какой демографический ресурс общий? Ну конечно не престарелые и не допризывники. Конечно же, и по понятным причинам, оставалась единственная гендерная группа, которая и смогла, и должна была — и деваться ей от этого было некуда — заполнить вот этот вакуум рабочих мест. Женщины пришли на предприятия.

Справедливости ради надо сказать, что вообще индустриальная база была не велика. Если вы знаете статистику России на 1913 год, она выглядела так — 85% крестьян и 15% городского населения. Из этого городского населения пролетариата было 7–8%. Значит возмещать-то было не так уж много. Поэтому в Первой мировой войне арсеналом Европы стала Америка. Вот у них были производственные мощности, они могли делать все что угодно. Большая часть женщин занималась сельским хозяйством — нужно же было армии кормить — меньшая стала работать на промышленных предприятиях.

И вот тут начался культурологический сдвиг, который в противном случае мог бы занять ну если не столетие, то пол столетия точно. И касался он отнюдь не экономической активности женщин, не того обстоятельства, что они стали получать мужскую зарплату, хотя их там всеми способами пытались дискриминировать, а основной-то сдвиг коснулся такой парадигматической в культурном смысле составляющей, как внешний облик. Как бы там не бесчинствовали суфражистки, но в 1908 году английский парламент решил вопрос об избирательных правах женщин. Основные избирательные права женщины получали в межвоенный период — между 1918 и 1939 годом. В то же время появились свои индустриальные зоны — легкая промышленность, главным образом, — где женщины без большого труда находили рабочие места. Это был естественный процесс. Законодательным образом закреплялись права политические, оформлялось трудовое законодательство.

А вот культурологически, спонтанно процессы происходят затяжные, они идут столетиями. И, грубо говоря, проявилась ситуация, при которой какие-то вещи в сфере культуры оказались решенными за считанные недели. К числу этих вещей, событий, явлений я в первую очередь причисляю такое явление как обнажение женского тела. Давайте представим себе, скажем, деловой Литейный проспект, по которому с утра до ночи спуют в каком-то количестве горничные, кухарки, горожанки разных званий и сословий. Как они выглядят?

1913 год. Внешний облик — шляпка, платочек, юбка до щиколоток, прикрытые волосы. По сути дела обнаженными остаются в каких-то случаях кисти рук и лицо, да и то еще вуалеткой прикроют. А декольте? Оно либо на балу, либо в театре, либо это актриса, либо это женщина, которая находится в некоторых степенях свободы и позволяет себе благосклонно принимать кавалеров. Все, это где-то там, что здесь

не видно. Значит, мы имеем совершенно четкий облик, и абсолютно не важно, кто это — аристократка, буржуазка, горничная. Это от головы до пяток прикрытое тело.

И значит, эти частью горничные, частью молодые девушки из предместий и т. д. В 1914 году они приходят на любой завод — патронный, сапожное производство, где сапоги шьют на армию, или текстильное, или еще что-то. Как выглядит старый машиностроительный цех? Это распределительный вал, идущий вверх метрах в четырех — на валу вращаются маховики, от маховиков идут приводные ремни к станкам, к устройствам. Хорошо если это забрано в кожуха, в решетки — как правило, нет. И все это вращается. Потому что подавляющее большинство оборудования использует принцип вращения. И вот когда вращается приводной ремень, маховики и т. д. создается атмосфера статического электричества. Вся атмосфера всего производства — текстильного, патронного, металлического и т. д. — это сплошное статическое электричество во вращающихся элементах.

К этому моменту урбанизация вошла в тот период, когда разорвались места жительства и места приложения труда. На работу надо ехать. На чем в Первую мировую войну можно ехать — на трамвае, на пригородном поезде. Час пик, идет толпа, женская толпа. Первое что она делает — она оттаптывает друг другу юбки. И тогда в считанные недели — не в пол века, не в годы, даже не в месяцы — происходит культурологическая революция. Юбки обрезаются на неприличную длинную — до колена.

Полупорнографические или эротические открытки начала века выглядели следующим образом — какая-то легкомысленного вида дама изящным жестом подбирает юбку, демонстрируя чулок выше колена. Это считалось верхом непристойности. А здесь в одночасье все те, кто с утра едет на работу обрезают юбки и забывает про них. Естественно рукава пришлось обрезать тоже, потому что рукава создавали условия взаимодействия со станками и оборудованием. Таким образом, женщины в одночасье обнажили такую значительную часть тела, на обнажение которой при естественном развитии событий потребовалось бы пол сотни лет.

Все равно бы пришлось. Под это потом подводились какие угодно основания, скажем, экономия текстиля, который действительно был в дефиците. Теперь вернемся к косынкам и шляпкам. Почему до этого носили косынки и шляпки? Да потому что волосы были естественной длины. И чем занимались парикмахеры до этого — укладывали, причесывали. В. Маяковский где-то вскользь сказал такую вещь — Первая мировая война привела к парикмахерам второе стригущееся человечество. До этого стриглись только мужчины. Значит, Первая мировая война положила начало культурологической революции в сфере внешнего облика. Во-первых, обнажение тела, причем сакральной части тела — ноги обнажались и руки до локтей. И, во-вторых, стрижка. Кто стригся в конце XIX века — разве что только какие-нибудь курсистки, да и то скорее нет, чем да. Значит, первый шаг — изменение внешности путем обнажения. Второй шаг потребовал еще приблизительно двадцати лет, и он уже был связан с появлением другой степени свободы во внешнем облике. В годы Второй мировой войны женщины позволили себе еще большую степень свободы. Потому что появилось в парадигме ведения войны такое явление как массовое перемещение наступающих войск, ковровые бомбежки городов и т. д. И появляется совершенно

другой феномен поведения мирного населения в войне — феномен беженства. Спасения жизни стремительным перемещением. Это первое. Второе — демографический ресурс, о котором я говорил, мало того что работает на заводах и т. д., его еще мобилизуют на строительство оборонительных сооружений. И кто поедет копать окопы в юбке — конечно это скорее брюки. Ну и вообще мускулинизированный тип одежды. Здесь очень интересна эта инверсия. Строго говоря, одели это европейки. Россиянки к этому тоже довольно быстро привыкли. Но вот что интересно, мода на брюки не войной была порождена. Война породила функцию эту, связанную со всякого рода работами. А мода на брюки появилась лет десять спустя, где-то на рубеже 1950—1960 годов, когда появились брючные костюмы и т. д. Первоначально это была функциональная рабочая одежда, не важно, что это было, брюки или комбинезон, потому что эти типы работ, эти типы поведения, когда нужно было быстро перемещаться в пространстве, уходить из-под бомбежек, или наоборот разбирать завалы разбитых городов, в этом смысле брюки оказались абсолютно функциональны.

Вот эти три радикальных изменения в облике женщин — обнажение тела путем укорачивания традиционной одежды, стрижка (она потом уже возникла как своеобразная мода, появились сложные конфигурации, парикмахерское искусство стало развиваться не как форма укладки, а как придание голове произвольных конфигураций за счет стрижки), и мускулинизация одежды. Вот такая концепция, мимо которой феминистки проходят.

Они занимаются сексуальными домогательства, экономической свободой, равноправием лексическим или поведенческим и т. д. На самом деле, параллельно с этим шли серьезнейшие социальные процессы, но они в силу своей культурологической составляющей никогда не попадали в сферу внимания социологии. Ну подумаешь — юбки обрезали, или стричься стали. На самом деле это изменения революционные, они происходят раз в сто лет, и аналогов для них не так много. Ничего подобного в XIX веке и близко не было. Это все изменение исторического background'a. Это своеобразная культурная мобильность, но она связана с изменением парадигмы ведения войны, с изменением численности армии, изменением тех обстоятельств, которые сопутствовали принципу освобождения большого количества рабочих мест и вынужденного занятия этих рабочих мест женщинами. И тогда вдруг оказалось, что те процессы, которые спокойным, ровным течением заняли бы десятки лет, здесь произошли в считанные дни, недели. Потому что на следующую смену уже надо было ехать, понимая, что оторвут и оттопчут что угодно.

Итак, я считаю, что феминистки, к которым я отношусь с большим уважением, пропускают эту сферу изменений, связанных со всякого рода парадигматическими изменениями, исторически обусловленными довольно широким спектром событий. Они не только связаны с этим конкретным событием, но нами, специалистами-социологами никогда не осмысливались, не осваивались, может быть, потому что нужды не было, а может потому, что традиции нет. Но, тем не менее, в эту сторону иногда бывает полезно ходить, когда какие-то радикальные, резкие изменения вдруг обуславливаются или выражаются совсем не через то, что мы меряем, изучаем, смотрим, наблюдаем и т. д.

СУБКУЛЬТУРЫ НИЩЕТЫ И БЕДНОСТИ НА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последние годы на страницах отечественных журналов регулярно появляются статьи, посвященные анализу бедности в России. Статьи дают общее представление о ситуации с уровнем жизни как в отдельных регионах, так и по стране в целом. Но на наш взгляд, их недостатком является то, что как правило, рассматривается ситуация по населению в целом. И значительно реже по отдельным его категориям. Одной из таких категорий, обойденных, на наш взгляд, вниманием исследователей, является работающее население.

Состояние уровня жизни именно этой части граждан страны имеет особое значение. Ведь это люди, которые должны своим трудом ускорить инновационное развитие страны, обеспечить рост экономики и тем самым способствовать повышению благосостояния общества. И бесспорно то, что их трудоспособность, мотивация и качество труда в современных посткризисных условиях в первую очередь определяется уровнем их материальной обеспеченности.

В исследованиях, о результатах которых пойдет речь в этой статье, нами изучалось состояние бедности и нищеты именно тех, кто работает. И прежде всего работников промышленных предприятий. Объекты этих исследований располагаются в одной из областей, расположенных в центральной части России. Анализ состояния социально-трудовой сферы там ведется в режиме мониторинга уже не один год. Это позволяет проследить некоторые тенденции в происходящих изменениях. Ежегодно в выборку попадает 15–16 средних и крупных предприятий, представляющих различные отрасли промышленного производства области.

Итоговые материалы исследований наряду со значительным объемом социальных и социально-экономических характеристик, содержат данные о величине и динамике материального дохода, а также об уровне жизни работников промышленности обследуемого региона, накапливаемые за несколько лет. Область, в которой проходят исследования, является одним из экономически успешных субъектов Российской Федерации. Поэтому уровень жизни промышленных работников не испытывает влияния такого фактора, как отсталость региона.

По мнению статистиков, многие данные, получаемые в этой области, носят медианный характер по отношению к ситуации по стране в целом. Данные социологических исследований, получаемые здесь, также, в значительной части случаев, совпадают с данными, публикуемыми различными социологическими фондами и институтами по стране в целом. Поэтому представляется допустимым ссылаться на эти материалы при анализе государственной социальной политики в области оплаты труда.

И в исследованиях, и в процессе работы над статьей, наряду с данными социологических опросов, анализа документов предприятий, были использованы и цифры государственной статистики. Хотя при этом следует признать, что статистика имеет весьма ограниченные возможности в определении степени дифференциации зара-

ботной платы на предприятиях. Статистики имеют дело со средними величинами заработной платы и ее максимальным и минимальным размером. Но о распределении работающих в пределах этой шкалы у них данных нет. Фиксируя изменение уровня средней заработной платы, они не могут сказать, у какой части рабочих и специалистов произошло это изменение. Тем не менее, их анализ динамики средних величин зарплаты необходим исследователям. Он используется в самых разных целях, в том числе для проверки достоверности субъективных данных, а также для отслеживания происходящих изменений в целом.

1. Бедность и нищета как социокультурные феномены

В исследованиях бедности практикуется деление бедного населения по составу. Как минимум, оно предполагает наличие в этой категории граждан двух категорий. Первая из них характеризуется как «социальная бедность». К этой группе относятся нетрудоспособные и малотрудоспособные люди: пенсионеры, инвалиды, больные, физически и психологически неустойчивые граждане.

Преодоление социальной бедности требует определенных финансовых мер со стороны государства, пересмотра пенсионной системы, строительства интернатов и домов престарелых и многого другого. Наряду с этим, система государственной социальной поддержки может способствовать развитию самостоятельности и активности субъектов этой бедности, направленных на изменение ими самими своего материального и статусного положения, включая создание различных накопительных систем.

Вторая часть граждан, относимых к категории бедных, это экономически бедные. Их материальное положение характеризуется как «экономическая бедность». К ним относятся постоянно занятые (нередко квалифицированные) работники, которые не могут обеспечить нормальный уровень благосостояния своей семьи. Они работают полный рабочий день, в полном объеме выполняют требования, предъявляемые их рабочим местом, но имеют среднедушевой доход в семье, который не дает возможность ни им, ни их семьям жить на уровне установившихся в обществе культурных норм.

Общеизвестно, что доля заработной платы в объеме производственных затрат на Европейских предприятиях колеблется в пределах 50–60%. На российских же предприятиях она составляет 10–20%. Но даже в пределах этой невысокой доли финансовых затрат собственники отечественных предприятий делят персонал на «белых» и «черных». Высококвалифицированным работникам и специалистам они платят, ибо вынуждены платить, достойную заработную плату. Вынуждены, потому что могут их лишиться. Но компенсируют эти затраты неоправданно низкими размерами заработной платы, выплачиваемой остальным.

Побудить их к изменению такой политики в области оплаты труда в настоящее время некому. Социальный институт найма и трудовых договорных отношений в России до сих пор не работает. Отдельные исключения погоды не делают. Сложившаяся ситуация создает условия для консервации нищеты и бедности среди работников отечественного производства. Она противоестественна для государства,

считающего себя социальным. Данные мониторинга дают основания утверждать, что бедность постепенно отступает, сокращается. Но темпы этого сокращения настолько малы, что не дают оснований, чтобы прогнозировать скорое решение этой проблемы.

Особый интерес исследователей к оценке масштабов бедности и нищеты в среде работников производства вызван не только формальными задачами исследовательского проекта. По их глубокому убеждению, бедность среди работающих, это не просто очередная актуальная проблема послереформенной России. Это бедствие. Тяжелое государственное и общественное бедствие, которое является в настоящий момент одним из главных препятствий на пути развития экономики страны и ее социальных институтов. Такую оценку сохранения в стране значительной группы «новых бедных» можно услышать в выступлениях многих специалистов. Она присутствует в публикациях о материальном уровне жизни в стране. А. И. Солженицын в одной из своих последних статей, посвященных развиваемой им идее «сбережения народа», пытается даже поставить условия решения этой российской проблемы. Он пишет, что: «Народная бедность не может быть допущена ни в дозе «двух третей», ни «одной трети» (А. С. Солженицын стр. 3).

Тревожность ситуации связана с тем, что работники наемного труда, которых относят к категории «бедных» или «нищих», не просто люди, у которых доход на какую-то сумму меньше, чем у других. Это, прежде всего, носители иной, особой, отличной от культуры общества субкультуры. Ее можно назвать субкультурой нищеты и субкультурой бедности. Это способ жизни в рамках иных культурных правил. Авторы исследования дали им свое толкование.

Субкультура нищеты рассматривается в исследовательском проекте как комплекс ценностей и норм поведения, ориентированных на биологическое выживание индивидов ценой отказа от подавляющей части действующих в большей части общества культурных правил, а в отдельных случаях и полной десоциализации.

Субкультура бедности — это способ жизнедеятельности, который хоть и гарантирует биологическое выживание, но при этом существенно ограничивает возможность ее носителей во всем следовать принятым в обществе ценностям и нормам физического и духовного развития. В первую очередь, это относится к возможности создать полноценные условия для развития и воспитания детей, к возможности постоянно укреплять свое физическое состояние и здоровье. У этой группы ограничены возможности образования, роста профессионализма и расширения своего кругозора, обеспечения нормальных (с точки зрения санитарных и физиологических норм) условий быта.

Эти определения показывают суть различия между этими двумя феноменами. Одновременно с этим в них заложены предпосылки интерпретации понятий «бедность» и «нищета», которая была необходима для оценки их масштабов на обследованных предприятиях.

Субкультуры, о которых идет речь, не только отличаются от культурных правил, принятых в обществе, но и находятся с ними в состоянии культурного конфликта. Их присутствие постоянно порождает новые проблемы в сфере экономики и обще-

ственной жизни. Выше уже говорилось о том, что масштабы этих проблем, по мнению исследователей, имеют характер национального бедствия. Вот некоторые из них:

Первая. Семьи, относимые к категориям «нищеты» и «бедности» не в состоянии создать нормальных условий для развития, воспитания и обучения детей в соответствии с современными требованиями. Причем даже в самом элементарном отношении — в обеспечении их нормальным питанием. Военкоматы регулярно сообщают в СМИ о фактах, когда призывники, не имеющие достаточного для их возраста веса тела, направляются в специальные команды «для откорма». Не удовлетворяя важнейшие жизненные потребности детей, родители теряют в их глазах авторитет и не способны контролировать их поведение.

Обучение в школе требует от семьи значительных затрат на осуществление учебного процесса, не считая всевозможных внеклассных мероприятий. Посещение спортивных, музыкальных, художественных школ и секций в большинстве случаев возможно только на платной основе. Но на это в бедных семьях средств нет. Как следствие, воспитание всесторонне развитого ребенка в большей части этих семей не рассматривается как значимая ценность. Сложившийся там способ заботы о детях в качестве норм включает в себя иждивенчество и личную безответственность,

Дети из семей, которые не в состоянии предоставить возможности полноценно участвовать в школьной жизни, чувствуют себя изгоями и в школе, и среди более обеспеченных сверстников. Это коверкает психику детей. Разумеется, бывают исключения. Но, как правило, именно эти дети оказываются в числе отстающих учеников, второгодников и нередко покидают школу до ее окончания. Это самым отрицательным образом влияет на состояние образовательного и профессионального потенциала страны.

Вторая. Бедные не могут вести образ жизни, соответствующий принятым в обществе образцам. Они формируют в семьях свою, особую субкультуру, все чаще включающую в себя нормы отклоняющегося поведения, и воспроизводят их, приобщая к ним своих детей. Именно эти группы населения являются поставщиками участников различного рода преступлений. Здесь, прежде всего, процветает проституция и алкоголизм. Преимущественно из этих семей убегают дети, которые пополняют армию беспризорников, а затем криминальную среду. Все это не способствует улучшению криминальной ситуации в стране,

Развивая эту тему, Л. А. Беляева пишет: «Невозможность следовать типичным для общества образцам потребительского и культурного поведения, вызывает у этих семей ослабление контактов с обществом, своего рода социальную изоляцию» (Л. А. Беляева с. 59) А это еще более усугубляет их положение. Далеко не все бедные семьи представляют собой акторов противоправной деятельности. Но их субкультура является той питательной средой, которая способствует формированию отклоняющегося поведения самого различного рода.

Третья. Выполняемое в настоящее время медицинское диагностирование работающего населения показало опасную запущенность здоровья большей части этих людей. Но многие из них после установления диагноза так и не становятся пациентами медицинских учреждений. В значительной части случаев это происходит из-за

отсутствия у них средств для лечения. Такое отношение к своему здоровью определяется и культурными правилами бедных семей. Здесь на первом месте стоит выживание семьи, возможности подработки и других путей улучшения материального положения, не особенно церемонясь в выборе средств. На этом фоне хорошее здоровье не рассматривается как одна из главных ценностей жизни.

Состояние здоровья таких семей не оставляют надежд на решение демографических проблем. Здесь самое большое число «отказных детей» и наиболее высокая смертность.

Четвертая. Семьи, относимые к категории бедных имеют низкую покупательную способность. То же относится и к развитию сферы услуг, и к улучшению жилищных условий, к развитию возможностей платного образования и повышению квалификации. Совершенно очевидно, что низкооплачиваемые работники не способствуют развитию потребительского рынка. А это сдерживает производство потребительских товаров и расширение рынка услуг.

Пятая. Работники и их семьи, относимые к категориям бедности и нищеты, в какой-то степени являются иждивенцами областного бюджета. Они составляют основную массу должников по оплате жилищно-коммунальных услуг, не имеют возможности предпринять самостоятельных мер по ремонту и сохранности своего жилища, нагружая бюджет различного рода дотациями в ЖКХ.

Заметную финансовую нагрузку несет областной бюджет и по линии системы социальной поддержки населения. Представители материально-необеспеченных групп работающего населения систематически обращаются туда за помощью. И, как правило, получают ее.

Но, по существу, поддержка работающего населения со стороны субъекта федерации выглядит как парадокс. Труд жителей области используют собственники предприятий. Но какой-то части из них, из соображений экономии, стоимость воспроизводства рабочей силы оплачивают лишь частично. А правительство субъекта федерации тратит бюджетные средства, чтобы как-то компенсировать эту недоплату. Все природные ресурсы области собственник оплачивает полностью, по ценнику. А вот рабочую силу почему-то оплачивает не «по себестоимости», а лишь частично, перекладывая заботу о выживании своих работников на органы власти и налогоплательщиков. Таким образом признается право собственника не платить в полной мере за воспроизводство эксплуатируемых им трудовых ресурсов области.

Шестая. Хорошо известно, что работник, живущий в бедности — плохой исполнитель (и физически, и морально). Как правило, он не спешит сосредоточиться на выполнении своих производственных функций, так как экономит силы для подработки после смены в другом месте. Именно поэтому присутствие среди работников предприятий и организаций значительной группы «новых бедных» не способствует укреплению высокой технологической дисциплины. С таким работником неэффективен диалог в рамках трудового сотрудничества. Он предрасположен к девиантному поведению.

Наряду с этим низкая оплата труда вновь поступающих на работу является основной причиной отказа молодежи пополнять ряды персонала производства. Демог-

рафическая характеристика предприятий продолжает ухудшаться. Доля молодежи в числе работающих не увеличивается и колеблется около 15%.

Седьмая. Низкий уровень оплаты труда работников сдерживает столь необходимое для российской промышленности техническое перевооружение. Приобретение высокотехнологического оборудования непопулярно у собственников предприятий. Они считают это в существующих условиях нерентабельным. И формально они правы. Затраты на приобретение нового оборудования, высвобождающего большое число работников, слишком часто не могут быть компенсированы высвобождаемой заработной платой из-за ее мизерности. Предприятию выгоднее эксплуатировать относительно дешевую рабочую силу, используя старое оборудование. Как пишут экономисты, низкая оплата труда делает невыгодным ее замену капиталом. В такой ситуации трудно ожидать роста производительности труда.

Перечень этот можно было бы продолжить. Но хотелось бы подчеркнуть главное: успешное развитие общества, а тем более его инновационное развитие и низкая, недостойная оплата труда — несовместимы.

2. Относительная и абсолютная бедность

Бедность и нищета, которые создают материальную среду формирования соответствующих субкультур в производственных сообществах и в обществе в целом, представляют собой сложные понятия, которые требуют своего анализа.

В литературе существует немало толкований понятия «бедность». Значительно реже, но встречается интерпретация термина «нищета» применительно к современному состоянию общества. Далеко не со всеми авторами этих интерпретаций нам представляется возможным согласиться.

Поэтому прежде, чем приступить к анализу состояния бедности и нищеты работников производственных предприятий, необходимо обратиться к обоснованию той трактовки этих понятий, которая была принята в настоящем исследовании. И в этом контексте напомнить и о других подходах к использованию интересующих нас терминов.

Термин «бедность» и сам феномен бедности сопровождают общество на протяжении всей его истории. Не случайно многие авторы говорят о ее постоянстве и неистребимости. Уже давно признано, что достижение всеобщего равенства представляет собой не более, чем утопию. И неизбежная во все времена стратификация общества по уровню дохода всегда содержала и содержит в себе возможность отнесения одних групп населения к богатым, а других к бедным. Л. А. Гордон в статье, написанной совместно с Б. В. Головачевым, интерпретировали подобную ситуацию следующим образом:

«Если в обществе есть группы, считающие свой уровень жизни неоправданно более низким, чем у других социальных групп, или ниже чем свой уровень в прошлом, то такие группы будут вести себя (и чувствовать), как находящиеся в состоянии бедности, независимо от абсолютной величины их доходов». (Гордон Л. А. и Головачев Б. В., с. 18)

Да, действительно, подавляющая часть людей отнюдь не равнодушна к более высокому уровню жизни своих сослуживцев, соседей, знакомых и незнакомых граждан и болезненно на это реагируют. Как правило, это не влечет за собой каких-либо опасных для общества последствий. Поэтому такую реакцию людей на различие в доходах исследователи, начиная с середины XX века, перестали считать чем-то опасным или деструктивным для общества. Но при условии, что такое различие сохраняется в определенных рамках.

В настоящее время не совсем ясно, какими должны быть эти рамки. В ряде стран делались попытки определить допустимые пределы дифференциации доходов с помощью расчетов, наблюдений и опросов. По итогам этих наблюдений предельным, чаще всего, назывался десятикратный разрыв между минимальным и максимальным доходом. Однако дальнейшего развития эта практика регламентирования различий не получила. Между тем, во все времена чрезмерное различие в доходах было поводом для обострения борьбы за справедливость и равенство в правах на достойную жизнь.

В России с первых шагов экономических реформ происходило и происходит увеличение разрыва между материальным уровнем высокодоходных и низкодоходных групп. Л. А. Беляева в своей статье приходит к выводу, что в настоящее время в России «самая высокая среди бывших социалистических стран степень материального расслоения. Только в Эстонии показатели близки к российским. А такие страны, как Чехия, Словакия, Словения, Венгрия, имеют коэффициенты дифференциации в 1,5–2 раза ниже, чем у нас».

Но значительные различия в степени дифференциации доходов населения отмечаются не только при сравнении с другими странами. Они неодинаковы и в регионах самой России. Так, например, коэффициент Джинни в г. Москве составил 0,615, а в Самарской области — 0,430. В г. Москве в 2003 году доход 20% самых богатых превышал доход 20% самых бедных в 51,8 раза. А в целом по стране это превышение в 2003 году составило 30 раз (Беляева Л. А., с. 53–54).

Некоторые ученые видят в такой дифференциации доходов и в соответствующей реакции на нее некий полезный соревновательный стимул, способствующий достижению индивидами в условиях рынка более высокого положения и более высокого уровня доходов. Само различие в доходах рассматривается ими как своеобразный социальный механизм стимулирования развития общества в целом. Правда, они ничего не говорят о пределах этого различия. Они считают это несущественным. (Ярошенко С., с. 26). Еще один автор пишет о том, что сложившаяся ситуация с дифференциацией доходов при определенных условиях «должна бы способствовать общественному прогрессу, выступая катализатором развития или гарантией устойчивости социальных отношений» (Львов С. В. с. 34). Он считает также, что различие в доходах не может иметь никаких иных последствий, кроме как ускорение развития любой рыночной деятельности.

Такое односторонне-позитивное отношение к высокому уровню разрыва в доходах в реальных условиях нашей страны представляется спорными. Переход к рыночной экономике с ее праведными и неправедными механизмами предприимчивости и

конкуренции, создал невиданную в советский период дифференциацию населения по уровню жизни. Конечно нельзя не согласиться с упомянутыми выше авторами в том, что в условиях свободного рынка различие в доходах действительно порождает активность и соревновательность у какой-то, предрасположенной к предпринимательству, части населения.

Но утверждать, что развитие такой состязательности представляет собой единственное, причем исключительно позитивное социальное последствие разрыва в доходах, было бы, на наш взгляд, ошибкой. Особенно при таком социальном расслоении, как в России. Нам представляется, что в этой ситуации неизбежны и другие, отнюдь не позитивные последствия. Такие, например, как рост социальной напряженности, осуждение людьми социальной политики государства, создание предпосылок для протестных действий. Высокие доходы олигархов и так называемых «новых русских» заставляют людей почувствовать, насколько их собственный уровень жизни далек от возможностей бизнес-элиты. И возмутиться этой несправедливостью. Аналогичные реакции имеют место и в пределах предприятий.

Между тем с точки зрения теории бедности важно отметить, что во всех рассмотренных выше случаях речь пока что идет о бедности относительной. Ее переживает и испытывает на себе подавляющая часть населения. Относительно бедными могут считать себя все те, чей уровень жизни ниже, чем у зажиточных и богатых групп. В другом варианте к бедным (относительно бедным) относят себя группы, имеющие более низкий уровень жизни, чем у самой многочисленной группы населения.

Во всех подобных случаях суть такой субъективной оценки заключается в том, что уровень дохода в одной группе сопоставляется с уровнем дохода другой или других групп. Обнаруженное различие в доходах дает основание назвать одну группу беднее другой. Но при этом все эти уровни дохода не соотносятся с величиной, представляющей собой какой-то общепринятый рубеж. Например с критерием или порогом бедности.

Если же такой «порог бедности» есть, и общество обосновало и приняло его для оценки величины доходов, то появляется возможность достаточно конкретно судить о различиях в уровне жизни отдельных групп. Сопоставляя с величиной «порога бедности» их доход, можно увидеть, в какой степени этот доход ниже или выше величины этого порога. И если он ниже, то здесь уже можно говорить не об относительной бедности, но о бедности абсолютной.

Именно в таком духе в Словаре русского языка толкуется само понятие «бедность». Оно определяется как «скудость, недостаточность необходимых средств к существованию; нужда» (Словарь русского языка, т. 1 с. 72).

Совершенно очевидно, что к абсолютно бедным относится значительно меньше людей, чем в случае с относительной бедностью. Однако психологически они воспринимают это тяжелее. Переживающие «относительную бедность» ущемлены в осознании того факта, что другие или какая-то часть окружающих их людей живет лучше. «Абсолютно бедные» ущемлены дважды. И физически, и психологически. Главной проблемой для них является элементарное биологическое выживание и постепенная адаптация к социальным нормам общества. Одновременно с этим они осознают, что

живут хуже, чем остальные. И это делает их еще и относительно бедными. Таким образом, абсолютная бедность угрожает и физической, и социальной деградацией. Это делает анализ состояния такой группы особенно актуальным.

3. Прожиточный минимум как критерий структуры абсолютной бедности

Становится очевидным, что к категории бедных (абсолютно бедных) следует относить тех, чей доход ниже минимальной величины средств, необходимых для нормального воспроизводства жизни. Тех, чей уровень потребления находится ниже некоторого минимального норматива.

В девяностых годах правительство начало регулярно публиковать величину «прожиточного минимума (ПМ)». Государственная статистика, а вслед за ними и многие исследователи стали рассматривать ее в качестве верхнего порога бедности. То есть всех тех, кто имел доход ниже прожиточного минимума, они относили к состоянию бедности. А тех, кто преодолел этот порог, относили к людям обеспеченным. Вслед за ними величину прожиточного минимума как грань между бедностью и благополучием стали рассматривать и некоторые политики.

Но исследования и экономистов, и социологов показали, что это ошибка. Величина ПМ не может рассматриваться в качестве верхней границы бедности. Она является верхней границей дохода тех работников, которые относятся к категории «нищета». Человек, располагающий доходом по величине меньше ПМ не может обеспечить даже свое биологическое выживание. Для того, чтобы выжить, он должен искать дополнительные источники дохода или продукты для своего пропитания. Некоторые исследователи высказывают сомнение в том, что даже имея доход, соответствующий величине ПМ, человек сможет прожить на него в течение месяца.

Тем исследователям, которые постоянно занимаются социально-трудовой сферой организаций, хорошо известно, что обоснованность величины прожиточного минимума (ПМ), методика ее исчисления и достаточность заложенных в нем материальных ресурсов всегда вызывали серьезные сомнения. Эти сомнения усиливаются при знакомстве с историей создания этого критерия уровня жизни в стране.

Впервые он был создан в 1919 году для исчисления объемов финансирования затрат на содержание и питание мобилизованных в трудовую армию, а затем и заключенных в лагерях. В основу подсчета величины финансовых средств, представляющих собой ПМ, была положена «потребительская корзина» минимального объема продуктов, достаточных для поддержания не только жизни, но и трудоспособности человека. Кроме того, сюда закладывался норматив коммунальных услуг и амортизации одежды. Расчеты выполнялись авторитетными научными и медицинскими организациями того времени. Но длительное время эти расчеты были не известны общественности. Практически до перестройки они оставались закрытыми.

В начале 90-х годов, когда уровень жизни населения начал катастрофически падать, у руководства страны и регионов появилась потребность получать представление о количественных показателях его динамики. За неимением ничего другого для

этой цели и был использоваться показатель прожиточного минимума. Методика его расчетов была рассекречена, а результаты подсчетов начали ежеквартально рассматриваться на заседаниях правительства и публиковаться в печати. В 1992 году при очередном рассмотрении в правительстве РФ, набор продуктов и услуг был «временно» сокращен в два раза без каких-либо разъяснений о причинах. (См. Ярошенко. С. С. 37–44.) Правда позже, в 1998 году, также без каких-либо разъяснений величина ПМ увеличилась на одну треть.

Ежеквартальными корректировками стоимости «продовольственной корзины» в регионах занимаются работники местных служб труда. Они учитывают изменение цен на содержание «продовольственной корзины». Здесь создаются условия для произвольного выбора торговых точек и возможности учитывать более высокие или менее высокие цены. Все это создает определенные сложности для исследователей, использующих в работе показатель ПМ.

И тем не менее в исследованиях уровня жизни ценность такого показателя, как ПМ, чрезвычайно высока. Представляя на каждый данный момент некую константу, он позволяет делать сопоставимыми данные анализа уровня оплаты труда. В современных условиях с его помощью определяется та условная граница, которая разделяют нищету и бедность.

Нельзя не учитывать того, что даже преодолев порог ПМ, обладатели несколько большего уровня среднедушевого дохода не становятся сразу богатыми и счастливыми. Голод им, действительно, не грозит. Но они не просто живут хуже остальных. Они еще не могут соблюдать те нормы сложившегося образа жизни, который принят в обществе. Они не обладают средствами, чтобы иметь минимальные социальные блага, которыми пользуется большая часть общества (профилактика здоровья, воспитание и обучение детей, оплата бытовых услуг, современные предметы обихода и одежды, экономическая самостоятельность). Следовательно, существует, как минимум, еще одна граница величины среднедушевого дохода, лишь начиная с которой семья может чувствовать себя в какой-то степени обеспеченной. Эту величину можно было бы назвать социальный минимум адаптации в обществе или верхняя граница бедности.

Первыми, кто обратил внимание в отечественных изданиях на многоуровневую структуру «абсолютной бедности», были Л. А. Гордон и Б. В. Головачев. Они считают, что бедность имеет три степени. Первая степень — это «нищета», низший уровень бедности. Показателем этого рубежа, пишут они, отделяющего нищету от бедности, может служить стоимость минимального набора продуктов питания, т. е. прожиточный минимум.

Вторая степень абсолютной бедности — «нужда». Это — средний уровень бедности. Здесь хватает средств на простейшие физиологические нужды, но отсутствует возможность удовлетворить полностью социальные потребности, даже самые элементарные.

По предложению авторов, нижней границей этой второй степени следует рассматривать уровень среднедушевого дохода, равный величине ПМ. Верхнюю границу второй ступени — «нужды», за которой следует ситуация умеренной бедности,

они предлагают определить в соответствии со среднедушевым доходом, равным удвоенной величине ПМ.

Третий уровень — «умеренная степень бедности». На этой ступени уже удовлетворяются элементарные потребности, как физиологические, так и социальные. Но все это доступно лишь с более низким уровнем качества, чем тот, который характерен для более зажиточной части общества. Проблемами этой группы, считают авторы, могут быть: невозможность приобретения жилья, личного транспорта, современной домашней техники, невозможность дать желаемое образование детям, отсутствие достаточных ресурсов для заботы о своем здоровье, ограниченность досуга и т. п. (См. Л. А. Гордон, Б. В. Головачев с. 23—46)

Процедура, которая используется в этом случае при определении той или иной группы абсолютной бедности, заключается в соотношении уровня дохода работающих с величиной ПМ. Но в этом-то и заключается слабое место такого подхода. На наш взгляд, нет никаких оснований, чтобы рассматривать величину ПМ в качестве мерительного инструмента для определения структуры бедности. Эта величина, соответствующая нижнему пределу потребления для сохранения здоровья и жизни, была определена на основе изучения реальных физиологических потребностей организма и некоторых конкретных затрат бытового характера. Если вернуться к ее первоначальному размеру, до манипуляций с нею, то можно признать ее вполне научно обоснованной. Но навряд ли можно найти аргументы в защиту утверждения, что верхняя граница «нужды» — второй ступени бедности — соответствует двум величинам ПМ, а третья — трем ПМ. Следует признать, что это очень условный, формальный подход.

Единственно правильным решением этой задачи является, на наш взгляд, создание второго параметра бедности — социального минимума (СМ). Алгоритм определения его величины должен в чем-то напоминать работу над величиной прожиточного минимума. Здесь также необходимо обосновать перечень материальных потребностей, удовлетворение которых гарантирует адаптацию человека к тем основным культурным правилам, которые действуют в значительной части общества. Причем, продуктовый набор и его стоимость должны быть уже другими, соответствующие не выживающему человеку, а человеку развивающемуся. Именно так определяется социальный прожиточный минимум в развитых странах. Это серьезная научная работа, требующая участия в ней специалистов разного профиля.

По своей сложности она превосходит разработку прожиточного минимума. И не только по объему необходимых исследований. И не только потому, что состояние культуры потребления в разных регионах страны существенно различается, но еще и потому, что постоянно спорным будет оставаться вопрос — по уровню жизни какой группы общества следует провести верхнюю границу бедности, удовлетворение каких потребностей должны при этом рассматриваться в качестве признанного обязательным. Не исключено, что величина этого показателя всегда будет условной, усредненной, подвижной во времени. Но в этом нет ничего страшного. Полученная расчетная величина, которая сможет на какой-то период стать верхней границей бедности, позволит более полно представлять себе размеры наиболее бедной части

населения на данный момент, не путая ее с относительной бедностью, и принимать меры по ее сокращению. Пока же такого параметра не разработано, мы вынуждены для оценки состояния абсолютной бедности использовать все те же критерии — величину ПМ и ее удвоенную величину.

Анализируя состояние бедности среди работающего населения, не следует забывать о том, что сам уровень оплаты труда еще не дает представления о материальном положении работника. Уровень его жизни определяется величиной среднедушевого дохода в его семье. Это правило определения уровня жизни работника известно еще со времен К. Маркса.

Поэтому более обоснованным подходом к определению уровня жизни является соотнесение с величиной ПМ не заработка работника, а среднедушевого дохода его семьи. Если этот доход ниже величины ПМ, то можно сделать заключение о том, что семья данного работника и сам работник бедствуют.

Нередко в публикациях понятия «нищеты» и «бедности» используются безотносительно к их научной интерпретации. Понятие «нищета» используется как некий синоним понятия «бедность» в тех случаях, когда авторам хочется подчеркнуть тяжелый, депрессивный характер этого феномена. Другие авторы, наоборот, как бы стесняются использовать понятие «нищета». Поэтому они называют всех малообеспеченных работников бедными, не выделяя тех, кто не имеет достаточных средств даже для выживания. Как правило, такой подход используют экономисты и статистики. А с их подачи так же оценивают эту группу и политики.

В принципе этот подход справедлив, если говорить о делении общества на «бедных» и «богатых». Но если рассматривать структуру бедности, то от сурового слова «нищета» отказываться не следует. Не следует потому, что этот термин характеризует специфику жизнедеятельности группы, которая борется за биологическое выживание.

Трудно сказать с какой целью, но некоторые наши экономисты и статистики убедили политиков, правительство и руководство партии «Единая Россия», что задача борьбы с бедностью завершается на рубеже, соответствующем верхней границе ПМ. Это грубая стратегическая ошибка. Проблема ликвидации бедности имеет куда более внушительные объемы. Ну а что касается термина «нищета», то надо быть просто реалистами. Естественно, неловко признавать, что кроме бедности, которая присутствует даже в развитых странах, мы имеем значительную группу людей, ведущих нищенский образ жизни. Но это необходимо для того, чтобы дать объективную оценку реальной ситуации в стране и определить меры по ее изменению.

4. Масштабы нищеты и бедности на предприятиях

Прежде чем перейти к обоснованию мер, которые должны приниматься по улучшению материального положения работников промышленности, имеет смысл определиться с ценой этой проблемы. То есть определить, о каких масштабах «экономической бедности» среди работников промышленности идет речь. Действительно ли столь значим этот феномен.

В нашем распоряжении имеются материалы исследований за несколько лет на промышленных предприятиях одного из субъектов федерации. Ранее уже говорилось о том, что эта область в последние годы рассматривается статистиками как медианная территория. Здесь многие социально-экономические показатели очень близки к средним величинам по российской экономике в целом. Это придает анализу полученных здесь данных особое значение.

В целом по промышленным предприятиям области, как и в целом по стране, за последние 4–5 лет наблюдается тенденция роста номинальной и реальной величины оплаты труда. По данным областной статистики средняя заработная плата по обрабатывающим производствам промышленности в конце 2007 года составила 13,8 тысяч рублей. Средняя величина реальной заработной платы при этом увеличилась почти на 19,7% по сравнению с предыдущим годом.

Это повышение оплаты труда произошло и происходит в последние годы не в результате акций профсоюзов, не под влиянием органов власти, не в результате проснувшегося человеколюбия бизнеса, а как вынужденный шаг из-за тяжелейшего положения на рынке труда. В области с конца 90-х годов обозначился острый дефицит промышленных работников высокой квалификации. В этой ситуации предприятия пытаются переманить друг у друга и даже из других регионов рабочих-специалистов, существенно повышая на пустующих рабочих местах оплату труда. Именно в результате этой «охоты за кадрами» средняя величина заработной платы в промышленности достигла тройной величины прожиточного минимума — 3,1 ПМ.

Но одновременно на предприятиях увеличилась и дифференциация оплаты труда. Потому что происходящее повышение зарплат касается наиболее квалифицированной (элитной) части работников. Тех, кого не так просто найти на рынке труда. В то же время у работников, в которых предприятия не ощущали особого дефицита, повышение зарплаты оказывается очень незначительным. Разве что в качестве компенсации за рост инфляции. А некоторая часть работников (около 44%) не получили в минувшем году и этой прибавки.

Те, кто ведет исследования на предприятиях, хорошо знают, что представление о размерах дифференциации заработной платы невозможно получить с помощью данных, которыми располагает статистика. Возможность заглянуть в бухгалтерскую документацию на предприятиях также исключается, так как она, как известно, входит в число наиболее охраняемых секретных объектов предприятия. Поэтому в исследованиях пришлось пойти по пути получения сведений о размерах заработка каждого, вошедшего в выборку работника, непосредственно в ходе опроса. Анализ этой информации позволил получить некоторое представление о величине оплаты труда, о степени ее дифференциации и динамике.

Опасения в возможном искажении получаемых таким способом данных не безосновательны. Некоторые респонденты стремятся утаить величину своего заработка и несколько ее «урезают». Другие «округляют» ее до больших величин. Но основная часть респондентов дают точные данные. В среднем исследователи получают величину, которая очень близка к тому, что имеет статистика за минусом 13 процентов. Респондентов просят показывать «чистый», за вычетом налога зарплат.

В соответствии с полученными таким образом данными можно заключить, что доля работников, получающих заработную плату, которая по размеру меньше величины прожиточного минимума (ПМ), практически не сокращается. Последние пять лет она колеблется в пределах 5–9%. Динамика этой величины приведена ниже. (В процентах к общему числу участников опроса):

2003 год	8,5	2005 год	9,4
2004 год	5,3	2006 год	6,6
2007 год	8,0		

Из приведенных цифр видно, что в 2007 году доля работников, зарплата которых была меньше величины прожиточного минимума, составила 8%. Много это или мало? Чисто математически — это величина не велика. Но следует иметь в виду, что в абсолютном значении она соответствует 29,0 тысячам промышленных работников области. Эту величину уже нельзя назвать незначительной.

Тем не менее эта величина говорит нам лишь о том, какая доля работников получает заработную плату в размере ниже ПМ. Но это еще не дает нам повода говорить о масштабах бедности на предприятиях. При мизерной зарплате работник может в семье пользоваться доходами других, более высокооплачиваемых членов его семьи.

Мы уже говорили о том, что уровень благосостояния работника зависит не столько от его заработка, сколько от величины среднедушевого дохода в его семье. Этот доход, как известно, определяется числом членов семьи, уровнем дохода самого работника и величиной доходов других членов семьи.

Такие подсчеты были предусмотрены программой исследований и выполнялись в процессе опроса. Это позволило выделить долю работников, среднедушевой доход в семьях которых соответствует диапазону бедности. То есть тех, у кого этот доход ниже прожиточного минимума (ПМ). Определялось также, у кого он находится в диапазоне от одинарной величины ПМ до его двойного и большего значения. Это дало возможность говорить о доле работников промышленности, которые соответствуют второй степени бедности — «нужде», выделенной Л. А. Гордоном и Б. В. Головачевым. Третьей ступени — «умеренной степени бедности» было решено не выделять по приведенным в разделе 3 соображениям.

Ниже приводятся результаты подсчета размеров двух ступеней бедности среди промышленных работников Самарских промышленных предприятий в динамике за пять лет.

Приведенные ниже цифры прежде всего подтверждают высказанный ранее вывод в части неуклонного, но очень медленного сокращения доли бедных в промышленной сфере. Совершенно очевидно, что такие темпы не сулят скорого решения этой проблемы.

Обращает на себя внимание значительные размеры группы, которая относится к категории «нужда». Это те, кто указал среднедушевой семейный доход в диапазоне от величины одного ПМ до двух ее значений. Размер этой группы приближается к 40% и вместе группой, представляющей собой категорию «нищеты», охватывает более половины опрошенных рабочих. Можно ли верить этим данным?

Доля работников (в процентах, по годам), величина среднедушевого дохода которых оказалась...

Год	Ниже 1ПМ.	От 1 до 2,0 ПМ.	Всего «бедных» первой и второй ступени (нищета и нужда)
2003	44,1	36,8	80,3
2004	32,1	37,7	69,8
2005	35,6	37,3	72,9
2006	25,3	39,1	64,4
2007	22,4	39,2	61,6

Необходимо признать, что сведения о величине среднедушевого дохода в семьях, полученные в процессе опроса с участием самих респондентов, рассматриваются исследователями как менее надежные, чем данные, сообщаемые ими о величине их заработной платы. Вероятность занижения фактической величины дохода здесь резко возрастает. Некоторые респонденты то забывают включить доход кого-то из членов семьи в общую сумму, то указывают эти доходы не полностью. Иногда это вызвано забывчивостью, а иногда стремлением не демонстрировать более высокий уровень жизни (есть и такая склонность у респондентов). В результате этого исследователи могут получать заниженные величины доходов, которые, в конечном счете, искусственно завышают число бедных. Это естественный риск использования данных, получаемых в процессе опроса.

Проверку величины этого завышения обычно стараются оценить, используя другую субъективную оценку — сравнительную оценку респондентами материальной обеспеченности своих семей. В этом случае их не просят сообщать величины дохода. Они должны сказать, насколько, по их мнению, материально обеспечена их семья. В результате такой процедуры появляется возможность сопоставить распределения, полученные разными методами. Ниже приводятся полученное на основе обработки данных опроса распределение, которое дает представление о том, к каким категориям по уровню материальной обеспеченности относятся, по мнению респондентов, их семьи. В опросе использовалась шкала, состоящая из пяти категорий материальной обеспеченности: «Вполне обеспеченные», «более-менее обеспеченные», «малообеспеченные», «не обеспеченные самым необходимым» и «бедствующие».

Для облегчения восприятия в приведенных ниже распределениях объединены две первых категории («вполне обеспеченная» и «более-менее обеспеченная») и две последних категории («не обеспечена самым необходимым» и «бедствующая»). Данные представлены в процентах к общему числу опрошенных.

	2004	2005	2006	2007
Вполне обеспеченные и более-менее обеспеченные семьи	50,8	51,4	58,9	54,4
Малообеспеченные	43,1	40,1	36,6	39,1
Не обеспеченные самым необходимым и бедствующие семьи	6,1	8,4	4,5	1,7

Исследователи считают обоснованным отнести к категории «бедных» малообеспеченных, не обеспеченных самым необходимым и бедствующих. Как нетрудно заме-

тять, полученная по этой методике доля «бедных» оказывается меньше, чем такая же доля, подсчитанная на основе величины среднедушевого дохода.

Как уже говорилось выше, исследователи отмечали, что респонденты при подсчете среднедушевого подхода допускают искажение своего реального положения, умалчивая о некоторых доходах в семье. Это дало некоторое завышение доли работников, находящихся в зоне бедности, подсчитанной на основе данных о среднедушевом доходе. Что же касается сравнительной оценки, когда материальная обеспеченность сравнивается с предлагаемой шкалой, то здесь есть основания предполагать занижение доли относимых себя к бедным (малообеспеченным, не обеспеченным самым необходимым и бедствующим).

При сравнительной оценке своей материальной обеспеченности, на респондента главное влияние оказывает его представление о том, что такое обеспеченность. Люди, прожившие большую часть жизни в условиях советской действительности и равной бедности, имеют о ней адекватное тому времени представление. В те годы удовлетворялись лишь наиболее элементарные человеческие потребности, а все остальное считалось чуждым сложившемуся образу жизни. Как наследие тех лет, жители городов, в том числе и работники промышленности до сих пор имеют небольшие натуральные хозяйства (огороды и даже приусадебные хозяйства в небольших населенных пунктах), которые играют важную роль в материальной поддержке семьи. И респонденты считают это вполне нормальным образом жизни, гарантирующим их обеспеченность.

Представления о нормальной жизни и о бедности, заимствованные из прошлого, вносят существенные «несстыковки» при попытке использовать субъективные данные при оценке материального положения семей. Прежде всего, это относится к представителям старшего поколения. Молодежь, наоборот, даже при среднедушевом доходе, превышающем величину утроенного ПМ, чаще склонна считать себя малообеспеченной.

Поэтому единственное, что мы можем уверенно утверждать, опираясь на полученные субъективные «сравнительные» оценки, что доля бедных в реальности может быть выше, но не может быть существенно ниже полученной цифры — 40%.

Определить точную границу между абсолютной бедностью и обеспеченностью на основе социологического опроса, судя по всему, невозможно. Здесь необходимы иные, более трудоемкие и более затратные исследовательские методы. Субъективное восприятие своего материального положения и стремление исказить свой действительный материальный доход зависят от очень многих обстоятельств. Уверенно мы можем только утверждать, что фактический размер доли работников промышленности, которых следует рассматривать как «бедных», находится в диапазоне от 40 до 60% от числа работающих. И то лишь при условии, если мы позволим себе ступеньку «нужда» ограничить группу бедных.

Нельзя не отметить, что с такой оценкой состояния бедности в настоящее время далеко не все согласны. Государственная статистика, как уже отмечалось, рассматривает в качестве бедных только тех, чьи доходы не превысили величины ПМ. И они считают эту величину обоснованной. С позиций нашего анализа (и не только нашего)

можно сделать вывод о том, что статистики учитывают в своих официальных отчетах только тех, кто находится в состоянии «нищеты». И называет их при этом «бедными».

Результаты, полученные в данном исследовании, позволяют говорить о недооценке статистиками, и к глубокому сожалению не только ими, чрезвычайно высокой «цены» проблемы бедности в стране и ее объемов. Недооценивается необходимость определения и достижения уровня «социального минимума», без чего проблему бедности решить невозможно. Все это вызывает озабоченность своими масштабами и опасностью тех последствий, о которых говорилось в этой статье.

5. Реальность сокращения бедности среди работников промышленности

До настоящего времени уровень оплаты труда на российских промышленных предприятиях на протяжении двух десятилетий перестройки и реформ определял только рынок. Профсоюзы в процесс регулирования величины зарплаты работникам наемного труда не вмешивались. Устанавливаемый государством минимум оплаты труда, как будет показано ниже, никакого влияния на борьбу с бедностью в среде промышленных работников, да и вообще работающего населения не оказывал.

Совершенно очевидно, что сейчас, когда политическая власть намерена осуществлять меры по инновационному развитию экономики и по коренному изменению социальной ситуации в стране, сохранение подобной практики в сфере оплаты труда наемных работников недопустимо. Как уже говорилось выше, достижение каких-либо серьезных успехов в социальной и экономической жизни невозможно при сохранении бедности. Развитие страны на основе инновационных стратегий и бедность тех, кто это должен осуществлять, несовместимы.

Мировая практика трудовых отношений, в отличие от Российской, располагает в настоящее время более разносторонним опытом многих десятилетий в решении проблем, связанных с регулированием размеров заработной платы работников наемного труда. Она располагает разнообразными социальными механизмами преодоления бедности в рядах работающего населения. Не в последнюю очередь это обусловлено более ранним началом индустриального производства и постепенным переходом к постиндустриальному укладу труда. За минувшее столетие в мире произошло стремительное развитие научных школ управления и организации труда, профсоюзной деятельности и процессов демократизации общества. Это позволило правительствам стран с развитой экономикой снять ряд сложных вопросов противостояния работодателей и работников наемного труда и добиться выплаты достойной заработной платы всем постоянно работающим.

Россия значительно позже вступила на индустриальный путь, что не могло, естественно, не сказаться на степени развития культуры трудовых отношений. Необходимо учитывать и роль советского периода нашей истории, подавившего рынок труда и инициативу работающих по защите своих прав. Определение величины оплаты труда было исключено из компетенции предприятий и стало прерогативой плановых ор-

ганов страны. Высказывания по поводу низкого уровня заработной платы рассматривались как антигосударственная деятельность, как проявление несознательности и по существу игнорировались.

Причем известны факты и более трагических последствий попыток добиться изменения размеров своей зарплаты. В 1958 году демонстрация работников Новочеркасского электровозостроительного завода, требовавших повышения оплаты труда, по приказу Генерального секретаря Коммунистической партии Н. С. Хрущева была расстреляна. Подробности этой зверской расправы были засекречены до последнего времени. Но люди о событиях знали и делали для себя выводы по части возможности выступлений за повышение оплаты труда. Что же касается отечественных профсоюзов, то они за всю историю СССР никогда не выступали с инициативой пересмотра заработной платы. Они были созданы не для этого и рассматривались как «приводной ремень» между трудящимися и партией коммунистов.

В странах, которые мы называем в настоящее время странами развитого капитала, еще в XIX веке заключались коллективные договоры и тарифные соглашения, в которых подробно оговаривались вопросы оплаты труда. Профессиональные объединения, существующие, практически, прежде всего и только для защиты наемных работников на переговорах с работодателями, на протяжении десятилетий совершенствовали методы борьбы за выполнение этих соглашений и достойный уровень оплаты труда. Они использовали возможности забастовочного движения, политического давления, судебных исков.

По мере постепенного укрепления демократических норм жизни в этих странах профсоюзами и левыми партиями все более настойчиво предпринимались попытки привлечь внимание законодательной власти и глав государств к недопустимости произвола со стороны собственников.

Властные структуры очень долго не могли изменить свою позицию, которая была традиционно ориентирована на поддержку работодателей, как основных налогоплательщиков и гарантов развития государства. И лишь двадцатый век с его научно-техническими революциями, технологическими переворотами и изменением роли и места человека в современном производстве и обществе внес существенные коррективы в систему трудовых отношений. Под влиянием происходящих глобальных изменений государственные лидеры и общество в целом начали осознавать, что в справедливой оценке результатов труда, высоком уровне его оплаты таится не только благо для работников, но только создание условий для их воспроизводства и развития. Стало очевидным, что благосостояние работников наемного труда гарантирует политическую стабильность государств, создает предпосылки роста производственного могущества стран, обеспечивает необходимые условия для инновационного развития экономики.

Был осознан тот факт, что в условиях позднего индустриального и постиндустриального уклада производства экономические перспективы государства в значительной степени зависят от его способности воспроизводить человеческий капитал, повышая качество труда и жизни работающих граждан.

Используя весь авторитет и мощь государственной власти, лидеры развитых стран приступили к созданию такой законодательной системы защиты людей труда,

которая способствовала бы постепенному преодолению абсолютной бедности работающего населения. И такая система была создана и задействована во всех развитых странах. Система законов о труде оказалась столь всеобъемлющей, что ее функционирование существенно уменьшило потребность в профсоюзах и их объединениях. Защиту прав работника наемного труда начало в значительной степени осуществлять государство с его прокурорской, судебной системами и системой инспекторов труда.

Одной из наиболее существенных мер в этой области стало установление минимальной заработной платы, обязательной для всех организаций и предприятий страны. Такая мера рассматривалась как введение стандарта, нижней точки отсчета, ниже которой не может быть заработная плата наемных работников.

Еще в 1928 году Международная организация труда (МОТ), опираясь на положительный опыт ряда стран, приняла Конвенцию по установлению минимальной величины оплаты труда (МРОТ) во всех странах участницах. Конвенция требует, чтобы установленный размер МРОТ был обязательным для всех групп, работающих по найму. При этом рекомендовался дифференцированный подход к определению минимальной оплаты труда для разных категорий работников наемного труда. Благодаря этой конвенции, законодательное введение МРОТ получило широкое распространение в мире. Правда, в некоторых государствах минимальная заработная плата устанавливается не законодательно, а на основе отраслевых коллективных договоров. Но тем не менее, в соответствии с действующим законодательством, она и там носит обязательный характер и способствует сокращению масштабов бедности среди работающего населения.

В соответствии с этим требованием международной организации минимальная величина оплаты труда была установлена в свое время и в Советском союзе, а после его распада и в России. В период, когда происходили события, связанные с переходом к рыночной экономике и беспрецедентной инфляцией, трудно было ожидать серьезного внимания к обоснованию величины этого показателя. Но по прошествии почти двух десятков лет с момента начала реформ создается впечатление, что справедливый, научно-обоснованный подход к установлению в стране минимума оплаты труда до сих пор так и не состоялся. Устанавливаемый Госдумой почти ежегодно минимальный размер оплаты труда (МРОТ) не имеет никакого отношения к реалиям жизни и здравому смыслу. На величину денежных средств, утверждаемую ежегодно Государственной Думой в качестве МРОТ невозможно не только прожить, но и выжить.

Создается впечатление, что депутаты Госдумы не знают размеров установленного в стране размера прожиточного минимума, величина которого выше, чем величина МРОТ. Такая думская игра с величиной МРОТА никак не защищает права работника на получение оплаты труда, которая позволяла бы ему хотя бы нормально существовать. Она не направлена на борьбу с бедностью. Она ее закрепляет. При полном игнорировании рекомендаций МОТ. И что особенно знаменательно, Федерация независимых профсоюзов ни разу не заявила протеста против таких решений высшего законодательного органа страны.

Ниже приводится соотношение устанавливаемого законодателями страны минимального размера оплаты труда (с 2000 года по настоящее время) и величины про-

житочного минимума, посчитываемого в этот же период на основе реальных цен по обследуемой нами области. (величина ПМ приводится здесь по последнему кварталу каждого года).

Год	Величина МРОТ в руб.	Величина ПМ в руб.	Доля МРОТ от величины ПМ в %
2000	83,5	979,0	8,5
2002	450,0	1976,6	22,8
2004	600,0	2630,1	22,8
2006	1100,0	3731,1	29,5
2007 (с 01.09)	2300,0	4595,0	50,1

Анализ этих цифр неизбежно влечет за собой вопрос о целях установления столь бессмысленного минимального рубежа оплаты труда, который не имеет никакого отношения к улучшению жизни работающего населения. Ведь даже в 2007 году узаконенная величина минимальной заработной платы (МРОТ) допускает выплату работнику зарплаты, которая соответствует половине прожиточного минимума. И работник, получающий эту узаконенную зарплату, заведомо оказывается за гранью нищеты.

Это настолько очевидно, что процедуру установления МРОТ никто в настоящее время всерьез не рассматривает как инструмент продуманной социальной политики. Более того, его рассматривают как попытку имитировать борьбу с бедностью в стране на законодательном уровне. Мало того, показателю МРОТ придумали работу по совместительству, определив его в качестве стабильной расчетной величины. Об этом давно говорится в большом числе публикаций. «...В настоящее время минимальная заработная плата в стране служит лишь расчетным показателем и никак не соотносится с уровнем жизни, даже в рамках прожиточного минимума». (Никифорова А. А. с. 86)

Буквально до недавнего времени величина МРОТ использовалась как единица при начислении штрафов и определении размеров иных платежей. Депутаты Госдумы нашли удобный способ унифицировать денежные изъятия и заполнили ссылками на МРОТ десятки принятых законов. Очевидно они надеялись на то, что изменять этот основополагающий показатель в ближайшем будущем никто не будет. Как это ни странно выглядит, но это было одним из сдерживающих обстоятельств для пересмотра величины МРОТ. В настоящее время эта причина стараниями фракции единоросов устранена. Но принципиальных изменений величины МРОТ не произошло.

Существует и еще одно, достаточно циничное мнение по поводу того, что повышение стоимости рабочей силы сделает производство в России менее привлекательным для инвесторов. Это действительно так. Сегодня на многих иностранных и так называемых совместных предприятиях заработная плата существенно ниже, чем та, которая выплачивается в стране инвестора, а иногда ниже, чем на предприятиях, построенных этим же инвестором в так называемых развивающихся странах. Но продолжение такой политики для России чревато. Уже сегодня страна имеет тот масштаб бедности работающих, который реально тормозит ее развитие. Пришло время

для того, чтобы проявить политическую волю и отказаться от такого пути привлечения инвесторов.

Не следует забывать, что именно охранение и закрепление законом мизерной минимальной оплаты труда, устанавливаемой государством, породило начало эпохи «серых зарплат», которые не облагаются ни одним из видов налога. Работник распределяется в ведомости за сумму, несколько превышающую МРОТ, а остальную часть получает «в конверте». Таким образом, охраняя бюджет от повышения минимально зарплат в бюджетной сфере, Госдума невольно помогает отдельным экономическим субъектам недоплачивать в этот бюджет огромные суммы налога.

Еще одна причина, которая неоднократно высказывалась депутатами Госдумы и членами правительства при обсуждении величины МРОТ, заключается в отсутствие финансовых возможностей обеспечить более высокую величину минимального заработка в бюджетной сфере. Считается, что установив высокий уровень минимальной зарплат, государство столкнется с серьезными финансовыми трудностями.

Между тем и в рекомендациях МОТ, и в трудовом законодательстве развитых стран рекомендуется дифференцированный подход к установлению минимального уровня оплаты труда. Величина МРОТ в бюджетной сфере отличается от аналогичного показателя на государственных предприятиях и в частном бизнесе. Нет никакой необходимости равнять минимальную оплату труда в стране по одной линейке. При этом у Государственной думы развязываются руки. Если повышение оплаты труда в бюджетной сфере требует от государства определенных затрат, то в случае с частными предприятиями этих затрат не нужно. Необходима политическая воля.

Практика дифференцированного подхода к установлению величины минимального заработка используется в ряде Европейских и других стран мира достаточно широко. Существует опыт адресного установления МРОТ для отдельных отраслей и даже профессий. Такой подход позволяет совсем с других позиций рассматривать процедуру установления этого минимального рубежа и превращает возможность оказывать влияние на минимальный уровень оплаты труда в действенный рычаг социальной государственной политики.

Необходимо при этом также помнить, что у работника есть или могут быть дети. И если установленный законом государства МРОТ не учитывает это обстоятельство, то это приходит в противоречие с государственной социальной политикой в области исправления демографической ситуации. Именно с таких позиций необходимо подходить к обоснованию величины МРОТ. Что и делается в странах с развитой экономикой.

Разумеется, Российское государство не может копировать уже прямо сегодня в полном объеме практику развитых стран в этой области. Но знание существующих там подходов к решению проблемы минимального размера заработной платы представляется важным.

В этих странах, как правило, не используют величину прожиточного минимума для определения минимальной величины оплаты труда. В качестве основы расчета используется средняя величина зарплат. В другом варианте рассчитываются необходимые средства для нормального существования семьи, минимальный средне-

душевой доход с учетом социальных потребностей. В США, например, «считается, что минимальная заработная плата работника, работающего полное рабочее время круглогодично, должна обеспечивать уровень жизни для трех членов семьи работника выше порога бедности, который разработан Администрацией по социальному обеспечению». (Никифорова А. А. с. 90).

Что касается России, то вряд ли в ближайшее время удастся оторваться от использования в качестве критерия величины ПМ. Но при этом необходимо переосмыслить его значение в оценке уровня жизни и не ориентироваться на его величину при определении целей деятельности по преодолению бедности. Необходимо осознать, что он определяет границу нищеты только применительно к одному работнику без учета его семьи. Поэтому минимальная величина оплаты труда должна быть приравнена не к прожиточному минимуму, а соответствовать научно обоснованной верхней границе бедности, порогу бедности, который мы назвали «социальный минимум».

Определение рубежа «социального минимума», а следовательно определение верхней границы бедности путем экономических расчетов и манипуляций с ПМ невозможно. Это должен быть результат серьезной исследовательской работы (аналогичной той, которая проводилась для определения прожиточного минимума) с использованием современных методов изучения социальных потребностей работающего населения. Только так можно попытаться определить объем потребностей, удовлетворение которых позволит изменить способ жизни тех, кого сегодня общество называет «новыми бедными».

Нам представляется, что в нынешней ситуации у государства нет более насущной задачи, чем решение проблемы бедности. И прежде всего в рядах работающего населения. Это в значительной степени облегчит решение многих других социальных проблем и создаст предпосылки для повышения темпов экономического развития.

Литература

1. Солженицин А. И. Что нам по силам. // Аргументы и факты, 2008. № 5,
2. Беляева Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России. // Социологические исследования № 9 2006.
3. Гордон Л. А., Головачев Б. В. Критерии бедности в современной России. // ВЦИОМ № 6 (194) 1996.
4. Львов С. В. Образы бедности и богатства в Российском общественном сознании. // Мониторинг общественного мнения, экономические и социальные перемены. № 1 (81) 2007.
5. Никифорова А. А. Минимальная заработная плата в странах с рыночной экономикой. // Труд за рубежом. № 4, 1997.
6. Ярошенко С. Теоретические модели бедности. // Рубеж (Сыктывкар) 1991 № 8—9

Владимир Борисович ЗВОНОВСКИЙ (к.с., президент фонда соц. исследований. Самара)

РЕЙТИНГ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ

Введение

Начиная с 2004 года Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89» ежегодно проводит исследование «Рейтинг исследовательских компаний». Результаты предыдущих исследований по этому проекту¹ были заинтересованно встречены профессиональным сообществом. Прежде всего той его частью, которая была объектом исследования, т. е. крупнейшими российскими исследовательскими агентствами, большая часть которых является представителями транснациональных компаний.

Хорошо известно, что одной из главных проблем исследовательского бизнеса является качество работы — как полевой, так и аналитической. А одним из способов улучшить это качество — получить (представить) образец для подражания, пример качественной работы, несомненный эталон. Можно легко оценить качество работы футболиста — по забитым мячам, политика — по полученным голосам, финансиста — по заработанным деньгам, актера или режиссера — по полученным «Оскарам» и прочим наградам, которые вручает профессиональное сообщество.

К сожалению, исследовательское сообщество трудно даже назвать таковым — мы не собираемся вместе, не обсуждаем общих для всех проблем, а, значит, мы и не знаем, кто является лидером в нем, кто заслуживает (сейчас, в настоящем времени) уважения других партнеров, кто лучше всего, по нашему мнению, подготовлен для сотрудничества, располагает для этого наибольшим количеством ресурсов. Так сложилось, что наш рынок «вертикально» ориентирован, т.е. партнерские связи существуют между Москвой и Петербургом, с одной стороны, и регионами, с другой, между региональными центрами деловые контакты пока на порядок слабее, хотя и все время возрастают. В результате, региональные исследовательские центры, очень хорошо знают столичные компании, но при этом часто не знают «братские» организации в соседнем регионе. В кругу «регионалов» есть какое-то отношение к столичной составляющей нашей индустрии, но мы не знаем, что по этому поводу думают в других регионах. А, значит, мы — все вместе — не знаем всего нашего сообщества в целом.

По этой причине я и мои коллеги, работающие в различных регионах России и объединенные в Ассоциацию региональных социологических центров «Группа 7/89», решили сделать то, что, казалось бы, является очевидным для нас с Вами — провести опрос с целью выяснения наших с Вами предпочтений в организации и методологии полевых работ.

¹ Звоновский В. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний». // Маркетинг и маркетинговые исследования, 2005, №2, С.11–20. Звоновский В. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний». // Маркетинг и маркетинговые исследования, 2006, №5, С.414–429.

Обычно рейтинг компаний составляется либо по формальным показателям (например, годовой оборот или численность сотрудников), либо на основе оценок потребителей (например, традиционные рейтинги политиков или рейтинг PR-агентств, составившийся ранее РОМИР), либо на основе экспертных оценок. Все эти подходы имеют свои достоинства и недостатки.

Формальный подход дает однозначное преимущество «опросным фабрикам», выполняющим большие объемы работ, и не позволяет в достаточной мере учесть деятельность компаний, специализирующихся на каких-то отдельных методах и видах исследований, работающих в узких сегментах и нишах рынка. Оценки же потребителей (клиентов и заказчиков в нашем случае) чрезмерно субъективны в силу того, что специфика потребления исследовательской продукции ограничивает выбор возможных поставщиков (исследователей) 2–3 центрами, максимум 4–5. А большинство потребителей, вообще, работало (или работает) с одним исследователем. Разумеется, это, по крайней мере, существенно затрудняет оценку других возможных исполнителей.

Использованный здесь подход ближе к методу экспертных оценок. Наши респонденты, хотя и оценивали компании-партнеров на основе субъективного опыта взаимодействия с ними, но в то же время отражали собственную повседневную деловую практику. Составленный на основе их оценок рейтинг не идеален, но имеет несомненные достоинства. Во-первых, любой из наших респондентов имеет опыт сотрудничества с несколькими из оцениваемых компаний. Это дает более широкий, многомерный взгляд на своих контрагентов и позволяет их оценить более взвешенно и обоснованно. Во-вторых, они знакомы с той стороной деятельности компаний, которую они вполне могут оценить как исполнители части работ. В-третьих, наши респонденты не являются заинтересованными лицами в деятельности каких-то конкретных из оцениваемых компаний и в этом смысле, несомненно, представляют собой экспертов рынка.

Критики данного проекта, особенно, те, которые в своей повседневной деловой практике взаимодействуют с потребителем результатов работы исследовательской компании, указывали не то, что такого рода рейтинг отражает оценку не конечного продукта исследовательской компании (отчета по исследованию), а всего лишь части процесса по его изготовлению. Это, разумеется, верное замечание, но оно всего лишь абсолютизирует их собственную практику. Ведь общение с клиентом также представляет собой лишь часть исследовательского процесса, хотя, может быть, даже более важную, чем этап сбора информации.

Работая в сфере маркетинговых и социологических исследований в России, нетрудно убедиться, что она уникальна в том смысле, что на нем присутствует большое число малых (назовем их так условно) игроков, занимающих ее узкие территориальные сегменты (как правило, регионы — субъекты Федерации). Сложившиеся отношения малых и больших игроков представляют собой рынок региональных подрядов на проведение полевых этапов работ, и он в значительной степени формируется оценками взаимодействия с различными компаниями.

Совокупность этих оценок и представляет собой количественное значение нашего рейтинга. Он отражает взгляд как бы изнутри производства, отражает внутренние

параметры сложившегося в России рынка marketing research. Тем не менее, это не отношения между начальниками и подчиненными, между головным офисом и филиалами: лишь очень немногие общенациональные компании имеют офисы в других регионах страны. Все наши компании-респонденты являются финансово независимыми организациями и могут свободно излагать свою точку зрения на сложившуюся деловую практику.

С другой стороны, все столичные компании позиционируют своих региональных партнеров как единую команду, единообразно выполняющую инструкции, понятые столь же единообразно. Таким образом, оценка, данная региональными партнерами, хотя и имеет свою специфику (почти всегда они задействованы лишь на полевом этапе исследований), но информация, которой они обладают, уникальна и позволяет составить вполне адекватное мнение о рынке изнутри, а, точнее, является профессиональным взглядом одной части индустрии (региональной) на другую (столичную).

Наконец, региональные центры представляют собой часть профессионального сообщества, и в этом смысле данные ими оценки являются отношением к крупнейшим национальным компаниям другой значительной части этого сообщества, реально работающей в бизнесе. Особенно это справедливо не при оценках повседневной производственной деятельности столичных компаний, которая доступна лишь имевшим опыт работы с ними, а в восприятии сформировавшегося в сознании нашего сообщества образа компаний. А этот образ в состоянии оценить работающий в опросной индустрии эксперт, пусть даже и в удаленной от столиц социологической провинции.

Напомним, что в 2004 году, когда рейтингование проводилось впервые, было получено 67 заполненных анкет, в 2006 году — 83, в 2007 году — 91, сейчас — 110. Другим словом, своеобразный response rate на каждом следующем этапе исследования растет, что говорит о доверии к его результатам со стороны исследовательского сообщества, по крайней мере, его региональной части.

В предыдущих отчетах мы подробно останавливались на методологических основах проекта. Чтобы не повторяться, желающие могут ознакомиться с отчетами по 2003–2006 гг.

Объекты оценки

Для оценки нашим респондентам были предложены две группы компаний. Во-первых, это — 43 компании, имеющие московские и петербургские адреса. Данный список получился простым повторением списка, полученного по отчетам региональных компаний 2006 года. Кроме того, в список были добавлены компании, возникшие в 2006–2007 годах.

Во-вторых, в лист оценок были включены 9 компаний, имеющих нестоличную «прописку». Поскольку мы не имели возможности поставить все региональные компании в лист оценки, то был произведен отбор таких компаний, состоящий из трех этапов. На первом из них членам Ассоциации «Группа 7/89» было предложено назвать любое число компаний, находящихся вне Москвы и Петербурга, от которых они

в 2007 году получали подряды на проведение полевых работ. Из полученного списка на втором этапе были отобраны компании, упомянутые три и более раз или два и более раз, если одним из регионов проведения полевых работ была названа Москва. Эти компании (всего — 9) были установлены в лист для оценок. На третьем этапе всем респондентам было предложено указать компании, в том числе региональные, с которыми им приходилось работать. Если компания была бы упомянута респондентами три и более раз, она бы также была бы включена в таблицу результатов. К сожалению, новых компаний, которых упомянули трое и более наших респондентов, не было.

Названия и координаты всех этих компаний приведены по состоянию на 1 января 2008 года. Часть вопросов анкеты касалась всех компаний, о которых знают и слышали наши респонденты, другая часть только тех, кто сотрудничал с региональными партнерами в течение 2007 года. В основной части таблицы, представленных ниже, мы привели первые двадцать компаний, получивших наибольшие результаты по каждому из измеряемых параметров.

Субъекты оценки (описание выборки)

Список респондентов был подготовлен на основе Базы Данных социологических центров, составленной ЦИРКОНОм. Эта база данных располагается на сайте компании в общем бесплатном доступе. В ней на 1 января 2008 года находилось 439 записей, содержащие не московские и не петербургские адреса, и при этом имели электронный адрес. В силу разных причин, к генеральной совокупности можно отнести лишь 264 региональные компании. По этим адресам и была отправлена наша анкета. От двух компаний был получен отказ от участия в опросе. В итоге было возвращено заполненными 112 анкет, из которых признано годными к использованию в расчетах 110, что составляет около половины всех региональных подрядчиков — реальных и потенциальных. Очевидно, что БД ЦИРКОН представляет собой максимально широкий список компаний, в который входят даже центры, проводящие полевые работы от случая к случаю, или просто заявляющие о такой возможности.

Так, по результатам 6-го ежегодного опроса Гильдии Маркетологов, в Москве регулярно работают на рынке исследований не более 60 компаний, в то время как в Базе Данных ЦИРКОНа находятся 120 московских адреса, т.е. в два раза больше. Иначе говоря, далеко не все заявляющие о своем присутствии на рынке социологических исследований, ведут на нем активную деятельность. Поэтому можно говорить, что проведенным исследованием охвачена основная часть генеральной совокупности потенциальных респондентов.

Об этом же говорят и результаты нашего опроса. Средняя доля исследовательских работ (только полевых этапов работ или работ полного цикла) в общем обороте компаний-респондентов составила 84%. При этом у 7% компаний доля неисследовательских проектов в общем обороте составила более 50%, т.е. исследовательский бизнес не является для них профильным. Напротив, только исследованиями занимаются почти половина компаний-респондентов (49%).

Измеряемые параметры

Очевидно, что деятельность любой исследовательской компании (региональной или столичной) можно описать с точки зрения функционирования на определенном рынке коммерческой фирмы, цель которой — получение выгоды. Выгоду эту она получает (может получить), сотрудничая со своими клиентами и заказчиками, с одной стороны, и подрядчиками и субподрядчиками, с другой. Однако, было бы неверным сводить цель деятельности исследовательской компании только к получению финансовой «выгоды». Это неверно вообще, и вдвойне неверно применительно к рынку public opinion & marketing research. На основе полутора десятков лет практики делового общения целого ряда региональных центров со столичными компаниями в этой области, мы выделили три основные цели, преследуемые локальными исследователями.

Получение доходов (прямых и в денежном выражении) — его можно описать как объем работ, получаемых от заказчика, при минимуме ресурсов — материальных, временных и людских — затраченных на их исполнение.

Получение (нового) исследовательского опыта и практик (методик, технологий и т.п.).

Получение (трансфер) символического ресурса («Мы работаем с авторитетной компанией ХХХ»)

Указанные нами три составляющие возможной выгоды, открывающиеся в сотрудничестве с компанией, реализуются благодаря доступу к ресурсам, которыми располагает данный контрагент. Получая доступ к этим ресурсам, наши респонденты могут вполне адекватно оценить их. Разумеется, эти ресурсы открываются им не полностью (равно как не полностью открываются они и конечным клиентам — заказчикам исследования). Поэтому респонденты оценивают ресурсы своих контрагентов по косвенным признакам. Так, финансово-экономический ресурс они оценивают, исходя из выгоды сотрудничества с той или иной компанией, технологический — исходя из имеющихся инструкций по проведению полевых этапов работ. Очевидно при этом, что технологии обработки собранных данных остаются им недоступными и т.д. Представление о ресурсах с точки зрения их передающих и принимающих приведены в таблице 1.

Оценка географического масштаба деятельности крупнейших российских компаний

Общий охват исследованиями различных регионов

Одним из важнейших результатов нашего проекта стало количественное выражение проникновения ведущих компаний страны в российские регионы. Но, что еще более важно, рейтинг исследовательских компаний показывает, какие именно методы практикуют исследователи в тех или иных регионах и как результат — какова специфика региональных исследований крупнейших российских компаний.

Т а б л и ц а 1

Ресурсы	С точки зрения	
	столичной компании	локальной компании
Финансово-экономический	Ведение непрерывной (м. б. устойчивой) и эффективной хозяйственной деятельности в области исследований рынков и общественного мнения	оценка финансовой выгоды взаимодействия
Символический	Репутация, символический капитал	оценка возможности использования данного исследовательского бренда для продвижения собственной компании
Технологический	Техники, методики и процедуры сбора и обработки данных	оценка возможности осваивать передовые технологии и методики исследований
Кадровый	Профессионализм, квалификация и практический опыт кадров	оценка субподрядчиками профессионализма, квалификации и этичности кадров компании, их возможностей реагировать на те или иные проблемы в «поле».
Организационный	Организация производства, документооборот, включая первичные документы, инструкция, отчеты	оценка организации совместной работы, ясности и четкости инструкций

Перед анализом территориального охвата различных компаний необходимо обратить внимание на три аспекта в наших расчетах. Во-первых, охват представляет собой агрегированный индекс, который рассчитывался как среднее арифметическое двух величин — охвата доли субъектов федерации и охвата доли населения, проживающего на этих территориях. Во-вторых, мы предполагали, что столичные компании проводят свои исследования в «домашних» регионах — Москве, СПб, Московской и Ленинградской областях. В-третьих, наше исследование охватило не все регионы: согласно использованной нами формуле расчета охвата он составил 84%. И все данные по охвату приведены от этого числа, т.е. максимально возможного в данном исследовании охвата.

Данные по охвату всеми видами исследования приведены в таблице 2. Как видим, наиболее широко свои исследования проводит Бизнес-Аналитика — 70% от доступного проведенному опросу региональных компаний охвата. За ней с большим отрывом и от лидера, и от других участников данного рейтинга следуют ВЦИОМ, TNS MIC ROMIR Monitoring и GfK Rus.

Следует отметить, что охват у всех этих компаний, кроме ВЦИОМа, по сравнению с 2006 годом вырос. Объем работ в регионах сократился у КОМКОНа, A/R/M/I Marketing, IMCA и MAGRAM Market Research. Компании Той-опинион, МИП и вовсе покинули двадцатку, а Норман и Аналитика, напротив, в нее пришли. Внутри

двадцати наиболее работающих в регионах центрах движение вверх было заметно у Synovate, IPSOS, ACNielsen и Астон-консалтинг.

Т а б л и ц а 2 .

	Компания	Общий охват
1	Бизнес-Аналитика	70,4
2	ВЦИОМ	65,2
3	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	64,9
4	ROMIR Monitoring	61,4
5	GfK RUS	60,7
6	ACNielsen /a VNU Company	50,4
7	Левада-Центр	47,3
8	A/R/M/I Marketing	46,5
9	КОМКОН (группа компаний)	45,9
10	Исследовательская группа ЦИРКОН	45,3
11	Фонд «Общественное мнение»	45,1
12	MASMI (Russia)	44,5
13	IPSOS-Russia	43,8
14	Астон Консалтинг	43,4
15	Исследовательский центр «Аналитика»	43,1
16	Synovate	40,1
17	Норман/Qualitel Data Services	38,4
18	IMCA	36,5
19	MAGRAM Market Research	35,9
20	О+К (г.Санкт-Петербург)	35,0

Охват регионов отдельными видами исследований

Таблица 3 представляет данные по охвату массовыми опросами. Вошедший в первую десятку по итогам 2006 года Synovate, в этом году снова покинул ее. Напротив, ACNielsen вошел в десятку.

Т а б л и ц а 3 .

	Компания	Охват массовыми опросами
1	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	60,0
2	ВЦИОМ	59,3
3	ROMIR Monitoring	57,6
4	GfK RUS	52,5
5	ACNielsen /a VNU Company	48,8
6	Бизнес-Аналитика	48,4
7	A/R/M/I Marketing	46,5
8	Левада-Центр	45,5
9–10	КОМКОН (группа компаний) Фонд «Общественное мнение»	44,2

Из таблицы 4, где приведены охваты регионов фокус-группами, видно, как быстро меняются рынки отдельных видов работ. Если первая десятка компаний по

охватам массовыми опросами практически не изменилась, то изменения в десятке компаний в рейтинге по охвату фокус-группами весьма существенны. Прежде всего, уменьшились охваты у всех компаний, входивших в первую пятерку, и немного он возрос у РОМИРа. А вот четыре компании, входившие в десятку по итогам 2006 года, в этом году уступили свое место VALIDATA, ACNielsen, MASMI и Норман.

Т а б л и ц а 4 .

	Компания	Охват фокус-группами
1	ВЦИОМ	39,8
2	ROMIR Monitoring	36,2
3	Фонд «Общественное мнение»	29,1
4	«VALIDATA»	28,5
5	Левада-Центр	28,4
6	Норман/Qualitel Data Services	27,2
7	Synovate	27,1
8	IPSOS-Russia	26,7
9	MASMI (Russia)	26,0
10	ACNielsen /a VNU Company	25,3

Уменьшение охватов регионов в еще большей степени характерно для проектов по массовому тестированию товаров, рекламы и услуг. В первой десятке нет ни одной компании, охват проектами которой в этом сегменте исследований увеличился бы в этом году. Сейчас трудно предположить, насколько длительным будет этот тренд, но совершенно очевидно, что он носит общий для рынка характер.

Т а б л и ц а 5 .

	Компания	Охват хоум и холл-тестами
1	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	32,5
2	Бизнес-Аналитика	26,0
3	A/R/M/I Marketing	25,1
4	КОМКОН (группа компаний)	23,5
5	GfK RUS	23,3
6	IPSOS-Russia	22,6
7	IMCA	21,8
8	Левада-Центр	20,9
9	Фокус-плюс	19,6
10	О+К (г. Санкт-Петербург)	19,5

На рынке аудита розничной торговли лидерство Бизнес-Аналитики в 2007 году еще более упрочилось. Однако, необходимо отметить, что основной ее конкурент — ACNielsen имеет в регионах эксклюзивных полевых сотрудников, не обозначающих никак своего сотрудничества с данной компанией. Поэтому эти люди не могли по-

пасть в список наших респондентов, а, значит, мы и не могли представить полную географию аудирования розницы ACNielsen. Тем не менее, конкуренция у лидеров есть и ее составляют компании, которые специализируются на данном виде сборе информации — Proldata и ВЕТРА-маркетинг. К тому же существенный объем работ на этом рынке ведет GfK Rus. Теперь к этой группе прибавился и Synovate.

Т а б л и ц а 6 .

	Компания	Охват аудитом розницы
1	Бизнес-Аналитика	48,3
2	Proldata	33,1
3	GfK RUS	26,2
4	Synovate	18,9
5	ACNielsen /a VNU Company	18,8
6	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	17,8
7	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	17,2
8	ROMIR Monitoring	17,0
9	ВЕТРА-маркетинг	16,6
10	ЦЕССИ	15,0

Несмотря на то, что для рынка опросов экспертов вообще характерно высокое постоянство: в 2006 году ротация составила лишь 10%, невысока она и сейчас. Однако, внутри лидирующей десятки динамика вполне активная. Если в 2006 году лидером по охвату регионов здесь был ВЦИОМ, то сейчас это GfK RUS. Расширилась география работ, проводимых компанией РОМИР.

Ротация была характерна для рейтинга по охвату опросами типа B2B (таблица 8). Если по результатам 2006 года в первую десятку вошли ACNielsen, TNS MIC и ЦИР-КОН, то только первая компания закрепилась на нем, две другие сконцентрировали свои усилия на других рынках. Вероятно, рынок данного вида исследований, равно как и экспертных опросов, носит устойчивый характер и проникновение на него связано с большими сложностями (или определяется нежеланием компаний работать на нем).

Т а б л и ц а 7 .

	Компания	Охват опросами экспертов
1	GfK RUS	51,1
2	ROMIR Monitoring	48,4
3	ВЦИОМ	46,5
4	Левада-Центр	43,7
5	Исследовательская группа ЦИРКОН	40,7
6	Астон Консалтинг	38,1
7	IPSOS-Russia	33,0
8	КОМКОН (группа компаний)	32,2
9	ACNielsen /a VNU Company	30,8
10	Фонд «Общественное мнение»	29,7

Таблица 8.

	Компания	Охват B2B
1	ВЦИОМ	48,2
2	ROMIR Monitoring	43,0
3	GiK RUS	36,0
4	Левада-Центр	34,5
5	КОМКОН (группа компаний)	24,4
6	ACNielsen /a VNU Company	23,8
7	IPSOS-Russia	23,6
8	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	23,1
9	Башкирова и партнеры	22,5
10	A/R/M/I Marketing	21,2

Оценка ресурсов компаний

Символический ресурс

Этот ресурс получает высокие значения в случае, когда локальные исследователи стремятся продемонстрировать факт сотрудничества с компанией-заказчиком, поскольку это повышает их конкурентоспособность. Огрубляя, можно сказать, что он отражает престижность сотрудничества с данной компанией, возможность использовать факт этого сотрудничества для увеличения собственной конкурентоспособности.

Значения символического ресурса представлены в таблице 9. При сравнении с итогами 2006 года, десятка лидеров рейтинга по символическому ресурсу сохранилась полностью, за исключением перешедшей во вторую десятку компании «Маркетинговые и инвестиционные проекты» (МИП). Во вторую десятку из третьей и четвертой десятков поднялись Synovate, О+К (г. Санкт-Петербург) и ЦЕССИ.

Сохраняется высокая репутация компаний, специализирующихся на опросах общественного мнения: Фонд «Общественное мнение», Левада-Центр, ВЦИОМ. Они не выходят из первой пятерки уже четвертый год.

В целом же первая двадцатка обновилась лишь на 3 компании (15% списка), что указывает на слабую динамику российского рынка исследований. И если динамика возникает, то наиболее активной она оказывается не в случае усиления или ослабления репутации компании, а, скорее, как отражение роста или сокращения исследовательской активности в регионах (например, Центр социального прогнозирования, Фокус-плюс).

Технологический ресурс

В таблице 10 отражены оценки объема технологического ресурса у 20 ведущих российских компаний с точки зрения их региональных партнеров. Данный вид ресурса определяется как оценка возможности перенимать передовые технологии и методики исследований для использования региональными компаниями. Кроме этого,

Т а б л и ц а 9 .

Место		Символический ресурс	
2007	2006	Компания	Объем ресурса
1	1	Фонд «Общественное мнение»	8,7
2	3–4	GfK RUS	8,2
3	6–7	КОМКОН (группа компаний)	8,1
4–5	5	Левада-Центр	8,0
	3–4	ВЦИОМ	
6	2	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	7,9
7	9	Исследовательская группа ЦИРКОН	7,8
8	8	ACNielsen /a VNU Company	7,3
9	11–12	MASMI (Russia)	7,0
10	6–7	IPSOS-Russia	6,9
11	14–16	Центр социального прогнозирования	6,8
12–13	18–19	КОМКОН-СПб (г.Санкт-Петербург)	6,6
	10	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	
14	20	A/R/M/I Marketing	6,4
15	11–12	Бизнес-Аналитика	6,3
16	22	Synovate	6,2
17–18	18–19	IMCA	6,1
	25	О+К (г.Санкт-Петербург)	
19–20	31	ЦЕССИ	6,0
	14–16	ROMIR Monitoring	

он учитывает возможность доступа к профессиональным сетям и базам данных, возможность регулярно повышать свой профессиональный и методический уровень — неважно, делает ли это компания организованно для всех своих партнеров в регионах или кто-то из них использует эту возможность настолько, насколько это ему необходимо и доступно.

Помимо наличия этого ресурса как такового, его оценка существенно зависит и от того, насколько полезным для региональных исследователей стало сотрудничество с оцениваемой компанией. Чем чаще инструменты последних используются в регионах, тем выше оценивается их исследовательский ресурс.

Из таблицы видно, что первая десятка по технологическому ресурсу практически полностью повторяет десятку по символическому ресурсу. (Единственное исключение в первой десятке представляет собой Центр социального прогнозирования, но надо учитывать, что он возглавляет второй десяток по символическому ресурсу.) Трудно сказать, влияет ли репутация компании на использование ее технологий и методик в регионах, или доступ локальных исследователей к ним, открываемый этой компанией, формирует эту репутацию, но оба эти ресурса, а, значит, и их восприятие на рынке связаны.

Высокая оценка технологического ресурса компании означает то, что непосредственные исполнители оценивают их более приспособленными к реальным «полевым» условиям. А, значит, и выполняются они в поле, вероятно, существенно более

точно, чем иные, может быть, более изощренные, но менее приспособленные к полевым условиям. А, это, в свою очередь, означает, что техники и методы, применяемые такими «фабриками опросов», как ФОМ или КОМКОН также находят вполне адекватное исполнение при первичном сборе данных. Региональные партнеры используют их в своей собственной деятельности.

Т а б л и ц а 1 0 .

Технологический ресурс			
2007	2006	Компания	Объем ресурса
1	1	Фонд «Общественное мнение»	8,4
2	4	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	7,2
3	5–6	Исследовательская группа ЦИРКОН	7,1
4	5–6	Левада-Центр	7,0
5	7	GIK RUS	6,9
6–7	3	КОМКОН (группа компаний) Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	6,6
	10		
8	26	Центр социального прогнозирования	6,5
9	2	IPSOS-Russia	6,4
10–11	15–17	IMCA	6,3
	8–9	ВЦИОМ	
12	11–14	ACNielsen /a VNU Company	6,2
13–14	19–20	MASMI (Russia)	6,1
	15–17	О+К (г.Санкт-Петербург)	
15	–	МаркетСенс	5,8
16–17	15–17	Фокус-плюс	5,6
	11–14	«VALIDATA»	
18	8–9	Proldata	5,5
19	30	MAGRAM Market Research	5,4
20	19–20	КОМКОН-СПб (г.Санкт-Петербург)	5,3

Кадровый ресурс

Выставляя оценки кадрового ресурса, наши респонденты указывали более высокое его значение, если считали, что персонал компании-заказчика отличает высокий профессионализм и комфортность повседневного общения. Как и в случае двух уже рассмотренных оценок обращает на себя внимание существенная устойчивость оценок кадрового ресурса: двадцатку покинули лишь три компании.

Как видно из таблицы 11, в первую десятку попали компании далеко не самые крупные, обычно причисляемые ко «второму ряду»: ЦИРКОН, КОМКОН-СПб, IMCA, вторую десятку возглавляет небольшая компания Proldata. Иначе говоря, для партнеров лидеров российского рынка в регионах оказываются важными не только символический капитал и технологическая вооруженность последних, но и комфортность повседневного делового общения.

По этой же причине следует признать несостоятельными те критические замечания в адрес регионального исследовательского сообщества в том, что рейтинг, составленный на основе их ответов, оценивает лишь работу полевых отделов сто-

личных компаний. Можно заметить, что провинциалы вполне адекватно различают образ компании на рынке и ту практику делового общения, которая складывается у них с отдельными представителями столичных компаний.

Т а б л и ц а 11.

Кадровый ресурс			
2007	2006	Компания	Объем ресурса
1	1	Фонд «Общественное мнение»	9,1
2	5	GfK RUS	8,3
3	4	Исследовательская группа ЦИРКОН	8,2
4–5	2–3	TNS Marketing Information Center (МИЦ) Левада-Центр	8,1
6	12	IMCA	8,0
7	7–11	IPSOS-Russia	7,9
8–9	7–11	КОМКОН (группа компаний)	7,7
	13	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	
10	7–11	КОМКОН-СПб (г. Санкт-Петербург)	7,6
11	6	Proldata	7,5
12–15	7–11	ACNielsen /a VNU Company Центр социального прогнозирования О+К (г. Санкт-Петербург)	7,4
		17–18	
	24		
16	21	MASMI (Russia)	7,3
17	14–16	A/R/M/I Marketing	7,2
18–19	22	«VALIDATA»	7,0
	19–20	Башкирова и партнеры	
20	17–18	Фокус-плюс	6,9

Организационный ресурс

Четвертым измеренным нами ресурсом был организационный ресурс, в состав которого входили оценка ясности и прозрачности инструкций, анкет и иных документов для проведения работ, а также возможность оперативного решения проблем, возникших уже в ходе проведения полевых работ. В каком-то смысле этот ресурс «располагается» между кадровым и технологическим, т.е. представляет собой методики и технологии, передаваемые конкретными людьми в конкретных обстоятельствах. Результаты расчета организационного ресурса приведены в таблице 12.

Несмотря на, казалось бы, активные перемещения по шкале оценок организационного ресурса, по сравнению с 2006 годом региональные партнеры выше оценили работу своих коллег в компаниях TNS, Левада-центр и КОМКОН. Напротив, снизились оценки данного ресурса у Центра социального прогнозирования, компании Норман/Qualitel Data Services, КОМКОН-СПб, Фокус-плюс и «Глас народа».

Таблица 12.

Организационный ресурс			
2007	2006	Компания	Объем ресурса
1	1	Фонд «Общественное мнение»	8,8
2	5	Исследовательская группа ЦИРКОН	8,2
3	4	GfK RUS	8,1
4–5	2	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	7,8
	8	Левада-Центр	
6	7	IPSOS-Russia	7,7
7–8	9–11	IMCA	7,6
	12	КОМКОН (группа компаний)	
9	13–15	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	7,4
10–11	13–15	О+К (г.Санкт-Петербург)	7,3
	16	ACNielsen /a VNU Company	
12	22	ВЦИОМ	7,2
13–14	3	Центр социального прогнозирования	7,1
	13–15	Башкирова и партнеры	
15	17	MASMI (Russia)	7,0
16	9–11	КОМКОН-СПб (г.Санкт-Петербург)	6,9
17–19	18–20	A/R/M/I Marketing	6,8
		Proldata	
	–	МаркетСенс	
20	9–11	Фокус-плюс	6,7

Финансово-экономический ресурс

Равно как и основные игроки на национальном (а отчасти, даже и транснациональном) рынке исследований, региональные компании преследуют финансовые выгоды, соглашаясь или отказываясь проводить те или иные работы. Напомним, что экономическая выгода определялась нами как максимум дохода при минимуме затраченных ресурсов — материальных, временных и человеческих. Другими словами, если у компании есть предложения по двум проектам с одинаковой оплатой, то более выгодным будет тот, в котором будет задействовано меньше рабочего персонала, потребует меньше рабочего времени и т.д. При этом выгодность сотрудничества определяется не только суммами и чистым профитом, но еще и аккуратностью (своевременностью) выплат, наличием аванса при выполнении контракта и другими важными нюансами финансового взаимодействия.

Результаты расчета экономического ресурса приведены в таблице 13. В первую шестерку входят ФОМ, ЦИРКОН, МИП, Левада-Центр, MASMI-Russia и ЦСП. Если же сравнивать с прошлым годом, то наиболее положительная динамика обнаруживается у ГК КОМКОН (с 18-19 места на 7-9-ое) и у его питерского тезки (с 20-ого на 11-ое место). Также региональные компании отметили возросшую выгодность сотрудничества с питерской же компанией О+К. Сюда же следует добавить Фонд «Общественное мнение», который, хотя и не сменил своего места в рейтинге,

но количественное значение его объема по оценкам наших респондентов существенно возросло (с 7,7 до 8,6). Отрицательную же динамику можно легко обнаружить из таблицы 6.

Т а б л и ц а 13.

Финансово-экономический ресурс			
2007	2006	Компания	Объем ресурса
1	1	Фонд «Общественное мнение»	8,6
2–3	8–9	Исследовательская группа ЦИРКОН	7,3
	3	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП)	
4–6	6–7	Левада-Центр	7,1
	5	Центр социального прогнозирования	
	4	MASMI (Russia)	
7–9	18–19	КОМКОН (группа компаний)	6,8
	2	IPSOS-Russia	
	10–11	ВЦИОМ	
10	12–13	IMCA	6,7
11	20	КОМКОН-СПб (г.Санкт-Петербург)	6,6
12	6–7	GfK RUS	6,5
13–14	12–13	TNS Marketing Information Center (МИЦ)	6,4
	15–17	ACNielsen /a VNU Company	
15	21	О+К (г.Санкт-Петербург)	6,3
16–17	8–9	«VALIDATA»	6,2
	–	МаркетСенс	
18–20	14	A/R/M/I Marketing	5,9
	10–11	Фокус-плюс	
	18	Норман/Qualitel Data Services	

Выгодность сотрудничества, разумеется, понятие исключительно оппортунистическое и то, что было выгодным еще вчера, сегодня может считаться неприемлемым. Изменение, которое вносится каким-то одним игроком на рынке, особенно, если он является одним из ключевых, может изменить отношение к другим участникам рынка. При этом некоторые компании придерживаются стратегии на минимизацию расходов на проведение региональных полей, другие — напротив, стремятся к тому, чтобы локальные исполнители считали их выгодным клиентом, проектам которых уделяется первоочередное внимание.

Совокупный рейтинг столичных компаний

Представляя финальный рейтинг, аккумулирующий в себе все рассмотренные выше параметры сотрудничества компаний, необходимо еще раз указать, что он отражает ситуацию не столько собственно на рынке public opinion and marketing research, сколько положение на рынке региональных субподрядов, который сложил-

ся в течение последних полутора десятков лет. Он является большим по территориальному охвату (учитывая размеры страны) и просуществует еще долго.

Рейтинг столичных компаний вычислялся путем суммирования выделенных нами пяти существенных ресурсов.

$$\text{Рейтинг} = \sum a_i * c_i,$$

где a_i — веса ресурсов, определяемые экспертным образом самими респондентами (см. далее в главе Другие результаты исследования),

c_i — оценка ресурса, данная респондентами этой компании.

Общий рейтинг приведен к 100-балльной шкале, т. е., максимально возможное значение индекса — 100 единиц, минимальное — 0. Результаты приведены в таблице 7.

Очевидно, что широта охвата российских регионов работами, проводимыми в них компанией, во многом определяет ее место в индустрии. Поэтому будет правильным учесть этот охват в суммарной оценке компаний. Значение рейтинга в этом случае было рассчитано как произведение рейтинга, средневзвешенного по отдельным видам ресурсов, и охвата.

Охват — доля регионов страны, в которых респонденты проводили работы в интересах оцениваемой компании.

Полученные значения приведены в таблице 14, и они позволяют увидеть, что на рейтинг одних «фабричных» компаний «вал» оказывает влияние, в то время как другие оцениваются участниками рынка достаточно высоко уже в силу превосходства других своих ресурсов. Зеленым цветом выделены названия компаний, вошедших в первую дюжину финального рейтинга и по его значению, учитывающего влияние охвата, и по значению, не учитывающего его.

Другие результаты исследования

Значимость различных ресурсов компаний в профессиональном сообществе

Подавляющая часть опрошенных нами компаний являются коммерческими организациями, которые и с формальной, и с фактической стороны дела, стремятся к получению выгоды (равно как объекты их оценки). Поэтому нет ничего удивительного в том, что работа с наиболее крупными и состоятельными заказчиками, способными дать большой объем заказов, считается самой ценной для потенциального подрядчика. При этом наши респонденты придают все большее значение именно выгоды при оценке взаимодействия с компанией-заказчиком: если в 2006 году они полагали, что доступ к финансово-экономическому ресурсу компании составляет 38% общей ценности делового взаимодействия, то в 2007 году оценка этой доли достигла 42%.

Тем не менее, локальные исследователи считают важными и репутационный капитал, и передовые методы и техники опросов, получаемые через сотрудничество со столичными компаниями. В совокупности они занимают чуть более четверти (26%) общей оценки компаний-контрагентов. Однако, за прошедший год эта сумма уменьшилась на 3%.

Таблица 14.

	С охватом	Компания	Значение рейтинга
1	5	Фонд «Общественное мнение»	87
2	3	GfK RUS	76
3	6	Левада-Центр	75
4	7	Исследовательская группа ЦИРКОН	73
5–7	1	TNS Marketing Information Center	72
	16	(МИЦ)	
	9	Маркетинговые и инвестиционные проекты (МИП) КОМКОН (группа компаний)	
8	12	IPSOS-Russia	71
9–11	30	Центр социального прогнозирования	70
	2	ВЦИОМ	
	11	MASMI (Russia)	
12	14	IMCA	69
13	8	ACNielsen /a VNU Company	68
14–15	21	КОМКОН-СПб (г.Санкт-Петербург)	66
	20	О+К (г.Санкт-Петербург)	
16	26	«VALIDATA»	63
17–18	22	МаркетСенс	62
	13	A/R/M/I Marketing	
19	23	Фокус-плюс	61
20	19	Норман/Qualitel Data Services	60

В первых двух волнах Рейтинга исследовательских компаний (по итогам 2003 и 2005 гг.) мы рассчитывали оценки ресурсов на основе ответов на вопросы о составляющих их элементах повседневного взаимодействия: оценка ясности и понятности «полевых» документов, решения проблем, возникающих в «поле» и пр. С 2006 года мы просим оценить непосредственно каждый из ресурсов. Изменения, однако, практически не повлияли на результат измерения: компании, которые оказались лидерами в первых двух волнах, сохраняли лидерство и в последних двух. Косвенно это указывает на реальность предмета нашего исследования — образа исследовательской компании внутри профессиональной среды и таким образом опровергает эмоциональные в основе своей замечания критиков нашего проекта об эфемерности, или, по крайней мере, неустойчивости измеряемых параметров.

Таблица 15.

Веса ресурсов в суммарном ресурсе исследовательской компании		
	2006	2007
Символический	15%	13%
Технологический	14%	13%
Кадровый	17%	16%
Организационный	16%	16%
Финансово-экономический	38%	42%

Региональные компании как участники рынка и субъекты оценки

Как указывалось выше, в лист оценки 2007 года были включены не только московские и петербургские, т. е. «столичные», компании, но и региональные компании, проводящие полевою часть работы в других регионах.

В этом отчете результаты оценки столичных и региональных компаний помещены в различных таблицах, поскольку пока еще при сопоставимости объемов работ, которые они предоставляют своим региональным подрядчикам, москвичи (и питерцы) имеют существенно больший оборот, т. е. реально представляют собой более крупные компании на исследовательском рынке. Тем не менее, любой читатель имеет возможность совместить две таблицы и получить место региональных компаний на рынке исследований в целом. (В этом случае он сможет легко убедиться в том, что региональные исследователи теснят многих столичных коллег на рынке подрядов.)

Подобно таблицам по рынку в целом, в таблицы по региональной его составляющей мы включили те компании, которые получили максимальные значения по оцениваемым параметрам. Кроме того, мы исключили Фонд социальных исследований (г. Самара) поскольку он выступал непосредственным оператором данного проекта. В результате по каждому параметру приведено три компании, получившие наибольшие оценки.

Т а б л и ц а 1 6 .

Финансово-экономический ресурс		
2007	Компания	Объем ресурса
1	СОЦИС (Ярославль)	5,9
2	Комкон-Саратов (Саратов)	5,8
3	Социум (Екатеринбург)	5,4
Четкость организации работы		
1	СОЦИС (Ярославль)	6,8
2	Комкон-Саратов (Саратов)	6,5
3	Фактор (Ростов)	6,8
Технологический ресурс		
1	СОЦИС (Ярославль)	6,0
2	Фактор (Ростов)	5,5
3	Социум (Екатеринбург)	6,0
Кадровый ресурс		
1	СОЦИС (Ярославль)	7,2
2	Комкон-Саратов (Саратов)	6,9
3	Фактор (Ростов)	7,2
Символический ресурс		
1	СОЦИС (Ярославль)	5,9
2	Фактор (Ростов)	5,3
3	Комкон-Саратов (Саратов)	5,9

Оценка профессиональным сообществом динамики рынка

Примерно девять из каждых десяти (93%) региональных исследовательских компаний представляют собой независимые агентства, при этом эта доля по сравнению с прошлым годом, по крайней мере, не уменьшилась.

Т а б л и ц а 17.

Организационный региональных исследовательских компаний		
	2007	2006
неформальный творческий коллектив	1,0%	4,8%
самостоятельная компания	93,2%	89,2%
дочернее предприятие	2,9%	1,2%
подразделение более крупной компании	2,9%	4,8%

Хорошо известно, что часть региональных подрядчиков помимо исследований занимаются и другими видами работ, как связанных с исследовательским бизнесом (консалтинг, рекламная деятельность и пр.), так и весьма далеким от него (такси и пр.). Как показывают результаты проведенного исследования, в среднем на долю неисследовательской деятельности пришлось 16% оборота региональной компании. Причем за год эта доля практически не изменилась (15%).

Как сообщает Объединение исследователей рынка и общественного мнения (ОИРОМ) рынок poll opinion and marketing research в РФ в 2007 году составил 260 млн долларов. Как свидетельствуют результаты нашего исследования, в регионах было выполнено работ полного цикла на сумму около 29,1 млн долл., что составляет примерно 12% от всего рынка исследований в РФ. В 2006 году эта доля составила 10%, что показывает на рост, пусть и небольшой, региональной составляющей рынка исследований.

Косвенные свидетельства указывают на то, что в подобных исследованиях невозможно учесть целые сегменты рынка исследований. Дело в том, что часть подрядов на исследования выполняют маркетинговые агентства, которые делают их в комплексе маркетинговых мероприятий для своих клиентов. Даже если они проводят исследования в других регионах, они обращаются к таким же маркетинговым агентствам, как они и сами. Причем, чаще всего, такие агентства располагаются в регионах, поскольку их столичные коллеги предпочитают более узкую специализацию, справедливо видя в этом более высокое качество проведенных работ, и передают подряды на исследования в исследовательские агентства.

В 2007 году региональные подряды составили примерно 62% совокупного оборота локальных исследователей, что несколько выше уровня 2006 года. Это говорит о том, что доля собственно полевых работ, проводимых по заказу национальных компаний в регионах, росла еще быстрее. Действительно, по отчетам наших респондентов было выполнено работ примерно на 77 млн долл., что составляет около 31% заявленного ОИРОМ объема рынка исследований. Иначе говоря, доля полевых работ в общей стоимости исследований составила не более трети всей стоимости.

ЗЕЛЕННЫЕ ПАРТИИ В РОССИИ И В МИРЕ. ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Вступление

Зеленые партии сегодня стали заметной чертой политического ландшафта во многих странах, прежде всего в Европе. Избранные впервые в Национальную ассамблею Швейцарии в 1979 году, в конце 1990-х годов представители от зеленых партий вошли в национальные парламенты многих государств, имели широкое представительство в местных законодательных органах, вошли в правящие коалиции нескольких стран Европы. Кроме Европы, зеленые партии есть в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, в некоторых других государствах. Россия не исключение. Здесь за последние двадцать лет предпринималась не одна попытка создать зеленую партию. Однако все они на сегодняшний день кончились неудачей. В своем исследовании я намеревался проанализировать, как проходило становление «зелёных» политических инициатив в Западной Европе и в России? Какие факторы влияют и могут повлиять на судьбу зелёной политики в России. Возможно ли в России создание зеленой партии, способной пройти в парламент? Какие факторы могут повлиять на это? Возможно ли в ближайшем будущем создание успешной зеленой партии в России?

К истории зеленых партий

В начале 1980-х годов зеленые партии становятся заметной чертой политического ландшафта Западной Европы. Еще в конце 1960-х годов темами политических дебатов становятся такие вопросы, как загрязнение воды и воздуха, сохранение ресурсов и т. д. С начала 1970-х широкое осознание разрушения окружающей среды стало очевидным. Экологические проблемы становятся одними из центральных политических вопросов в Западной Европе. Известный доклад Римского клуба «Границы роста» стал символическим для проблем, связанных с разрушением окружающей среды. Во многих европейских странах политизация экологических вопросов привела к созданию экологических групп на местном и региональном уровнях.

Проблема атомной энергетики показала необходимость организации общественных движений на национальном уровне, т. к. энергетические проблемы не могли быть решены политически на местном уровне. В различных странах организуются национальные «антиядерные» организации. В конце 1970-х годов в некоторых европейских странах становится заметным другой вопрос: размещение атомных ракет в Западной Европе. Это вызвало многочисленные акции протеста. Кроме того, как отмечают многие политологи, во многих европейских странах усиливается обеспокоенность вопросами качества демократии. Протесты против разрушения окружающей среды, существование АЭС, страх перед ядерным вооружением стали регулярным новым элементом в политическом поведении многих европейцев (Muller-Rommel 1994). Большинство зеленых партий в

Западной Европе имеет общее прошлое. Они начинались как сети и союзы движений гражданских инициатив на местном уровне, создаваясь в основном вокруг социальных и экологических вопросов, отрицавшимися устоявшимися партиями (Muller-Rommel 1994). Заметным событием в истории зеленых партий стала появление и успехи Зеленой партии Германии. Она стала самой заметной и успешной зеленой партией после того, как в 1983 года смогла пройти в парламент. Хотя на выборах 1980 года партия получила только 1,5%, она продемонстрировала способность получать места в земельных парламентах. На выборах 1983 года Зеленая партия получила 5,6% и 28 мест.

К началу 90-х годов зеленые партии уже существовали в большинстве стран Европы.

Зеленая идеология

Основные принципы «зеленой идеологии» были определены немецкими зелеными в 1980-е годы: 1) экологическая ответственность или устойчивость; 2) социальная справедливость; 3) демократия снизу (grassroots); 4) ненасилие (Carter 2001: 44–49; Doherty 2002: 67–73).

Зеленые партии, желающие контролировать рынок, но не ликвидировать его, и относящиеся с подозрением к государству и отрицающие любую форму командной экономики, занимают широкий левый центр (Carter 2001: 76–77). Сравнивая программы зеленых партий из 12 стран ЕС в середине 1980-х, Thomas Poguntke отметил общую позицию по 10 политическим вопросам. Это: 1) неприятие экономического роста; 2) оппозиция атомной энергетики; 3) защита гражданских свобод; 4) требование терпимости к альтернативному стилю жизни; 5) феминизм; 6) демократия участия; 7) левизна (Leftism), включающая рабочий контроль, эгалитарную политику и больший общественный контроль экономического процесса; 8) распределение богатства от стран «первого мира» к странам «третьего мира»; 9) оппозиция развертывания крылатых ракет; 10) одностороннее разоружение (Doherty 2002: 227). В то же время зеленые партии серьезно отличаются между собой. В литературе они подразделяются на «чисто зеленые реформистские партии» и «альтернативные зеленые радикальные партии» (Hino 2003).

Зеленые партии в Восточной Европе

Большинство Зеленых партий Восточной и Центральной Европы возникло на волне крушения коммунистических режимов 1989 и 1990 годов (Jordan 1998). В некоторых странах Зеленые движения сыграли свою роль в бурных изменениях 1989 года (например, Экогласность в Болгарии, движение против дамбы в Венгрии) или участвовали в движениях за независимость (государства Балтии) (Jordan 1998). Зеленые партии вошли в парламенты многих стран Восточной и Центральной Европы. Некоторые из них вошли в правительственные коалиции (государства Балтии, Словения, позднее Грузия) и играли активную роль в принятии законов в области охраны окружающей среды. Однако, зеленые партии так не смогли стать политической силой в переходный период (Frankland 1995: 318). В Восточной Европе им

не удалось реализовать политический потенциал после революции. В то время, как экологические группы оказывались в центре оппозиции некоторых стран Восточной Европы, отмечает Дик Ричардсон, очевидно, что не разрушение окружающей среды, происходившее при бывших режимах, но проблемы национальной идентичности и движение к рыночно-ориентированной экономике доминировали в политической повестке посткоммунистических государств (Richardson 1995: 15).

Зеленые партии в России

За последние почти двадцать лет в России предпринималось по крайней мере пять попыток создать зеленую партию. Все они закончились неудачей. Кратко остановимся на них.

1. Первые попытки создать Зеленую партию в России, как и в большинстве стран Восточной Европы, относятся к концу 1980-х годов. В декабре 1988 года на I съезде Социально-Экологического Союза (СОЭС) объявило о своем создании Движение за создание партии зеленых (ДСПЗ). Проект создания партии, оглашенный на съезде инициативной группой, одобрения большинства съезда СОЭС не получил, после чего сторонники этой идеи, не выходя из СОЭС, решили строить ДСПЗ самостоятельно. В марте 1990 года на съезде ДСПЗ в Москве была провозглашена Партия зеленых (ПЗ). В качестве временного программного документа был принят «Цели и задачи Партии зеленых», определявшие партию как «экосоциалистическую, базисно-демократическую, антиавторитарную и принципиально альтернативную по отношению к существующим политическим партиям» (Лига...1992). Партия Зеленых была организована на принципах полной автономии местных организаций и базисной демократии: принятие решений «снизу-вверх», максимальные прерогативы низовым структурам (общим собраниям, референдумам на местах); императивный мандат (делегирование полномочий низовыми структурами своим делегатам на высшие органы партии); ротация. Партия Зеленых предполагала бороться против тоталитаризма, индустриальной экспансии, фашистских тенденций, за расширение сферы самоуправления. Если говорить о социально-профессиональном составе партии, то это была преимущественно молодежь (старшие школьники, студенты и др.), в ряде городов научная интеллигенция, творческие работники, учителя и т. д. Развернувшийся в 1990–1991 годах конфликт привел партию к расколу на Российскую партию Зеленых (РПЗ) и Лигу Зеленых партий (ЛЗП) в 1991 году [Александр Шубин Социальная стратегия].
2. Основной формой деятельности ЛЗП были прямые действия, такие как блокада Балаковской АЭС (летом 1990 года), участие в экологическом лагере протеста в Запорожье (летом 1991 года) и др. Суммарная численность организаций ЛЗП насчитывала на 1992 год около 1,5 тыс. человек (Лига... 1992).
3. I съезд РПЗ прошел в Ленинграде в июне 1991 года. Инициаторами съезда были Партия зеленых Ленинграда и Московская организация Партии зеленых. Съезд принял Устав, Декларацию и резолюции против атомной энергетики, за открытие экологической информации, поощрение экологически чистых способов энергодобычи и производства, а также за сотрудничество с демократическими парти-

ями и движениями по вопросам борьбы за экологию и гражданские права. РПЗ заявила, что является преемницей Партии зеленых. Тем не менее, была принята резолюция о сотрудничестве с ЛПЗ. РПЗ возглавил Совет сопредседателей (13 человек из разных регионов). В августе 1992 года II съезд РПЗ выступил против «антиэкологической политики» правительства и принял резолюцию о «конструктивной демократической оппозиции РПЗ». Партия высказалась за созыв Учредительного Собрания с целью обсуждения и принятия Конституции при сохранении всех полномочий старого парламента вплоть до выборов по новой Конституции. РПЗ имела по 1–2 депутатов в городском Совете Москвы, подмосковных Мытищ, Фрязино, Санкт-Петербурга, Норильска, Тамбова, Рязани и областном Совете Владивостока. Суммарная численность групп и организаций РПЗ насчитывала около 1,5 тыс. человек (Российская... 1992). «Зеленые» предложили несколько десятков поправок к президентскому и парламентскому проектам Конституции, в частности, категорически выступив против частной собственности на недра, воды, животный и растительный мир и предложив ряд мер для ослабления президентской власти в пользу представительной и центральной власти — в пользу региональных властей при условии соблюдения ими экологических, социальных и гражданских стандартов. Участие «зеленых» в Конституционном совещании, по мнению А. Шубина, позволило закрепить в основном законе несколько положений, гарантирующих экологические права граждан. Участие в Конституционном совещании было пиком политической деятельности «зеленых» этого периода (Шубин 1997). На выборах 1993 г. они потерпели поражение, не успев собрать положенного количества подписей, и таким образом РПЗ не смогла участвовать в выборах. Важнейшая причина неудач заключалась, по мнению А. Шубина, в том, что значительная часть активистов СОЭС «саботировала» сбор подписей, не стремясь к участию в политике, считая, что связь социально-политических и экологических процессов невелика (Шубин 1997).

4. Неудача в предвыборной кампании 1993 г. вызвала разочарование «зеленых» в политике. Нежелание многих «классических» зеленых участвовать в политике, конфликты в рядах тех, кто все же решился на такой шаг привели к тому, что их партийные проекты оставались слабыми и нежизнеспособными (Макаркин 2005). В этой ситуации на политической сцене появляются так называемые «конструктивные» экологи. Движение КЕДР было основано в 1993 году и по крайней мере на первых порах фактически являлось корпоративной структурой Санэпиднадзора. Разветвленная структура комитетов по санэпиднадзору обеспечивал КЕДРУ устойчивость, обеспечивая ему сеть региональных организаций. Политическая слабость «классических» экологов создавала «конструктивным» максимально благоприятные условия — вплоть до создания «Зеленой России» они фактически монополизировали экологическую тему в политическом пространстве (Макаркин 2005). Однако КЕДР столкнулся с тяжелой электоральной проблемой, которую ему так и не удалось решить. Значение экологической тематики для избирателей к тому времени уже сильно снизилось по сравнению с перестроечными временами, когда охрана природы была одной из наиболее общественно значимых тем.

- К 1993 году тема экологии отошла на второй-третий план — ее вытеснили социально-экономические проблемы, связанные с последствиями реформ. Кроме того, в экологически неблагоприятных регионах работники предприятий, не соблюдающих природоохранные нормы, готовы рисковать своим здоровьем, но при этом сохранить рабочие места. Деятельность же экологов эта часть избирателей рассматривает как угрозу для выживания своих семей. То же самое относится и к АЭС — на смену экологическим движениям конца 1980-х годов, требовавших запрета атомной энергетики, пришло представление о том, что она является необходимым компонентом экономики (Макаркин 2005). В феврале 2002 КЕДР был преобразован в политическую партию «Российская экологическая партия «Зеленые». В течение всей своей истории «конструктивные» экологи принимали участие в различных кремлевских политических проектах. «Конструктивные» экологи сотрудничали не только с Кремлем, но и с РСПП. Их партнерство с бизнесом не ограничивается контактами с РСПП — так, близкая к партии организация, Российская экологическая независимая экспертиза (РЭНЭ), проводит исследования для крупных фирм. Таким образом, «конструктивные» экологи, несмотря на ряд электоральных неудач, вписались в российский политический ландшафт, нашли общий язык и с Кремлем, и с бизнесом (Макаркин 2005). В 2003 году экологическую тему использовала не только РЭП «Зеленые», но и другая прокремлевская политическая сила — Российская партия жизни во главе со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым. Источниками ее формирования стали, в частности, партия «Миллион друзей», союз общественных объединений «Российский экологический конгресс», общественно-политического союза «Женщины за здоровье нации», международная ассоциация «Зеленый крест» и Российский Красный Крест. Однако в реальной избирательной кампании 2003 года природоохранная тема в РГЖ оказалась на периферии (Макаркин 2005).
5. Последняя по времени попытка создания зеленой партии пришлось на 2004–2005 годы. 2 Марта 2004 года в Москве состоялась встреча Инициативной группы по подготовке к созданию Союза зеленых России (Общероссийской партии зеленых). В инициативную группу вошли известные в стране активисты экологического движения. 20 сентября 2004 года инициатива по созданию зеленой партии была официально зарегистрирована, и начал действовать Оргкомитет по главе с известным экологом и общественным деятелем Алексеем Яблоковым. В этой работе приняли участие видные представители региональных и общероссийских общественных организаций из более чем 50 субъектов Федерации. 5 июня 2005 года в городе Королев Московской области прошел учредительный съезд политической партии «Союз зеленых России» («Зеленая Россия»). В поддержку создания партии высказались крупнейшие экологические организации России — Международный Социально-экологический союз, WWF России, Гринпис России, «Байкальская экологическая волна» и другие. Председателем партии был избран член Международного социально-экологического союза Алексей Яблоков (Москва). Председателем Федерального политического совета партии избран член МСоЭС, Александр Никитин (Санкт-Петербург), председателем Координационного совета партии избрана член МСоЭС Ольга Пицунова (Саратов).

«Зелёная Россия» выразила намерение тесно сотрудничать с политическими силами демократической направленности. Программные цели партии, помимо чисто экологической составляющей включают развитие федерализма, повышение самостоятельности региональных и местных органов власти, восстановление независимости представительной, исполнительной и судебной ветвей власти, укрепление самостоятельности и расширение властных полномочий местного самоуправления; обеспечение конституционных прав на труд, образование, лечение, благополучие в старости и т. д. А. Макаркин отмечал очевидное стремление выйти за пределы экологической тематики, связанное с пониманием ограниченности электоральных возможностей на этом направлении и подчеркивание своей общедемократической идентичности. В партии с самого начала сложились два крыла — либеральное (А. В. Яблоков, А. К. Никитин, О. Д. Цепилова, В. А. Кузнецов, Н. И. Миронова) и лево-социалистическое (А. В. Шубин, О. Н. Пицунова, Д. Ж. Георгис, А. В. Федоров, А. Н. Чумаков). В сентябре 2005 г. «Зеленая Россия» вступила в региональный избирательный блок «Яблоко — объединенные демократы» во главе с партией «Яблоко» на выборах в Московскую городскую Думу МГД, а председатель партии «Зеленая Россия» А. Яблоков вошел в список кандидатов от «Яблока» в качестве председателя партии «Зеленая Россия». Союз с «Яблоком» и как следствие с партией СПС (также вошедшей в московский избирательный блок «Объединенные демократы») вызвал протесты левого крыла и привел к существенному размежеванию в партии. Часть левого крыла (Шубин, Георгис, Пицунова, Разбаш) выступили с резкой критикой А. Яблокова и фактически отделились. Как и предполагалось экспертами, партии не удалось достигнуть требуемой численности 50 тысяч человек. Членами «Зеленой России» стало 17 тысяч. В начале декабря 2005 в Минюст было передано (и принято) уведомление о прекращении деятельности структур партии «Союз Зеленых России» в связи с невыполнением в срок требования Закона о партиях о необходимом наборе численности в 50 тыс человек. Одновременно была образована инициативная группа по созданию новой партии зеленых (в группу в основном вошли представители либерального крыла). С марта 2006 г. «Зеленая Россия» становится фракцией в партии «Яблоко» с сохранением незарегистрированных структур движения — оргкомитета партии (в июне 2006 съезд партии «Яблоко» утвердил создание нескольких внутрипартийных фракций, в том числе фракции «Зеленая Россия»). Это не удивительно. «Яблоко» традиционно активно использует экологическую тематику в своей деятельности. Она вместе с экологами пыталась инициировать проведение общероссийского референдума по проблеме ядерных отходов. Еще при начале деятельности «Зеленой России» один из лидеров «Яблока» Сергей Митрохин считал, что «зеленые» могли бы получить в рамках его партии статус фракции и пост сопредседателя.

Факторы, влияющие на успехи зеленых партий

В разных странах зеленые партии имели различный успех на выборах в парламенты. В этом отношении страны Европы можно разделить на несколько групп (Carter 2001) (см. Таблицу 3.):

- 1) Западная Германия, Бельгия, Швейцария и Люксембург — зеленые партии получали по крайней мере 5% голосов в 1980-х годах и регулярно избирались в национальные парламенты.
- 2) Финляндия, Франция, Австрия, Нидерланды — зеленые партии не получали в среднем 5% голосов на национальных выборах до 1990-х годов, но в 1990-е годы укрепили свои позиции.
- 3) Швеция, Италия, Греция, Ирландия и Португалия — зеленым, хотя и удается попадать в парламент, но они получают небольшой процент на выборах.
- 4) Великобритания, Норвегия, Дания и Испания — зеленые партии не смогли получить представительство в национальных парламентах.
- 5) Страны бывшего соцлагеря и государства, входившие в качестве союзных республик в СССР — в большинстве из них зеленые партии смогли получить на первых демократических выборах представительство в национальных парламентах, но затем сдали свои позиции; в некоторых их представителям вообще не удавалось проходить в парламенты (Польша, Венгрия).
- 6) Россия. Зеленые партии не смогли получить представительство в национальном парламенте.

Как мы видим, зеленые партии в России почти за 20 лет так и не смогли стать реальной политической силой. Возникает вопрос, почему у зеленых партий такие разные результаты на выборах? И в чем причина неуспеха «зеленых» в России? Электоральный успех или неудачу зеленых партий объясняют несколькими факторами (Carter):

- 1) тревогой за состояние окружающей среды;
- 2) ростом новых общественных движений;
- 3) появлением нового среднего класса;
- 4) постматериалистическими ценностями;
- 5) электоральными и институциональными системами.

Остановимся отдельно на каждом из этих факторов и посмотрим, могли ли они повлиять на неуспех «зеленых» политиков в России.

Тревога за окружающую среду

Как пишет Крис Рутс, нет сомнения, что расширение электората зеленых партий было построено на беспрецедентном осознании экологических проблем. Например, доля граждан стран ЕЭС, осознающих проблемы окружающей среды как очень важные выросла всего за 6 лет, с 1983 по 1989 год, на 22% (Hofrichter, Reif 1990: 130). В то же время осознание ухудшения состояния окружающей среды есть необходимым условием поддержки зеленых партий, но недостаточное (Rootes 1995: 232). Не существует прямой связи между состоянием экологического сознания в стране и уровнем электоральной поддержки зеленых партий. К примеру, окружающая среда является постоянно заметным политическим вопросом в Дании и Норвегии, но там есть только небольшие и слабо поддерживаемые зеленые партии. В то же время бельгийские зеленые партии одни из самых успешных, несмотря на то, что в Бельгии самый низкий

уровень экологического сознания из всех стран ЕС (Rootes 1995: 232). Дело в том, что осознание экологических проблем — одно дело, а готовность поставить вопросы окружающей среды впереди других важных вопросов и делать их основой политического выбора — совершенно другое (Rootes 1995: 233).

Если мы посмотрим на то, как мог повлиять этот фактор в России, мы увидим неодназначную картину. С одной стороны, на вопрос «Как Вы оцениваете качество экологии?» в 1992 году в России ответили очень или довольно плохо: 88% респондентов о ситуации в стране и 70% о месте проживания, что гораздо больше, чем в западноевропейских странах, США и Канаде (Дэнлап, Геллап А., Геллап Д 1992: 14). Почти через 10 лет, в 2001 году на вопрос «Вас лично беспокоит или не беспокоит экологическая ситуация в Вашем регионе?» 86% респондентов ответили, что беспокоит. А на вопрос «Как Вы полагаете, экологическая ситуация в России, то есть состояние природной окружающей среды, в последние годы улучшается, ухудшается или остается неизменной?» 65% респондентов заявило, что ухудшается (Преснякова 2001). Мы видим, что подавляющее число опрошенных в России было обеспокоено состоянием окружающей среды.

В тоже время мы видим, что в России, несмотря на обеспокоенность состоянием окружающей среды, другие проблемы волновали граждан куда сильнее и со временем экологические проблемы стали волновать все меньшее число людей. Если опросы, проведенные ВЦИОМ в 1989–1990 годах показали, что в перечне 10–12 острейших проблем, вызывающих тревогу общества «загрязнение окружающей среды» заняло 5-е место (впереди шли такие проблемы, как «низкие доходы населения», «рост цен», «дефицит продовольствия и потребительских товаров», «трудности с жильем») (Докторов, Сафронов, Фирсов 1992: 53), то уже в 1995 году мы видим, что эта проблема перешла на 11, а в 2005 на 12 место (Мониторинг... 1995, Вестник...2005). На вопрос «На каких проблемах должен сосредоточиться новый президент России?» только 16% назвали «защита окружающей среды» и эта проблема заняла 8 место из 11, в то время как «экономический рост, подъем экономики страны» отметили 73%, а «наведение порядка в стране, укрепление законности» — 55% (Седов 2006). Респонденты ни упомянули ни разу экологические проблемы, отвечая на открытые вопросы ФОМа (опрос проводился в ноябре 2001 года) о самых главных проблемах страны и самых главных проблемах для них и их семей. Это может говорить о несформированности экологического сознания россиян. Экологические сюжеты находятся на «периферии», не входят в круг «ближних», повседневных установок и ценностных ориентаций, которые определяют поведение граждан, в том числе и политическое (Преснякова 2001).

Чтобы сравнить уровень обеспокоенности граждан России с гражданами других стран, я обратился к исследованию Аксея Францена (Franzen 2003)¹. Если мы посмотрим на результаты (см. Таблицу 1), то увидим, что в России, как в 1993, так и в 2000 году население было менее озабочено экологическими проблемами, чем население стран Западной Европы, США и Канады. Из западноевропейских стран только опрошенные в Португалии

¹ В этом исследовании автор разработал индекс экологической обеспокоенности, построенный на основании результатов опроса, в котором респондентам были заданы вопросы, связанные с проблемами окружающей среды

показали меньший уровень экологической тревоги. Население других восточноевропейских государств, в которых проводился опрос, показало довольно близкий к российским уровень экологической тревоги (за исключением Словении с более высоким уровнем тревоги).

Новые общественные движения

Новые общественные движения (НОД), в основном студенческое, антиядерное, женское движения и движение за мир, ответственны за большую часть коллективного социального протеста в Западной Европе, начиная с конца 1960-х годов. Активность НОД была определенно катализатором для развития зеленых партий в некоторых странах. Широкая коалиция экологических и левых групп привела к формированию зеленых партий в Германии, Франции, Люксембурге и Финляндии. В Австрии и Швейцарии зеленые партии возникли из кампаний за проведение референдума против АЭС.

В то же время, некоторые зеленые партии, особенно в Великобритании, Ирландии, Швеции, странах Восточной Европы не имели корней в НОД. Кроме того, низкая активность НОД не может объяснить различие между иногда случающимися успехами зеленых на местном, региональном и европейском уровнях и неудачей на национальных выборах. Зеленые партии успешно развивались и в странах со слабыми НОД.

В СССР и России массовое экологическое движение появляется в конце 1980-х годов. Как отмечает Лаура А. Хенгу в конце 1980-х — начале 1990-х годов российское экологическое движение сыграло историческую роль в мобилизации недовольства против государства, (Laura A. Henry 2002: 185). Его базой служили местные инициативные группы, а также комитеты общественного самоуправления в микрорайонах городов, озабоченные состоянием среды своего непосредственного проживания. Это было городское социальное движение, выступавшее против строительства атомных станций, загрязнения, произвола городских властей, за здоровье и безопасную среду обитания. Одновременно названные группы начали бороться за свои гражданские права и свободы. (Яницкий 1996: 132). В России удалось объединить местные экологические движения в национальные и федеративные организации. Конец 1980-х — это тот короткий период, когда общество серьезно воспринимало экологические проблемы. На выборах 1989 года (на Съезд народных депутатов СССР) и 1990 года (на выборах в местные Советы и на Съезд народных депутатов России) годов чуть ли не у каждого кандидата экологический раздел был одним из ключевых пунктов предвыборной программы. Многие кандидаты стали «экологистами» только потому, что их вынудили на это пойти избиратели округов, в которых они баллотировались (Писарева 1994). СоЭС добился больших успехов на выборах 1989 и 1990 годов: при его поддержке народными депутатами СССР были избраны 39 человек, народными депутатами РСФСР 18 человек, почти везде, где были отделения СоЭС, их представители стали депутатами местных Советов и вошли состав комиссий по экологии (Шубин 1997). Экологи были способны мобилизовать тысячи граждан на протесты и демонстрации против дальнейшего развития атомной энергетики. Благодаря массовым протестам экологического движения было закрыто или остановлено строительство более 50 ядерных реакторов (Laura A. Henry 2002: 186).

Однако, местные группы экологистов, отдав своих политических лидеров демократическому движению (а затем — новому депутатскому корпусу), остались и без руководства, и без программы дальнейшего действия. Возможность создания в России достаточно массового политизированного движения была упущена. В период 1990—1991 годы и в особенности в 1992—1994 годы произошло ослабление связи между населением и экологическим движением. (Яницкий 1996: 133). Исследователи говорят о нескольких причинах упадка экологического движения: 1) движение достигло определенного числа первоначальных целей во время перестройки и некоторые сторонники были удовлетворены ранними достижениями; 2) стремительные экономические и политические изменения повлияли на то, что граждане ушли в частные сферы и сфокусировались на личном выживании; 3) частичная демократизация России не дала возможности доступа к процессу принятия политических решений; 4) трудности для экологических групп в поиске внутреннего финансирования (Laura A. Henry 2002: 186).

В то же время экологическое движение не исчезло. Потенциал социальной и политической мобилизации вокруг экологической проблематики, по мнению некоторых авторов, существует, хотя он и меньше, чем может показаться на первый взгляд. Например несмотря на то, что 30% опрошенных были готовы принять участие в деятельности какой-либо экологической организации (Преснякова 2001), только 0,9% являлись членами экологических организаций на 2000 год (ISSP 2000). Данные Левады-центра за 2006 год еще более пессимистичны. По ним только 0,2% опрошенных являются членами экологических организаций, но, что, возможно, еще важнее, знают о таких организациях 16%, а считают полезными всего 13% (Дубин 2006). В то же время, коалиции экологических организаций удалось собрать почти 2,5 млн подписей в поддержку проведения референдума о вывозе отработанных ядерных отходов — беспрецедентный успех экологического вопроса в постсоветский период (Laura A. Henry 2002: 200).

Упадок экологического движения между 1993 и 2000 годами мы можем увидеть по косвенным данным (см. Таблицы 4 и 5): это доля граждан, тем или иным образом участвовавших в экологических акциях (участие в демонстрациях и других акциях протеста, подписание петиций, финансовая помощь экологическим организациям, членство в экологических организациях). В то же время мы видим по этим данным слабость поддержки экологического движения в России по сравнению со странами Западной Европы, США, Канады и Новой Зеландии. Кроме того, необходимо сказать, что в России вообще не было движений борьбы за мир, а также практически не было серьезного ни женского, ни студенческих движений, серьезно повлиявших на создание зеленых партий во многих странах Западной Европы.

Новый средний класс

В экономике и социальной структуре развитых капиталистических стран после войны произошли фундаментальные изменения. Сокращение традиционной промышленности и рост сектора сферы обслуживания привел к серьезному сдвигу в структуре занятости с сокращением традиционного «голубоворотничкового» рабочего класса и расширения «беловоротничкового» сектора (Carter 2001). Появился

новый средний класс: высокообразованный, профессиональный, хорошо зарабатывающий и обладающий экономической безопасностью. Этот новый средний класс способен быть более критичным по отношению к устоявшимся политическим партиям, бюрократии и доминирующей материалистической повестке. Подавляющее число европейских зеленых партий получило поддержку избирателей, относящихся к новому среднему классу. Исследования показали, что по сравнению с другими партиями избиратели зеленых были молоды, лучше образованы, реже посещали церкви и возможно более относились к общественному сектору или «белым воротничкам».

В то же время, анализ избирателей зеленых партий на выборах в Европарламент, выполненный Франклином и Рудигом, показал, что роль социально-демографических переменных возможно преувеличивается. В целом, социо-демографические переменные объясняли только 5,5% голосования. Кроме того оказалось, что эти переменные более важны для избирателей одних стран (Германии, Нидерландов), чем для других (Великобритании, Франции, Бельгии) (Franklin, Rudig 1991). Мы видим, что даже не во всех западноевропейских странах избиратели, относящиеся к «новому среднему классу» оказались электоральной базой зеленых партий.

В современной России присутствуют компоненты «нового среднего класса», но проблема заключается в том, что «несостоявшиеся кандидаты в средний класс», как называет их О. Шкаратан, т. е. основная масса врачей, учителей, профессоров, относятся к 2/3 населения страны, пребывающих в бедности (О. Шкаратан 2006: 182). «Новые средние» — представители интеллектуальных профессий, претерпели резкие изменения своего социального статуса, престижа, дохода и роли в обществе и претендовать на устойчивое среднее место в социальной иерархии в настоящее время не могут (З. Голенкова, Е. Игитхян, Ю. Голиусова, И. Орехова 2007: 14). Можно предположить, что обеспокоенные прежде всего проблемами выживания, они не могли составить, в отличие от аналогичных социальных групп в промышленно развитых странах Запада, электоральной базы «зеленых». Можно предположить, что в России, как и в странах Восточной Европы, социальной базой зеленых партий не обязательно должен быть «новый средний класс». Например по данным ФОМа социально-демографический профиль потенциального электората экологической партии каким-либо своеобразием не отличается: различные социально-демографические категории представлены в нем более или менее равномерно (Преснякова 2001).

Постматериалистические ценности

Ингلهарт говорит о произошедшей на Западе «тихой революции», в ходе которой приоритеты общества сдвинулись от материалистических к постматериалистическим ценностям, от приоритета физических средств существования и безопасности к усилению самовыражения и качества жизни (Inglehart 1997). Послевоенная эра устойчивого экономического роста породила поколение молодых людей, которые воспринимали свое экономическое благополучие как само собой разумеющегося. Когда потребности в экономической и физической безопасности были достигнуты, люди повернули свое внимание к потребностям более высокого ранга — постматериалистическим.

тическим: качеству жизни, проблемам окружающей среды. Этим можно объяснить студенческие волнения конца 1960-х, появление НОД, зеленых партий. Таким образом, избиратели зеленых скорее должны придерживаться широкого круга постматериалистических ценностей. Они должны быть более обеспокоены такими постматериалистическими вопросами «качества жизни», как мир, права меньшинств, гражданские права и, конечно, защита окружающей среды. Данные говорят, что избиратели, поддерживающие зеленые партии, в Европе отдают предпочтение постматериалистическим ценностям, в частности инврайментализму (Kaelberer 1998).

При этом, как отмечает Картер, существуют серьезные сомнения, что есть прямая связь между постматериалистическими ценностями и озабоченностью в связи с положением окружающей среды. Многие экологические тревоги, такие как угрозы, вызванные ядерной технологией, связью между загрязнением воздуха и астмой, страхами по поводу ГМО продуктов — можно определить как материалистические проблемы, так как они воздействуют на личную безопасность и здоровье (Carter 2001). Привязанность к зеленой политике частично вызывается старыми материалистическими ценностями (хотя и в новой форме). Это может объяснить, почему многие «материалисты» голосуют за зеленых. Определенно, постматериализм не достаточен в объяснении электоральных результатов зеленых партий в Европе. Среди людей, голосующих за зеленые партии, есть как люди с высшим образованием («постматериалисты», экологисты), которые не так боятся за свою собственную безопасность, как обеспокоены глобальными экологическими проблемами, так и люди с меньшим образованием, мотивированные страхом перед угрозами загрязнениями и ядерными отходами, собственной материальной безопасностью (Rootes 1995: 234). Brechin and Kempton, критикуя Инглехарта говорят, что тревога за окружающую среду может иметь два альтернативных объяснения: идеи экологической справедливости, распространяемые через СМИ и/или культурными элитами и с другой стороны инврайментализм как материальная ценность и прямое наблюдение. Именно второе особенно заметно в Восточной Европе (Lee, Norris 2000: 375).

Если говорить о России, то, как видно, здесь наименьшая доля постматериалистов из 26 европейских государств (см. Таблицу 2). Россия близка по этим показателям к странам Восточной Европы. Опрос ISSP (1993) показал, что Россия оказалась самой «материалистической» страной из стран Восточной Европы. Доля материалистов в ней составила 62%, а постматериалистов 1%. (Kyvelidis 2001). А. Андреевкова приводит данные исследований, по которым 21% опрошенных в России может быть назван «чистыми материалистами», в то время как к «чистым постматериалистам» может быть отнесен только 0,1% (Андреевкова 1994: 74).

Электоральные и институциональные системы

Гипотеза о том, что пропорциональная электоральной система положительно влияет на результаты зеленых партий на выборах, подтверждается относительным успехом зеленых партий в Германии, Бельгии, Финляндии, Нидерландах, Швеции и Швейцарии и неудачах в Великобритании, США и Канаде с мажоритарными элек-

торальными системами. В то же время в некоторых странах с пропорциональной системой (Норвегия, Дания, Италия, Испания, Греция) зеленые партии имели мало успеха или не имели вообще. В то время как слабость зеленых партий в Южной Европе исследователи объясняют низким уровнем развития и вследствие этого малым количеством постматериалистов, то в случае с Норвегией и Данией и до недавнего времени Нидерландов они предлагают другие причины.

Все эти страны имеют структурные и институциональные условия, которые могли бы способствовать развитию зеленых партий: относительно большое число постматериалистов, пропорциональные электоральные системы, активный сектор новых общественных движений и высокий уровень инвайментального сознания. Эту загадку может объяснить политическая конкуренция. Когда возникло инвайментальное движение, уже существующие лево-либертарианские партии Дании, Норвегии, Нидерландов включили в свои программы вопросы, беспокоившие зеленых. Соответственно, когда были основаны зеленые партии, их «естественное» политическое пространство было уже занято и лояльность зеленого элетората была отдана другим (Carter 2001).

Кажется, что «смешанная несвязанная» электоральная система России, принятая в 1993 году должна была бы содействовать успеху «зеленых». В то же время существенным фактором, затрудняющим успех, являлся 5% заградительный барьер. В. Гельман отмечает сверхвысокую фрагментацию и высокую конкуренцию на электоральном рынке России в 1990-е годы (Гельман 2004). Возможно это, в сочетании с высоким заградительным барьером, помимо других факторов, о которых говорилось выше, помешало успеху «зеленых» на парламентских выборах. Роль сыграло и скептическое отношение «зеленых» к участию в партийной парламентской деятельности. Как отмечает В. Писарева, на выборах 1993 года большинство «зеленых» не видело смысла в том, чтобы принимать участие в выборах (Писарева 1994). Для тех, кто собирался участвовать в выборах, единственно верным решением было идти через блоки, которые имели шансы перейти пятипроцентный барьер. Единственной независимой экологической организацией, которая пыталась своими усилиями сформировать самостоятельный избирательный блок, был Социально-экологический союз, пытавшийся выдвинуть своих лидеров через Российскую партию «зеленых» (РПЗ). Однако, РПЗ даже не набрала нужного количества подписей.

Если говорить о том, какое место занимали проблема окружающей среды в программах других политических партий, то есть какая из них могла бы привлечь электорат, озбоченный проблемами окружающей среды, то анализ программ политических партий, проведенный Е. Поповой, показал, что предвыборная программа партии «Яблоко» по сравнению с программами других партий на выборах 1995, 1999 и 2003 годов уделяло достаточно большое внимание проблемам экологии по сравнению с другими партиями. Из других крупных политических партий можно отметить, что относительно заметны были проблемы экологии в программе КПРФ 1995 года. (Попова 2005).

Мы видим, что почти все факторы, которые, как считают исследователи, влияют на успех зеленых партий, были неблагоприятны в России. Ослабление экологического движения после 1991 года, отсутствие других новых общественных движений (женское движение, движение за мир), характерных для стран Западной Европы.

Отсутствие, или слабость нового среднего класса, служащего основой как для новых общественных движений, так и для зеленых партий на выборах. Небольшая доля постматериалистов. Если говорить об уровне тревоги за состояние окружающей среды, то с одной стороны оно было высоким, но с другой, проблемы, связанные с экономическим благополучием и безопасностью стояли на первом месте, и доля тех, для кого проблема состояния окружающей среды была наиболее важной постепенно уменьшалась. Казалось бы, смешанная электоральная система в России более благоприятствовала малым партиям, чем чисто мажоритарная. В то же время, высокий проходной порог и высокая фрагментация политических партий могли помешать прохождению в парламент. Возможно, повлияло и скептическое отношение «зеленых» к парламентской деятельности. Сегодня изменения в законодательстве еще более затрудняют прохождение в парламент малым партиям, а значит и зеленым. Что касается роли зеленых партий, при всех различиях в этом отношении Россия радикально не отличается от стран Восточной Европы. Факторы, неблагоприятно сказывающиеся на неудаче в создании сильной зеленой партии в России аналогичны факторам, действующим в странах Восточной Европы. Мы видим, что ни в одной из стран Восточной Европы так и не появилось сильной зеленой партии.

Каковы перспективы зеленой партии в России в ближайшем будущем? Можно предположить, что как у самостоятельной политической силы у зеленой партии нет никаких шансов попасть в парламент. Кроме уже перечисленных факторов, мешавших успеху зеленых на выборах в 1990-е годы, появились новые. Это увеличение проходного порога до 7%, запрещение блоков и др. Так как избирательные блоки запрещены, то зеленая партия не может попасть в парламент как часть межпартийного блока (случай Латвии) или широкой коалиции (случаи Румынии и Болгарии). Единственная возможность пройти «зеленым» в парламент — в составе другой партии на правах фракции. Известен случай Польши, в которой ни одна из зеленых партий самостоятельно не смогла попасть в парламент (Ferguson, Rudig 2002). Польские зеленые смогли пройти в парламент и в правительство благодаря вхождению в качестве «внутренней парламентской лоббистской группы» в одну из политических партий. В результате им удалось достичь ограниченного успеха в парламенте. Сегодня, как уже говорилось, «Зеленая Россия» вошла в «Яблоко» в качестве фракции, надеясь с помощью этой партии попасть в парламент и повлиять на законодательную деятельность. Из всех крупных партий сегодня предвыборная программа «Яблока» более других «неэкологических» партий включает экологическую проблематику, и таким образом возможно ближе «зеленому» электорату. В то же время, по мнению некоторых аналитиков, в плане политических предпочтений состав потенциальных сторонников новой экологической партии весьма неоднороден. Распределение партийных предпочтений внутри электората экологической партии в целом повторяет общероссийскую картину политических предпочтений избирателей (Преснякова 2001). Судя по этим выводам, нельзя сказать, что «Яблоко» может собрать большинство «экологического» электората. При этом и будущее самого «Яблока» сегодня находится под вопросом. Однако, будущее «Яблока» и таким образом будущее зеленых в «Яблоке» выходит за рамки данного исследования.

«Зеленые» политики в России сегодня. Кто они?

Кто сегодня в России «зеленые» политики? Каковы их взгляды на политику, экономику, экологию? Почему и как они участвует в партийной деятельности? В ближайшем будущем предполагается продолжить исследование, и от истории «зеленых» партий в России, факторов, повлиявших на их неудачи, перейти к изучению портрета «зеленого» политика в современной России. Предполагается провести опрос членов фракции «Зеленая Россия» Российской демократической партии «Яблока». На сегодняшний день уже разработана анкета «Зеленые в России. Кто они?». При работе над анкетой были использованы работы исследователей, участвовавших в проекте «Члены европейской зеленой партии», в котором были проведены опросы членов «зеленых» партий в 15 странах. Большую помощь в работе над анкетой оказал старший научный сотрудник Социологического института РАН В. В. Сафронов. При возможности, предполагается сравнение результатов нашего исследования с результатами исследования «зеленых» партий Европы.

В ходе предстоящего исследования предполагается выяснить следующие вопросы:

- Социально-демографический портрет члена фракции «Зеленая Россия» партии «Яблоко»: возраст, образование, тип занятости;
- Связь членов фракции с экологическим движением и другими общественными движениями. Участие в прошлом в деятельности других политических партий;
- Член фракции и жизнь партии: мотивы вступления в партию, степень активности работы в партии (количество времени, посвященного партийной деятельности), формы работы в партии, определение целей партии, отношение к внутрипартийной демократии, оправдание ожиданий респондента от членства в партии;
- Политические взгляды членов фракции: размещение себя и партии на шкале левый-правый; ответы на вопросы, которые могут указать на левые или правые взгляды респондента — роль государства в экономике, национализация, частное предпринимательство; ответы на вопросы, могущие указать на либертарианские взгляды респондента — отношение к сексуальным меньшинствам, вопросы, относящиеся к прямой демократии, иммиграции. Основные проблемы, волнующие респондента. Отношение к другим политическим партиям;
- Предпочтение способов участия в общественной и политической жизни и степень участия в различных формах протеста
- Выбор респондента между экономическим благополучием и устойчивой экологической системой: готовность пожертвовать экономическим благополучием ради сохранения окружающей среды (выбор приоритета экономический рост — сохранение окружающей среды, готовность платить большие цены, большие налоги, закрытие АЭС, закрытие опасных для окружающей среды предприятий)
- Доля постматериалистов среди членов партии партии.

В наши намерения входят в дальнейшем по возможности и сравнительное исследование рядовых членов партии и «партийной элиты» (руководителей региональных отделений, членов федеральных органов партии).

Литература

1. Андреевкова А. В. Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11
2. Вестник общественного мнения, №5 (79) 2005
3. Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка. Российская партийная система: колебания маятника // <http://elis.pstu.ru/gelman2.htm>
4. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Голиусова Ю.В., Орехова И.М. Социально-профессиональный портрет российского среднего класса // Мониторинг общественного мнения. 2007, №3
5. Докторов Б. З., Сафронов В. В., Фирсов Б. М. Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения // Социс. 1992. №12
6. Дубин Б. Всеобщая адаптация как тактика слабых. Риторика власти — установки приближенных — настроения масс // Неприкосновенный запас, №6 (50), 2006
7. Дэнлап Р.Э., Геллап А.М., Геллап Д.Г. Здоровье планеты // Социс, 1992. №12
8. Лига зеленых партий // Прибыловский, В. В.. Словарь новых политических партий и организаций России. — Четвертый вариант, испр. и доп. — М. : Информ.-эксперт. группа «Панорама», 1992
9. Макаркин Алексей Экологическое партийное строительство в России, 2005 // <http://www.politcom.ru/print.php?id=280>
10. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, №5, 1995
11. Писарева Вера Экологическая проблематика в российской политике, 1994 // http://www.igpi.ru/bibl/igpi_publ/monit-brosh/capital/brosh-ecol.html
12. Попова Е.В. Проблемное пространство предвыборного соревнования на федеральных выборах 1994-1995 гг. // Политическая наука, 2005, №2
13. Преснякова Л.А. Проблемы экологии, 2001 // <http://bd.fom.ru/report/map/dd014424>
14. Российская партия зеленых // Прибыловский, В. В.. Словарь новых политических партий и организаций России. — Четвертый вариант, испр. и доп. — М. : Информ.-эксперт. группа «Панорама», 1992
15. Седов Л. А Мнения о стране и мире, или Парадоксы стабильности. Чем более конкретные вопросы задают социологи, тем меньше оптимизма в ответах на них. // Независимая газета, 26.05.2006
16. Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006
17. Шубин Александр Социальная стратегия зеленого движения в России 1997 // <http://www.bukvi.ru/stat1/stat129.html>
18. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. — М.: ИС РАН, 1996.

19. Biorcio Roberto Environmental Protest and Ecological Culture. A Comparative Analysis // ECPR Joint Session in the Workshop «Environmental Protest in Comparative Perspective», Mannheim, 26-31 March 1999
20. Carter, Neil The politics of the environment : Ideas, activism, policy — Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 2001
21. Doherty, Brian. Ideas and actions in the green movement — New York : Routledge, 2002. — (Routledge research in environmental politics; 2)
22. European Green Party Федерация Зеленых партий Европы // <http://www.europeangreens.org/cms/default/gubrik/9/9034.htm>
23. Ferry Martin, Rudig Wolfgang Sofa Parties, Factions and Government Patipation: Greens in Poland // Paper to be Presented at the 52nd Annual Conference of the UK Political Studies Association, University of Aberdeen, 5-7 April 2002
24. Frankland Erich G Green Revolution? The Role of Green Parties in Eastern Europe's Transition, 1989-1994 // East European Quarterly, 1995, Vol. 29, Iss. 3
25. Franklin M., Rudig W. The Greening of Europe. Ecological Voting in the 1989 European Elections // Strathclyde Papers on Government and Politics, № 82, 1991
26. Franzen Axel Environmental Attitudes in International Comparison: an Analysis of the ISSP Surveys 1993 and 2000 // Social Science Quarterly, vol.84, №2, june 2003
27. Henry Laura A. Two Paths to a Greener Future. Environmentalism and Civic Society Development in Russia // Democratization, spring 2002
28. Hino Airo. Recipes for Success? Comparative Analysis of Green Party Manifestos // Paper prepared for the 2nd ECPR Conference at Marburg (18-21 September, 2003)
29. Hofrichter Jurgen, Reif Karlheinz Evolution of Environmental Attitudes in the European Community // Scandinavian Political Studies, vol.13, №2, 1990
30. Inglehart Ronald Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies, Princeton: Princeton University Press, 1997
31. ISSP 2000. Environment, ZA Study 3440 // <http://www.za.uni-koeln.de/data/en/issp/codebooks/ZA3440cdb.pdf>
32. Jordan Gerhard The Greens in Eastern Europe, 1998 // <http://labourfocus.gn.apc.org/GreensLF61.html>
33. Kaelberer M. Party Competition, Social Movements and Postmaterial Values: Exploring the Rise of Green Parties in France and Germany // Contemporary Politics, vol.4, №3, 1998
34. Kyvelidis Ioannis Measuring Post-materialism in Post-Socialist Societies // European Integration online Papers (EIoP), Vol.5 (2001) №2 ; www.eiop/texte/2001-002a.htm
35. Lee Aie-Rie and Norris James A. Attitudes toward environmental issues in East Europe // International Journal of Public Opinion Research, 2000, Vol. 12, № 2

36. Muller-Rommel Ferdinand. The Greens in Western Europe: Similar But Different International Political Science Review/ Revue internationale de science politique, 1985; vol. 6, №4
37. Muller-Rommel Ferdinand Green parties under comparative perspective // Working Paper № 99, Barcelona, 1994 // <http://www.recercat.net/handle/2072/1368>
38. Political Data Handbook: Oxford University Press, 1996
39. Richardson Dick The Green Challenge: Philosophical, Programmatic and Electoral Considerations // The Green Challenge. The development of Green parties in Europe / Edited by Dick Richardson and Chris Rootes. London, New York: Routledge, 1995
40. Rootes Chris Environmental consciousness, institutional structures and political competition in the formation and development of Green parties // The Green Challenge. The development of Green parties in Europe / Edited by Dick Richardson and Chris Rootes, London, New York: Routledge, 1995

Приложения

Т а б л и ц а 1 . Индекс экологической тревоги

Страна	Индекс экологической тревоги	
	1993	2000
Япония	27	27,4
Финляндия	-	27,3
Швейцария	28,7	27,1
Канада	27,6	26,5
Швеция	-	26,3
Нидерланды	27,5	26,2
Австрия	-	26,2
Норвегия	27,1	26,1
Новая Зеландия	26,9	26,0
Ирландия	23,6	25,5
Испания	24,8	25,4
США	25,7	25,1
Великобритания	25,2	25,0
ФРГ	25,8	24,8
Словения	24,6	24,8
Чехия	23	22,9
Россия	23,1	22,6
Латвия	-	21,8
Португалия	-	20,7
Болгария	21,1	20,4
В среднем	25	24,5
Источник: Franzen Axel Environmental Attitudes in International Comparison: an Analysis of the ISSP Surveys 1993 and 2000 // Social Science Quarterly, vol.84, №2, June 2003, pp. 300, 304		

Таблица 2. Постматериалистские ценности (1990-1991)

Страна	Постматериализм
Финляндия	33
Нидерланды	32
Швейцария	30
Франция	27
Бельгия	27
Италия	27
Швеция	25
Германия	25
Испания	25
Великобритания	24
Дания	23
Австрия	22
Ирландия	22
Исландия	21
Норвегия	20
Португалия	17
Чехословакия	16
Литва	16
Словения	16
Болгария	13
Эстония	13
Польша	13
Венгрия	12
Румыния	12
Латвия	12
Россия	11

Источник: Inglehart Ronald Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies, Princeton: Princeton University Press, 1997

Таблица 3. Средний процент, полученный зелеными партиями на выборах, 1975–2005

	1975–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2005
Бельгия, Германия, Люксембург, Швейцария	0,5	5,9	8,3	8,4
Австрия, Финляндия, Нидерланды, Франция	0,5	2,5	6,5	7
Швеция, Ирландия, Италия, Греция, Португалия	0	1,3	1,9	2,3
Дания, Испания, Норвегия, Великобритания	0	0,6	0,6	0,9
Бывшие страны соцлагеря и СНГ	0	0	1,9	0,6
Россия	0	0	1,1	0,4

Источники: Political Data Handbook: Oxford University Press, 1996, pp. 161-165; European Green Party // <http://www.europeangreens.org/cms/default/rubrik/9/9034.htm>, 2006

Таблица 4. Экологическая мобилизация, 1993 г.

Страна	Акции	Петиции	Финансы	Членство
Новая Зеландия	3,8	51,8	45,9	17,3
Нидерланды	4,6	22,9	43,5	16,7
США	2,6	29,3	0	10
Канада	5,9	42,2	38,3	6,5
ФРГ	8,3	30,7	18,9	5,5
Великобритания	2,8	34	27,2	5,2
Норвегия	3,6	17,8	28,1	5
Ирландия	4,3	20,5	22,6	4
Словения	5,6	10,5	7,8	3,7
Чехия	5,8	14,5	5,9	3,2
Испания	5,5	15	10	2,4
Россия	3,9	20,6	9,9	2,4
Болгария	6	8,7	3,8	1,9

Источники: Biorcio Roberto Environmental Protest and Ecological Culture. A Comparative Analysis // ECPR Joint Session in the Workshop "Environmental Protest in Comparative Perspective", Mannheim, 26-31 March 1999; ISSP 2000. Environment, ZA Study 3440 // <http://www.za.uni-koeln.de/data/en/issp/codebooks/ZA3440cdb.pdf>

Таблица 5. Экологическая мобилизация, 2000 г.

Страна	Акции	Петиции	Финансы	Членство
Нидерланды	1,4	21,9	44,8	16,3
Новая Зеландия	4,2	45,4	30,1	11,1
США	3,2	22,3	22,8	8,7
Канада	3,9	26,2	22,7	7,3
Великобритания	3	30,4	24,2	5,9
ФРГ	6,7	32,9	20,8	5,3
Ирландия	5,1	25,2	19,8	3,7
Норвегия	2,7	14,5	28,4	3,7
Словения	4,5	12	10,7	3,7
Чехия	2,8	14,8	9,3	2,9
Испания	8,1	16,1	7,4	1,9
Болгария	3,5	4,9	2,7	1,8
Россия	1,3	4,4	1,6	0,9

Источники: Biorcio Roberto Environmental Protest and Ecological Culture. A Comparative Analysis // ECPR Joint Session in the Workshop "Environmental Protest in Comparative Perspective", Mannheim, 26-31 March 1999; ISSP 2000. Environment, ZA Study 3440 // <http://www.za.uni-koeln.de/data/en/issp/codebooks/ZA3440cdb.pdf>

ТЕРРИТОРИЯ ПРОЖИВАНИЯ И АКТИВНОСТЬ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ В ПОСЕЩЕНИИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

В ноябре 2007 года проведен очередной этап исследования по программе «Мониторинг приобщенности петербуржцев к культурной жизни города». Представляемые результаты основаны на данных инициативного исследования, проведенного социологическим научно-научно исследовательским центром (СНИЦ) в период с 1991 по 2000 гг. I и результатах исследований, выполненных СНИЦ в ноябре 2005, 2006 и 2007 годов по заказу государственного учреждения культуры и дополнительного образования «Институт культурных программ». Метод исследования — телефонный опрос взрослого населения Санкт-Петербурга (18 лет и старше); объем выборки: 1000 респондентов в 2005, 1022 — в 2006 и 3046 человек в 2007 году. Репрезентативность выборки на всех этапах обеспечивалась методом случайного отбора телефонных номеров из массива петербургских домашних телефонов. Относительно генеральной совокупности параметры выборки контролировались по полу и возрасту. Отклонения контролируемых показателей в пределах допустимых значений. Таким образом, представленные результаты могут использоваться для анализа и оценки поведения всего взрослого населения Петербурга.

Коротко об основных результатах. Мы можем утверждать, что проведенный мониторинг позволил зафиксировать устойчивую структуру приобщенности населения Петербурга к культурной жизни города: не менее 50% населения практически не пользуются возможностями проживания в культурной столице России. Примерно 15% горожан составляют группу активных участников культурной жизни.

На уровень приобщенности существенное влияние оказывает:

1. Возраст — средний возраст респондентов с нулевым уровнем приобщенности² составляет 54 года, без учета кино — 50 лет; средний возраст группы с высоким уровнем приобщенности 36 лет, без кино — 41 год. 58% респондентов в возрасте 18–29 лет входят в группу с высоким уровнем приобщенности, в самой старшей возрастной группе — только 9%.

¹ Телефонные опросы проводились: октябрь 1991 г. (опрошено 722 человека), июнь 1993 г. (1254 чел.), июнь 1994 г. (1177 чел.), июнь 1995 г. (1039 чел.), июнь 1996 г. (1056 чел.), июнь 1998 г. (979 чел.), июнь 2000 г. (950 чел.).

² Выделяются четыре группы респондентов по критерию приобщенности: 1. нулевой уровень приобщенности — группу образуют респонденты, которые не были ни разу или были только один раз в течение года в театрах, на различных концертах и выставках; 2. низкий уровень — в группу входят респонденты, побывавшие в течение года где-либо от двух до четырех раз в сумме; 3. средний уровень — от пяти до девяти посещений в сумме; 4. высокий уровень — группу образуют респонденты, побывавшие в течение года где-либо десять и более раз. Распределение респондентов по индексу приобщенности представлено в таблице 3 (последняя строка).

2. Уровень образования респондентов — 75% респондентов группы с высоким уровнем приобщенности без учета кино имеют высшее или незаконченное высшее образование, с учетом кино — 70%; среди респондентов со средним образованием 70% имеют нулевой уровень (без кино), среди респондентов с высшим гуманитарным образованием таковых 31%.
3. Образование родителей — не менее чем у 40% респондентов с высоким уровнем приобщенности оба родителя имеют высшее образование; более чем у 60% респондентов этой группы хотя бы один родитель имеет высшее образование. В группах с нулевым уровнем приобщенности к культурной жизни картина обратная — примерно у 60% респондентов родители без высшего образования. Среди респондентов, чьи родители не имеют высшего образования, только 10% имеют высокий уровень приобщенности, в противоположной группе 25%.

Влияние пола на уровень приобщенности с учетом кино практически отсутствует, но без учета кино оно весьма заметно: доля мужчин в группе с высоким уровнем составляет 31% при их доле в выборке в 44%, доля женщин — 69% (в выборке 56%).

Очевидна также связь социального статуса респондентов с уровнем вовлеченности в культурную жизнь. Нельзя не отметить, что самая высокая доля активных участников культурной жизни фиксируется среди специалистов с высшим образованием, занятых в сфере науки, образования, здравоохранения и т.д. Их доля в группе с высоким уровнем приобщенности (без учета кино) в 2,9 раза больше их доли среди населения. Самыми отчужденными от культурной жизни являются пенсионеры (доля в группе с высоким уровнем приобщенности меньше их доли в выборке в 2,9 раза), рабочие (доля в группе активных участников культурной жизни меньше их доли в выборке в 2,3 раза), домохозяйки (доля «активистов» меньше их доли в выборке в 1,9 раза).

Уровень финансового благосостояния семьи так же оказывает влияние на культурную активность. Это заметнее при учете посещений кинотеатров, но еще более наглядно это видно, если сравнивать доходы в группах с различной частотой посещения учреждений культуры (см. рис.1).

В тоже время следует помнить, что доля петербуржцев с высоким уровнем приобщенности к культурной жизни города невелика — в 2007 году она составляет 27%, если учитывать посещения кинотеатров и только 14% без учета кино, что в 3,7 раза меньше доли группы с нулевым уровнем приобщенности. Это означает, что в абсолютных цифрах, если не учитывать посещения кинотеатров, даже среди молодежи, людей с высшим образованием, приличными доходами и высоким социальным статусом больше тех, кто никуда не ходит, чем завязтых театралов, меломанов и поклонников изобразительных искусств. Другими словами, принадлежность к определенному социальному слою объективно благоприятствует активному включению в культурную жизнь города, но вовсе не гарантирует выбора именно этой модели поведения.

В исследовании 2007 года выборка респондентов была увеличена до трех тысяч человек с целью зафиксировать поведение населения в сфере культуры в разрезе районов проживания. В ходе дальнейшего анализа были выделены три укрупненные

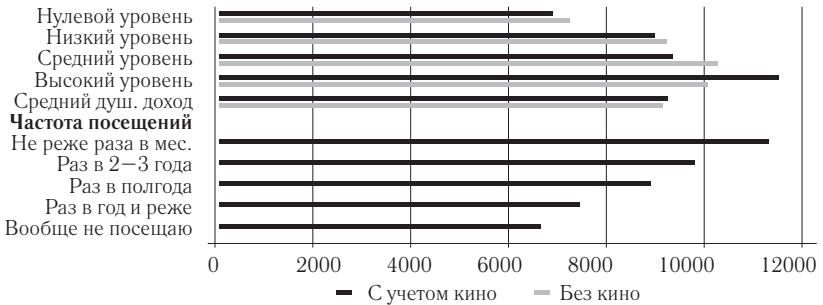

Рисунок 1. Средние душевые доходы в группах по индексу приобщенности и частоте посещения учреждений культуры, рубли

территории: центральные районы (Петроградский, Адмиралтейский и Центральный районы, 12,6% респондентов от всех опрошенных), пригородные (Курортный, Пушкинский, Петродворцовый, Колпинский и Кронштадт, 11,3%) и все остальные районы (76,1%). Кроме того, мы понимали, что более существенным фактором может быть не район проживания, а время, необходимое для того, чтобы добраться до центра города, где расположены большинство учреждений культуры. Понятно, что даже если человек живет, например, в Купчино, но рядом со станцией метро, то ему проще доехать до центра, чем жителю территории, расположенной ближе к центру города, но с плохой транспортной инфраструктурой. Поэтому респондентам был задан вопрос о времени, которое им необходимо, чтобы добраться от места проживания до площади Искусств. Площадь Искусств была выбрана по двум причинам: во-первых, это самый центр, во-вторых, на площади и в непосредственной близости от нее расположены пять театров, Большой и Малый залы филармонии, Русский и Этнографический музеи, то есть свое название площадь носит с полным на то основанием. На рисунке 2 представлены результаты ответов на этот вопрос. Отметим, что 3% респондентов не знают, где в Петербурге находится площадь Искусств, при этом можно предположить, что среди тех 14%, которые затруднились ответить на этот вопрос, немало тоже не знающих о чем идет речь. Естественно, что этот показатель тесно связан с территорией проживания: 65% респондентов, живущих в центральных районах, чтобы добраться до интересующего нас места требуется не более получаса, а у 61% жителей пригородных районов на это уходит до полутора и более часов: (см. табл. 1).

Прежде чем анализировать различия поведения в сфере культуры в зависимости от территории проживания, необходимо посмотреть на особенности социальной структуры проживающего там населения. Половозрастная структура по районам близка к соответствующей структуре по данным переписи 2002 года — отклонения не превышают 2%, что позволяет предположить высокий уровень соответствия полученной структуры выборки по остальным социально-демографическим характеристикам фактической структуре анализируемых территорий.

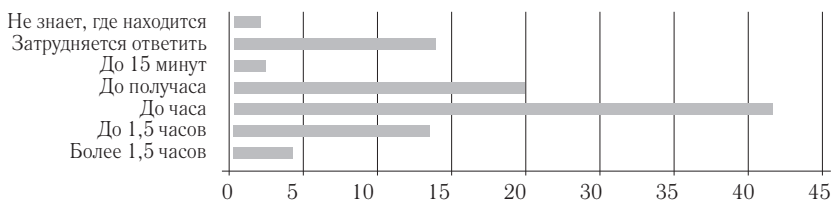

Рисунок 2. Время, чтобы добраться до площади Искусств

Таблица 1. Время, чтобы добраться до площади Искусств по территориям проживания

Группы районов	Время до площади Искусств							Доля группы в выборке
	Не знает, где находится	Затрудняется ответить	До 15 минут	До получаса	До часа	До 1,5 часов	Более 1,5 часов	
Центральные	1,3	10,5	14,6	49,9	22,0	1,2	0,4	12,8
Пригородные	3,7	18,6	—	—	16,9	34,4	26,4	11,3
Все остальные	2,8	14,1	1,3	17,7	50,0	12,2	1,8	76,1
Всего	2,7	14,2	2,9	19,9	42,6	13,3	4,4	100,0

Как видно из цифр таблицы 2, в центральных районах несколько меньше респондентов самой старшей возрастной группы и соответственно, пенсионеров. Кроме того, у жителей всех остальных районов существенно меньше средний уровень душевых доходов, но наиболее заметное различие между респондентами, проживающими на разных территориях, связано с уровнем образования. В центральных районах заметно больше людей с высшим (незаконченным высшим) гуманитарным образованием и еще существенное различие в уровне образования родителей. Так, среди респондентов центральных районов только у 30% родители не имеют высшего образования, в пригородных районах этот показатель равен 52%, в остальных районах — 49%. Таким образом, несмотря на активную внутригородскую миграцию в период массовой застройки спальных районов, население центральных районов города продолжает иметь более высокий уровень образования, поскольку традиционно в центре города жила интеллигенция, чиновничество, потомки дворянских семей, а городские окраины заселяли в основном рабочие и многочисленные мигранты. И в послевоенные годы, и в период массового притока населения в 1960–1970 годах, вызванного постоянной нехваткой рабочих рук в Ленинграде, основная масса приезжих, рекрутируемая из сельской местности и небольших городов, высшего образования не имела. Кроме того, миграция последних лет, связанная с расселением коммуналок и заселением центра города более обеспеченной частью горожан, также способствует увеличению доли образованного населения в центральных районах.

Посмотрим теперь, как связана территория проживания с активностью в посещении театров, музеев, концертных залов. Цифры показывают, что респонденты

Таблица 2. Социально-демографические характеристики респондентов по территориям проживания, по столбцу

Группы респондентов	Территория проживания			
	Центральные районы	Пригородные районы	Все остальные	Доля группы в выборке
Пол				
Мужчины	45,2	45,2	43,5	43,9
Женщины	54,8	54,8	56,5	56,1
Возраст				
18–29 года	20,4	19,8	20,5	20,4
30–39 лет	18,6	21,1	19,3	19,4
40–49 лет	22,9	19,0	19,8	20,1
50–59 лет	15,2	15,4	13,4	13,9
60 лет и старше	22,9	24,6	26,9	26,2
Социальный статус				
рабочие	13,3	12,5	11,7	12,0
служащие без выс. обр.	6,1	8,8	7,2	7,3
специалисты с выс. обр. в сфере науки, образования, здравоохранения, культуры	11,3	8,9	9,7	9,8
специалисты с выс. обр. в других сферах	17,5	14,3	13,1	13,8
Рук-тели и инд. бизнес	3,4	2,6	4,2	3,9
работники силовых структур	1,7	3,1	2,0	2,1
прочие работающие	11,6	9,0	9,2	9,5
студенты	7,6	5,5	7,8	7,5
пенсионеры	22,2	27,8	28,6	27,7
домохозяйки	5,0	5,0	4,4	4,5
прочие неработающие	0,3	2,5	2,1	1,9
Образование				
неполное среднее	1,7	3,5	3,9	3,6
среднее общее (школа)	8,2	11,5	14,7	13,5
среднее проф. (ПТУ)	9,8	13,6	10,7	10,9
среднее специальное (техникум, колледж)	22,1	25,4	19,2	20,2
выс. или нез. в. гум-тарное	33,7	22,6	22,8	24,2
выс. или нез. выс. другое	24,5	23,4	28,7	27,6
Образование родителей				
оба родителя без выс. образ.	29,8	52,4	49,2	47,1
один — среднее, другой — высшее	26,2	19,3	19,9	20,7
оба имеют выс. образование	35,6	21,7	22,5	24,1
затруднение в ответе	8,3	6,6	8,3	8,1
Душевой доход				
затруднение в ответе	17,6	20,8	23,3	22,3
отказ отвечать	15,3	17,2	19,8	19,0
до 4000 рублей	8,5	12,3	14,0	13,1
до 6000 рублей	13,8	14,0	13,2	13,4
до 8000 рублей	11,1	8,4	9,0	9,2
до 10000 рублей	14,5	8,6	9,8	10,2
до 15000 рублей	11,2	11,1	6,5	7,6
более 15000 рублей	7,9	7,6	4,4	5,2
Средний доход, руб.	9554	9447	8302	8616

центральных районов значительно чаще жителей других территорий бывают практически на любых культурных мероприятиях, за исключением концертов народной музыки. Влияние на культурную активность уровня образования мы уже зафиксировали, но, как мне кажется, здесь играет немаловажную роль еще одно обстоятельство. Люди, вырастающие в центре города, в настоящем Петербурге, среди постоянно окружающего их великолепия скульптур и зданий, садов и парков, вместе с воздухом вдыхают ауру старого города, воспитывающую у них потребность в общении с красотой.

Менее выражены, но также заметны различия в посещении учреждений культуры жителями пригородных и всех остальных районов. Только посещение кинотеатров и концертов популярной музыки на этих территориях практически одинаковы, в кино жители пригородных районов в среднем бывают даже чаще. Еще более значимым фактором является отдаленность проживания от центра города: респонденты самых отдаленных территорий реже бывают везде, кроме опять же концертов народной музыки. Естественно, что связь с отдаленностью проживания влияет и на индексы приобщенности к культурной жизни. Это особенно наглядно, если посмотреть доли населения с высоким уровнем приобщенности без учета посещения кинотеатров в зависимости от удаленности от центра города (см. табл. 3). Чем больше времени требуется респондентам, чтобы добраться до площади Искусств, тем меньше среди них людей с высоким уровнем культурной активности. Если сравнить две крайние группы, то среди тех, кому на это надо не более 15 минут 25% входят в группу с высоким уровнем приобщенности, а среди тех, кому требуется более полутора часов только 9%, почти в три раза меньше.

Однако вспомним снова о различиях в образовании респондентов, живущих в разных районах. Что же в большей степени влияет на активность в сфере культуры — образование или отдаленность проживания от центра города? Для ответа на этот вопрос сравним корреляцию образования с индексом приобщенности по центральному и пригородным районам и временем, необходимым, чтобы доехать до центра города (см. табл. 4). Все остальные значимые факторы: возраст, душевые доходы респондентов в этих районах практически не отличаются, что позволяет их не учитывать (см. табл. 2). Мы видим, что существенны оба фактора, но коэффициент корреляции с образованием больше, а значит образованные люди, живущие в отдаленных районах, чаще бывают где-либо, чем люди с низким уровнем образования, проживающие в самом центре. Это подтверждают нам и данные таблицы 5: среди респондентов без высшего образования, живущих в центральных районах, 59% входят в группу с нулевым уровнем приобщенности к культурной жизни (без кино), а среди респондентов пригородных районов, имеющих высшее образование, в нулевой группе оказываются только 41% опрошенных. Если принять во внимание индекс, учитывающий посещение кинотеатров, то цифры показывают даже немного более контрастную картину.

В переменной «районы» оставлены Центральные и пригородные районы; в переменной «время до площади Искусств» удалены респонденты затруднившиеся ответить и не знающие, где такая находится.

Таблица 3. Взаимосвязь индекса приобщенности с территорией проживания

Группы районов	Индекс приобщенности				Индекс приобщенности (без кино)			
	Нулевой уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Нулевой уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Центральные	33,8	14,2	14,7	37,3	41,7	20,8	15,4	21,1
Пригородные	42,5	16,9	15,4	25,2	54,9	17,7	15,7	11,7
Все остальные	43,5	15,4	15,1	26,0	53,1	19,2	14,2	13,4
Время до площади Искусств								
Не знает где находится	51,5	19,3	3,9	25,3	78,1	9,1	7,1	9,7
Затрудняется ответить	67,6	14,0	8,3	10,1	77,6	13,1	7,9	1,5
До 15 минут	33,1	13,9	16,9	36,1	43,7	14,7	16,8	24,9
До получаса	31,3	14,8	15,8	38,1	41,9	20,5	146,9	20,7
До часа	38,4	15,0	17,8	28,8	47,1	20,4	16,3	16,2
До 1,5 часов	43,2	16,4	14,1	26,3	51,6	20,8	15,0	12,7
Более 1,5 часов	41,0	22,4	16,3	20,4	51,6	26,2	13,5	8,7
Всего	42,1	15,4	15,1	27,4	51,9	19,2	14,7	14,2

Таблица 4. Корреляционная матрица. В переменной «районы» оставлены Центральные и пр

		Образование	Время до площади Искусств	Индекс приобщенности	Группы районов
Образование	Коэффициент корреляции	1,0	-0,113**	0,226**	-0,105**
	Sig.	—	,00	,00	,00
	Кол-во респондентов	1095	1095	1095	1095
Время до площади Искусств	Коэффициент корреляции	-0,113**	1,0	-0,128**	0,715**
	Sig.	,00	—	,00	,00
	Кол-во респондентов	1095	1104	1104	1104
Индекс приобщенности	Коэффициент корреляции	0,226**	-0,128**	1,0	-0,119**
	Sig.	0,00	0,00	—	0,00
	Кол-во респондентов	1095	1104	1104	1104
Группы районов	Коэффициент корреляции	-0,105**	0,715**	-0,119**	1,0
	Sig.	0,00	0,00	0,00	—
	Кол-во респондентов	1095	1104	1104	1104

Таблица 5. Индекс приобщенности по районам проживания и наличия высшего образования

Группы респондентов	Индекс приобщенности к культурной жизни							
	С учетом кино				Без кино			
	нуле- вой	низкий	сред- ний	высо- кий	нуле- вой	низкий	сред- ний	высо- кий
Респонденты без высшего образования								
Центральные районы	50,4	17,4	8,8	23,4	59,0	18,9	10,6	11,5
Пригородные районы	52,6	16,2	14,8	16,4	66,4	14,5	11,3	7,8
Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием								
Центральные районы	21,9	11,8	19,0	47,3	29,3	22,1	20,6	28,0
Пригородные районы	29,8	18,2	16,5	35,6	41,0	22,0	20,8	16,2

ЧИТАЮЩИЙ ПЕТЕРБУРГ

В апреле 2007 г. был проведен телефонный репрезентативный опрос 1000 взрослых петербуржцев по проблемам чтения художественной и специальной литературы, журналов и газет, пользования Internet, прослушивания аудиокниг, пользования городскими библиотеками, наличия домашних библиотек. Исследование проводилось совместно СНИЦ и ЦГПБ им. Маяковского.

- 63% опрошенных ответили, что читают художественную литературу и на чтение в среднем тратят 7 часов в неделю.
- 30% читают специальную литературу и прочитывают примерно одну книгу в месяц.
- 70% читают журналы, 80% читают газеты.
- 43% взрослых петербуржцев имеют доступ в Internet.
- 7% прослушивают аудиокниги.
- 25% пользуются городскими библиотеками.
- 88% имеют свои домашние библиотеки.

Конечно, можно ужасаться тому количеству горожан, которое на сегодняшний день остается за бортом читательской культуры: 37% не читают художественной литературы, 70% не читают специальной литературы, треть не берет в руки журналов, 20% не читают газет, 57% не имеют доступа в Internet, 75% не посещают городские библиотеки, 12% не имеют домашних библиотек.

Но мне представляется, что эти цифры с приставкой «не» докатились до своей нижней точки и уже происходит некоторый подъем вверх. Так, в частности, исследование, проведенное СНИЦ, показало, что в 2003 г. не читали художественную литературу 43% — на 6% больше, чем сейчас. И вообще, очень интересно проследить, какие изменения в читательском поведении горожан произошли за эти пять лет — оба исследования были проведены по идентичным методикам (выборка, методы сбора информации), что позволяет провести сопоставления и увидеть динамику.

Естественно, ожидать такого ажиотажного чтения, как было в начале перестройки, не приходится. Вы помните, как миллионными тиражами выходили журналы, а книжные полки в магазинах вдруг оказались завалены прежде запретной или просто недоступной литературой. Книжный рынок образовался мгновенно и ранее всех прочих рынков.

Читали жадно и много.

Но прошло 20 лет, на протяжении которых люди стали иначе жить, научились сколачивать капитал, строить карьеру, получать какое-то иное образование, ездить в Европу и Америку, растить детей и строить жилье. Внедрился в жизнь Internet. Жизнь совершенно переменялась. Времени на чтение остается все меньше. И чтение уходит на периферию человеческой деятельности. Вначале этот процесс носил обвальный характер — резко снижались все показатели чтения: по данным библиотечной статистики это особенно хорошо видно. Затем это падение замедлилось и ко-

леблется незначительно на своих нижних пределах. Такой процесс происходит сейчас во всем мире, мы в этом не одиноки.

Тем более интересно следить за всеми колебаниями в читательском поведении горожан сегодня.

Что же читают петербуржцы? В ответах на различные вопросы о книгах (художественная литература) было названо более 100 писательских имен. Предпочтения отданы современной русской литературе, затем идут отечественная классика, современная зарубежная литература и зарубежная классика. При этом интерес к зарубежной литературе падает, а к отечественной растет. Примерно две трети читающих петербуржцев читают русскую литературу и одна треть — зарубежную.

Самым читаемым автором является Донцова — почти 12% назвали ее книги. Но сравнение рейтингов популярности различных авторов в исследованиях 2003 г. и 2007 г. показывают, что ее аудитория сократилась почти вдвое, в то время как Булгаков с шестого места шагнул на второе, увеличив читательскую аудиторию в четыре раза.

Если рассматривать конкретно названные книги, то бесспорным лидером является «Мастер и Маргарита» (5,3% от всех читающих художественную литературу), на втором месте — «Волкодав» Семеновой, третье место — «Код да Винчи» Брауна, четвертое и пятое места делят «Война и мир» Толстого и «Нефритовые четки» Акунина, на шестом и седьмом местах — «Преступление и наказание» Достоевского и «Слово и дело» Пикуля.

Достоевского в 2003 г. читали на момент опроса только 0,5% от всей читающей публики, сейчас он на пятом месте с ростом аудитории почти в пять раз. Семенова вообще отсутствовала в списке наиболее читаемых авторов, сейчас она на четвертом месте. Представляется, что в значительной степени рост популярности авторов-лидеров (за исключением, пожалуй, Донцовой) обусловлен влиянием кино и телевидения: снятые сериалы по Булгакову и Достоевскому, кино по Семенов и т. д. Устойчиво высокий интерес зафиксирован к произведениям Пикуля, Устиновой, Марининой, которые и в прошлом и в этом исследовании входят в первую десятку наиболее читаемых авторов.

Хочется отметить, что Пушкин, Чехов и Л. Толстой хоть и не вошли на этот раз в группу лидеров, но их читательская аудитория даже немного выросла.

Любители поэзии на сегодня составляют исчезающее меньшинство — 3,6% от читающей аудитории назвали среди последних прочитанных книг поэтическое произведение.

Среди названий прочитанных книг современных авторов 54% — книги, написанные женщинами (а из русской классики только одна женщина — Ахматова). Анализ показывает, что женскую литературу в основном и читают женщины, преимущественно от 30 лет и старше.

Безусловно важно не только что читают петербуржцы, но и как они оценивают прочитанное. Ответы на вопрос, какая книга за последние 2–3 года понравилась больше всего, свидетельствуют о лидерстве «Мастера и Маргариты» Булгакова — каждый десятый опрошенный читатель назвал это произведение. На втором — чет-

вертом месте — «Идиот» Достоевского, «Война и мир» Толстого и «Декоратор» Акунина. Пятое место — «Код да Винчи» Брауна. Таким образом, в первой пятерке мы видим произведения трех представителей русской классики. В 2003 г. в первой пятерке был только Булгаков, и то с очень невысоким рейтингом — 0,5% от всех читателей. Достоевский в 2003 г. располагался в конце списка понравившихся авторов. Поднялся рейтинг Улицкой — в 2003 г. ее вообще не было в лидирующей группе, сейчас она разделяет четвертое и пятое места наряду с Толстым.

Властитель дум среднестатистического читателя 2003 г. — Коэльо, занимавший тогда первую строчку рейтинга, сейчас опустился на скромное 12 место; Донцова, которая была второй в рейтинге, сейчас на девятом месте, то есть ее книги по-прежнему читают многие, но уже скорее по привычке и можно предположить, что в ближайшее время Донцова перестанет быть самым читаемым автором в Петербурге.

В 2003 г. 47% читателей в числе наиболее понравившихся книг называли произведения зарубежных авторов, сейчас только 29%. Снижение произошло за счет падения интереса к современной зарубежной литературе (15% против 32%), доля классических произведений зарубежных авторов, которых называли в числе понравившихся (Гюго, Лондон, Дюма, Ремарк и др.), осталась на том же уровне. Соответственно доля произведений отечественных современных авторов, как наиболее понравившихся, выросла. С 40 до 50% увеличилась доля читателей, которым больше всего понравилось произведение классической литературы, весь пророст обусловлен увеличением аудитории читателей русской классической литературы.

Важно отметить, что интерес к русской классике определяется не только показом сериалов по ТВ. Так, отвечая на вопрос о том, какие книги понравились, читатели называют целый ряд произведений Достоевского помимо романа «Идиот»: «Село Степанчиково и его обитатели», «Белые ночи», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». Круг произведений Булгакова включает повести «Белая гвардия» и «Собачье сердце».

Достаточно обширный перечень имен из раздела русской классики, названных среди последних прочитанных книг, и среди тех книг, что понравились читателям: Пушкин, Чехов, Лев Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Гончаров, Аксаков, Бунин, Салтыков-Щедрин, Лесков, Островский, Мельников-Печерский, Куприн, Вересаев — всего 15 имен. В сумме их назвали 11% из числа читающих художественную литературу; 10% читали зарубежную классику — названо 40 имен; 18% читали советскую классику (26 имен). 2,5% называли совсем не художественную литературу (в этом перечне Библия, Сартр, Мережковский, «Роза мира» Андреева и т. д.), но, очевидно, читатели воспринимают эти книги как художественные по сравнению со своей профессиональной литературой.

Таким образом результаты анализа актуального чтения и предпочтений в недавно прочитанной литературе позволяют сделать вывод об изменениях читательского поведения за последние три года. Характер изменений свидетельствует об уменьшении чтения произведений легкого, развлекательного жанра и росте интереса к серьезной литературе. Симптоматично, что аналогичные тенденции отмечают исследователи и в отношении просмотра телепередач. Так, по данным TNS Gallup Media

снижается интерес петербуржцев к просмотру развлекательных передач: программа «Кривое зеркало» в 2006 г. уменьшила свою аудиторию по сравнению с 2005 г. более чем в два раза, «Аншлаг» смотрело на треть меньше зрителей, при этом растет аудитория серьезных социально-политических программ (журнал «Телескоп», № 1, 2007 г.)

Похоже, что рядовой петербуржец «наелся досыта кровавыми сценами» вперемешку с пошлыми шутками, и становится снова модным читать серьезные книжки, смотреть умное кино. Очень хочется, чтоб так оно и было. К этому можно добавить, что в последние годы почти все журналы, в том числе и «гламурные», предлагают свои списки рекомендательной литературы.

Изучение читателей и чтения является традиционным направлением исследований для Петербурга и имеет многолетнюю историю, начиная с поры изучения бюджетов времени и досуговых занятий. Как правило, исследования читательских интересов предполагали прежде всего изучение отношения к художественной литературе. И все оценки включенности в чтение и читательской активности строились именно на чтении художественной литературы.

В то же время сегодняшняя лавина информации, темпы жизни, стремление побыстрее утвердиться в профессиональной сфере, сделать карьеру, разбогатеть, а то и выйти в верхние эшелоны власти, политики, бизнеса не позволяет расслабляться и тратить время на чтение художественной литературы (если только это не собственная профессия) многим категориям населения. К тому же масса новых вариантов проведения досуга (и зачастую престижных вариантов, требующих непременно участия) также отнимает время. И так, чтение художественной литературы не всегда обязательно. А вот чтение специальной, профессиональной литературы является необходимым условием для продвижения вверх. В исследовании 2007 г. 30% опрошенных ответили, что читают специальную литературу. В среднем за полгода они прочитывают 6 книг, т. е. 1 книгу в месяц. Наибольшую долю читающих мы наблюдаем среди специалистов с высшим образованием, руководителей и предпринимателей (более 50% респондентов в этих группах читают специальную литературу). Тематически наибольший интерес вызывает литература по экономике, гуманитарным наукам, компьютерам и информационным технологиям.

2/3 петербуржцев читают журналы. Максимальная доля среди читателей журналов наблюдается среди специалистов с высшим образованием в сфере науки, культуры, здравоохранения, образования, но в целом каких-то существенных различий, связанных с социальным статусом и образованием респондентов, мы не зафиксировали. Наибольшая читательская аудитория у телевизионных и развлекательных журналов, достаточно большое количество петербуржцев (примерно 10% взрослого населения) читают художественные журналы.

Почти 80% опрошенных читают газеты. Среди читателей несколько больше мужчин, и с возрастом доля читателей газет растет. Минимальная доля читателей газет фиксируется среди молодежи в возрасте 18–24 года, максимальная — среди руководителей и предпринимателей. Тематически наиболее массовыми являются общинформационные и телевизионные газеты.

По данным исследований 2007 г. 43% взрослого населения Петербурга имеют на данный момент доступ в Internet. Очевидна связь пользования Internet с возрастом, образованием, социальным статусом, душевыми доходами респондентов. Максимальную долю мы наблюдаем среди студентов, минимальную — среди респондентов старшей возрастной группы. Чуть больше половины респондентов, от числа имеющих доступ в Internet, пользуются электронными библиотеками и другими информационными ресурсами (примерно каждый пятый взрослый петербуржец). Меньше всего пользователей среди рабочих, людей старшей возрастной группы, имеющих минимальный уровень душевых доходов; больше всего среди молодежи в возрасте 25–29 лет и специалистов в сфере науки, культуры, образования, здравоохранения. 15% от числа пользователей информационными ресурсами (3% от всего взрослого населения города) заявляет, что читают только с помощью новых электронных технологий. Как мы видим, пока нет серьезных оснований говорить, что традиционная форма книги и чтение в опасности — подавляющее большинство «продвинутых» читателей наряду с чтением электронных версий не отказывают себе в удовольствии поддержать книгу в руках, полистать страницы.

Уже достаточно много петербуржцев (7% взрослого населения) слушают аудиокниги и таким образом приобщаются к чтению. Этот способ наиболее распространен среди молодежи. Прослушивание аудиокниг — совмещенное занятие, оно позволяет экономить время. Можно предположить, что такая форма чтения получит более широкое распространение среди разных категорий населения Петербурга.

Петербург — город, где население имеет большое количество домашних библиотек — 88% взрослых петербуржцев отметили, что у них есть домашние библиотеки. У 25% это маленькие библиотеки — не более 100 книг. До 300 книг имеют около 30% петербуржцев и у 15% горожан большие библиотеки — более 1000 книг. Максимальное количество респондентов, не имеющих домашних библиотек, мы наблюдаем среди молодежи в возрасте 25–29 лет. Возможно на этот возраст приходится пик начала самостоятельной семейной жизни и молодые люди еще просто не успели обзавестись книгами, тем более что в начале они покупают компьютер. Максимальное число обладателей самых больших библиотек мы видим среди респондентов с высшим образованием, руководителей и предпринимателей, специалистов в сфере науки, культуры, образования и т. п. Отметим, что больше всего книг в домашней библиотеке у людей с очень скромными душевыми доходами: скорее всего большие библиотеки собирались не в последние годы и уже не одним поколением.

Зафиксирована связь наличия библиотеки с чтением: среди респондентов, у которых нет дома книг, 67% вообще не читают художественную литературу, а среди тех, у кого 1000 и более книг, не читающих только 22%, т.е. в 3 раза меньше, хотя это тоже немало.

Каждый четвертый горожанин записан сейчас в какую-то городскую публичную библиотеку. При этом 42% никогда не пользовались библиотеками и 32% пользовались ими раньше, а теперь не пользуются. Наибольшее число читателей библиотек мы видим среди самых молодых горожан, студентов, учащихся, молодых специалис-

тов в сфере науки, культуры, образования. Наименьшее число читателей городских библиотек среди рабочих — только 8%.

Подводя итоги, можно сказать, что книга и чтение сохраняют важное место в жизни петербуржцев. Чтение становится более разнообразным, развиваются новые технологии чтения. Несмотря на преобладание в структуре чтения развлекательной литературы, (а так было всегда) у значительной доли населения сохраняется интерес к серьезной литературе — как художественной, так и специальной. Таким образом, разговоры о кризисе чтения, на наш взгляд, не имеют под собой достаточных оснований.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА И МАЛОГО ГОРОДА

(на примере г. Санкт-Петербурга и г. Кириши)

В этой будет сделана попытка сравнительного анализа оценок населением мегаполиса и малого города значимости экологических проблем и эффективности экологической политики.

Многие экологи, представители общественных организаций уверенно заявляют, что, «наконец, человечество осознанно пришло к пониманию тупикового пути развития технократической цивилизации, который ведет к экологическим катастрофам, экономическому и духовному кризису¹ и что наступила новая эпоха. Но, к сожалению, радоваться рано. Дело в том, что последние исследования показывают следующее: респонденты весьма хорошо осведомлены об экологических проблемах, однако приводимые примеры (экологический кризис; загрязнение почвы, воздуха; перенаселение планеты; разрушение озонового слоя и т.п.) свидетельствуют о том, что экологические проблемы (по смыслу вопроса — наиболее важные для респондентов) воспринимаются в первую очередь как научные понятия, нежели реальные жизненные ситуации, доступные для индивидуального восприятия и практического освоения (и решения). Также неиндивидуальны и предлагаемые способы решения экологических. В качестве субъектов решения указываются, в основном, специалисты, государство, правительство. В ответ на вопрос, кто должен решать названные экологические проблемы, указывается «мы», «все люди», каждый человек, но практически никто из опрошенных не ответил «я».

Таким образом, можно говорить об абстрактном отношении большинства населения к экологическим проблемам и их решению, что явно не способствует практическому улучшению состояния окружающей среды.

Здесь имеет смысл говорить о ресурсах образования как о важнейшем механизме формирования экологического сознания. Ухудшение состояния окружающей среды в последней четверти XX в. повернуло внимание мировой общественности к необходимости изменения потребительского отношения людей к природе. Образованию при этом придавалось особое значение наряду с мерами политического и экономического характера. Безусловно, разработку и реализацию технологий экологического образования и просвещения обязано брать на себя государство. Вообще прежде всего именно государство должно контролировать экологическую обстановку в стране, в полной мере используя свои законотворческие и исполнительные органы. Между тем, общепризнанно, в том числе и со стороны государственных структур, что в Рос-

¹ Кирко Е. И. Роль общественных организаций в развитии экологического образования и экологического сознания // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно- практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г.//www.cei.ru

сии в основном общественные организации и активная часть учительства играют ведущую роль в формировании и развитии экологического сознания населения, в большей степени за счет неформального экологического образования и просвещения.

Говоря о программах экологического образования, мы подразумеваем, что направлены они в основном на школьников и студентов. А как же быть с оставшейся частью общества? И здесь невозможно недооценивать роль средств массовой информации.

Именно эти проблемы и будут рассмотрены в данной работе.

Роль экологических движений в формировании ценностных приоритетов населения

Как известно, на формирование экологического сознания у населения в основном влияет работа государственных структур и общественных организаций. Петербургский социолог О.Цепилова предположила, что одним из значимых факторов, определяющих суждения горожан, явилось влияние экологических движений на принятие природоохранных решений и, в частности, процессов институционализации этих движений в двух исследуемых городах. В частности, в Киришах институционализация экологических требований зеленых привела к превращению экологической политики в «управленческую рутину», что повлияло на общественное мнение в оценках эффективности этой политики. С определенной осторожностью, возможно, также предположить, что в Санкт-Петербурге экологическая деятельность не стала для властей рутинным, обычным, постоянно реализуемым делом, и это отчасти объясняется недостаточной эффективностью экологического движения»¹.

Активное исследование проблем развития экологических движений в России началось в конце 1980-х годов, и к настоящему времени эта проблематика получила достаточно глубокий анализ в отечественной литературе. Бесспорным лидером данного исследовательского направления в России является О. Яницкий².

Выводы отечественных авторов, как правило, имеют обобщенный характер и претендуют на релевантность для российского движения в целом. Между тем, они скорее актуальны для крупного российского города и не всегда соотносятся с другими регионами России. В частности, эмпирические исследования, проведенные О. Цепиловой в Санкт-Петербурге и в малом областном индустриальном городе

¹ Цепилова О.Д. Рутинизация экологической политики: общественное мнение населения о деятельности региональных властей в решении экологических проблем (на примере Санкт-Петербурга и Киришей) // Экологическое движение в России / Под ред. Е.Здравомысловой и М.Тысячнюк. Санкт-Петербург: Центр независимых социологических исследований, 1999. С.62-71.

² См., например: Яницкий О.Н. Эволюция экологического движения в России // Социологические исследования. 1995. №8 С.15-26; 18. Яницкий О.Н. Экологическая политика: роль движений и гражданских инициатив // Социологические исследования. 1994. №10. С.10-20.; 19. Яницкий О.Н. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории // Социологические исследования. 1998. №10. С.22-33.

Кириши (районе экологического бедствия в конце 80-х — начале 90-х годов), указывают на существенные различия как в характеристиках формирования и развития экологических движений, так и в восприятии экологических проблем населением этих городов.

Проанализируем некоторые результаты вторичного анализа данных, полученных при опросе населения Санкт-Петербурга «В мире политики» в 1994 г., а также результаты трех опросов населения Кириши по сравнительной методике «Экология и политика» в 1989, 1993 и 1997 гг.¹

Оценки респондентов рассматривались по двум основным проблемам: (1) качество окружающей среды в системе ценностных предпочтений, (2) политическая значимость экологических проблем в представлениях людей и оценки ими действий властей, направленных на решение экологических проблем. Именно по этим параметрам выявлены существенные различия в общественном мнении жителей двух городов.

В Санкт-Петербурге респонденту предлагалось трижды оценить каждую из следующих девяти проблем:

- 1) Приобретение людьми продуктов питания;
- 2) Получение хорошего образования;
- 3) Безопасность от преступных посягательств;
- 4) Получение человеком новой работы в случае увольнения, закрытия предприятия;
- 5) Улучшение состояния окружающей среды — воздуха, водоемов, дворов, улиц и др.;
- 6) Получение доходов, обеспечивающих хорошую жизнь;
- 7) Качественное медицинское обслуживание;
- 8) Создание условий, при которых успеха могут добиться самые инициативные, квалифицированные, трудолюбивые люди;
- 9) Реализация человеком своих знаний, способностей, умений.

Первоначально были выяснены представления жителей города о степени важности экологических проблем в ряду других проблем. Проблема качества окружающей среды вошла в тройку проблем, которым была присвоена наибольшая значимость.

Следующий шаг анализа был направлен на определение политической значимости проблем. Проблема считалась таковой, если респондент (а) полагал, что она важна и (б) возлагал ответственность за ее решение на органы государственной власти. При построении показателей, фиксирующих степень политической значимости, использовались два индикатора: (1) оценка важности проблем, описанная выше, и (2) атрибуция ответственности, выявляемая через ответ на следующий вопрос: «В какой мере, на ваш взгляд, ответственность за решение этих вопросов лежит на органах государственной власти?».

¹ Выборка обследования 1994 г. репрезентирует взрослое население города по полу, возрасту и образованию, N=581; выборки опросов 1989, 1993 и 1997 гг. также репрезентативны по полу, возрасту и образованию и соответственно равны: N1=958, N2=911, N3=1018 чел..

В ходе анализа были получены результаты, в соответствии с которыми экологические проблемы не только оцениваются как один из трех наиболее важных вопросов, но и сохраняют эту позицию в ряду наиболее актуальных политических проблем, уступая лишь задачам борьбы с преступностью и повышения качества медицинских услуг. Однако важно отметить, что при этом люди негативно оценивают экологическую политику властей. Две трети взрослого населения Санкт-Петербурга считают, что улучшение состояния окружающей среды является важной общественной проблемой, ответственность за решение которой должны нести органы государственной власти, и выражают неудовлетворенность решениями, которые принимают эти органы. Более того, экологические проблемы воспринимаются в Петербурге как одно из самых слабых мест в деятельности нынешней власти, уступая лишь негативному отношению к ее действиям, направленным на борьбу с преступностью. Даже решения, связанные с медицинским обслуживанием, контролем за уровнем безработицы или доходами населения, вызывают меньшую неудовлетворенность горожан, чем действия органов власти в области экологии.

Иную картину мы видим в городе Кириши. В то время как по данным опроса 1989г. респонденты считали неблагоприятную экологическую ситуацию первоочередной общегородской проблемой, результаты опросов 1993, 1997гг. показали, что задача устранения неблагоприятных экологических факторов потеряла свое первостепенное значение в глазах населения и была вытеснена на периферию общественного внимания.

Особую остроту для жителей города Кириши теперь приобретают экономические и социальные проблемы. В ряду наиболее значимых городских проблем неблагоприятная экологическая ситуация занимает лишь седьмое место. Следует отметить, что ситуация в конце 1997г. мало изменилась в сравнении с 1993г. Новые заботы, обусловленные кризисом в экономике и социальной политике, все дальше отодвигают в сознании киришан проблемы экологии.

Между тем, низкая относительная значимость экологической проблемы вовсе не обязательно является свидетельством того, что жители Киришей перестали поддерживать защиту окружающей среды как одно из приоритетных направлений местной политики. Большинство респондентов не смогли сделать однозначный выбор между экономическим благополучием и безопасной средой.

Количество опрошенных, которые считают, что материальное благополучие важнее экологически чистой среды, чуть ли не в два раза превышает количество тех людей, которые отдают приоритет защите окружающей среды. То, что общественное мнение склоняется к социально-экономическому полюсу, представляется достаточно объяснимым, учитывая остроту кризиса в этой сфере.

Изменение приоритетов в восприятии городских проблем жителями г. Кириши произошло, надо сказать, не только по причине значительного ухудшения социально-экономического положения населения, но также и потому, что экологическая политика властей имела позитивные последствия.

Произошел существенный сдвиг в оценках по сравнению с опросом 1989г., когда 70% опрошенных дали резко негативную оценку властей в решении экологических

городских проблем. Данные опроса 1997 года подтвердили вывод о том, что экологическая политика властей довольно успешна. Очевидна также и положительная динамика в сравнении с оценками 1993г. Несмотря на то, что более четверти горожан в 1997г. не смогли выразить своего мнения о природоохранной политике местных властей, преобладание позитивных оценок очевидно. Лишь каждый десятый полагает, что власть бездействует. Большинство указывает на определенные успехи этой политики. При этом, чрезвычайно важно то, что в отличие от жителей Санкт-Петербурга жители города Кириши экологическую политику местных властей оценивают более высоко, нежели различные направления социально-экономической деятельности, в частности, усилия властей в сфере занятости и в решении проблем безопасности.

Таким образом, если в 1989 году приоритетное восприятие населением экологической проблемы сопровождалось крайне низкой оценкой эффективности местной природоохранной политики, то в 1993 и 1997гг. низкая относительная значимость экологической проблемы в восприятии горожан сочетается с достаточно высокой оценкой деятельности городских властей в поддержании экологической стабильности. Как уже отмечалось, в Санкт-Петербурге мы получили обратный результат: высокую приоритетную значимость проблемы и низкую оценку эффективности экологической политики властей.

В чем причина различий в оценках одной проблемы жителями городов достаточно близких территориально? О.Цепилова объясняет полученные результаты в основном влиянием экологических движений на природоохранную политику. И в этом с ней нельзя не согласиться. Рассмотрим аргументы в пользу данного положения.

К началу 1990-х годов социальные движения в России, в частности экологической направленности, перешли к этапу развития, характерными чертами которого явились процессы коммерциализации, профессионализации и институализации. Между тем, некоторые отечественные специалисты, анализируя развитие экологических движений, отмечали, что в России «вхождение инвайронменталистов в органы законодательной и исполнительной власти отнюдь не означало институализации их экологических требований»¹.

Выводы отечественных исследователей являются актуальными для значительной части экологических движений в России. В частности, они подтверждаются ситуацией в Санкт-Петербурге. Однако они далеко не очевидны по отношению к российскому движению в целом. Мы это можем увидеть на примере г. Кириши.

Город Кириши, малый индустриальный город Ленинградской области с населением 55 тыс. человек, в середине 80-х явился одной из кризисных экологических зон, известных в масштабах всей страны. В городе сформировалось сильное общественное движение в защиту окружающей среды, получившее широкую поддержку среди жителей, обеспокоенных вредным воздействием специфических промышленных загрязнений на здоровье населения. Во главе этого движения в мае 1987 года встала

¹ Халий И.А. Экологические инициативы в крупных индустриальных центрах // Социологические исследования. 1992 № 12. С.71-80.

местная неформальная природоохранная инициатива — 6-я секция ВОО, сумевшая эффективно использовать мобилизационный потенциал встревоженного населения, организуя массовые акции протеста против бездействия властей, с использованием местной, региональной и всесоюзной прессы.

В 1990г. зеленые одержали серьезную победу на выборах в местные советы. Двенадцать представителей экологического движения (на 120 мест) получили депутатские мандаты, образовав зеленую фракцию горсовета. С этого момента парламентская тактика становится преобладающей в деятельности активистов экологического движения. За период с 1990 до 1994гг. (время роспуска первого демократического горсовета) зеленым удалось вывести проблему качества окружающей среды на уровень серьезной политической проблемы, создать действенный механизм защиты городской окружающей среды. На законодательном уровне были приняты подзаконные акты, устанавливающие барьер для открытия новых вредных производств и жестко регламентирующие экологические параметры деятельности уже существующих предприятий.

По мнению большинства опрошенных экспертов, активная деятельность экологического движения в г. Кириши в период 1987 — 91гг. имела основным результатом своей работы то, что природоохранное направление утвердилось в качестве одного из основных в деятельности всех структур законодательной и исполнительной власти города.

Деятельность по контролю состояния городской окружающей среды для всех ветвей власти превратилась в г. Кириши в повседневную заботу, в обыденное дело. В небольшом городе, где «все на виду», это оказало влияние на восприятие горожанами позитивного значения экологической политики властей и изменило отношение к экологической проблеме: она перестала быть приоритетной.

В Санкт-Петербурге экологическое движение развивалось иначе. Возникшее в середине 80-х, оно не имело широкой массовой поддержки, но, безусловно, вызывало общественное одобрение и симпатии горожан. В частности, группа «Дельта», выступавшая против строительства в Финском заливе дамбы как части комплекса сооружений по защите города от наводнений, активно поддерживалась населением города. В 1987 — 88гг. возникло около двадцати неформальных «зеленых» групп. Рост политической мобилизации в 1989 — 90гг. сопровождался политизацией ленинградского экологического движения. Новые группы возникали, как правило, с политическими ориентациями. Эти ориентации были различными: демократическими, коммунистическими, националистическими и др. В этот период времени в Ленинграде насчитывалось около 40 общественных экологических организаций, в частности, были сформированы экологические комиссии «Ленинградского народного фронта» («ЛНФ»), «Объединенного фронта трудящихся» («ОФТ»). Возможно, различия политических взглядов неформальных экологических групп и их активная политическая деятельность явились наиболее существенными факторами ослабления ленинградского экологического движения в целом. В новый состав Ленсовета (апрель 1990г.) на 400 мест были избраны двенадцать членов различных неформальных экологических групп. В этот период времени в движении происходит явный сдвиг в сторону парла-

ментской тактики. Но в течение года восемь из двенадцати депутатов утратили связи с организациями, которые они представляли в предвыборной кампании. Неформальные экологические организации имели все меньше шансов оказывать влияние на принятие политических решений.

Таким образом, характеристики развития экологических движений и формирования экологических политик в Санкт-Петербурге и Киришах имеют существенные отличия. В Киришах: результативное, имеющее массовую поддержку населения экологическое движение и эффективная экологическая политика, одобряемая горожанами. В Санкт-Петербурге — малорезультативное движение и слабая, вызывающая негативную оценку горожан экологическая политика.

Роль государства и общественных организаций в развитии экологического образования

Для сохранения устойчивости биосферы необходимо претворение в жизнь экологических решений, т.е. проведения эффективной экологической политики, что невозможно без поддержки и понимания экологически информированного населения. Потребность принятия мер в защиту окружающей среды возникает при осознании хотя бы частью населения необходимости подобных решений. Интересы большинства живущих в настоящее время людей сконцентрированы вокруг настоящего и не ориентированы на сохранение природных возможностей будущим поколениям. И поэтому для преодоления этого несоответствия предстоит трансформация культуры, ее духовно-нравственная коррекция, создание качественно новой так называемой «экологической или ноосферной» культуры¹.

Создание системы эффективного, целенаправленного развития экологической культуры разных категорий жителей с использованием для этого всех возможных инструментов и институтов рассматривается, как одно из приоритетных направлений экологической политики. Повышение экологической грамотности и экологической культуры населения является одной из важнейших задач государства, которую нельзя решить усилиями одного ведомства и одной пропагандой. Необходимо сформировать у людей определенное экологическое сознание, которое должно стать стержнем новой, реформированной системы образования. Однако современный уровень культуры не позволяет создать систему так называемого, экологизированного образования.

В настоящее время есть смысл говорить о системе экологического образования, которое является составляющей образования вообще, обеспечивающей развитие экологического мировоззрения населения. И хотя такой подход вызывает немало споров в научных кругах, т.к. по мнению многих, «образование» не может быть разделено на математическое, историческое и экологическое, становление системы

¹ Пермякова О. Г. Роль государства и общественных организаций в формировании экологической культуры // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г. // www.cei.ru

всеобщего непрерывного экологического образования, на сегодняшний день, единственная возможность подготовить людей к реалиям будущего, изменив стратегию их собственного поведения. Сегодня, к экологическому образованию все чаще подходят, как к форме политического образования, вооружающего людей разумным взглядом на мир и на место человека в нем. Активная позиция населения, выработанная в результате освоения экологических знаний, становится движущей силой в деле продвижения политических и экономических решений, направленных на оздоровление среды. В России перестройка в образовании связана, прежде всего, с революционными, переломными для страны периодами. В то время, когда старая система уже не может функционировать, а новая еще не сформировалась, наступает период относительной свободы и творческого подъема. В это время в обучение беспрепятственно попадают новые веяния и теории, заполняя пустоту в образовательной системе. Носителями таких идей являются появившиеся в обществе различные общественные движения, которые в период своей активизации проявляют интерес к образованию, пытаются закрепить свои воззрения в будущих поколениях.

Принято считать временем становления экологического образования в России период начала 90-х. Однако еще в 20-е годы впервые на государственном уровне, чиновниками отдела охраны природы Наркомпроса был поставлен вопрос о включении разделов по охране природы в школьные программы¹. Это был единственный период в России вплоть до 90-х годов, когда к делу образования были допущены общественные организации. Режим благоприятствования для так называемого природоохранного образования закончился вместе с окончанием периода лояльности советского правительства к делу охраны природы. С 30-х годов государство взяло полный контроль над образованием, оставив общественной организации в лице ВООП несущественную часть пропаганды в рамках «народных университетов».

Мощный подъем экологического образования, связан с перестройкой 90-х, с разрушением традиционных устоев социалистического обучения и установкой новых — постсоциалистических. Кардинальные изменения в экологическом образовании произошли после принятия в 1992 году Федерального закона «Об охране окружающей среды». Согласно данному закону, организация системы всеобщего непрерывного экологического воспитания и образования граждан входит в компетенцию правительства Российской Федерации. С этого момента можно говорить, что государство не только взяло на себя, хотя бы формально, функцию обеспечения экологического образования граждан, но и закрепило это законодательно. Начался период активного экообразовательного действия.

Отличительной особенностью Российского образования является то, что независимо от типа учебного заведения оно ведется на основе государственных стандартов, что с одной стороны накладывает на частные учебные заведения определенные ог-

¹ Кудрявцев А. В., Мударисова Г. Р., Лютаев И. А., Перцева С. А. Роль молодежного природоохранного объединения в дополнительном экологическом образовании студентов // Развитие детского и молодежного экологического движения. Тезисы докладов VII Международной конференции по экологическому образованию. — СПб, 2001. — С. 177–179.

раничения, а с другой, позволяет государству проводить свою образовательную политику. Всеобщее экологическое образование — неотъемлемое право всех граждан страны. Обеспечение его — совместная обязанность государства и общественных организаций. Важнейшая роль в экологическом образовании, бесспорно, отводится государству. Государство определяет стратегию образования, обеспечивает правовую базу и осуществляет контроль, за исполнением принятых решений. Общественные организации выступают в роли разработчиков и распространителей новых форм обучения, работают с различными группами населения (разных возрастов и рода занятий). А также организуют неформальное экологическое образование через участие молодежи в деятельности общественных экологических организаций¹.

За время прошедшее с начала перестройки в России накоплен достаточный опыт в области экологического образования, оформились его законодательные основы. Анализируя Российскую природоохранную правовую базу, по вопросам, касающимся экологического образования и просвещения, были сделаны следующие выводы:

В вопросах экологического образования и просвещения Россия придерживается международных обязательств и ориентируется на международные соглашения.

С большей активностью в области экологического образования работают природоохранные, а не образовательные структуры. Система всеобщего и комплексного экологического образования устанавливается в России согласно Закону РСФСР «Об охране окружающей среды». Однако, отношения в области образования регулируется Законом «Об образовании», который лишь определяет воспитание любви к окружающей природе одним из принципов государственной политики в области образования². С целью осуществления координации двух ведомств по вопросам экологического образования и просвещения в 1994 г. Министерством образования и Минприроды было принято совместное постановление «Об экологическом образовании обучающихся в образовательных учреждениях Российской Федерации», в котором предусматривался пересмотр всех школьных курсов с точки зрения идей экологической безопасности и устойчивого развития, а также обеспечение системы непрерывного экологического образования.

В последнее время наблюдается отступление от жесткой линии ориентации на обязательное преподавание экологических знаний в учебных заведениях, закрепленное статьей 74 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 19.12.1991. В законе «Об охране окружающей среды» 2001 года ничего не сказано о непрерывности и обязательности экологического образования.

Основной упор делается на формирование экологической культуры, как более широкого направления, чем традиционное экологическое образование. Глава 13 действующего закона «Об охране окружающей среды» полностью посвящена осно-

¹ Кондрашова Л. Г. Роль общественных организаций в развитии неформального экологического образования // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г. // www.cei.ru

² Закон Российской Федерации «Об образовании». М., 1995.

вам формирования экологической культуры¹. Согласно декларации 1998 г. именно экологическая культура является приоритетным направлением в воспитании, образовании и просвещении.

Несмотря на совершенствование законодательной базы и декларируемые приоритеты, в условиях общего кризиса образования основные положения законов не выполняются. В реальности они не только не имеют приоритета, но практически не признаются и не оказывают влияния на принимаемые решения.

Отступления от курса на экологическое образование происходит по реальным причинам, которые кроются, прежде всего, в политических и экономических особенностях современного периода. Кроме того, экологическое образование, на сегодняшний день оказалось не эффективным. Индикатором эффективности экологического образования является состояние среды, однако несмотря на практически пятнадцатилетний срок весомых изменений не произошло.

Вплоть до настоящего времени единой системы в экологическом образовании еще не выработано. Разрушение единоначалия привело, с одной стороны, к выплеску творческой активности педагогов, с другой, — к хаосу. Можно сказать, что в России сформировалось несколько позиций по отношению к концептуальным основам и методам экологического образования: 1) цивилизационный, основанный на формировании общепланетарных позиций экообразования, 2) культурологический — ориентированный на изучение традиций каждого народа в отдельности и глубинных систем с общими стандартами и нормами экологического сознания, 3) естественнонаучный, самый распространенный². Сторонники этого подхода берут за основу науки естественного цикла и строят образование на понимании процессов происходящих в природе. В последнее время созрела необходимость формирования новых подходов к экологическому образованию, которые будут более адекватно восприняты населением.

Как уже было сказано выше, одним из главных факторов, определяющих успех в сфере охраны окружающей среды на всех уровнях, является система государственного управления, включающая специально уполномоченные природоохранные организации. Однако эффективность любых мероприятий существенно возрастает при активном вовлечении общественности в решение экологических проблем. Более того, в зрелом гражданском обществе именно общественные инициативы часто определяют государственную экологическую политику по разным вопросам.

Сегодня в России общественное движение приобретает все больший вес в экологическом образовании. Особенно широко развивается дополнительное экологическое образование школьников и студентов. Это связано с тем, что учреждения среднего образования имеют четкую структуру управления, поэтому общественникам довольно легко взаимодействовать с учителями и организовывать различные

¹ Федеральный Закон «Об охране окружающей среды». 2001. М.

² Пермякова О. Г. Роль государства и общественных организаций в формировании экологической культуры // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г. // www.cei.ru

мероприятия. Что касается студентов, то они имеют много мотивирующих факторов участвовать в работе негосударственных организаций (далее — НГО): например, потребность в самореализации, творческой деятельности и т.д.

Как правило, наиболее успешные примеры мероприятий в экологическом образовании появляются благодаря конструктивному взаимодействию государственных и общественных организаций. В самом общем приближении, государственные учреждения предлагают для совместных проектов чаще всего финансирование, информационную и организационную поддержку; общественные объединения в свою очередь предоставляют новаторские идеи, волонтеров и оплачиваемых исполнителей, иногда — собственную техническую базу, а также финансирование из благотворительных грантов.

Например, в Томской области накоплен большой опыт по проведению совместных мероприятий; при этом часто именно общественные организации являются инициаторами различных акций¹. Так, региональная общественная организация «Томская экологическая студенческая инспекция» (ТЭСИ) организует с 1996 г. акции, которые охватывают многие школы областного центра: городские экологические фестивали, праздники, программы в летних лагерях, конференции, конкурсы. С течением времени у ТЭСИ развились тесные контакты с местными образовательными учреждениями и природоохранными организациями. Это привело к тому, что теперь многие общественные акции проводятся на регулярной основе при поддержке государственных организаций, которые не только выражают заинтересованность в совместном проведении мероприятий по экологическому образованию, но и предоставляют различную помощь.

В первую очередь с экологическими НГО взаимодействуют разнообразное образовательные учреждения, получающие от этого очевидную выгоду (их внеурочные мероприятия становятся разнообразнее). Однако в последнее время интерес к НГО возрос и среди исполнительных государственных организаций. При этом все более популярным становится социальный заказ, как одна из прогрессивных форм поддержки общественности государственными структурами. Если какие-либо задачи экологического образования могут быть эффективно выполнены общественными объединениями, муниципалитет поручает им организовать соответствующие акции, переводя финансовые средства для НГО. Так, опять же в Томске с большим успехом реализован масштабный эколого-краеведческий проект в одном из микрорайонов, причем акции проходили при поддержке школьников и взрослого местного населения за счет городского бюджета.

Как уже говорилось, экологическое образование и воспитание является одним из приоритетных направлений деятельности государственных природоохранных органи-

¹ Кудрявцев А. В. Мударисова Г. Р., Дорошенко Е. С., Купрессова Е. А. Взаимодействие государственных организаций и НГО для эффективного достижения целей экологического образования // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г./www.cei.ru

заций. Однако штат отделов по экообразованию и информированию населения часто является недостаточным для обеспечения нормального функционирования системы экологического образования в регионе. Но существенную поддержку для реализации своих проектов государственные учреждения могут находить в НГО, которые предоставляют человеческие ресурсы. Так, в Томске в областном государственном учреждении «Облкомприрода» по направлению экообразования работают 3 человека, что очень мало на миллионную область. Поэтому его работники постоянно взаимодействуют с ТЭСИ для организации и проведения массовых экологических мероприятий в школах и летних детских лагерях. Таким образом, становится очевидным, что общественные организации, наращивая свой профессионализм, приобретают все большее уважение со стороны государственных структур. В итоге им может фактически перепоручаться часть обязанностей, которые прежде выполняли только государственные учреждения. Кроме того, успешность многих мероприятий увеличивается при их совместном проведении, так как общественность одновременно является и целевой группой и участником этих акций.

Необходимо еще отметить, что для негосударственных организаций приоритетной является деятельность, направленная на практическое решение местных экологических проблем. Часто именно вокруг НГО объединяются активные представители формального образования, государственных природоохранных структур и активные представители местного сообщества, что, безусловно, повышает эффективность деятельности.

Общественные организации ведут активную издательскую деятельность, издаваемые ими журналы являются важным информационным и методическим ресурсом для экообразователей: к примеру, на Дальнем Востоке шесть из восьми изданий по экологической тематике издаются НГО¹.

В Приморье среди ежегодных экологических конференций и конкурсов статус краевых имеют три. И все они организуются общественными организациями. Также силами НГО организована работа пяти общественных экологических постов, сеть общественного мониторинга реки Партизанки действует благодаря инициативе общественной организации «Росток». Общественные экологические организации в поселках Приморского края становятся центрами добровольческих инициатив и центрами общественной активности.

Общественные организации способствовали возрождению движения дружин охраны природы по всему Дальнему Востоку. Работа со студентами, которые вовлекаются в проведение информационно-просветительских мероприятий, экологических акций и при этом сами повышают уровень образования и осознания причин и путей решения экологических проблем — важный элемент подготовки грамотных лидеров экологических инициатив.

¹ Кондрашова Л. Г. Роль общественных организаций в развитии неформального экологического образования // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г. // www.cei.ru

Основной целевой группой, на которую направлена деятельность НГО, является молодежь, дети, а в рамках деятельности общественных средств массовой информации и взрослое население

Сотрудники НГО работают в системе переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров в рамках сотрудничества с Институтами усовершенствования учителей, проводят обучающие семинары и полевые практикумы, распространяют инновационные подходы к экологическому образованию. В Приморском крае существует устойчивый спрос на образовательные услуги, предоставляемые общественными организациями.

Координирующая и организующая роль общественных организаций, развитие активной гражданской позиции у подрастающего поколения и населения нацелены в конечном итоге на обучение и привлечение большого количества людей на решение местных экологических проблем.

Роль средств массовой информации в развитии экологического сознания населения

Современные средства массовой информации (СМИ) должны играть важную роль в распространении экологических знаний среди населения. Журналистика может существенно воздействовать на развитие экологического сознания широкой читательской и зрительской аудитории. С каждым годом становится все актуальнее культурообразующая, воспитательная функция журналистики, по мере того, как мир начинает осознавать важность и сложность экологических проблем.

Часто экологи и организации, занимающиеся экологическими проблемами, недооценивают средства массовой информации как мощный источник силы, способной многое решать в области охраны окружающей среды, а СМИ уделяют недостаточно внимания проблемам экологии, а порой допускают ошибки и неточности при подаче экологической информации.

Иногда журналисты стремятся создать сенсацию любой ценой, преподнося «жареные» факты. Это оказывает вредное воздействие на массовое сознание. К сожалению, радио и телевидение не очень радуют аудиторию, так как экологических передач на радио и телевидении осталось очень мало. К типичным ошибкам относят стилистические, создание мифологических представлений у читателей и зрителей, нечеткое владение журналистами специальной терминологией. Сюда же следует отнести недостаточную информированность журналистов, обильное и неточное использование ими цифр и специальной терминологии. Не способствует хорошему восприятию текста излишняя эмоциональность авторов, освещающих экологические темы. Например, к стилистическим недостаткам относятся выражения: «плохая экология», «мы дышим всякой выхлопной гадостью».

Местные или региональные экологические проблемы, как правило, меньше известны читателям, чем глобальные. К последним следует отнести озоновые дыры, наступление пустынь, кислотные дожди и др. Однако недостаточно материалов, подчеркивающих, что глобальные экологические проблемы часто начинаются с локальных

проблем. Известно, что региональная проблема Байкала давно стала глобальной. Об этом пишут многие издания. Надо отметить, что благодаря усилиям территориальных природоохранных органов местные и региональные СМИ в последнее десятилетие уделяют внимание экологической проблематике. Появились специальные экологические издания, в ряде СМИ — экологические странички или постоянные рубрики.

Большое значение для экологизации СМИ имеет Всероссийский конкурс журналистов «Экология России», который проводится с 1996 г. гильдией экологической журналистики и направлен на привлечение различных СМИ к освещению экологических вопросов.

В Вологде 15 января 2002 г. были подведены итоги смотра-конкурса среди средств массовой информации «Экология-2002» (СеверИнформ), объявленного департаментом природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области и областной организацией ВООП. Цель конкурса — привлечение внимания общественности к освещению экологических проблем в СМИ, извлечение позитивного опыта работы органов местного самоуправления в решении экологических проблем, поощрение инициативы юридических лиц, направленной на улучшение экологической обстановки на местах. Среди критериев отбора победителей конкурса были не только актуальность и качество печатных материалов, но и результаты природоохранной деятельности. В смотре-конкурсе участвовали 15 районных газет.

Достаточно широко освещаются проблемы экологии в СМИ Республики Татарстан. В 2003 г. в центральных печатных СМИ теме экологии было посвящено 260 публикаций. По каналам республиканского телевидения в эфир вышло 251 «экологический» сюжет, по радио прозвучало 76 выступлений. В интернет-изданиях опубликовано 250 материалов, освещающих экологические проблемы.

Среди основных тем, волнующих журналистов, — вопросы охраны атмосферного воздуха, водных ресурсов, особо охраняемых природных территорий. Однако самой «популярной» темой по-прежнему остается — санитарно-экологическое состояние городов и районов республики. Большое количество публикаций и выступлений по телевидению и радио посвящено именно проблемам несанкционированного складирования бытовых отходов, мусора, образующегося в результате ликвидации ветхого жилья, снежных свалок, неудовлетворительного санитарно-экологического состояния водоемов, дорог, садоводческих обществ, жилых массивов и так далее. И все это несмотря на то, что ущерб, наносимый в результате такого рода нарушений, незначителен по сравнению с ущербом от загрязнения окружающей среды промышленными отходами, различными выбросами и сбросами с крупных предприятий.

Министр экологии и природных ресурсов Республики Татарстан Борис Петров принял участие в передачах «Постскрипtum» (ГТРК «Татарстан») 5 апреля 2004г., «Прямая связь» на ТК «Эфир» 15 мая 2004г. 4 декабря 2004г. в прямом эфире радиостанции ГТРК «Татарстан» министр подвел итоги участия на Всероссийском съезде по охране природы, а также отвечал на вопросы радиослушателей.

На канале «ТНВ» в рубрике «Мусорный король недели» вышел цикл сюжетов о нарушителях природоохранительного законодательства и мерах, принятых по устранению нарушений.

В газете «Комсомольская правда» в рубрике «Субботник КП» регулярно публиковались данные о санитарно-экологическом состоянии г. Казань.

Значительным массовым мероприятием для работников средств массовой информации стало проведение с 1 по 4 августа 2003 года Всероссийской Ассамблеи журналистов в рамках VII Всероссийского конкурса «Экология России — 2002».

В конкурсе приняли участие 890 журналистов со всей России. На церемонию награждения победителей в г. Казань прибыло более 140 представителей СМИ. Гостями Ассамблеи были шеф-редактор газеты «Комсомольской правды» Владимир Мамонтов, редактор журнала «Экология и жизнь» Юрий Елдышев, редактор-консультант радиостанции «Маяк» Татьяна Хромченко, представители Совета Федерации РФ, Государственной Думы РФ, Кабинета Министров РТ, руководители министерств и ведомств, главы ведущих промышленных предприятий, средств массовой информации, журналисты.

В рамках Ассамблеи Министерством экологии и природных ресурсов РТ было учреждено два республиканских конкурса — «Человек и природа» и «Экология и промышленность». На конкурс «Человек и природа» свои работы прислали около 100 журналистов со всех уголков республики. От 15 промышленных предприятий получены заявки на участие в конкурсе «Экология и промышленность».

Большой интерес у представителей СМИ вызвал эксперимент по сотрудничеству экологов и сотрудников правоохранительных органов — работа Управления по борьбе с правонарушениями в области охраны окружающей среды при МВД РТ («Экологической милиции»).

Важная особенность современного состояния экологических СМИ — это возможности знакомства с региональными изданиями этой направленности с помощью Интернета. Интернет — наиболее оперативный способ распространения информации. Каждый человек может создать сайт на определенную тему. Ресурсы сети, посвященные экологии и берущие на себя ответственность называться «public service», можно разделить на две категории. Собственно периодические издания и обыкновенные сайты, на которых, кстати, можно заказать книги по экологии. Поскольку бедственные территории занимают около 15 процентов нашей страны, то исследователям не приходится отдыхать от наплыва информации.

В сети Интернет равно присутствуют как центральные, так и провинциальные газеты, журналы, агентства. Существенно, что именно региональная пресса лидирует в освещении экологических проблем. Типичным примером такого лидерства является официальный вебсайт Рязанской экологической группы «Зеленый луч» (<http://www.ecoline.ru/org/greenbeam>). Еще недавно это была скромная газета небольшого формата. Теперь это полновесная информационная структура, предлагающая качественную экологическую информацию, которой читатели доверяют. По тематике, подходам близка Карельская экологическая газета «Зеленый лист» (<http://www/onego.ru/win/pages/greenleaf/index/html>).

В целом СМИ не остаются равнодушными к экологическим проблемам. Более того, даже традиционные СМИ, которые осваивают сетевую нишу, все больше возвращаются лицом к экологической тематике. Например, в некоторых изданиях есть

приложения с соответствующей тематикой, например, «МК.RU» с приложением «МК-здоровье». В нем много материалов, посвященных проблемам здоровья людей и окружающей среды.

Многие электронные издания пользуются хорошо отлаженной обратной связью — после изложения материала задается вопрос: «А что вы думаете об этом?». Появилась возможность интерактивного взаимодействия между коммуникатором и адресатом. Это электронная почта, интерактивные пресс-конференции и многое другое. Примером такого электронного издания являются «Известия.RU».

Что касается оперативности СМИ, то в этом плане одно из первых мест занимает «UTRO.RU»: здесь передаются самые свежие новости с телевизионных каналов, в том числе наиболее часто предоставляются экологические новости. Экологические проблемы теперь волнуют не только специалистов, они все активнее вторгаются в повседневную жизнь людей. Поэтому расширяется тематика информации в СМИ, идет поиск решений экологических проблем, хотя для этого требуется взаимодействие различных слоев общества.

«Экокультура должна стать модной» — так называется статья президента Федерации экологического образования Санкт-Петербурга, проректора Университета педагогического мастерства, профессора С. В. Алексева (UTRO.RU.12.12.02). Он пишет: «Сейчас в Петербурге действует система непрерывного экологического образования, разработанная ведущими специалистами города. Она позволяет давать экологические знания на всех ступенях образования: от детского сада до повышения квалификации работающих специалистов».

Министерство природных ресурсов (МПР) России и его территориальные органы уделяют внимание СМИ как источнику экологической информации и средству экологического просвещения широких масс населения. Заседание постоянно действующего круглого стола «Экологическое образование в Российской Федерации: шаг в XXI век», состоявшееся 26 августа 2002 г. в Министерстве, обсуждало тему «Средства массовой информации в экологическом просвещении населения». В дискуссии, прошедшей под эгидой Консультативного совета по экологическому образованию МПР России, приняли участие представители центральных российских и ведомственных (экологических) СМИ, ученые-экологи, преподаватели высших и средних учебных заведений, руководители подразделений МПР России. Участники круглого стола отметили важную роль СМИ в экологическом просвещении российского общества. В дискуссии говорилось о том, что «мало принимать на государственном уровне принципиальные и своевременные решения. Не менее важно, чтобы их реализация широко освещалась в СМИ».

На прошедшем в мае 2000 г. семинаре «Журналисты — за экологическую информированность» в очередной раз обсуждали вопросы экологической информированности населения. Свою лепту в ликвидацию экологической безграмотности населения вносит межрегиональная добровольная общественная ассоциация граждан и организаций «Экологическое образование» (АсЭКО), которая разработала проект «Проведение кампании в региональных печатных СМИ с целью экологического просвещения населения». Его осуществление стало возможным благодаря поддержке,

предоставленной Институтом устойчивых сообществ и Агентством международного развития США. Большое значение для экологического образования имеют периодические издания, предназначенные для педагогов и детей.

Таким образом, СМИ играют важную роль в распространении экологических знаний среди населения, способствуют развитию экологического мировоззрения. В связи с широким внедрением электронных средств массовой информации возрастает требовательность к точной, последовательной и эмоционально уравновешенной информации о состоянии окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. Кроме демонстрации обеспокоенности журналистов состоянием окружающей среды необходим показ позитивных явлений в охране природы и нахождение конструктивных вариантов в решении экологических проблем. В связи со спецификой экологического материала, серьезностью и сложностью проблем целесообразна экологическая специализация при подготовке журналистов.

В настоящее время, как только речь заходит о проблемах отношения Человека и Природы, приходится сталкиваться с двумя крайними точками зрения. Первая наиболее цельно сформулирована в высказывании тургеневского героя Базарова: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Носителями второй, противоположной точки зрения являются представители различных общественных организаций экологической направленности. К сожалению, надо признать, что ведут они себя иногда не вполне адекватно. Порой доходит до смешного: например, такие деятели из Санкт-Петербурга осуществляют программу «обустройства российской земли путем создания Родовых поместий и экологических поселений» и предполагают вырастить и воспитать «на родовой земле новое, физически и духовно здоровое поколение.»¹. Идея, конечно, сама по себе не плоха, но больно уж это все наивно звучит и похоже на утопию. Активно «зеленых» поддерживают СМИ, хотя зачастую в поисках сенсаций информация неимоверно искажается, что приводит к абсолютно неоправданному ажиотажу вокруг вопросов экологии.

Безусловно, если бы не было поистине подвижнической деятельности представителей экологических организаций и активной части учительства, экологическая обстановка в стране была бы намного хуже. Наблюдать это мы можем хотя бы на примере города Кириши Ленинградской области, где своевременная инициатива «зеленых» смогла значительно повлиять на экологическую политику властей, сделать ее приоритетной. Как бы то ни было, но активность негосударственных организаций неслучайна: ею компенсируется бездействие государства в этой области.

При этом до сих пор в России не существует, поддерживаемой государством, приемлемой модели повседневного поведения человека в рамках уважительного отношения к природе. Иначе говоря, отсутствует экологическая культура. Поэтому задача государства создать данную модель в противовес стандартам «общества потреб-

¹ Кирко Е.И. Роль общественных организаций в развитии экологического образования и экологического сознания // Экологическое образование. Тезисы докладов международной научно- практической конференции «Экологическая безопасность: природа и общество.» Санкт-Петербург, апрель 2004 г.//www.cei.ru

ления» с одной стороны, и излишне эмоциональному взгляду «зеленых — с другой. Положение «природа — наш дом» (в отличие от «природа- мастерская» и «природа- храм») должно стать основой этой модели.

Развитие экологической культуры необходимо рассматривать как одно из приоритетных направлений экологической политики государства в России. Среди неотъемлемых составляющих экологической культуры можно назвать следующие:

- Элементарная информированность населения об экологических проблемах, базовые экологические знания, что является основой компетентности
- Заинтересованное отношение, инициатива со стороны граждан
- Стимулирование государством заинтересованности граждан

Безусловно, обладание человеком специфическими знаниями не гарантирует бережного отношения к природе с его стороны или, допустим, вхождения в природоохранные организации. Точно так же как не существует прямой связи между нашими знаниями по биологии и химии в объеме школьной программы и интересами в данных областях. Знание вовсе не обуславливает заинтересованность. Другое дело, что человек, получивший элементарный набор экологических знаний, будет более компетентен в вопросах экологии, а это уже немаловажно. Он реже будет поддаваться на провокации СМИ, из потока информации сможет вычлнять реальные факты, сопоставлять их, делать выводы и всегда знать, где есть опасность.

Развитие экологического сознания, экологической компетентности граждан, точно так же как и заинтересованности вопросами экологии входит в круг обязанностей государства. Необходимо подчеркнуть, что только реальные действия государства, направленные на развитие системы экологического образования, восполнения дефицита достоверной информации, стимулирование природоохранных инициатив смогут гарантировать экологическую безопасность России.

Алла Викторовна РОДИОНОВА (руководитель научно-образовательного центра СИ РАН)

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Современные проблемы высшего образования являются следствием развития советской образовательной системы. Изменения общественно-политической и экономической жизни в стране в пореформенный период, затронувшие сферу образования, способствовали появлению негосударственного образовательного сектора и демократизации государственных образовательных учреждений. Развитие рынка труда и формирование в обществе социального запроса на образование инициировали значительное увеличение численности студентов, что привело к массивизации высшего образования. Этот процесс происходил на фоне незавершенной образовательной реформы, что повлекло трансляцию ряда проблем из средней школы в высшую, а недофинансирование высшей школы — переориентацию вузов на поиск негосударственных источников финансирования.

По мнению экспертов образовательной сферы, еще в 1986 году отмечалось, что российское образование находится в «латентном кризисе». Кризис образования проявился тогда, когда вышел на поверхность кризис экономический.¹ Но в условиях экономического кризиса государство не имело возможности оплачивать учебу студентов. В итоге начиная с 2000/2001 уч. г. больше половины студентов обучались на платной основе². Ответная стратегия была предпринята и вузами: чем выше количество студентов, тем дешевле вузу обходится их содержание. Кроме того, по оценкам А. В. Поletaева и И. М. Савельевой, «...значительная часть роста предложения (со стороны вузов — прим. А. Р.) была направлена на ликвидацию разрыва между спросом и предложением, существовавшим в советские времена»³. Именно для того, чтобы удовлетворить спрос и отложить введение полной оплаты обучения в вузах, по словам Т. Л. Клячко, был предпринят переход на двухуровневую систему высшего образования, инициированную сначала положениями реформы, а затем и присоединением России к странам-участницам Болонского процесса.

Введение преимущественно платного высшего образования в России совпало с процессом резкого сокращения государственной поддержки студентов. Если в советский период работа и приработка студентов имели, скорее, полулегальный характер, что обеспечивалось как институциональными нормами и контролем за посещаемостью, так и социальными льготами и механизмом выплаты стипендии, в большинстве случаев по-

¹ Из выступления Т. Л. Клячко, ЦНСО ИС РАН, 21.03.08. См. также: Л. Гудков. Негативная идентичность / Кризис высшего образования в России: конец советской модели. М. 2004. С. 687–736.

² А. Поletaев, И. Савельева. Высшая школа и рынок (спрос на образование в современной России) // Неприкосновенный запас, №5 (19), 2001.

³ Здесь и далее: Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран / Под ред. А. Н. Козырина. М. 2007. С. 69.

ощрявшим текущую успеваемость и обеспечивавшим минимальный прожиточный уровень, то в условиях реформирования высшего образования ситуация изменилась: институт старост как фискальный орган был фактически упразднен, а размер стипендии с учетом повышений на федеральном уровне и вузовских надбавок — на региональном — не обеспечивает даже уровня физиологического выживания. Расходы бюджета не предусматривают сколько-нибудь значительное повышение выплат стипендий, наоборот, велика вероятность того, что и имеющиеся объемы финансирования будут сокращены.

В странах с развитой образовательной системой, например, в США финансовая поддержка предоставляется студентам в форме стипендии, долгосрочных кредитов на оплату обучения, грантов или налоговых льгот¹. Этой же стратегии придерживается и Великобритания. Во Франции, отличающейся жесткой централизацией образовательной системы,² обучение бесплатное, а некоторые студенты из семей с ограниченными материальными возможностями получают государственную стипендию. На старших курсах обучения (3 цикл) пособия выплачиваются в большем объеме. Основная помощь студентам со стороны государства поступает в виде льгот на оплату питания в столовых, проезда на транспорте, размещения в общежитиях, не исключается возможность единовременной помощи.³

В России обучение на дневном отделении предполагает либо финансовые затраты со стороны третьих лиц: родителей, других родственников, организаций — спонсоров или потенциальных работодателей, — либо наличие финансовых ресурсов непосредственно у студента. В результате сложились и получили широкое распространение практики совмещения студентами учебы с работой, имеющие позитивные и негативные последствия, которые оказывают влияние не только на само студенчество, но и на систему высшего образования в целом.

Эта проблема в той или иной степени уже рассматривалась в отечественной социологии образования. Так, по утверждению Т.Э. Петровой, уже в середине 90-х гг. примерно половина студентов всех курсов работало (46%).⁴ Материалы исследования по проекту «Working Student» при поддержке Института «Открытое общество» свидетельствуют о том, что в 1996-1997 гг. не менее половины студентов-старшекурсников г. Новосибирска работали⁵. Если для студентов 70-80 гг. основным мотивом совмещения учебы с работой выступали дополнительный источник дохода, отработка практики, выполнение учебных работ или поиск будущего места трудоустройства, то у студентов в середине 90-х гг. приоритеты выглядели иначе. На основе экспертных оценок преподавателей и администрации вузов, работодателей, сотрудников рекрутинговых агентств, основным мотивом к трудоустройству послужила, по словам

¹ Социология образования. Труды по социологии образования . Т. IX Вып. XV / Под ред. В. С. Собкина. С. 90.

² Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран / Под ред. А. Н. Козырина. М. 2007. . 239.

³ Цит. По. Социология образования перед новыми проблемами. М. — Омск. 2003. С.324.

⁴ Там же. С. 310—312.

⁵ Социология образования перед новыми проблемами / В. И. Герчиков. Феномен работающего студента вуза. Москва-Омск. 2003. С. 310—324.

В.И.Герчикова, необходимость «зарабатывать себе на жизнь и на образование»¹, на втором месте — трудоустройство и карьера.

По результатам общероссийского исследования «Вторичная занятость студентов», проведенного в 2000 г в рамках программы «Разработка и реализация федерально-региональной политики в области образования» МО РФ по общероссийской выборке (N=1812) среди студентов 4 курсов 22 вузов РФ, было установлено, что трудовая занятость студентов — распространенное явление, «в среднем работают 39,1% студентов, еще 49,4% от общего числа студентов 4 курсов хотели бы работать, если бы им удалось найти работу»². Авторы исследования объясняют наличие занятости среди студентов воздействием таких факторов, как: социальный состав студентов (производная родительских семей), образовательный уровень родителей студентов, материальное обеспечение семей. В ходе исследования была выявлена зависимость между занятостью и успеваемостью студентов.

Наиболее популярной причиной, по которой студенты работают, является желание иметь свои деньги (67,5%) и необходимость обеспечивать себе средства существования (57,9%).³

Как оказалось, желание лучше овладеть изучаемой профессией не является значимым мотивом при совмещении учебы с работой. Только каждый десятый стремился к самореализации (11,9%), примерно в два раза больше респондентов считали, что надо помогать родителям (19,8%), и почти в три раза больше ответивших хотели устанавливать нужные контакты и связи (29,7%) во время работы⁴.

В опросе студентов вузов г. Москвы в 2004 г. ЦСО РАО (N=1974) с целью определить аспекты социального неравенства в сфере образования⁵, подтвердились уже выявленные тенденции: 45% студентов дневного отделения работали. Среди основных мотивов совмещения учебы с работой были отмечены намерения «приобрести профессиональный опыт, связанный с будущей специальностью», «построить карьеру».

Согласно материалам социологических исследований по разным оценкам в зависимости от региона и профиля вуза, в трудовую деятельность во время обучения включены более 30% всех студентов очной формы обучения.

Объектом исследования автора, проведенного Научно-образовательным центром Социологического института РАН⁶ (Санкт-Петербург, октябрь-2007), являлись студенты семи вузов Санкт-Петербурга; 2–5 курсов; обучающиеся по группам спе-

¹ Социология образования перед новыми проблемами / В. И. Герчиков. Феномен работающего студента вуза. Москва-Омск. 2003. С. 310–324.

² Актуальные проблемы образования: Сборник научных трудов / Науч. ред. Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередищенко. М. 2003. С. 166.

³ Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередищенко, Е. Д. Вознесенская. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М. 2002. С. 41.

⁴ Там же.

⁵ Социология образования. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XV / Под ред. В. С. Собкина. С. 349–358.

⁶ «Студент на рынке труда: социологический анализ» (науч. руководитель — И. И. Елисеева), научно-исследовательская работа по конкурсу грантов в сфере научной и научно-техни-

циальностей: экономика и управление, гуманитарные науки, культура и искусство, образование и педагогика.

Предмет исследования — вовлеченность студентов очной формы обучения в трудовую деятельность.

Цель работы — выявить масштаб и характер вовлеченности студентов очной формы обучения в трудовую деятельность, позитивные и негативные аспекты этого процесса.

Согласно результатам исследования в трудовую деятельность в период учебы в вузе с разной степенью интенсивности были вовлечены более 2/3 студентов дневного отделения, обучавшихся по указанным четырем группам специальностей обучения. (69,4%). В период обучения в вузе на дневном отделении постоянно работал или подрабатывал каждый четвертый из опрошенных студентов (25,8%). Еще чуть менее половины (43,6%) работали или подрабатывали время от времени. Только 7,7% были убеждены, что в работе или подработке нет необходимости, а 22,9% признались, что у них не было случая, чтобы работать или подрабатывать.

Методика исследования включала анкетный опрос студентов 2-5 курсов вузов Санкт-Петербурга (РГПУ им.А.И.Герцена; СПбГИЭУ; СПбГУЭФ, СПбГУКИ; ИТиД; ИВЭСЭП; АМО) по пропорциональной выборке (N=836) и полуструктурированные экспертные интервью с преподавателями и менеджментом вузов. И студентам, и преподавателям, и менеджерам вузов был задан вопрос о положительных и отрицательных моментах совмещения учебы с работой.

При обработке данных использовался качественно-количественный анализ содержания ответов на открытые вопросы анкеты студентов. Респондентам было предложено сформулировать, какие существуют положительные моменты в том, что студенты работают или подрабатывают во время учебы. По результатам содержательного анализа было образовано восемь категорий: развитие практических навыков и знаний; индивидуальная финансовая состоятельность; деньги как источник восполнения ресурсов; опыт работы и повышение индивидуальной конкурентоспособности; профессиональная социализация и построение карьеры; расширение круга общения; совершенствование личностных качеств; неопределенные ответы.

Наиболее часто (38,5 %) в анкетах студентов упоминались различные аспекты, связанные с индивидуальной финансовой состоятельностью — это хороший доход, достойный заработок, материальная поддержка, улучшение финансового положения, дополнительные деньги, карманные деньги, возможность позволить себе больше расходов, достойный отдых, досуг, понимание ценности денег.

Треть студентов (34,6%) большое значение в ходе трудовой деятельности придавали развитию практических навыков и знаний, которое включало «лучшее усвоение теории», применение ее на практике получение реальных полезных знаний, расстановку новых акцентов в учёбе, серьёзное сознательное отношение к образовательному процессу, овладение дополнительной специальностью, определение места для прохождения практики, использование знаний, полученных на практике, в учёбе.

ческой деятельности Санкт-Петербурга, 2007 г. при поддержке Правительства Санкт-Петербурга.

Почти столько же респондентов (31,1%) отмечали значение опыта работы и повышения индивидуальной конкурентоспособности вследствие совмещения работы и учебы. Опыт работы расценивался как необходимое условие при трудоустройстве (конкурентоспособность), подчеркивалось значение стажа работы и стажа, записанного в трудовую книжку, а также возможность включения в резюме информации об опыте работы. Также указывалось на поступление пенсионных накоплений.

Примерно каждый пятый (22,7%) считал очень важным обстоятельством при совмещении работы с учебой возможность выработать у себя такие личностные качества, как самостоятельность, дисциплинированность, ответственность, уверенность в себе, умение достигать поставленных целей, навыки рационального планирования и использования времени, способность ценить время, а также выносливость, инициативность, активность и ...изворотливость, то есть все то, что по преимуществу, характеризует процесс взросления.

Только каждый десятый участник опроса (11,0%) рассматривал работу во время обучения с целью профессиональной социализации и построения карьеры, включая адаптацию в профессиональной среде, понимание специфики своей специальности и ценности труда, возможность дальнейшего самоопределения и выявления профессиональных перспектив.

Некоторые респонденты (12,0%) подчеркивали значимость денег как источника восполнения ресурсов, для оплаты обучения и дополнительного образования на курсах, занятий спортом, помощи родителям, для оплаты жилья и возможности нормально питаться.

В категорию «расширение круга общения» были отнесены мнения студентов о возможности на работе приобрести полезный опыт общения с новыми людьми и умение работать в команде, навыки делового общения, всего 6,7%.

Неопределенные ответы были представлены 3,6% опрошенных.

При анализе ответов респондентов на вопрос об отрицательных последствиях совмещения учебы с работой было обнаружено, что две трети ответивших (67,4%) называли неполноценность знаний и снижение качества получаемого образования. Для одних студентов это было вызвано пропуском лекций, неуспеваемостью, увеличением количества задолженностей по дисциплинам данного семестра, затруднениями в период сессии и риском отчисления. Другие сожалели об утраченных возможностях получить интересные знания, расширить свой кругозор, установить прочные контакты с однокурсниками, продолжить учебу в аспирантуре. Третьи были обеспокоены «некачественным образованием выпускников с дипломами» их вуза и подготовкой плохих специалистов.

На втором месте по частоте упоминания оказались проблемы дезорганизации учебы и быта, связанные с неумением студентов планировать собственное время, вследствие чего у работающего студента обязательно на что-либо не хватало времени: на учебу или на отдых, на сон или на личную жизнь, на занятия спортом или на посещение библиотеки.

В ответах каждого шестого респондента затрагивалась тема здоровья. Студенты жаловались на недосыпание и утомляемость, возрастание моральной и физической

нагрузки, снижение внимания и общего интереса к жизни, сбои в питании и стрессы, общее расстройство нервной системы. Можно предположить, учитывая возраст респондентов (от 17 до 29 лет), что это обстоятельство вызывает обеспокоенность не только у исследователей и преподавателей.

Высказывания студентов обозначили еще одно последствие совмещения учебы с работой — рост конфликтности в повседневной жизни. Это были, прежде всего, конфликты с преподавателями и конфликты с работодателями. Как правило, работодатель с одобрением относится к тому, что его работник учится в вузе, на некоторые специальности студентов принимали с условием, что потенциальный сотрудник в свободное от работы время обязательно окончит институт. Но студента дневного отделения с работы отпускают, скорее всего, только сдать экзамен... Респонденты с недоумением отмечали в анкетах отрицательную реакцию преподавателей вуза, непонимание деканата, проблемы со сдачей экзаменов и зачётов «из-за преподавателей».

Хотя круг проблем, на которые обратили внимание студенты, был значительно шире, в ряде случаев респонденты указывали, что проблем не видят, особенно, если рассматривать работу по специальности.

В группе экспертов мнения разделились. Преподаватели были единодушны в оценке того, что совмещение учебы студентов дневного отделения с работой — это проблема для высшей школы. Из интервью: «для преподавателя — это очень плохо, потому что работа студенту предоставляется чаще всего в дневное время, работающие студенты чаще всего пропускают занятия... им не хватает времени на выполнение домашних заданий...»

Однако и преподавателями, и менеджерами высшей школы были отмечены позитивные моменты совмещения: если «он <студент> работает по той же специальности, по которой учится, он получает дополнительные профессиональные навыки, тем самым, закрепляя теоретические навыки, которые у него есть»; «...фактически это та же самая стажировка, которую он выполняет, может быть, не так квалифицированно выполняет, как уже получивший диплом, но для меня это значимо...»; «чтобы дать полноценное практическое занятие на базе, нужен целый день, поэтому, ...ребята нехватку практики восполняют где-то на работе». Для менеджеров вузов были характерны неоднозначные оценки совмещения учебы с работой: от стремления максимально ограничить пропуск занятий до институциональной поддержки студентов, успешно включившихся в рабочий процесс. Основная причина — «с тем, кто работает по специальности идет другой уровень общения, понимания, и у него появляется возможность получить более высокий уровень образования, нежели у того, кто по специальности не работает.» Но и в случаях, когда обсуждалась работа не по специальности, подчеркивалось, что «при грамотной организации процесса совмещения учебы с работой студент быстрее взрослеет, развивает личностные качества, необходимые в любом трудовом коллективе».

Некоторые из экспертов были согласны с тем, что «работающий студент — это большая проблема. «Если говорить о студентах, которые работают по специальности, то я бы такую работу приветствовал(а), но при условии если бы могли так организовать учебный процесс, чтобы уделять им время на отработку... Мы не можем

учитывать интересы только одного конкретного студента. Мы должны учитывать интересы всех участников учебного процесса... — и администрации, и учебно-вспомогательного персонала, и преподавателей...» (из интервью).

Анализ реакций экспертного сообщества на проблему совмещения студентами учебы с работой показал, что в профессиональных группах как преподавателей, так и администрации вузов не сложилось однозначных оценок по данному вопросу. Аргументированными со стороны преподавателей и менеджеров вузов представляются как позитивные, так и негативные аспекты этого процесса, что свидетельствует о значимости данной проблемы в системе высшего образования и необходимости ее разрешения.

Мнения экспертов различались и по прогнозированию развития этой проблемы: некоторые их экспертов склонялись к мнению, что в дальнейшем проблема совмещения будет только обостряться, количество студентов, работающих на дневном отделении будет увеличиваться, как это происходит в последние несколько лет, так как студенты «морально готовы к тому, что бы начинать работать до окончания вуза». По оценкам других, проблема начнет разрешаться в связи с переходом на двухуровневую образовательную систему в вузах и гибкий график учебы, при котором «студент сможет выбирать курсы, модули, расписание под себя и совмещать все это с работой», акцентируя значимость перехода к бально-рейтинговой системе и индивидуально-ориентированному обучению.

Перспективы реформирования высшей школы, объемы государственного финансирования, преобладание платного образования свидетельствуют о том, что и в дальнейшем проблема совмещения учебы с работой будет актуальной, а, следовательно, значение позитивных и негативных аспектов этого феномена будет возрастать.

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЬБА СОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Олег Борисович Божков (рук. группы, с.н.с. СИ РАН)</i> Кризис современной социологии: нужна ли новая парадигма?	5
<i>Андрей Николаевич Алексеев (СПб, СИ РАН)</i> За открытую социологию	10
<i>Галина Иосифовна Саганенко (д. с., профессор, ведущий н. с. СИ РАН)</i> Гуманистическая перспектива социологии	16
<i>Татьяна Зхаровна Протасенко (с.н.с. СИ РАН)</i> Социология и власть. Новые реалии.	22

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Елена Юрьевна Виноградова (к. с., Самарский гос. Университет)</i> Познавательные возможности дискурс-анализа в социологическом исследовании	40
<i>Алексей Эдуардович Гегер (аспирант СИ РАН)</i> Использование метода «открытых вопросов» при измерении ценностных ориентаций	48

ПЕРСПЕКТИВЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ФОНДА

<i>Сергей Самуилович Рапопорт (Институт социальных исследований Литвы)</i> Биографическое самосознание интеллигента	60
<i>Леонид Александрович Куприянов (м.н.с. СИ РАН)</i> Становление и развитие биографических исследований в Польше	67
<i>Константин Сергеевич Дивисенко (м.н.с. СИ РАН)</i> Трансформация ценностей молодежи на рубеже веков (на материалах биографических текстов).....	76
<i>Наталья Владимировна Демина (ИС РАН, Москва)</i> Трансформация этоса российских социологов: контент-анализ некрологов и юбилейных статей в научных социологических журналах 1977–2007 гг.	89
<i>Нина Николаевна Цветаева (н.с. СИ РАН)</i> На границах истории и биографии: старые и новые ценности в процессе социальных изменений	101
<i>Геннадий Викторович Каньгин (зав. сектором СИ РАН)</i> Методы качественной социологии в задачах социального управления.....	109

АКТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕГОДНЯ

<i>Ирина Ильинична Елисеева (чл.-корр. РАН, директор СИ РАН)</i> Инвестиции в детей.....	115
<i>Наталья Евгеньевна Чистякова (к.э.н., в.н.с. ИРП РАН)</i> Миграция в Санкт-Петербурге: демографический аспект.....	120
<i>Ольга Николаевна Бурмыкина (к.с., с.н.с. СИ РАН)</i> Тенденции развития современной семьи и межпоколенческих взаимодействий.....	129

<i>Борис Иванович Максимов (к.ф.н., с.н.с. СИ РАН)</i> Социализация производства как критерий его развития	141
<i>Борис Сергеевич Гладарев (к.с., н.с. ЦНСИ)</i> Опасность милиции общественной безопасности: возможные социальные следствия институциональной деградации органов охраны правопорядка	151
<i>Светлана Николаевна Игнатова (н.с. СИ РАН)</i> Церковь и местная власть на селе: проблемы взаимодействия.....	175
<i>Мария Алексеевна Петрова (н.с. Петрозаводского гос. Университета)</i> Ностальгия как социальный феномен современного российского общества.....	184
<i>Галина Ваисьевна Еремичева (к.ф.н., в.н.с. СИ РАН)</i> Восприятие социо-культурного неравенства представителями разных поколений и их социальное самочувствие	192
<i>Владислав Аркадьевич Бачинин (д.с.)</i> Дескриптивно-дискурсивное пространство социальной виктимологии	201
<i>Игорь Иванович Травин (к.ф.н., зав. сектором СИ РАН)</i> Что дала эмансипация, или о чем не говорят феминистки.....	213
<i>Будимир Гвидонович Тукумцев (к.ф.н., в.с. СИ РАН)</i> Субкультуры нищеты и бедности на периферийных отечественных предприятиях: динамика и перспективы	218
<i>Владимир Борисович Звоновский</i> (к.с., президент фонда соц. исследований. Самара) Рейтинг исследовательских компаний	240
<i>Владимир Бенцианович Гольбрайх (м.н.с. СИ РАН)</i> Зеленые партии в России и в мире. Попытка сравнительного анализа	259
<i>Михаил Евгеньевич Илле (СНИЦ, главный редактор журнала «Телескоп», СПб)</i> Территория проживания и активность петербуржцев в посещении учреждений культуры	279
<i>Наталья Васильевна Дадали (библиотека им. В. Маяковского)</i> Читающий петербург	287
<i>Светлана Александровна Гегер (м.н.с. СИ РАН)</i> Экологическое сознание жителей мегаполиса и малого города (на примере г. Санкт- Петербурга и г. Кириши).....	293
<i>Алла Викторовна Родионова</i> (руководитель научно-образовательного центра СИ РАН) Позитивные и негативные аспекты трудовой занятости российских студентов	311

Редакторы

Олег Божков, Борис Божков

Обложка, оригинал-макет

Борис Божков

Подписано в печать 18.12.2008. Формат 60×88 1/16. Усл.-печ. л. 20,6.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 1026.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Бильбо»,
Санкт-Петербург